ВОЙНА

ЗА

УТВЕРЖДЕНІЕ ПРУССКОЙ ГЕГЕМОНІИ

ВЪ ЕВРОПѢ

И ОТНОШЕНІЕ КЪ НЕЙ

РОССІИ

В. Андреева

I. Историческіе очерки войны. II. Письма изъ Берлина. III. Россія и Пруссія. Приложенія: I. Очерки военнаго быта Пруссіи. II. Между плѣнными французами.

ПЕТЕРБУРГЪ
1871

2007059626

ВОЙНА

ЗА

УТВЕРЖДЕНІЕ ПРУССКОЙ ГЕГЕМОНІИ

ВОЙНА

ЗА

УТВЕРЖДЕНІЕ ПРУССКОЙ ГЕГЕМОНІИ

ВЪ ЕВРОПѢ

И ОТНОШЕНІЕ КЪ НЕЙ

РОССІИ

В. Андреева

I. Историческіе очерки войны. II. Письма изъ Берлина. III. Россія и Пруссія. Приложенія: I. Очерки военнаго быта Пруссіи. II. Между плѣнными французами.

ПЕТЕРБУРГЪ
1871

Типографія М. Хана, Графскій переулокъ д. № 5

За войною 1870—71 гг. слѣдили въ Россіи съ напряженнымъ вниманіемъ. Немудрено: эта война разорвала унизительныя для Россіи статьи парижскаго трактата 1856 г.

Въ 1870 — 71 гг. Россія безъ войны достигла важныхъ политическихъ результатовъ. Въ другомъ трудѣ [1]) будетъ развито подробно, въ какой мѣрѣ крымская война и политическое паденіе Россіи въ 1856 г. были результатомъ личной мести Наполеона III императору Николаю. Въ 1870 г. Россія пострадавшая изъ-за этой личной мести отмстила бонапартовской Франціи за Крымъ.

Для многихъ поднимается вопросъ: хорошо ли по отношенію къ своему будущему сдѣлала Россія оказавъ услугу Пруссіи?

Борьба Россіи и Германіи возможна, но какъ кажется лишь въ очень отдаленномъ будущемъ. Прежде, въ силу исторической необходимости, германскій и славянскій міръ должны еще подѣлить Австрію. Если затѣмъ столкнутся германство и славянство, то завѣщаніе Фридриха II своимъ потомкамъ опасаться Россіи и жить съ нею въ согласіи, смѣемъ думать, еще заставитъ вспомнить о себѣ.

Перенесеніе центра политическаго могущества въ Берлинъ явилось слѣдствіемъ и доказательствомъ усиленія политиче-

---

[1]) Въ приготовляемой авторомъ къ печати второй части сочиненія: „Представители власти въ Россіи“; глава. «Николай I и Наполеонъ III».

скаго значенія Россіи. Пока Россія была державою азіатскою — Пруссія не была европейскимъ центромъ, а лишь окраиною Европы. Усиленіе Пруссіи росло съ силою Россіи. Вспомнимъ что прусскій король строилъ Берлинъ также автократически и въ то же время какъ Петръ I — Петербургъ. Примкнула Россія къ Европѣ — Пруссія стала европейскимъ центромъ. Тотъ же историческій законъ видимъ въ усиленіи и процвѣтаніи Пруссіи съ того времени какъ она стала центромъ европейскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Передвиженіе политическаго центра изъ Парижа въ Берлинъ, явившееся слѣдствіемъ усиленія значенія Россіи и совершенное при помощи Россіи — въ политическомъ отношеніи болѣе полезно для нея чѣмъ вредно. Россія всегда можетъ оказать въ случаѣ нужды болѣе сильное давленіе на этотъ центръ теперь, чѣмъ прежде, когда онъ былъ дальше отъ нея.

Съ другой стороны внимательное изученіе войны разувѣряетъ въ непобѣдимости прусской Германіи и стушевываетъ колоритъ чудеснаго и колоссальнаго съ германскихъ побѣдъ. Ни всеобщая военная повинность въ Пруссіи, ни ея народная школа, ни разслабившій Францію бонапартовскій режимъ не объясняютъ страшнаго и внезапнаго паденія Франціи. Германцы были давно грамотнѣе другихъ народовъ, Наполеонъ III былъ ни сколько не хуже Людовика XIV, при которомъ французы полнили Европу громомъ своихъ побѣдъ. Нѣтъ, причина страшной для Франціи катастрофы кроется въ другомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, въ виду общаго историческаго закона, что политическимъ центромъ, всегда является то государство, которое въ данный моментъ находится въ центрѣ торговаго движенія — Пруссія должна была стать на мѣстѣ Франціи въ Европѣ, но этотъ переходъ не совершился бы такъ рѣзко

и быстро. На подобные перевороты идутъ вѣка, во всякомъ случаѣ десятки лѣтъ. Если послѣдній переворотъ произошелъ такъ быстро, на это должны быть особенныя, экстренныя причины.

По искреннему убѣжденію пишущаго эти строки, послѣдній разгромъ Франціи совершенно случаенъ. Побѣда могла остаться на сторонѣ нѣмцевъ, уже благодаря численному преобладанію ихъ армій, но колоссальность ихъ успѣхамъ придало другое обстоятельство.

Франція въ 1870 г. находилась въ исключительномъ положеніи. Страшная засуха вызвала въ ней неурожай и эпидимическую лихорадку. Вода въ Сенѣ упала, какъ не падала давно; на поверхности ея показался извѣстный пророческій камень, гласящій „горе поколѣніямъ видѣвшимъ меня, горе тѣмъ которыя увидятъ!". — камень — не видѣнный съ засухи 1755 г. Прорѣчь несчастіе, не трудно было: засуха отъ какой можетъ появиться надъ поверхностью воды этотъ камень — несчастіе постигающее всю страну. Какъ больной человѣкъ, можетъ быть запосчивъ и скоръ на ссору, но безъ труда побѣждается здоровымъ, такъ можетъ быть больна и можетъ пострадать за свой больной задоръ цѣлая нація.

Франція вышла больная лихорадкою, противъ здоровой Пруссіи. Нужны ли доказательства? Вспомнимъ что лазареты плѣнныхъ французовъ дѣлились у пруссаковъ послѣ первыхъ битвъ, на двѣ категоріи: для лихорадочныхъ и для раненыхъ. Вспомнимъ также замѣтку корреспондента „Times" Росселя о быстромъ почерненіи тѣлъ убитыхъ солдатъ при Седанѣ. Это быстрое почерненіе, столь сходное съ тѣмъ, какое замѣчали во время повальной лихорадки въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 г. наглядно и не для врача говоритъ, что больна была поголовно вся армія.

Но не всегда же будетъ больна Францiя, не всегда эпидемiи будутъ союзниками нѣмцевъ и будутъ придавать небывалый блескъ ихъ оружiю. Случайное и постороннее нельзя узаконить и сдѣлать правиломъ.

Исторiя еще во многомъ остается загадочнымъ сцѣпленiемъ фактовъ, но какъ справедливо замѣчаетъ Гезеръ въ своей европейски-знаменитой исторiи медицины—патологiя должна быть призвана на разъясненiе многаго темнаго въ исторiи народовъ. Больны бываютъ какъ люди, такъ и народы.

Много было писано о послѣдней войнѣ въ Германiи, Францiи и Англiи. Замѣтки англичанъ-очевидцевъ важны, но рисуютъ больше лишь частности, отдѣльныя картины войны. Нѣмецкiя сочиненiя сплошь проникнуты патрiотизмомъ, устраняющимъ историческое безпристрастiе. Французскiя проникнуты горечью отчаянья: сквозь слезы не всегда видѣнъ истинный цвѣтъ предмета.

Я полагалъ, что сочиненiе мое о войнѣ будетъ не лишне въ литературѣ. Не задаваясь компетентностью военнаго историка, я внимательно изучалъ процессъ возрастанiя прусскаго могущества въ Европѣ — на мѣстѣ, въ Австрiи и Пруссiи въ 1866 г., и въ Пруссiи въ 1871 — и съ этой стороны мои очерки будутъ не безполезны для читателя.

Большая часть ихъ была помѣщена своевременно въ четырехъ повременныхъ изданiяхъ, но затѣмъ исправлена и дополнена; другiе напечатаны прежде не были.

В. Андреевъ.

I. ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ВОЙНЫ.

I.

НАПОЛЕОНЪ III И БИСМАРКЪ.

Два человѣка сошлись на историческомъ поприщѣ во второй половинѣ XIX вѣка, какъ соперники. Одинъ—не высокаго роста, нѣсколько приземистый, давно постоянно больной и слабый здоровьемъ, много извѣдавшій въ жизни матеріальныхъ и душевныхъ наслажденій, тонкій, расчетливый политикъ и мечтатель, безъ особеннаго ума, но не безъ претензій на геніальность—явился послѣ разныхъ мытарствъ и приключеній на престолѣ одного изъ сильнѣйшихъ государствъ въ Европѣ. Другой — худощавый, высокаго роста, съ большимъ лбомъ—особенно благодаря лысинѣ—старинный аристократъ по душѣ и убѣжденіямъ сталъ во главѣ управленія другимъ могущественнымъ государствомъ Европы и оказался на столько ловкимъ, что самъ консерваторъ—сдѣлалъ себя великимъ человѣкомъ даже въ глазахъ либераловъ.

Эти два человѣка сошлись, скоро измѣрили другъ друга глазами и убѣдились, что они могутъ быть только друзьями или врагами. Съ тѣхъ поръ Европа становится ареною интригъ этихъ двухъ личностей другъ противъ друга.

Одинъ соперникъ прошелъ сквозь огонь и воду, и при

образованіи и природной сметкѣ вступивъ на престолъ, могъ играть чуть не первенствующую роль между своими вѣнценосными собратами. Можетъ быть ему пришлось бы, по его способностямъ, играть даже очень невидную роль въ жизни, если бы онъ былъ закинутъ въ толпу и долженъ былъ бы пробивать себѣ дорогу въ жизни. Очень вѣроятно, что онъ былъ бы плохимъ министромъ. Но если конкурсъ былъ бы можетъ быть не за него, если бы его поставить на ряду съ другими личностями, то ставъ властилемъ цѣлой страны безъ конкурса онъ скоро увидалъ себя на своемъ мѣстѣ. Изъ мильоновъ онъ бы не выдался. Среди десятковъ, онъ былъ очень замѣтенъ. Судьба благопріятствовала ему какъ племяннику Наполеона I, сыну голландскаго короля Людовика и королевы Гортензіи, а помощь лорда Пальмерстона и полмильона франковъ данные взаймы лордомъ Кларендономъ за будущій англо-французскій торговый трактатъ доставили ему престолъ Франціи.

Лорды Пальмерстонъ и Кларендонъ поступили въ высшей степени нерасчетливо. Можно сказать, что они пользовались копѣйками и теряли рубли. Пустить на престолъ Франціи человѣка съ неудержимымъ честолюбіемъ и давно уже строившаго планы, значило знать напередъ, что если англо-французскій торговый трактатъ принесетъ свою долю выгодъ Анліи, то съ другой стороны въ Европѣ начнется такое время военной горячки изъ-за властолюбія и личныхъ интересовъ новичка-императора, что финансамъ всѣхъ державъ придется плохо. Такъ и случилось: съ 1848 г. Европа не выходитъ изъ подъ ружья и всѣ успѣхи науки направлены на усовершенствованіе средствъ истребленія. Словомъ начался періодъ просвѣщеннаго варварства.

Сначала Франція подъ управленіемъ Наполеона III муд-

рила какъ хотѣла въ Европѣ. Но прошли по счастью для большинства государствъ Европы тѣ времена, когда лишь рожденіе и деньги выдвигали людей въ число государственныхъ совѣтниковъ. Стали давать права способности. Способные люди, во главѣ управленія другихъ европейскихъ государствъ, стали мало по малу угадывать что за личность Наполеонъ III и скоро увидали, что перехитрить его и заставлять его дѣйствовать по своему усмотрѣнію очень не трудно.

Маска спала. Наступило разоблаченіе. Величіе поблекло. А тутъ лѣта, болѣзни...

Главнымъ противникомъ Наполеона III является графъ Бисмаркъ-Шенгаузенъ. Глава юнкерской прусской партіи, со всѣми ея стародавними замашками, Бисмаркъ никогда не принадлежалъ и не принадлежитъ къ числу очень замѣчательныхъ личностей; но природа кажется все-таки дала ему въ умственномъ отношеніи нѣсколько шаговъ впередъ надъ Наполеономъ III, и притомъ Бисмарку какъ разъ пришлось въ то время явиться на аренѣ политической дѣятельности, когда Пруссія видимо брала перевѣсъ надъ прочими государствами Европы, благодаря своему положенію въ центрѣ европейскихъ желѣзныхъ дорогъ и слѣдовательно торговаго движенія.

Пруссія становилась во главѣ европейскихъ государствъ въ силу своего центральнаго положенія въ то время, когда торговля окончательно начала переходить съ моря на желѣзные пути. Франція, которой Наполеонъ III старался придать первенствующую роль, должна была уступить. Это былъ законъ исторіи. Наполеонъ III отвергъ голосъ исторіи. Личное самолюбіе его не могло допустить, чтобы при немъ Франція безъ борьбы уступила преобладаніе Пруссіи. Война была неизбѣжна.

Но пока война эта разразилась, мы должны прослѣдить,

какъ взаимная интрига Наполеона III и Бисмарка переходила свои фазы и шла шагъ за шагомъ. Мы должны признаться, что та небольшая доля ума, которою превосходилъ прусскій первый министръ императора французовъ, играла въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ очень важную роль въ судьбахъ Европы.

Какъ только Бисмаркъ разгадалъ Наполеона III, онъ началъ дѣйствовать сообразно. Пруссія начинаетъ поступать смѣлѣе. Бисмаркъ знаетъ, что Наполеонъ III честолюбивъ и Бисмаркъ же на столько политикъ, что не можетъ не знать, что принципы и правила иногда приносятся въ жертву честолюбію. Бисмаркъ поманилъ Наполнона III Рейномъ и затѣялъ опасную игру съ Австріей. Эта опасная игра въ 1866 г. оказалась однако шуткою. Пруссія вдругъ выказала свои силы, и заискиванье во Франціи съ ея стороны превратилось съ этого времени въ надмѣнное сознаніе своей мощи. Наполеонъ III поздно увидалъ, что попался въ просакъ. Первоначально рѣчь шла о томъ, что Франція поможетъ Пруссіи трехсоттысячною арміею противъ Австріи, если послѣдняя останется побѣдительницею, а Пруссія согласится взамѣнъ пожертвовать берегами Рейна. Но Австрія побѣждена была такъ легко, что о помощи со стороны Франціи и рѣчи не заходило. Рейнскій берегъ такъ и остался для Наполеона III въ однѣхъ мечтахъ. А есть мечты, разочарованіе въ которыхъ оскорбительно для самолюбія, язвитъ, кусаетъ внутреннее чувство. У Наполеона III много накопилось на сердцѣ противъ Бисмарка, когда на запросъ о Рейнѣ, послѣ счастливой кампаніи въ Чехіи, императору отвѣтили, что удивляются какъ такіе вопросы могутъ подниматься.

Начались приготовленія Франціи къ борьбѣ противъ Пруссіи. Европа отплачивалась за это вооруженнымъ миромъ. Фран-

ція искала предлога, но вмѣстѣ и выжидала времени, потому что не успѣла еще такъ вооружиться, чтобы смѣло выступить противъ прусскихъ игольчатыхъ ружей. Люксембургскій вопросъ окончился миролюбиво полууступкою Пруссіи, а главное потому, что Франція еще не была готова къ борьбѣ. Приготовленія шли однако быстро и скоро Наполенъ III увидалъ, что можно дѣйствовать.

Но тутъ Бисмаркъ опять перехитрилъ, и перехитрилъ вдвойнѣ.

Онъ искусно лавировалъ въ глазахъ Наполеона III и императоръ французовъ поддался соблазну привлечь Пруссію на свою сторону и распорядиться съ остальною Европою какъ ему хотѣлось. Французскому посланнику въ Берлинѣ, Бенедетти, дано было порученіе заключить съ Пруссію наступательный и оборонительный союзъ противъ остальной Европы. Пруссіи предлагалась вся южная Германія и объединеніе всѣхъ нѣмецкихъ земель, за исключеніемъ австрійскихъ. Взамѣнъ того Франція пріобрѣтала Люксембургъ и Бельгію. Нейтралитетъ Бельгіи гарантированъ Англіею, слѣдовательно завладѣвъ Бельгіею императоръ французовъ тѣмъ самымъ вызывалъ на войну англійское правительство. Это было предусмотрѣно въ проектѣ договора и Пруссія должна была помогать Франціи противъ всякой державы, которая рѣшилась бы защищать нейтралитетъ Бельгіи. Очевидно выгода была на сторонѣ французскаго правительства и Пруссію вовлекали въ опасную игру. Какъ дипломатъ, Бисмаркъ началъ эту игру, чтобы довести ее ровно до того момента, до какого ему было нужно. Рѣчь о трактатѣ между Франціею и Пруссіею облеклась въ болѣе существенную форму проекта договора. Этотъ договоръ писанный вчернѣ рукою самого Бенедетти и состоявшій изъ 5 пунктовъ спрятанъ былъ въ ми-

нистерствѣ иностранныхъ дѣлъ сѣверо-германскаго союза. Наполеонъ III попался въ ловушку. Поличное должно было пока оставаться въ тайнѣ. Бисмаркъ приготовлялъ его на случай. Заручась этимъ поличнымъ, чтобы дѣйствовать впослѣдствіи противъ своего противника, прусскій первый министръ не далъ хода проекту союза, начертанному по иниціативѣ французскаго правительства. По видимому онъ дѣйствовалъ однако во всемъ этомъ такъ любезно и осторожно, что французское правительство и послѣ заявляло ему разные планы союза для завладѣнія въ свою пользу французскою Швейцаріею, для дальнѣйшихъ пріобрѣтеній въ Италіи, гдѣ, какъ говорилъ принцъ Наполеонъ — будучи въ Берлинѣ — нельзя указать черты, гдѣ кончается французскій языкъ и начинается итальянскій и т. д.

Но Бисмаркъ хорошо зналъ гдѣ кончается черта предусмотрительности и осторожности въ отношеніи Франціи и не заходилъ далѣе ея. Разгадавъ властителя Франціи и убѣдясь, что не только можетъ помѣриться съ нимъ, но и взять надъ нимъ верхъ въ дѣлѣ политической интриги, Бисмаркъ съ этого времени сталъ держать въ рукахъ судьбы Франціи, думавшей единственно головою своего императора, и судьбы Европы. Въ то время когда Франція наивно предлагала ему союзъ, выгодный только для нея, прусскій государственный человѣкъ могъ внутренно подсмѣиваться надъ этою наивностью. Онъ готовилъ для себя даромъ то, что Франція отдавала ему лишь дорогою цѣною. Секретными трактатами съ государствами южной Германіи о военномъ союзѣ онъ положилъ начало единству Германіи. Франція сначала ничего не должна была знать объ этихъ трактатахъ и была очень удивлена когда о нихъ было заявлено публично.

Новое торжество для Бисмарка, который какъ будто по-

ставлялъ себѣ за удовольствіе наносить нравственный ударъ за ударомъ Франціи! Но чаша долготерпѣнія Наполеона III еще не исполнилась. Испанскія дѣла раскрыли политическія дарованія Бисмарка съ блестящей стороны въ ущербъ проницательности главы Франціи — и показали что послѣднему рѣшительно не въ мочь бороться съ своимъ противникомъ.

Раздосадованная тѣмъ, что Пруссія въ тихомолку успѣла распространить свое вліяніе на южную Германію безъ всякихъ жертвъ съ своей стороны, императорская Франція рѣшилась воздать наконецъ хитрой сосѣдкѣ по дѣламъ. Шла рѣчь о союзѣ Италіи съ Пруссіею, между прочимъ съ цѣлью присоединенія Рима къ остальнымъ владѣніямъ итальянскаго королевства. Французское правительство рѣшилось дѣйствовать противъ Италіи Испаніею, а самой между тѣмъ раздѣлаться съ Пруссіею. Уже война должна была по видимому вспыхнуть. Испанія готовилась послать десантъ въ Италію на помощь папѣ; Франція тотчасъ бы устремилась на болѣе сильнаго соперника. Все казалось хорошо было расчитано...

Въ это время произошелъ въ Испаніи государственный переворотъ.

По видимому это случайность: вещь очень обыкновенная— испанскій генералъ возстаетъ на свое правительство; съ нимъ стакнулся адмиралъ, имѣвшій въ распоряженіи нѣсколько военныхъ судовъ; знамя возстанія поднято, въ войскахъ возмущеніе, инсургенты торжествуютъ, королева низвержена и изгнана. Въ Испаніи подобныя событія не представляютъ ничего необыкновеннаго. Все въ порядкѣ вещей. Такъ понимаютъ въ Европѣ и успокоиваются. Но дѣло было не такъ просто.

Потстдамскій уроженецъ Примъ дослужился въ испанской арміи до генеральскаго чина и сдѣлался извѣстностью. Онъ

былъ недоволенъ правительствомъ королевы Изабеллы и жилъ за границею. Съ нимъ завелъ переговоры графъ Бисмаркъ и при помощи испанскаго резидента въ Берлинѣ, Рапзеса, дѣло пришло къ соглашенію. Примъ получилъ деньги и началъ дѣйствовать. Прусскіе талеры вызвали возмущеніе въ испанской арміи. Для чего нужно было это возмущеніе Бисмарку —мы видѣли. Еще немного времени и очень вѣроятно, состоялся бы испанско-французскій союзъ противъ Италіи и Пруссіи. Пруссія обошла во флангъ главнаго противника, а второстепенный противникъ, изъ врага сдѣлался ея союзникомъ. Сдѣлавъ Прима главою испанскаго правительства, Бисмаркъ лишилъ Наполеона III союзника въ Испаніи, отъ участія котораго въ дѣлѣ зависѣло многое. Императоръ французовъ увидалъ, что планы его рушились, а Бисмаркъ хладнокровно замѣтилъ на сѣверо-германскомъ союзномъ сеймѣ, что Европѣ грозила было война, но благодаря *счастливому случаю* — революціи въ Испаніи — опасность была отвращена.

Этотъ „счастливый случай“ солоно пришелся Франціи, когда было дознано, что прусскія деньги, прибывшія въ Кадиксъ, произвели и поддержали возстаніе въ Испаніи. Наполеонъ III конечно еще болѣе имѣлъ причинъ посчитатся съ Пруссіею.

Но Бисмаркъ не удовольствовался Испаніею, онъ добрался до самаго Парижа. Есть свѣденія, что прусскія деньги старались произвести смуты въ самомъ Парижѣ, въ то время когда Франція и въ особенности Парижъ волновались противъ своего императора и династія наполеонидовъ подвергалась серьезной опасности быть свергнутою.

Больной старикъ, потерпѣвшій фіаско въ Мексикѣ и въ австро-прусскую войну, видѣвшій въ послѣднее время однѣ

неудачи—императоръ французовъ, едва только плебесцитъ далъ ему вздохнуть легче, увидалъ себя въ необходимости осѣчь эту назойливую Пруссію, которая видимо старалась играть первую роль въ Европѣ. Но надобно было ждать случая и предлога. Ружья Шаспо были на готовѣ, митральезы были подъ рукою. Но нельзя же было начать дѣйствовать, не заручась предлогомъ.

Предлогъ скоро представился, потому что Пруссія была также готова къ войнѣ. И тутъ опять иниціатива была за счастливымъ соперникомъ Наполеона III. Бисмаркъ давно могъ дать ходъ кандидатурѣ принца Леопольда Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ, если бы того хотѣлъ, потому что Примъ все время руководился взглядами изъ Берлина. Но прежде надобно было выжидать. Пруссія кинула перчатку, когда ей показалось это болѣе удобнымъ. Заявлена была кандидатура на испанскій престолъ принца прусскаго королевскаго дома. Этого принца даже вовсе не знали въ Испаніи, слѣдовательно не могло быть рѣчи о популярности его тамъ. Истые испанцы въ первый разъ услышавъ его имя даже съ трудомъ могли произносить его. Но это все ничего. Такъ хотѣлъ Примъ, такъ нужно было Бисмарку. Однимъ за другимъ играла Испанія кандидатами на ея престолъ, всѣхъ льстя надеждою, ничьихъ надеждъ не исполняя, разочаровывая самыя положительныя ожиданія, ставя въ тупикъ торопливую европейскую дипломацію. Выигрывали время, потому что надобно было ждать и медлить. Пруссія руководила браздами правленія въ Испаніи чрезъ своего приверженца, и претенденты на престолъ мѣнялись какъ въ калейдоскопѣ, пока Пруссія готовилась къ войнѣ съ Франціей. Наконецъ минута настала, вызовъ сдѣланъ: объявлена была кандидатура принца Гогенцоллернскаго.

Францiя встревожилась и взволновалась. Тамъ уже знали, что Бисмаркъ ничего даромъ не дѣлаетъ. Одинъ Гогенцоллернъ былъ посаженъ на престолъ Румынiи именно въ то время, когда Пруссiи нуженъ былъ союзникъ въ тылу Австрiи. Теперь устроивали такъ, что союзникъ Пруссiи являлся въ тылу Францiи. Какiя же тутъ еще объясненiя нужны были? Симптомъ былъ очевидный. Ясно, что Пруссiя готовилась къ чему-то рѣшительному и самый планъ кампанiи говорилъ противъ кого готовилась она.

Императорская Францiя пришла въ паѳосъ негодованiя, когда прусскiй орелъ обнаружилъ явное желанiе подняться надъ Пиренеями. Какая дерзость! Преемникъ величiя Людовика XIV долженъ терпѣть состязанiе съ Пруссiею, съ германскою державою, за влiянiе на дѣла романской Испанiи! Наполеону III надобно выслушать, что „есть Пиренеи“ и, „есть“ всего болѣе для Францiи и отъ кого же? Отъ двухъ нѣмцевъ съ р. Шпре... Это ужасно! И безъ того Францiя негодовала на своего властителя за безхарактерность, выказанную имъ въ послѣднее время. Обаянiе славы исчезало въ ропотѣ подданныхъ. Эмиль Олливье, вступивъ въ управленiе и перечитавъ государственные документы, пришелъ къ убѣжденiю, что Францiя унижена въ глазахъ Европы, что императоръ французовъ являлся въ какомъ-то коленопреклоненномъ видѣ, что ореолъ славы наполеонидовъ поблекъ. Дать ли тутъ еще взять верхъ надъ собою Пруссiи и Бисмарку?

Еще одно важное обстоятельство. Во Францiи броженiе умовъ еще не утихло; это броженiе умовъ направляется противъ Наполеона III и его династiи. Какой случай дать этому броженiю патрiотическое направленiе, измѣнить революцiю въ войну! Ловкiй маневръ и къ которому очень-очень

часто прибѣгали въ исторіи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ властолюбіе соединялось съ полнымъ равнодушіемъ къ судьбѣ миліоновъ людей.

Еще одно и болѣе важное обстоятельство. Властолюбцы, стремящіеся къ славѣ для утвержденія своего авторитета, обыкновенно бываютъ эгоисты и трусы. Самый обыкновенный дипломатическій тактъ заставляетъ насъ сказать, что мы не примѣняемъ этихъ словъ къ недавнему властителю Франціи. Но мы должны сказать, что Наполеонъ III, господствуя безраздѣльно во Франціи, являлся обыкновенно вмѣстѣ очень предусмотрительнымъ государемъ и человѣкомъ себѣ на умѣ. Плохъ тотъ мудрецъ вѣка и практикъ въ жизни, который не копитъ копѣйки на черный день. Наконецъ и то вѣрно, что „на Бога надѣйся, а самъ не плошай.“ У насъ нѣтъ вѣрныхъ данныхъ, чтобы сказать въ какой степени императоръ французовъ надѣялся на Бога, тѣмъ болѣе, что у клерикаловъ онъ, за то что не вѣнчался на царство, покровительствовалъ Ренану и чуждался религіозной нетерпимости, давно записанъ въ число вольнодумцевъ и атеистовъ. Но онъ самъ „не плошалъ“; на это есть вѣрныя доказательства. Тотъ патріархальный процесъ, который обрисовывается въ словахъ „то домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку“ очень дался императору французовъ и по видимому имѣлъ для этого почтеннаго отца семейства особенное обаяніе. Слава — дымъ, но наполеондоры совсѣмъ другое дѣло. Если же наполеондоры употребить на покупку недвижимости, то это еще лучше. Наполеонъ III пріобрѣлъ множество земель и какъ добрый отецъ и мужъ накупилъ ихъ не во Франціи, а на родинѣ своей супруги—въ Испаніи. Столько земель накупилъ императоръ французовъ по ту сторону Пиренеевъ, что если бы—чего Боже упаси—пришлось собрать пожитки по

эту сторону ихъ и удалиться изъ неблагодарной Франціи, то мать съ сыномъ — императрица Евгенія съ императорскимъ принцемъ — не остались бы безъ куска хлѣба. И вдругъ въ то время, когда Наполеонъ III пріобрѣлъ въ недвижимую собственность часть Испаніи, является кандидатура принца Гогенцоллернскаго. Но вѣдь это, читатель, значитъ бить по карману и объ этомъ надобно было подумать въ Берлинѣ. Прусскій принцъ на испанскомъ престолѣ — но вѣдь это война съ Франціей, конфискація всѣхъ имуществъ французской императорской фамиліи въ Испаніи и т. д. Есть основаніе однако полагать, что въ Берлинѣ знали все это и тѣмъ больнѣе долженъ былъ прійтись ударъ, подготовленный давно.

Воинственные клики, громовыя рѣчи министровъ во французскомъ законодательномъ корпусѣ, вооруженія, ноты съ угрозами, угрозы безъ нотъ, взаимныя пререканія — все это были естественныя слѣдствія столкновенія.

Пруссія все однако и тутъ еще не отказалась хитрить и брать дипломатическій верхъ надъ своею соперницею. Кандидатура Гогенцоллерна всему причиной? Европа сердится на Пруссію за возбужденіе войны? Ахъ, какъ же можно! Бисмаркъ не зналъ, что это такъ примутъ. Помилуйте, стоитъ объ этомъ толковать и безпокоиться. Если васъ только это смущаетъ, то дѣло легко поправить. Принцъ Гогенцоллернскій отказывается отъ престола. Ну? Теперь общественное мнѣніе удовлетворено? Развѣ еще можно сказать, что Пруссія затѣваетъ войну? Если война начнется, то теперь вся отвѣтственность за нее падаетъ на Францію.

Въ Пруссіи очень хорошо знали, что отказъ Гогенцоллерна отъ кандидатуры не измѣнитъ положенія дѣлъ, что разъяренная Франція устремится въ войну. Такъ и случилось. Испанія — эта любительница боя быковъ — разыграла пѣч-

то сходное на политической аренѣ. Кандидатура Гогенцоллерна явилась, какъ красное знамя въ рукахъ пикадора. Пруссія раздразнила запиренейскаго быка —Францію и Испанію съ наслажденіемъ сѣла любоваться на грандіозное зрѣлище, пригласивъ къ тому же и прочія государства Европы.

Скажите безпристрастный судья дѣла, кто былъ виноватъ: быкъ или пикадоръ въ этой борьбѣ, готовившейся на европейскомъ амфитеатрѣ? Быкъ? да? Смотрите какъ онъ устремился на маленькаго и худенькаго пикадора, какъ послѣдній старается ускользнуть отъ него! Бѣдный пикадоръ! Какъ блещутъ глаза императорскаго быка и какая пѣна бьетъ изо рта его! Нѣтъ, конечно быкъ виноватъ во всемъ!

По крайней мѣрѣ такъ увѣрены въ Берлинѣ и такъ хотятъ оттуда увѣрить всю Европу.

Франція объявила войну Пруссіи. Пруссія приняла вызовъ съ кротостью равнодушнаго бретера, расчитавшаго напередъ на какомъ словѣ противникъ вызоветъ его на дуэль и съ улыбкою безстрастія принимающаго вызовъ.

А зрители этого политическаго боя быковъ на европейской аренѣ — что они? Мы видѣли съ какимъ удовольствіемъ Испанія, устроивъ арену для этого зрѣлища, расположилась затѣмъ на скамьѣ для зрителей и стала смотрѣть что будетъ. Маленкая Бельгія переполошилась. Мы видѣли что готовилъ ей Наполеонъ III въ тайныхъ переговорахъ съ Пруссіей. Бельгія стала собирать войско, потребовала соблюденія своего нейтралитета и по обдуманной ошибкѣ сожгла какой-то и гдѣ то очень важный въ стратегическомъ отношеніи желѣзно-дорожный мостъ. Англія объявила, что будетъ молчать, пока не тронутъ Бельгіи. Австрія очень ясно дала понять, что не тронься Россія, не тронится и она. Турція повела рѣчь о вооруженіяхъ, но тоже ради нейтралитета.

Даже Данія, которую соблазняли случаемъ потѣшиться надъ Пруссіей въ союзѣ съ Франціей за Шлезвигъ, и та объявила, что будетъ придерживаться нейтралитета. За нейтралитетъ же объявила себя Италія. Словомъ отовсюду шли заявленія о нейтралитетѣ, хотя всюду стали усиленно вооружаться.

Но что же Россія, роль которой въ этой европейской распрѣ конечно гораздо интереснѣе для насъ, чѣмъ вся распря на Рейнѣ? Путешествіе государя императора въ Эмсъ какъ бы прямо предшествовало объявленію гогенцоллернской кандидатуры. Какой предлогъ приписать смѣлость Бисмарка союзу заключенному Пруссіи съ Россіей! Дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ какъ король Вильгелмъ успѣлъ выпроводить отъ себя чрезъ адъютанта назойливаго французскаго посланника и Франція объявила войну Пруссіи—въ Берлинѣ распространили слухи, что Россія всѣми силами поможетъ Пруссіи въ борьбѣ съ Франціей. Официальное заявленіе нашего правительства, что оно намѣрено наблюдать строжайшій нейтралитетъ, пока не будутъ затронуты интересы Россіи, не разсѣяло слуховъ о воинственныхъ намѣреніяхъ Россіи. Общее мнѣніе рѣшило, что роль Россіи будетъ состоять въ наблюденіи за Австріею и—только послѣдняя шелохнется въ воинственномъ смыслѣ--Россія увидитъ свои интересы затронутыми.

II.

НАЧАЛО ПРУССКОЙ ГЕГЕМОНІИ ВЪ ЕВРОПѢ.

Желѣзныя дороги произвели переворотъ въ политическомъ мірѣ. Торговля постепенно все болѣе и болѣе стала переходить съ моря на сушу; желѣзо рельсовъ стало замѣнять воду океана для торговой предпріимчивости. При безопас-

ности и скорости желѣзно-дорожнаго сообщенія суша должна была все болѣе и болѣе отнимать товарные грузы у моря, всегда представлявшаго опасности, а въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, благодаря вѣтрамъ и льдамъ, часть года совсѣмъ закрытаго для торговли. Океаническое движеніе товарныхъ грузовъ могло еще продолжаться въ прежнемъ видѣ, но береговая торговля должна была совершенно уступить мѣсто сухопутной. Тѣмъ болѣе это должно было случиться въ Европѣ. Простой взглядъ на карту покажетъ, что кратчайшіе пути, представляемые желѣзными дорогами, должны были взять верхъ надъ окольнимъ путемъ вдоль изрѣзаннаго морскаго берега.

Значеніе желѣзныхъ дорогъ въ политической исторіи народовъ еще не вполнѣ уяснено, но оно должно будетъ уясниться. Это значеніе громадно. Если Испанія, Голландія, Англія постепенно являлись главными державами въ ходѣ политической исторіи, то это потому что они являлись одна за другой главными мировыми торговыми центрами. Желѣзныя дороги произвели переворотъ въ торговомъ движеніи, замѣнили одни пути другими: очевидно должны были создаться и новые центры. Не трудно угадать какая держава въ Европѣ должна была всего болѣе выиграть отъ повсемѣстнаго проведенія желѣзныхъ дорогъ — это Пруссія. Занимая центральное мѣсто въ Европѣ, она заняла теперь и центральное торговое положеніе. Всѣ государства Европы, обмѣнивающіяся товарами другъ съ другомъ, должны были платить транзитную пошлину Пруссіи. Обмѣнивалась ли Испанія съ Россіею, Италія съ Швеціею, Турція съ Голландіею — провозъ товаровъ болѣе или менѣе обогощалъ Пруссію. Счастливое географическое положеніе дѣлалось источникомъ богатства. Австрія явилась бы соперницей Пруссіи, если бы она не

была перерѣзана во всѣхъ направленіяхъ горными кряжами, представлявшими затрудненіе для проведенія желѣзныхъ дорогъ. Прусская равнина сдѣлалась такимъ образомъ главнымъ русломъ, по которому потекла торговля запада Европы съ востокомъ и юга съ сѣверомъ.

Финансовое благосостояніе государства есть всегда результатъ благосостоянія отдѣльныхъ его гражданъ. Чѣмъ больше торговля обогощала населеніе Пруссіи, протянувшейся въ самомъ центрѣ Европы отъ Немана до Рейна, тѣмъ болѣе улучшались финансовыя средства прусскаго правительства. Время существованія желѣзныхъ дорогъ считается лишь немногими десятками лѣтъ, и потому такое положеніе Пруссіи не могло еще въ полнѣ обрисоваться и выясниться, но ходъ исторіи идетъ въ этомъ направленіи, и переворотъ въ политическомъ мірѣ, неизбѣжный при появленіи новаго центра, начинаетъ уже давать себя чувствовать. Политическимъ центромъ Европы, ея центромъ тяжести, становится Пруссія.

Вотъ собственно гдѣ разгадка политическаго возвышенія Пруссіи въ послѣднее время. Стремленіе къ германскому единству существовало и прежде. Сильныя арміи для Пруссіи не новость. Уровень образованности въ Пруссіи не могъ не быть высокъ уже съ того времени, какъ законъ 1704 г., объ обязательномъ обученіи всѣхъ, вошелъ въ плоть и кровь сѣверо-германской народной жизни. Не этимъ стала возвышаться Пруссія въ послѣдніе годы на степень первенствующей европейской державы. Ее подняли ея талеры, такъ какъ въ концѣ концовъ политическое могущество государствъ есть степень полноты ихъ наличныхъ кассъ — есть результатъ денегъ, этого указателя мировой роли, которую играетъ государство.

Мировое значеніе Англіи не потрясено. Россія по прежне-

му останется главною державою въ старомъ свѣтѣ, взятомъ какъ цѣлое. Соединенные Штаты составляютъ политическій центръ новаго свѣта. Англія, Россія и Соединенные Штаты не потрясены и не могли быть потрясены возвышеніемъ Пруссіи. Но какъ скоро Пруссія явилась главною державою въ Европѣ, взятой отдѣльно—переходъ европейскаго политическаго центра неминуемо долженъ былъ отозваться потрясеніемъ двухъ державъ, которыя въ недавнюю историческую эпоху являлись европейскими историческими центрами—Австріи и Франціи.

Пруссія покончила съ Австріею въ 1866 г. и покончила очень скоро. Силы, накопленныя, правда, въ довольно короткій срокъ времени, но значительныя, раздавили собою традиціонныя, историческія силы. До 1866 г. Австрія въ общественномъ мнѣніи была болѣе могущественнымъ государствомъ чѣмъ Пруссія. 1866 годъ низринулъ ее, и паденіе было такъ быстро и такъ полно, что на Пруссію взглянули съ изумленіемъ. Сила Пруссіи являлась какою-то загадкою. Объяснить ее принятыми, общественными историческими формулами было невозможно. Истинный источникъ ея былъ такъ новъ, что до него трудно было доискаться. Пруссія оставалась какою-то проблемою. Все было въ ожиданіи. Очевидно начиналась новая политическая эпоха. Но каковъ будетъ ходъ ея, для многихъ оставалось неизвѣстнымъ.

III.

МЫТАРЬ И ФАРИСЕЙ.

Пруссія была готова къ войнѣ; во Франціи думали, что готовы. Франція старалась склонить Австрію поднять оружіе.

Та, по словамъ газеты Liberté, просила денегъ—иначе ей не съ чѣмъ было выступить въ бой съ Пруссіей и, по всей вѣроятности, съ Россіей. Французское правительство хотѣло ссудить деньгами союзницу, но замедлило. Австрія приступила съ настоятельными требованіями субсидіи. „Такъ обойдемся же и безъ нея—сказалъ по увѣренію той же Liberté—Эмиль Олливье.“ Австрія не подняла оружія. Франція расчитала, что одна справится съ Пруссіею. Французскій народъ и Наполеонъ III твердо вѣрили, что Франція стоитъ во всеоружіи и болѣе чѣмъ въ силахъ помѣряться съ рейнской сосѣдкой.

Маршалъ Лебефъ стоялъ во главѣ военнаго министерства въ кабинетѣ Олливье. Самъ Олливье былъ не болѣе какъ либеральная облатка на императорскомъ конвертѣ. Эта облатка не проникала въ тайны конверта и хотя конвертъ былъ запечатанъ и на время хранилъ молчаніе, тѣмъ не менѣе ясно было, что имперіализмъ лишь до времени наложилъ на себя печать молчанія и бездѣйствія, что либеральная облатка можетъ слетѣть въ одинъ прекрасный день съ императорскаго конверта вмѣстѣ съ конституціей и тогда цезаризмъ появится опять во всемъ своемъ блескѣ. Такъ и смотрѣли на Олливье и отсюда то презрѣніе во всѣхъ кружкахъ французскаго общества къ его кабинету. Но тѣмъ не менѣе думали, что и въ такомъ кабинетѣ военный министръ долженъ быть человѣкъ знающій и компетентный. Такимъ дѣйствительно казался Лебефъ, хорошій артиллеристъ и стратегикъ, еще въ 1868 г., въ эпоху люксембургской распри, предлагавшій оригинальный планъ борьбы съ непріятелемъ, планъ обратившій на себя вниманіе многихъ.

Обращаются къ Лефебу съ вопросами: готова ли Франція

къ войнѣ? Военный министръ утверждаетъ, что вполнѣ готова.

Кератри спрашиваетъ въ законодательномъ корпусѣ — министръ отвѣчаетъ ему, что въ арміи все готово до послѣдней пуговицы. На вопросъ герцога Граммона относительно того же пункта, Лебефъ отвѣчалъ, что Франція архи-готова. Наступаетъ рѣшительная минута. Пруссія отказывается отъ кандидатуры Гогенцоллерна. Наполеонъ III въ затрудненіи и совѣщается съ своими министрами. Мнѣнія раздѣлены. Часть совѣтниковъ императора говоритъ, что если удовлетвореніе дано, то не слѣдуетъ начинать войны. Наполеонъ III въ задумчивости выходитъ изъ комнаты. Онъ еще не знаетъ на что рѣшиться. Лебефъ стоитъ и въ досадѣ ломаетъ о столъ костяной ножъ.

— Что вы, другъ мой? Успокойтесь — говоритъ ему мягкій сердцемъ министръ Морисъ Ришаръ.

— Помилуйте—отвѣчалъ главный министръ, если бы не моя преданность императору, я тотчасъ же бы подалъ въ отставку. Франція никогда не будетъ больше готова къ войнѣ чѣмъ теперь!

Какъ видимъ военный министръ кабинета Олливье былъ убѣжденъ и убѣждалъ другихъ, что Франція была готова къ войнѣ. Правъ онъ былъ или нѣтъ? Когда несчастія разразились надъ французской арміей—французы стали все сваливать на неприготовленность и малочисленность своихъ войскъ. Вѣрно такъ уже вполнѣ естественно, чтобы при неудачѣ мы постоянно сваливали вину не на то, такъ на другое. Въ сущности маршалъ Лебефъ былъ правъ и не правъ. Онъ былъ неправъ, если на готовность арміи къ войнѣ смотрѣть съ точки зрѣнія прусскихъ акуратныхъ въ дѣлѣ исполнительности генераловъ, но правъ съ точки зрѣ-

нія французовъ. Дѣло въ томъ, что оставленіе нужнѣйшихъ распоряженій до послѣдней минуты — было постояннымъ явленіемъ во французской арміи во всѣ времена. Генералъ Трошю еще въ 1867 году замѣтилъ въ своей книгѣ о французской арміи, что французскія войска постоянно приводятся въ порядокъ только почти на носу у непріятеля. Когда надобно идти въ сраженіе, французъ только разбирается своимъ походнымъ скарбомъ, французскіе корпуса только формируются. Вмѣсто миліона ружей Шаспо, которыми по заявленію военнаго министерства уже владѣла Франція, при началѣ войны оказалось только всего 400,000. Корпусъ Макъ-Магона былъ выставленъ въ авангардѣ, а между тѣмъ большая часть его полковъ, только что прибывшая изъ Африки, еще не успѣла сформироваться и, вмѣсто 150 человѣкъ, въ ротахъ его число солдатъ доходило въ иныхъ случаяхъ лишь до 80. Но съ другой стороны это было въ порядкѣ вещей во Франціи, и генералъ Трошю сознается, что не смотря на эту сумятицу и переполохъ въ послѣднюю минуту, французы все какъ-то бились молодцами и дѣлали свое дѣло. Очень можетъ быть, что Лебефъ былъ и правъ сказавъ, что Франція не можетъ быть болѣе готова къ войнѣ чѣмъ была.

Прибавимъ къ этому, что министръ недавно вступившій въ управленіе могъ и не знать, что изъ имѣвшагося на бумагѣ — многаго не имѣлось на лицо. Казнокрадство пустило глубокіе корни въ административныхъ сферахъ второй имперіи. Креатуры, пущенныя впередъ на высшія должности въ странѣ единственно ради привязанности ихъ къ имперіи и династіи, стремились наживаться пока оборотъ обстоятельствъ не кинетъ ихъ вновь въ безвѣстность, изъ которой они вышли. Въ своей преданности одному человѣку

они не имѣли понятія о долгѣ въ отношеніи къ странѣ. Такова была система, таковы были люди. Мелкіе чиновники брали примѣръ съ крупныхъ сановниковъ. Деньги народа шли въ немногіе проданные цезаризму 2 декабря карманы. Цезаризмъ Наполеона III не былъ такимъ обаяніемъ самъ по себѣ, чтобы ему можно было служить безкорыстно и слуги ему набирались высокою цѣною—льготою безконтрольности и шансами быстро нажиться.

Итакъ не маршалъ Лебефъ былъ виновать, если Франція была не готова къ войнѣ, а вся правительственная система этой страны подъ императорскимъ управленіемъ; маршалъ вмѣстѣ съ кабинетомъ Олливье былъ искупительною жертвою, но погубили армію Франціи бездарность и продажность. Очень вѣроятно, что въ случаѣ успѣха французскаго оружія никто во Франціи и не подумалъ бы, что она была неприготовлена къ войнѣ. Но вмѣсто успѣха обрушилось пораженіе и вмѣсто обвиненій на систему посыпались упреки на людей, и сама система обратилась съ этими упреками, само наполеоновское правительство поддержало эту нападку на орудій своей политики. Династія наполеонидовъ какъ видимъ уже въ началѣ войны обнаружила такимъ образомъ попытку на самоубійство.

При второй имперіи Франція не могла быть готова къ войнѣ болѣе чѣмъ была въ началѣ іюля 1870 г.

Но она готова къ войнѣ не была.

Не была потому, что въ ней была вторая имперія.

Потому что вторая имперія de facto отмѣнила конскрипцію, давъ право посредствомъ найма состоятельнымъ лицамъ

сложить все бремя военной службы на одни недостаточные классы, чѣмъ прямо нарушила законъ о равномъ долгѣ всѣхъ французовъ идти подъ знамена.

Потому что, не опираясь на массу людей даровитыхъ: республиканцевъ, орлеанистовъ и т. д. вторая имперія для пополненія рядовъ совѣтниковъ и слугъ вокругъ престола вывела впередъ массу бездарностей.

Потому что вторая имперія ради самохраненія отдѣлила армію отъ народа, сдѣлавъ изъ нея особую касту, тогда какъ эта армія должна была противостать чисто-народной прусской арміи.

Правительственная система была главная причина неготовности Франціи, или вѣрнѣе ея слабости въ сравненіи съ такою соперницей какъ Пруссія. Всюду была проведена система служенія лицу, а не странѣ. Честные и порядочные люди убѣгали отъ этого поголовнаго вербованія въ пользу династическаго эгоизма. Не уклонялись только люди безъ правилъ и самолюбія, или скромные простаки, не видѣвшіе что вокругъ нихъ творится. Умные люди были рѣдки въ этой толпѣ династическихъ приверженцевъ, потому что умъ можетъ прожить на свѣтѣ и безъ помочей протекціи, какъ и безъ двусмысленныхъ уловокъ.

Но всего болѣе Франція была не готова потому, что при необразованности людей въ ея арміи она вовсе не имѣла понятія о врагѣ, съ которымъ думала состязаться, не знала Пруссіи и истиннаго развитія ея силъ.

Теперь взглянемъ на сколько была готова къ войнѣ Пруссія.

Во первыхъ каждый прусскій солдатъ едва ли не образованнѣе французскаго офицера, потому что въ Пруссіи всѣ проходятъ курсъ образованія, а во Франціи, гдѣ всеобщаго обученія далеко еще нѣтъ, при демократическомъ началѣ слу-

жебнаго производства, офицеры выходятъ по большей части изъ рядовъ тѣхъ же необразованныхъ и часто неграмотныхъ солдатъ.

Превосходство въ образованіи и развитіи прусской арміи надъ французскою было важнымъ военнымъ превосходствомъ. Наука такъ усовершенствовала и вмѣстѣ усложнила орудія нападенія и обороны, что самое обращеніе съ ними требуетъ нѣкоторой доли интелектуальнаго развитія. Игольчатыя ружья при необходимой осторожности въ обращеніи съ ними были сильное орудіе истребленія въ рукахъ пруссаковъ. Ружья Шассно, хотя опаляли лице солдату и дѣлали сильный отбой тѣмъ не менѣе уже тѣмъ превосходили игольчатыя, что били на 1000 шаговъ, когда прусскія игольчатыя дѣйствовали удачно лишь въ 300—400 шагахъ. Но ружье Шассно требуетъ также бережнаго обращенія съ нимъ и знакомства съ его механизмомъ, а торопливый и не всегда терпѣливый, чтобы изучить механизмъ оружія, съ которымъ обращается, французъ стрѣляетъ изъ своего ружья какъ попало и даромъ тратитъ свои патроны.

Превосходя въ интелектуальномъ отношеніи французскую армію, прусская хорошо изучила противника, который совсѣмъ не зналъ ея. Въ то время когда французы вовсе не интересовались прусскими вооруженіями, пруссаки внимательно изучали военный бытъ Франціи. Предъ походомъ прусскимъ солдатамъ были розданы рисунки, представлявшіе французовъ въ формѣ ихъ различныхъ полковъ, чтобы въ сраженіи пруссаки могли отличать съ какою частью войскъ имѣютъ дѣло. На случай вступленія во Францію солдатамъ были розданы краткіе діалоги съ самонужнѣйшими фразами на французскомъ языкѣ, напечатанными нѣмецкими буквами. Солдаты должны были идти въ непріятельскую землю хорошо извѣ-

стную ихъ начальникамъ. Въ прусскомъ генеральномъ штабѣ всегда были самыя подробныя и точныя карты Франціи и въ теченіе двадцати лѣтъ топографія этого государства изучалась едва ли не лучше въ Берлинѣ, чѣмъ въ военныхъ сферахъ Парижа. По крайней мѣрѣ лучшій изъ французскихъ генераловъ, Макъ-Магонъ, вызванный изъ Алжира прямо на Рейнъ, едва ли также хорошо зналъ мѣстность Эльзаса и Лотарингіи какъ кабильскіе оазисы и степи, между тѣмъ какъ генералы враждебной арміи были знакомы со всѣми мельчайшими особенностями этихъ провинцій. Топографическія карты Франціи были въ рукахъ многихъ офицеровъ германской арміи, въ то время какъ даже между генералами Франціи едва ли было нѣсколько человѣкъ, изучавшихъ подробно съ стратегической точки зрѣнія топографію Германіи.

Германская армія — по составу вполнѣ народная армія. Въ ряды ея идутъ контингенты изъ всѣхъ классовъ населенія. Поэтому такая армія — своего рода особенное военное государство въ небольшомъ размѣрѣ. Лишь только созвана армія, въ ней устраиваются телеграфная команда, почтовое вѣдомство, своя отдѣльная полиція, желѣзнодорожное вѣдомство, медицинское управленіе съ сестрами милосердія, готовою госпитальною прислугою и т. д. Даже могильщики составляютъ особое вѣдомство, слѣдующее за арміею. Все тутъ расписано и распредѣлено заранѣе; всякій знаетъ свою часть и свою роль. Никакого замѣшательства. Самый созывъ арміи и ландвера совершается по телеграфу и все организуется быстро, безъ помѣхи.

Германская организація арміи невозможна была бы безъ нѣкотораго интелектуальнаго развитія солдата. Какъ онъ будетъ телеграфировать и устроивать на скоро желѣзную дорогу, если не имѣетъ нѣкоторой технической подготовки?..

Такъ точно и всѣ прочія части военнаго дѣла въ прусской арміи требуютъ грамотности и нѣкоторой доли образованія отъ солдата. Если у французовъ были картечницы, посылавшія въ непріятеля одинъ за другимъ двадцать пять зарядовъ почти безъ перерыва, то у пруссаковъ были походный телеграфъ и на скоро устроивавшіяся военныя желѣзныя дороги, позволявшія быстро сосредоточивать массы силъ и бросать ихъ на непріятеля. Опытъ показалъ, что перевѣсъ въ этомъ случаѣ былъ на сторонѣ пруссаковъ. Какъ ни били пруссаковъ маленькія ($^1/_{10}$ фунта вѣсомъ), усаженныя колючками, пули картечницъ, какъ ни въѣдались онѣ этими остріями въ тѣло (а пруссаки увѣряли послѣ даже, что въ этихъ пуляхъ былъ находимъ какой-то бѣлый разрывной составъ), тучи ихъ не останавливали массы германскихъ силъ, всюду являвшихся гдѣ въ данную минуту онѣ были нужны и побѣда оставалась на сторонѣ ихъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что неумѣніе французовъ обращаться съ телеграфомъ привело къ двумъ важнымъ ошибкамъ французскихъ генераловъ во время кампаніи.

Словомъ прусскую армію дѣйствительно готовили къ борьбѣ съ Франціею, между тѣмъ какъ императорская Франція въ упоеніи своимъ традиціоннымъ величіемъ готовилась больше на бумагѣ и по громкимъ заявленіямъ. Съ одной стороны была фанфаронада, съ другой дѣлали дѣло. Одинъ лагерь напередъ ликовалъ и пѣлъ побѣдныя пѣсни; другой готовился, соображалъ, напрягалъ усилія. Одинъ противникъ обдумывалъ что онъ будетъ дѣлать въ занятомъ имъ Берлинѣ; другой сосредоточивалъ все вниманіе на томъ какъ сдѣлаетъ первый шагъ въ борьбѣ. Одинъ говорилъ: „Я ли не долго терпѣлъ этихъ нѣмцевъ и не моя вина если приходится ихъ наказать.“ Другой старался исправить грѣхи и пробѣлы у

себя, приготовляясь къ борьбѣ. Предъ нами были мытарь и фарисей. Въ то время какъ фарисей съ беззаботнымъ видомъ и гордою осанкою являлся предъ Европою, мытарь билъ себя кулакомъ въ грудь и взывалъ къ всемогущему промыслу съ мольбою покарать нападающаго фарисея.

Гордая ли увѣренность фарисея, и смиреніе мытаря, или просто незнаніе настоящаго и жизнь воспоминаніями прошлаго—были причиною того, только Европа, общественное мнѣніе ея, были убѣждены, что всѣ шансы побѣды на сторонѣ Франціи. Пруссія смирялась до конца и какъ будто сама не довѣряла своимъ силамъ. Французскій посланникъ Бенедетти позволяетъ себѣ назойливо тревожить частный покой прусскаго короля въ Эмсѣ. Предложенія за предложеніями, наконецъ ультиматумы сыпятся на стараго короля, который долженъ теперь нести крестъ за политику Бисмарка.—„Да отстаньте вы, на это есть министры!"—даютъ понять французскому посланнику, но онъ имѣетъ инструкціи не понимать. Наконецъ посылаютъ адъютанта сказать, что король больше не имѣетъ никакого дѣла съ посланникомъ. Кровавая обида! Этого только и нужно было для Парижа. Сейчасъ идетъ оповѣщеніе въ Европу—„вотъ, дескать, какъ обращается съ нами Пруссія. Намъ остается взяться за оружіе и пусть Пруссія отвѣчаетъ за пролитую кровь."

Пруссія какъ бы не хотя, кряхтя, поднимается съ своего одра спокойствія. „Охъ! ужъ эта Франція? Не будь она такая задира, не было бы распри". Бисмаркъ показываетъ видъ человѣка озадаченнаго. Пруссія потягивается, будто ее застали врасплохъ. Конечно ей нужно обратиться къ промыслу, который не допуститъ злую сосѣдку совершить дѣло беззаконія, и она обращается.

Ничего нѣтъ труднѣе роли промысла. И тутъ къ нему

прибѣгаютъ, и тамъ. И правый показываетъ видъ, что скорбитъ и молится, и виновный дѣлаетъ то же самое. А главное, что все это дѣлается только для вида и гарантировавъ себя защитою промысла на всякій случай въ воззваніи, противники всего больше надѣются на Шасспо и Дрейзе. Даже Бисмаркъ, при всемъ его желаніи допускать на высшія должности только людей религіозныхъ, едва ли былъ серьезно увѣренъ, что промыселъ защититъ его дѣло. Въ душѣ онъ вѣроятно полагался больше на Мольтке.

IV.

ПЕРВЫЕ ГЕРМАНСКІЕ УДАРЫ.

Прокламація Наполеона III о войнѣ съ Пруссіею гласила, что императоръ ожидаетъ долгой и трудной борьбы. Послѣ громкихъ заявленій, что французы идутъ на Берлинъ и миръ можетъ быть подписанъ въ Кенигсбергѣ, такая прокламація наводила уныніе и сомнѣніе. Но дѣло въ томъ, что когда дошло до дѣла, то императоръ увидѣлъ, что его армія почти не приготовлена. Кадры были не полны, припасы не были подвезены. Прибывшіе изъ Африки полки еще вовсе не успѣли ознакомиться съ мѣстностью. Отдѣльные корпуса дѣйствовали разрозненно. Макъ-Магонъ со своимъ корпусомъ стоялъ въ дальнемъ углу Франціи на востокѣ, какъ бы составляя авангардъ арміи, готовившейся вторгнуться въ южную Германію. Къ сѣверу отъ него въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ стоялъ корпусъ ген. Фальи. Еще далѣе къ сѣверу, составляя какъ бы лѣвое крыло растянутой противъ непріятеля рейнской арміи, былъ расположенъ корпусъ Фроссара. Корпусъ Фальи, стоя такимъ образомъ въ центрѣ, дол-

женъ былъ поддерживать какъ Макъ-Магона въ Вертѣ и Вейсенбургѣ, такъ и Фроссара въ Форбахѣ и Саарбрюкенѣ. Нападеніемъ на этотъ послѣдній городъ въ превосходныхъ силахъ французы начали наступательную войну, когда самой ихъ линіи, растянутой на 130 верстъ вдоль рейнской границы, отъ отсутствія военныхъ телеграфовъ и пограничной линіи желѣзныхъ дорогъ, грозила явная опасность.

Три корпуса французской арміи были выставлены противъ непріятеля. Корпуса Базена и Ладмиро защищали линіи Мозеля и Мааса. Императорская гвардія также прикрывала Мецъ. Корпусъ Канробера еще формировался въ Шалонѣ. Словомъ Франція выставила противъ непріятеля много-много 300,000 человѣкъ, да и то на бумагѣ. На лицо войска было значительно меньше. Къ боевой линіи, даже считая посланную впередъ часть корпуса Канробера, не было больше 120,000 человѣкъ, разбросанныхъ какъ мы видѣли на пространствѣ 130 верстъ.

Въ этой линіи сильными пунктами были фланги. Фроссаръ уже началъ наступательное дѣйствіе, занявъ Саарбрюкенъ. Макъ-Магонъ считался лучшимъ полководцемъ французской арміи. Центръ, въ которомъ стоялъ де-Фальи, былъ слабый пунктъ въ этой линіи. Порвать связь между французскими корпусами въ центрѣ оказывалось такимъ образомъ очень легко.

Напротивъ, нѣмецкая армія представляла сильный центръ и фланги сравнительно болѣе слабые. Противъ Фроссара стоялъ Штейнмецъ съ арміею въ 80,000 человѣкъ. Южнѣе его, болѣе противъ корпуса де-Фальи, расположена была армія принца Фридриха-Карла—болѣе 200,000 человѣкъ. Находясь всего въ 15—20 верстахъ къ югу отъ арміи Штейнмеца, главная нѣмецкая армія могла всегда поддержать

Штейнмеца, если бы онъ былъ атакованъ превосходными силами противника. Другой флангъ германской арміи сосредоточенъ былъ значительно къ юго-востоку отъ главныхъ силъ, но за то представлялъ самъ по себѣ довольно значительную армію: у наслѣднаго принца прусскаго было 120,000 человѣкъ, преимущественно южно-германскихъ войскъ. Этихъ силъ, удаленныхъ почти на 100 верстъ отъ центра арміи, было достаточно, чтобы держаться противъ Макъ-Магона. Такимъ образомъ линія французскихъ войскъ на Рейнѣ представляла всего 120,000 человѣкъ или не много больше. Но и это лишь на бумагѣ, въ сущности составъ полковъ былъ очень не полный. Между тѣмъ соединенная Германія разомъ выставила противъ непріятеля 400,000 человѣкъ.

Перевѣсъ силъ былъ громадный. По крайней мѣрѣ французамъ надобно было двинуть корпуса Базена, Ладмиро и Бурбаки впередъ, и если уже правительство Наполеона III не успѣло приготовиться къ серьезной войнѣ, то оно по крайней мѣрѣ могло напрячь всѣ силы въ послѣднюю минуту и смѣлымъ ударомъ на одинъ пунктъ всѣми силами произвести переполохъ въ нѣмецкихъ арміяхъ. Пока послѣднія успѣли бы сосредоточиться, 250,000 армія могла нанести имъ рядъ чувствительныхъ пораженій по частямъ. Но люди не двигаются по мановенію воли. Ихъ надобно перевозить — а желѣзно-дорожныя перевозочныя средства на французской границѣ оказались недостаточными. Людей нужно кормить - провіантъ былъ незапасенъ въ размѣрахъ, необходимыхъ для наступательной войны. Словомъ не неумѣлость предводителей, а роковая необходимость, неприготовленность не позволяла французской арміи тотчасъ же выступить въ поле. Нѣмцы были приготовлены, и Бисмаркъ, завлекая Наполеона III въ азартную войну исподволь приготовилъ все, чтобы восторжество-

вать надъ противникомъ .Результатъ тотчасъ обнаружился, когда враждебныя арміи стали лицомъ къ лицу. Пока французскій императорскій принцъ, для окрещенія котораго въ военномъ огнѣ, его наставникъ генералъ Фроссаръ напалъ съ тремя дивизіями на три прусскія роты въ Саарбрюкенѣ, разглядывалъ непріятельскія пули на излетѣ при заревѣ пожара маленькаго германскаго городка — французскіе маршалы совѣщались другъ съ другомъ о томъ, что наступательную войну надобно было отложить еще недѣли на двѣ. Невѣжественная самонадѣянность еще все не вѣрила, что для Франціи возможна какая-либо другая война кромѣ наступательной.

Въ это время германская армія одновременно ударила на французскую на флангахъ. Планъ нѣмцевъ очевидно былъ— разорвать связь между французскими корпусами, отбросить ихъ въ разныя стороны и стать между ними. Планъ этотъ вполнѣ удался.

Фроссаръ былъ атакованъ Штейнмецомъ, поддержаннымъ главною арміею и хотя къ французамъ присоединились подоспѣвшія части другихъ корпусовъ, превосходство силъ было на сторонѣ нѣмцевъ. Сбитые послѣ кроваваго боя съ высотъ Шпихерна, французы въ разстройствѣ бросились къ Форбаху и вскорѣ отступленіе ихъ превратилось въ полное бѣгство. Корпусъ Фроссара былъ почти уничтоженъ.

Въ то время какъ началась борьба на сѣверѣ, у Саарбрюкена, на югѣ уже кипѣлъ бой между наслѣднымъ принцемъ прусскимъ и маршаломъ Макъ-Магономъ. Напавъ внезапно на Вейсенбургъ германскія войска смяли и истребили авангардную дивизію Макъ-Магона, бывшую подъ начальствомъ ген. Дуэ. Самъ Дуэ былъ убитъ. Не давая опомниться французамъ, наслѣдный принцъ ударилъ на главныя

силы Макъ-Магона у Верта. Отчаянная защита французовъ не помогла. Въ корпусѣ Фальи ясно слышали канонаду, но Фальи не спѣшилъ на помощь товарищу. Макъ Магонъ шлетъ ему телеграмму,—идти ему на помощь. Телеграфистъ перевираетъ; вмѣсто Лембаха Фальи идетъ на Гансбахъ. Битва проиграна. Корпусъ Фальи подходитъ, когда французы уже обращены въ бѣгство. Соединенные корпуса не въ состояніи болѣе удержать нѣмцевъ. Кавалерія арміи, бывшая на готовѣ, бросается за бѣгущимъ непріятелемъ и преслѣдуетъ его на десятки верстъ. Все кинуто и разбросано французами. Изъ корпуса Макъ-Магона едва уцѣлѣла половина людей, и та была окончательно деморализована паническимъ бѣгствомъ. Огромное число плѣнныхъ и захваченные трофеи искупали потери нѣмцевъ, которыя также были велики.

Вертъ и Форбахъ отбросили всю линію французскихъ войскъ далеко назадъ и разорвали ее на двое. Въ промежутокъ между двумя клочками двинулась громадная армія принца Фридриха-Карла. За исключеніемъ корпусовъ Ладмиро, Базена и Бурбаки, французская армія теперь какъ бы больше не существовала. Нѣмецкая армія стянулась въ одну болѣе неразрывную линію и двинулась во французскіе предѣлы, гоня предъ собою остатки разбитой арміи.

Взятіе Нанси безъ боя четырьмя прусскими уланами было результатомъ пораженій французской арміи на Рейнѣ. Эльзасъ и Лотарингія были быстро заняты противникомъ. Страсбургъ отрѣзанъ отъ сообщеній съ остальною Франціею и осажденъ.

Первый планъ пруссаковъ—разъединить французскую армію удался вполнѣ. Остатки корпусовъ Макъ-Магона и Фальи уже не могли соединиться съ остальною арміею. Остатки корпуса Фроссара соединились съ корпусами, стоявшими у Меца.

Наслѣдный принцъ прусскій преслѣдовалъ Макъ-Магона; нѣсколько къ сѣверу отъ него шелъ принцъ Фридрихъ-Карлъ съ главными германскими силами. Штейнмецъ наступалъ на Мецъ.

Сначала общественное мнѣніе въ Европѣ и Франція полагало, что генеральная битва произойдетъ на рѣкѣ Мозелѣ, гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Меца. Этого ожидали потому, что разбитые генералы ссылались на свою разрозненность и на громадный перевѣсъ германскихъ силъ. Теперь когда генералиссимусъ Франціи Наполеонъ III послѣ претерпѣнныхъ пораженій внялъ голосу общественнаго мнѣнія и передалъ главное начальство надъ арміей маршалу Базену, у послѣдняго, не считая войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ Макъ-Магона, сосредоточилось до 150,000 человѣкъ. Опираясь на сильныя крѣпости — Мецъ, Верденъ и Туль — эта масса силъ была достаточна, чтобы принять генеральный бой, такъ какъ у принца Фридриха-Карла и Штейнмеца послѣ потерь при Саарбрюкенѣ и Шпихернѣ было 250,000, а наслѣдный принцъ прусскій долженъ былъ идти за Макъ-Магономъ, потому что иначе послѣдній также сдѣлалъ бы попытку примкнуть къ Базену. Нѣмецкія войска, не опирались на крѣпости и въ наступившіе дожди не имѣли даже палатокъ, которыхъ въ ихъ арміи не полагается — тогда какъ французскіе солдаты, хотя хуже ѣли и получали меньше жалованья, носили при себѣ постоянно каждый кусокъ парусины и складной шесть, такъ что сойдясь трое-четверо въ одно мгновеніе могли устроить себѣ спосную палатку. Отбивъ французскій лагерь на Рейнѣ нѣмцы были очень рады взятымъ палаткамъ и скоро освоились съ ихъ удобствами. Но этого было немного и остальная масса нѣмецкихъ силъ въ дождливую погоду была совершенно безъ прикрытія. Кофе, мясо, жиръ, табакъ, вино,

водка—всѣ эти принадлежности внутренняго комфорта, при сильной натурѣ пруссака, позволяли ему выдерживать многое, но при всемъ томъ человѣческая натура неспособна на сверхъестественное. Такимъ образомъ силы противниковъ на берегу Мозеля отчасти уравновѣшивались. Крѣпости дополняли недостатокъ французскихъ силъ. Сдѣлана была большая ошибка: Вогезскіе проходы не были защищены. Правда, бѣжавшіе отряды арміи Макъ-Магона не въ состояніи были противостать непріятелю въ открытомъ полѣ, но они могли защищать дефилеи и притомъ стоило только взорвать рядъ туннелей въ вогезскихъ горахъ, чтобы надолго затруднить движеніе германской арміи впередъ. Ничего этого не было сдѣлано. Но если этой ошибки нельзя было больше исправить, то сѣверныя крѣпости Франціи оставались все тѣмъ же оплотомъ и этотъ оплотъ долженъ былъ остановить непріятеля. Базенъ, опираясь на Мецъ, могъ не давая генеральной битвы удержать надолго германскую армію и тѣмъ временемъ дать подоспѣть изъ Шалона и Парижа новымъ силамъ.

Вторая имперія и здѣсь нанесла ударъ военному счастью Франціи.

Польза Франціи требовала защиты крѣпостей на сѣверѣ, такъ какъ онѣ должны были остановить движеніе непріятеля на Парижъ. Если главнокомандующій опасался потерпѣть пораженіе въ генеральной битвѣ онъ могъ не давать ея, но во всякомъ случаѣ ему слѣдовало опереться на крѣпости и не покидать ихъ.

Польза второй имперіи требовала отступленія далѣе внутрь Франціи, къ Парижу. Наполеонъ III имѣлъ противъ себя двухъ враговъ: германскую армію спереди и Парижъ сзади. На императора французовъ наступали съ фронта Мольтке и

съ тыла Жюль-Фавръ. Нѣмцы грозили его разбить, парижане —низвергнуть. Стоило арміи потерпѣть новое пораженіе—и Парижъ открыто заволновался бы. Противъ Парижа оставлены были силы, которыя нужны были противъ непріятеля. Эти силы не сдерживали его, хотя присутствіе ихъ на полѣ битвы могло бы уменьшить численный перевѣсъ непріятеля. Угрожаемый нѣмцами и Парижемъ Наполеонъ III рѣшился на маневръ очень искусный и выгодный въ интересахъ династіи, еслибы онъ удался, но положительно гибельный для Франціи. Наполеону III надобно было собрать французскую армію на такомъ пунктѣ, что еслибы она потерпѣла пораженіе, то можно было бы тотчасъ же нахлынуть съ остатками ея на Парижъ и удержать его отъ возстанія противъ династіи. Для этого надобно было дать генеральную битву у Шалона, или даже еще ближе къ Парижу. Тогда какой оборотъ ни принялъ бы ходъ военныхъ дѣлъ династія во всякомъ случаѣ оставалась бы въ выигрышѣ. Если бы германская армія понесла пораженіе, то побѣдившій цезарь въ тріумфѣ возвратился бы въ свою столицу и всѣ враги его замолкли бы ослѣпленные лучами императорскаго счастья. Если бы французы были разбиты—разбитая армія разомъ явясь въ Парижѣ была бы достаточно сильна, чтобы удержать отъ паденія бонапартискій престолъ, шатавшійся подъ усиліями народа.

Тактика нѣмецкой арміи разрушила этотъ сугубобонапартискій планъ.

Какъ только полководцы германской арміи узнали, что Базенъ намѣревается, оставивъ гарнизонъ въ Мецѣ, двинуться къ Шалону и Парижу, они рѣшили настигнуть его на пути и заставить принять битву при неблагопріятныхъ условіяхъ. Для этой цѣли Штейнмецъ ударилъ на армію Ба

зена у Меца съ востока. Если бы французскій маршалъ поторопился и, не тратя двухъ дней на предварительную отсылку багажа и запасовъ въ Верденъ, самъ двинулся бы туда двумя днями ранѣе, нѣмцамъ не пришлось бы предупредить отступленіе. Но Базенъ промедлилъ, и въ то время какъ Штейнмецъ ударилъ ему въ тылъ, армія принца Фридриха-Карла уже переходила Мозель, чтобы напасть на французскую армію съ другой стороны. Пока длилась нерѣшительная битва 2 (14) августа, принцъ Фридрихъ-Карлъ исполнилъ свое движеніе, и когда Базенъ, отбивъ Штейнмеца полагалъ, что теперь можетъ двинуться на Верденъ, армія принца Фридриха-Карла ударила ему въ разрѣзъ при Маръ-Латурѣ, въ 25 верстахъ отъ Меца на западъ. Базенъ бился отчаянно. Ему предстояло прорваться, или съ полпути до Вердена отступить снова въ Мецъ. Но и германская армія употребила всѣ усилія. Она завязала дѣло одною дивизіей, только бы не упустить минуты, пока еще главныя силы не успѣли собраться. Противъ Базена сначала боролись сравнительно слабыя силы и день 4 (16 августа) французскій маршалъ провозгласилъ даже побѣдоноснымъ для французской арміи. Но въ чемъ онъ видѣлъ успѣхъ, то обратилось ему въ несчастіе. Увлеченный случаемъ побить слабыхъ числомъ пруссаковъ онъ остановилъ движеніе всей арміи. Только часть ея ушла въ Верденъ, въ томъ числѣ 15,000-й корпусъ данный императору для конвоя, такъ какъ сдавъ начальство Базену Наполеонъ III, не видя надобности оставаться въ Мецѣ, отправился съ сыномъ оттуда и не смотря на конвой едва не былъ захваченъ пруссаками при своемъ поспѣшномъ удаленіи въ Верденъ.

Давъ двѣ кровопролитныя битвы, не окончившіяся рѣши-

тельнымъ успѣхомъ ни чьей стороны, германская армія выиграла однако дѣло. Цѣль была достигнута.

Въ то время какъ застигнутый Базенъ думалъ, что одерживаетъ верхъ надъ отдѣльными частями прусской арміи, принцъ Фридрихъ-Карлъ перевелъ свои главныя силы къ Маръ-Латуру, Штейнмецъ подкрѣпилъ его со стороны Меца, и наслѣдный принцъ, оставивъ движеніе изъ Нанси къ Баръ-Ле-Дюку, повернулъ на сѣверъ въ помощь главной арміи. Такимъ образомъ въ то время когда Макъ-Магонъ отступалъ на Шалонъ и Парижъ, преслѣдовавшая его армія перемѣнила фронтъ и двинулась къ Мецу. Но помощь съ ея стороны не потребовалась. 6 (18) августа соединенныя арміи Фридриха-Карла и Штейнмеца подъ главнымъ предводительствомъ короля, слѣдовательно Мольтке, ударили на французовъ, отступавшихъ отъ Маръ-Латура къ Мецу, при Резонвиллѣ, и оттѣснили ихъ къ Гравелотту (въ 6 верстахъ отъ Меца). Гравелоттъ представлялъ почти столь же сильную позицію какъ крѣпость. Онъ былъ взятъ съ бою и сѣдой Мольтке, самъ поведшій батальоны въ дѣло, вечеромъ 18 (6) августа возвѣстилъ королю Вильгельму побѣду. Базенъ былъ отброшенъ въ Мецъ и запертъ въ немъ.

Эта трехдневая битва, совпадавшая по числамъ, въ которыя она была дана, съ Лейпцигскою, и имѣвшая не меньшее вліяніе на судьбы Франціи, была одною изъ самыхъ кровопролитныхъ и стоила германской арміи большихъ жертвъ. Отступая французы занимали выгодныя позиціи и ихъ картечницы сражали ряды наступавшаго непріятеля. Остановить пруссаковъ было нельзя, но движеніе ихъ впередъ обозначалось массами труповъ. Кирасирскій полкъ гр. Бисмарка былъ совершенно истребленъ въ атакѣ. Солдаты легли цѣлыми шеренгами въ томъ порядкѣ въ какомъ наступали и король

Вильгельмъ, грустный и задумчивый, посѣтивъ впослѣдствіи поле сраженія, плакалъ объ участи столь многихъ павшихъ. Значительная часть прусской гвардіи была истреблена. Въ особенности велики были потери прусской кавалеріи. Франко-прусская война 1870 г. доказала, что кавалерія еще не отжила свой вѣкъ, что она очень полезна при движеніи въ непріятельскую страну, но что посылать кавалерійскія отряды въ атаку на батареи усовершенствованныхъ орудій значитъ подвергать солдатъ вѣрной смерти. Изъ четырехъ генераловъ, выбывшихъ изъ строя въ германской арміи въ этой битвѣ, трое было кавалерійскихъ. Потери пруссаковъ были такъ велики, что король не рѣшался нѣкоторое время наводить справки объ убитыхъ и раненыхъ, и безмолвіе легло трауромъ надъ этой битвой. Наслѣдный принцъ прусскій, во всякомъ случаѣ человѣкъ сердца, и болѣе мирный гражданинъ чѣмъ рубака, нѣсколько часовъ сидѣлъ, какъ говорятъ, охвативъ голову руками, въ забытьи и нетрогаясь съ мѣста. Нетрудно понять это горе. Франція лишалась своихъ солдатъ, Пруссія людей; рекрутъ можно набрать скоро, людей нужно долго образовывать и развивать, чтобы они были людьми.

Впрочемъ отчасти и полководцы были виноваты въ громадности потерь побѣдившей арміи. Штейнмецъ — желѣзный человѣкъ, съ неуклонною энергіею, посылалъ солдатъ туда, гдѣ можно было обойтись безъ напрасныхъ жертвъ. Такъ напримѣръ взятіе Виллегскихъ высотъ стоило прусакамъ много людей, а между тѣмъ хорошо направленнаго флангового огня было достаточно, чтобы сбить непріятеля съ этой позиціи, которую атакующій не могъ взять съ фронта. Штейнмеца не смѣнили тотчасъ съ его поста лишь для того, чтобы не придать вѣроятія заявленію Базена будто онъ одер-

жалъ рядъ побѣдъ надъ германской арміею. Впослѣдствіи этого храбраго, но не совсѣмъ искуснаго командира арміи, назначили губернаторомъ въ Познань.

Но какъ ни дорого стоила побѣда—цѣль все-таки была достигнута: Базенъ былъ заключенъ въ Мецѣ и эта крѣпость окружена германскою арміею. Между тѣмъ Макъ-Магонъ отступалъ на Шалонъ и Парижъ. Наслѣдный принцъ прусскій, остановившійся въ своемъ маршѣ въ ожиданіи чѣмъ кончится трехдневная битва подъ Мецомъ, снова сталъ преслѣдовать Макъ-Магона, но тотъ, по приказанію военнаго совѣта изъ Парижа, бросивъ и предавъ огню лагерь при Шалонѣ быстро двинулся на сѣверъ, для соединенія съ Базеномъ. Цѣль была та: Базенъ пробьется изъ Меца, соединится съ Макъ-Магономъ и соединенная французская армія въ 250,000 въ состояніи будетъ потягаться съ германскою. Если бы планъ этотъ могъ исполниться выгоды были бы очевидно на сторонѣ французскихъ маршаловъ. Арденскій лѣсъ представляетъ мѣстность, замѣчательно удобную для обороны. Если Вогезы уже были потеряны, то по крайней мѣрѣ оставалась для обороны страны арденская сплошная возвышенность. Здѣсь среди лѣсистыхъ плоскостей, иныя изъ которыхъ возвышаются на 50 саженъ надъ уровнемъ моря, рѣки текутъ въ ущеліяхъ и сообщеніе производится лишь по немногимъ долинамъ, прорѣзывающимъ сплошную возвышенность. Здѣсь отстаивала свою свободу французская республика 1793 г. Тутъ были ея Ѳермопилы. Сюда же пытался пробиться и Базенъ. Когда маршалъ былъ заключенъ германскою арміею въ Мецѣ, военному совѣту въ Парижѣ, съ ген. Паликао во главѣ, пришла мысль двинуть армію Макъ-Магона на Арденскій лѣсъ и попытать соединить двѣ арміи. Макъ-Магонъ былъ личный врагъ маршала Базена. Можетъ быть

нѣтъ двухъ людей столь рѣзко противоположныхъ другъ другу по характеру какъ герцогъ Маджентскій и герой Мексики. Это нравственное различіе отозвалось враждою ихъ другъ къ другу. Но когда Наполеонъ III, остававшійся въ лагерѣ Макъ-Магона, сказалъ послѣднему, что по рѣшенію военнаго совѣта надобно идти выручать Базена, герцогъ Маджентскій откинулъ свою личную непріязнь въ сторону и поспѣшилъ на выручку.

Рискованныя предпріятія обыкновенно бываютъ выгодны, когда удаются, но дѣло въ томъ, что они трудно удаются. Соединиться французскимъ маршаламъ было очень выгодно, но и нѣмцы знали это не хуже ихъ. Вслѣдъ за Макъ-Магономъ двинулся наслѣдный принцъ прусскій, а съ другой стороны на встрѣчу маршалу спѣшили саксонскій принцъ, съ арміею вновь организованною подъ Мецомъ для наступательной войны, и Штейнмецъ. Подъ Мецомъ оставался принцъ Фридрихъ-Карлъ.

При Бомонѣ германскія арміи настигли корпусъ Фальи и напавъ на него врасплохъ нанесли французамъ сильное пораженіе. Это было 30 (18) августа и затѣмъ завязалась общая битва германскихъ соединенныхъ силъ съ арміею Макъ-Магона. Почти безъ перерыва длилась борьба до 2 сентября (21 августа). Разбитый на всѣхъ пунктахъ Макъ-Магонъ былъ отброшенъ въ крѣпость Седанъ. 250,000 нѣмецкихъ войскъ окружило 80,000 французовъ въ Седанѣ. Ген. Вимпфену, только что прибывшему изъ Африки на смѣну Фальи, давно признаннаго за неспособнаго, и принявшему начальство надъ арміей, такъ какъ Макъ-Магонъ былъ раненъ въ битвѣ 1 сентября, ничего не оставалось какъ сдаться, потому что нѣмцы приготовлялись бомбардировать городъ, вовсе неприготовленный къ защитѣ и въ которомъ

даже не было провіанта на неожиданно собравшіяся въ немъ силы. Въ результатѣ было то что императоръ Наполеонъ, бывшій при арміи, послалъ свою шпагу къ королю Вильгельму и армія Вимпфена сдалась на капитуляцію.

Лишь мѣсяцъ прошелъ съ открытія кампаніи и нѣмецкая армія уже достигла громадныхъ результатовъ. 137,000 французовъ было взято ею въ плѣнъ, въ томъ числѣ 62 генерала: нѣмцамъ досталось множество картечницъ, не мало орловъ. Изъ отбитыхъ у непріятеля ружей Шасспо уже стрѣляли цѣлые прусскіе отряды, скоро пріучившіеся владѣть новымъ оружіемъ. Все это время германская армія жила на счетъ занятой страны. Расчитывали, что одно опустошеніе французскихъ полей, неснятіе съ нихъ во время жатвы и незасѣяніе ихъ на будущій годъ причинило Франціи не менѣе $4^1/_2$ мильярдовъ франковъ убытка. Реквизиціи и контрибуціи пруссаковъ также были не легки.

Въ то время какъ Макъ-Магонъ долженъ былъ, вмѣсто того чтобы идти на Парижъ, предпринять рискованный планъ движенія на сѣверъ и попалъ въ ловушку, Базенъ старался высвободиться изъ артелерійскихъ объятій непріятеля и пробиться изъ Меца. Попытка его также была неудачна и окончилась большими потерями для французовъ.

Между тѣмъ какъ французскіе военноплѣнные десятками тысячъ перевозились въ Германію и Базенъ напрасно напрягалъ усилія чтобы выйти изъ Меца, — побѣдоносная германская армія двинулась на Парижъ, а затѣмъ скоро сдался и Страсбургъ.

V.

ПРЕДВОДИТЕЛИ ПРУССКОЙ АРМІИ.

Особенность франко-прусской войны 1870 г. составляетъ то, что въ ней были главными дѣятелями люди, а не пушки и ружья; наука, а не военный навыкъ; образованіе, а не муштровка.

Подобное обстоятельство придаетъ особенное значеніе этой войнѣ. Эта война составляетъ эпоху. Она ясно сказала будущему: „съ этого времени могущественнѣе будетъ не тотъ, кто воинственнѣе, а кто образованнѣе; пылъ станетъ въ зависимость отъ мысли, энтузіазмъ отъ размышленія, храбрость отъ умственнаго развитія.“

Громадный шагъ сдѣланъ въ всемірной исторіи. Если образованіе и развитіе уже успѣли обуздать, какъ въ послѣдней войнѣ, воинственность и невѣжественный энтузіазмъ, то близокъ тотъ періодъ исторіи, когда просвѣщеніе вообще произнесетъ приговоръ надъ войнами и узаконеннымъ вѣками пролитіемъ крови въ распряхъ народовъ. Нужно было подавить образованіемъ воинственность и грубую физическую силу, сдѣлать изъ нихъ рабовъ, а затѣмъ можно продиктовать и полную отмѣну ихъ.

Прежде люди на войнѣ были машины, искусно двигавшіяся по волѣ эгоистическаго расчета, достигавшаго своихъ цѣлей безъ вниманія къ пролитой крови и принесеннымъ жертвамъ. Чѣмъ автоматичнѣе были люди, тѣмъ совершеннѣе былъ достигавшійся результатъ. Отъ машины-человѣка не требовали ни ума, ни образованія, ни развитія: человѣкъ былъ живое орудіе истребленія—вотъ все что отъ него требовалось. Талантъ нуженъ былъ только въ полководцѣ; сол-

даты могли быть идіотами. То было время, когда умный человѣкъ во главѣ сотенъ тысячъ глупцовъ могъ подчинить себѣ весь міръ. Эта историческая эпоха прошла и надѣемся навсегда.

На первомъ планѣ въ франко-прусской войнѣ 1870 г. стоятъ люди, но уже не люди-машины, не люди автоматы, а развитые, мыслящіе, образованные. Эти люди побѣждаютъ солдатъ стараго времени и разсѣеваютъ ихъ съ легкостью, поражающею воображеніе, живущее старыми историческими образами. Всѣ рутинные порядки низвергнуты. Геніевъ во главѣ армій больше ненужно, когда солдаты сами — люди. Безъ талантовъ во главѣ эти люди являются непобѣдимыми. Какіе бы ни были таланты во главѣ людей машинъ — этимъ талантамъ не дадутъ обнаружиться и стадо автоматовъ будетъ все время бѣжать предъ строемъ людей.

Итакъ, первое мѣсто при обозрѣніи силъ враждебныхъ армій — людямъ. Характеристика людей, поднявшихъ оружіе, должна стоять на первомъ мѣстѣ. Оружіе, которымъ они бились, уже не играетъ никакой роли. Дайте гориллѣ въ руки Шасспо или Дрейзе, человѣкъ все равно убьетъ его палкою. Разница въ развитіи и образованіи людей рѣшила франко-прусскую войну, а не усовершенствованное оружіе.

Прусскіе полководцы очень расхваливались послѣ одержанныхъ ими побѣдъ. Старый взглядъ на дѣло хотѣлъ видѣть въ генералахъ причину успѣха. Такъ было прежде, такъ хотѣли думать теперь. Но вглядимся ближе въ людей, стоявшихъ въ главѣ армій и въ рядахъ, и мы увидимъ, что въ то время какъ у прусскихъ генераловъ были весьма достойные соперники полководцы, строевые чины въ одной арміи стояли такъ неизмѣримо выше чѣмъ въ другой, что

поразительные успѣхи одной и пораженія другой должны были явиться прямымъ результатомъ этого превосходства.

Главные генералы германской арміи, или принцы, или старцы. Принцы еще допускаются къ командованію въ этой арміи въ лѣтахъ возмужалости, склоняющейся къ старости, по обыкновенные генералы—положительно ареопагъ старцевъ. Около старца—короля групируются Мольтке, Роонъ, Штейнмецъ—которымъ всѣмъ за 70 лѣтъ. Бисмаркъ, въ его кирасирскомъ мундирѣ съ желтыми отворотами и каскѣ, является почти юношею среди этихъ ветерановъ, хотя и у него уже дѣти—взрослые офицеры и бьются въ той же арміи. Можно конечно и при старости быть бодрымъ, но все же года берутъ свое. Въ прежнее время армія изъ малоразвитыхъ солдатъ съ необразованными офицерами положительно терпѣла бы отъ этой преклонности лѣтъ командующихъ, но для нынѣшней германской арміи ненужно лучшихъ вождей.

Остановимся на поименованныхъ личностяхъ въ отдѣльности.

Король Вильгельмъ въ молодости былъ во Франціи съ побѣдоносными нѣмецкими войсками. Послѣдній дебютъ для него только повтореніе, но конечно гораздо болѣе блистательное. Добродушный король очень надѣется на промыслъ и ему приписываетъ всѣ свои успѣхи. Онъ по видимому глядитъ на французовъ какъ на народъ нечестивый, и въ его прокламаціяхъ проглядываетъ пророчество вѣрующаго о поправніи беззаконія. Онъ командуетъ арміею, но всѣмъ руководитъ его начальникъ штаба—Мольтке. Онъ ведетъ политическія сношенія, но всѣмъ заправляетъ Бисмаркъ. Мольтке и Бисмаркъ—это мечъ и перо своего вѣнценосца. Французы заявляли бы о своихъ побѣдахъ въ громкихъ бюллетеняхъ, прусскій король пишетъ о колосальныхъ успѣхахъ герман-

ской арміи въ патріархальныхъ письмахъ къ своей старушкѣ-королевѣ Августѣ, въ письмахъ, слогу которыхъ позавидовали бы Филимонъ и Бавкида. Надѣясь на промыслъ не для вида, а отъ души, старецъ-король чуждъ самовосхваленія и никогда не преувеличиваетъ подвиговъ своей арміи. Онъ называетъ солдатъ своими дѣтьми, не въ силу одной старинной привычки повелителей считать себя отцами громадныхъ семей; его солдаты, больше молодежь, дѣйствительно дѣти и частію внуки ему по лѣтамъ, а въ характерѣ и обращеніи короля есть такая доза домашней патріархальности, что пожалуй можно допустить въ подданныхъ и дозу семейной привязанности къ этому конституціонному королю. Король какъ предводитель—очень нужный человѣкъ въ арміи. Можно было бы предоставить Мольтке не только дѣйствительное, но и номинальное командованіе надъ войсками. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы поставить его надъ принцами крови, а нѣмцы, не понимающіе французской демократичности отношеній, не могутъ допустить этого. И такъ самое лучшее, если Мольтке будетъ руководить всѣмъ, а король ставить, гдѣ нужно, свое всепокрывающее и всепримиряющее „я."

Мольтке — главный дѣятель современной Пруссіи послѣ Бисмарка. Ему ровно семдесятъ лѣтъ минуло въ наиболѣе прославившую его эпоху жизни, въ 1870 году. Датчанинъ по рожденію, онъ по воспоминаніямъ ребенка живетъ въ эпоху первой французской имперіи. Въ дѣлѣ военнаго искуства онъ—ученикъ Наполеона I. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ поступилъ на службу Пруссіи и сдѣлался извѣстностью съ прошлой австро-прусской войны. Разгромъ австрійской арміи былъ произведенъ по его плану и съ этого времени онъ пріобрѣтаетъ громкую извѣстность какъ тактикъ. Руководясь

правиломъ обрушивать громадныя силы на противниковъ, Мольтке раздавилъ бы австрійскую армію подъ Кенигтрецомъ, даже если бы Бенедекъ былъ болѣе искусный генералъ и австрійцы лучше вооружены. Доказательствомъ служитъ то, что вспомогательный корпусъ Штейнмеца прибылъ къ Кенигтрецу въ назначенный часъ по диспозиціи, а между тѣмъ австрійская армія была уже разбита и прибывшій прусскій корпусъ долженъ былъ остаться въ бездѣйствіи. Желѣзныя дороги и телеграфы точно были созданы для Мольтке, а Мольтке для нихъ. „Вести войска врозь и дѣйствовать ими противъ непріятеля сообща“ — вотъ девизъ тактики прусскаго начальника главнаго штаба и разгадка его успѣховъ. Вести корпуса раскинутые на большомъ пространствѣ—выгодно въ экономическомъ и санитарномъ отношеніи, но полководецъ рискуетъ при этомъ, въ виду искуснаго непріятеля, быть разбитымъ по частямъ. Тутъ-то желѣзныя дороги и телеграфы должны оказывать неоцѣненную услугу какъ средство дать разрозненнымъ частямъ собраться быстро въ одно цѣлое. И Мольтке умѣетъ пользоваться ими. Онъ первый изъ европейскихъ полководцевъ постигъ ихъ значеніе и этимъ пріобрѣлъ громкую славу.

Послѣ войны 1866 г. имя Мольтке сдѣлалось очень популярно въ Германіи. Когда начиналась франко-прусская война, не мало нѣмцевъ было твердо увѣрено, что старый генералъ задастъ французамъ Moltkenkur (Molkenkur — распространенное на Рейнѣ леченіе сывороткою).

Еще бодрый на видъ для своихъ сѣдыхъ волосъ, хотя съ лицомъ уже сморщеннымъ временемъ; съ яснымъ, проницательнымъ, вдумывающимся взоромъ голубыхъ глазъ; безъ бороды и воинственныхъ усовъ — Мольтке, по замѣчанію лицъ видѣвшихъ его, гораздо больше походитъ на профессора, чѣмъ

на полководца. Въ домашней жизни онъ образецъ простоты, а заостренный носъ даже можетъ быть обличаетъ и скупость. Онъ до сихъ поръ живетъ армейскимъ поручикомъ. Желѣзная, простенькая кровать, нѣсколько плетеныхъ стульевъ, шкапъ съ книгами — вотъ почти все, что увидалъ французскій офицеръ генеральнаго штаба, которому прусскій начальникъ главнаго штаба показалъ свой домашній уголокъ въ мартѣ 1870 г. Зато у Мольтке тотъ же офицеръ видѣлъ много ландкартъ и надъ изученіемъ ихъ прусскій стратегикъ проводилъ много времени.

Мольтке давно приготовлялся къ войнѣ съ Франціею и хорошо ознакомился съ ея военнымъ бытомъ. Алжиръ онъ считалъ очень плохою военною школою для французской арміи и открыто высказалъ французскому офицеру, за нѣсколько мѣсяцевъ до войны, что войны съ арабами, требуя столь мало воинскаго таланта, только портятъ французскихъ военноначальниковъ.

Въ 1868 г. Мольтке заявилъ въ сѣверо-германскомъ парламентѣ, что миръ Европы упроченъ будетъ только когда въ центрѣ ея образуются сильное государство, которое, не слѣдуя завоевательной политикѣ, въ состояніи было бы удерживать отъ нея и сосѣдей.

Если Мольтке, будучи воиномъ, какъ видимъ — немножко и политикъ, то Бисмаркъ, будучи политикомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ немножко и воинъ. Онъ послѣдовалъ за арміею въ военномъ мундирѣ. Онъ воинственъ отчасти и по характеру. Шербюлье въ своей книгѣ „Германія“ приводитъ, что въ разгаръ революціи въ Пруссіи, когда нынѣшній первый министръ былъ простымъ депутатомъ правой стороны въ парламентѣ, Бисмаркъ разъ зашелъ въ простую пивную, гдѣ шелъ оживленный разговоръ, очень не нравившійся депутату

правой стороны. „Если вы не опорожните вашего мѣста пока я опорожню свою кружку, — замѣтилъ Бисмаркъ хладнокровно своему сосѣду, — то я разможжу ее о вашу голову.“ Разговоръ не прекратился, когда кружка была опорожнена, и она была разбита о голову упорнаго собесѣдника. „Человѣкъ!—сказалъ вставая и съ невозмутимымъ спокойствіемъ гр. Бисмаркъ, — что стоитъ кружка, которую я разбилъ о голову этого господина?“ Военный эффектъ также не чуждъ Бисмарку. Въ разгаръ битвы при Резонвиллѣ, когда король Вильгельмъ сидѣлъ на доскѣ, положенной одною стороною на старые вѣсы и другой на лошадиный трупъ, Бисмаркъ также, какъ истый военный человѣкъ, довольствовался сырыми яйцами, которыя разбивалъ о рукоятку своей сабли, и затѣмъ спалъ съ королемъ, за недостаткомъ кровати, на соломѣ. „*Мы* массами будемъ побѣждать французовъ,“ сказалъ Бисмаркъ, вступая во Францію. Мольтке сдержалъ за него слово.

Полковникъ и по окончаніи войны генералъ-лейтенантъ ландвера и юнкеръ по духу, Бисмаркъ большой практикъ въ дѣлѣ управленія людьми. Чтобы управлять людьми, нужно ихъ знать. Чтобы знать, нужно учиться, работать. Какъ человѣкъ съ дѣйствительнымъ талантомъ, Бисмаркъ никогда не отказывался отъ работы, отъ труда: живя въ Петербургѣ онъ бралъ уроки русскаго языка; во Франціи онъ учился по французски. Онъ не мастеръ говорить по англійски, но постоянно говоритъ на этомъ языкѣ съ кореспондентами лондонскихъ газетъ. Онъ знаетъ значеніе прессы и потому, залучивъ къ себѣ кореспондента какой нибудь вліятельной газеты, допускаетъ нѣкоторую дозу фамильярности съ нимъ, высказывается, зная что его слова напечатаются. Подкупай онъ субсидіями, плати онъ изъ своей шкатулки пенсіи кри-

кунамъ за его интересы, давай онъ суммы на обмеблировку квартиры своимъ пособникамъ — какъ все это дѣлалъ Наполеонъ III до седанской катастрофы — отъ нашелъ бы поддержку только въ людяхъ съ шаткою нравственностью, а такіе люди больше — жалкая посредственность и ужъ никакъ не блестящія головы, въ силу хотя бы того, что блестящая голова найдетъ себѣ средства въ жизни и не кривляясь нравственно. Бисмаркъ дѣйствуетъ разсудительнѣе. Даже джентльмены — англійскіе кореспонденты главныхъ газетъ — не въ состояніи устоять противъ обольщенія бесѣды съ самимъ Бисмаркомъ. Разговариваютъ, бесѣдуютъ, а тамъ конечно и пишутъ. И грязнаго ничего нѣтъ, и Европѣ между тѣмъ оповѣщается именно то, что Бисмарку нужно. Вѣдь подите же, есть такіе ловкіе люди! И деньги берегутъ, и себѣ доставляютъ несравненно больше пользы чѣмъ при денежной платѣ. Хотя и говорилось что-то во враждебныхъ Бисмарку газетахъ, что онъ вступилъ въ какую-то крупную финансовую сдѣлку съ газетою *Times*, но это едва ли возможно. Это просто былъ бы нерасчетъ, если прусскому премьеру можно такъ удобно дѣлать всѣ главныя англійскія газеты своими офиціозными органами, не тратя на то ни копѣйки. То есть, если хотите, доля нравственнаго подкупа есть въ этомъ приближеніи къ себѣ для интимныхъ бесѣдъ иногда очень маленькихъ, мелкихъ литераторовъ, но между этого рода подкупомъ и уплатою изъ французской императорской шкатулки суммы на обмеблировку квартиры Жерома Давида. — такое же разстояніе какъ между небомъ и землею.

Бисмаркъ предпочитаетъ быть на небѣ. Ему можетъ быть не удалось бы это, если бы онъ не возвышался значительно надъ окружающими. Не приписывая ему геніальныхъ спо-

собностей, видя въ немъ больше орудіе времени чѣмъ человѣка блестящей инициативы, нельзя однакожъ не сознаться, что это человѣкъ съ большими способностями. Другой и назвалъ бы къ себѣ кореспондентовъ, да не зналъ бы что сказать имъ, а этотъ проводитъ Наполеона, заводитъ войну, ведетъ на возжахъ независимую журналистику, доводитъ до подчиненія своему консерватизму прусскихъ либераловъ, наводитъ на всѣ мысли, какія ему нужно, короля Вильгельма и—при всемъ этомъ умѣетъ поговорить съ каждымъ какъ нужно. Развѣ это не руководящая сила? Очень можетъ быть что Жюль-Фавръ—самъ славная голова и ораторъ, какихъ немного,—не очень вѣря въ возможность скораго примиренія, просто поѣхалъ потому въ прускій лагерь, что хотѣлъ видѣть—что́ это такое Бисмаркъ, дай поспорю съ нимъ! Адвокатъ—министръ могъ расчитывать на свои силы. Онъ человѣкъ способный не по династическому покровительству. Его долженъ былъ интересовать вопросъ: не фантасмагорія ли эта какая нибудь — Бисмаркъ? не человѣкъ ли это уже слишкомъ приподнятый счастіемъ и случаемъ? есть ли въ немъ самомъ что нибудь кромѣ успѣвавшаго въ своихъ дѣлахъ перваго министра?

Свиданіе произошло. Бисмаркъ вовсе не смутился. И смѣемъ думать, что коса нашла на камень.

Мы сказали о главныхъ. Перейдемъ къ второстепеннымъ личностямъ.

Наслѣдникъ принцъ прусскій—добрый и сострадательный человѣкъ и гражданинъ, слѣдовательно ему солоно должно было приходиться командованіе арміею, вносившею съ собою кровь и опустошеніе. Принцъ признался даже, что когда будетъ королемъ, вовсе не будетъ вести войнъ. Такъ передаютъ французскіе кореспонденты, взятые въ плѣнъ при Вертѣ и затѣмъ

имѣвшіе аудіенцію у принца; но вѣрнѣе всего, если не будетъ войнъ по вступленіи наслѣднаго принца на престолъ, то вовсе не потому, что онъ человѣкъ мягкаго, невойнолюбиваго характера. При пріемѣ французскихъ кореспондентовъ принцъ встрѣтилъ ихъ просто; въ мундирѣ, который не походилъ на статское платье лишь по снурку главнокомандующаго на плечахъ. Онъ показался имъ сорокалѣтнимъ буржуа, добрымъ малымъ, орлиный носъ котораго, при мягкомъ и пріятномъ выраженіи глазъ, не придавалъ ему воинственности. Принцъ припоминалъ пріемъ свой у императора французовъ въ Тюльери и отзывался въ лестныхъ выраженіяхъ о „благосклонности" къ нему имератора французовъ. Въ военныхъ распоряженіяхъ принцу много помогалъ быстро возвысившійся по службѣ, не въ примѣръ другимъ прусскимъ генераламъ — кромѣ Франзецкаго — ген. Блюменталь.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ, бывшій предводитель другой германской арміи, личность болѣе серьезная и сдержанная. Онъ спеціалистъ въ военномъ дѣлѣ и по плану, представленному имъ въ одномъ изъ военныхъ сочиненій, сдѣлано много при организаціи прусской арміи, пока она доведена была до ея нынѣшняго состоянія.

Ген. Штейнмецъ, бывшій командиръ арміи, посланный еще до конца войны на покой въ Познань—старый служака человѣкъ, начавшій военную службы чуть не съ ребячества и проведшій большую часть жизни въ маленькихъ чинахъ. Онъ былъ баталіоннымъ командиромъ въ томъ періодѣ жизни, который приближается къ закату. Какъ Мольтке и Роонъ были прежде профессорами, такъ и Штейнмецъ, въ концѣ долгой строевой службы, былъ сдѣланъ директоромъ кадетскаго корпуса. Штейнмецъ—воплощенная твер-

дость, желѣзная воля тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ исполненіи предписаннаго, каменный характеръ. Главный недостатокъ его то, что онъ постоянно слалъ людей на вѣрную смерть, чтобы только привести въ исполненіе задуманный планъ. Таланта тутъ въ наличности не оказывалось и Штейнмецъ попалъ въ командиры арміи за выслугу лѣтъ.

Не останавливаясь на второстепенныхъ прусскихъ генералахъ, между которыми, замѣтимъ мимоходомъ, не мало онѣмеченныхъ познанскихъ поляковъ, мы можемъ повторить лишь, что прусскій генералитетъ—по преимуществу ареопагъ старцевъ и даже старцевъ выслужившихся, а не выказавшихъ особенныя способности. Перечисленные принцы и старцы одни, сами по себѣ, еще вовсе не обезпечивали побѣду прусскому оружію. Ее обезпечили ему боевая сила прусской арміи, развитіе и образованіе ея массы.

VI.

БОЕВАЯ СИЛА ПРУССІИ.

Предъ войною съ Австріей, въ началѣ 1866 г., король прусскій сидѣлъ разъ въ своемъ кабинетѣ одинъ на одинъ съ гр. Бисмаркомъ. Тяжелыя думы волновали короля Вильгельма. Шагъ за шагомъ отстаивалъ онъ свои права предъ представителями народа. Пока еще авторитетъ власти держался, но народныя страсти волновались. Трудно было предвидѣть что можетъ случиться. Король велъ расходы изъ бюджета неутвержденнаго представителями народа. Войны съ Австріей, затѣвавшейся въ это время Бисмаркомъ, никто не хотѣлъ въ Пруссіи. Голосъ народа возвышался. Король и Бисмаркъ, принимая отвѣтственность за войну на себя,

рисковали всѣмъ. Въ случаѣ неудачи все на нихъ бы обрушилось,

Въ интимной бесѣдѣ король упрекалъ Бисмарка. Первый министръ заставлялъ своего короля играть въ опасную игру. Король указалъ министру статую Фридриха Великаго, виднѣвшуюся изъ оконъ дворца.

— Взгляните на эту статую, сказалъ король.—Можетъ быть ее снимутъ и на мѣстѣ ея воздвигнутъ эшафотъ.

Жестъ руки—прибавляетъ французскій авторъ, сообщающій объ этомъ эпизодѣ—показалъ что слѣдуетъ за тѣмъ.

Бисмаркъ не смутился. Говорятъ, когда онъ жилъ въ Петербургѣ посланникомъ своего двора, то приручалъ медвѣженка и когда тотъ бывало вздумаетъ заворчать и озлиться, графъ схватывалъ его, встряхивалъ и выбрасывалъ за дверь. Такъ Бисмаркъ, уже первый министръ и дипломатъ, съ любовью встряхивалъ своею каскою, являясь въ мундирѣ полковника ландвера въ засѣданіи парламента, такъ намѣревался онъ встряхивать и самый парламентъ. Это была желѣзная натура, которая готова была встряхнуть все, чтобы показать свою силу и устранить препятствія.

Бисмаркъ не смутился.

„Не достойнѣе ли вашего величества въ такомъ случаѣ умереть на полѣ битвы?“ сказалъ онъ хладнокровно.

Король подумалъ и согласился. Рѣшено было объявить войну Австріи.

Ходъ этой войны и ея результаты общеизвѣстны. Прусская армія выказала силу, какую мало кто въ Европѣ предполагалъ. Семь дней рѣшили войну. Мѣсяцъ окончилъ ее, и отсчитываніе пруссакамъ денегъ серебряными гульденами на уплату контрибуціи заняло чуть ли не столько же вре-

мени сколько употребили прусскія арміи, чтобы пробиться въ центръ непріятельской земли.

Случай самый—щедрый раздаватель наградъ и разныхъ знаковъ отличій. Бисмаркъ и Мольтке произведены были имъ въ геніи, а король Вильгельмъ получилъ право, по милости Божіей, еще на неопредѣленное время не спрашиваться палаты о расходахъ, или, что еще лучше, палаты, упоенныя патріотизмомъ не смѣли героямъ и побѣдителямъ отказать въ томъ, въ чемъ отказывали обыкновеннымъ смертнымъ.

Именно случай сдѣлалъ все это для приведенныхъ личностей, потому что какой бы стратегикъ Мольтке ни былъ, сколько бы медвѣжатъ и членовъ парламента графъ Бисмаркъ ни былъ въ состояніи приструнивать и какъ бы король Вильгельмъ ни представлялъ все что онъ дѣлалъ, солидарнымъ съ волею промысла - но безъ прусской арміи Пруссія не одержала бы такъ скоро и такъ рѣшительно верхъ надъ Австріей. А прусскую армію создали не Бисмаркъ и Мольтке.

Посмотримъ же что такое была эта армія, такъ неожиданно приготовившая сюрпризъ Европѣ.

Уничтоживъ прусскія военныя силы подъ Іеною и Ауэрштедтомъ, Наполеонъ I дозволилъ Пруссіи имѣть подъ ружьемъ всего 42,000 человѣкъ. Какъ тутъ быть! Министръ Шарнгорстъ нашелся какъ поправить долю своей бѣдной родины. Онъ ввелъ законъ, по которому граждане служили въ арміи только очень короткій срокъ времени, послѣ чего поступали въ резервъ, а ихъ мѣсто занимали другіе. Цѣль была та, чтобы, такъ сказать, обойдти требованіе, наложенное побѣдителемъ: если уже нельзя было содержать подъ знаменами болѣе 42,000 человѣкъ, то по

крайней мѣрѣ пусть по очереди служило возможно большее число людей, изъ которыхъ въ случаѣ надобности можно было составить резервъ. Введя короткій срокъ службы Пруссія имѣла подъ ружьемъ предписанное число солдатъ, но внѣ арміи у нея былъ запасъ людей прошедшихъ службу и готовыхъ вступить вновь въ ряды по первому призыву.

Такимъ образомъ то, что должно было унизить Пруссію, возвысило ее. Проводя чрезъ военную школу все населеніе, хотя оставляя подъ знаменами людей лишь короткое время, Пруссія скоро явилась военною державою. Обязательное обученіе въ ней подготовило обязательную военную службу для всѣхъ классовъ общества безъ исключенія. Началось съ подчиненія нравственной стороны человѣка государственнымъ нуждамъ, кончилось поголовнымъ обмундированіемъ физическаго человѣка для государственныхъ цѣлей. Переходъ былъ естественный.

Благодаря закону объ обязательной военной службѣ для всѣхъ и выпуску массы гражданъ въ резервъ, Пруссія, въ войны съ Наполеономъ въ 1813—15 гг., могла выставить большія арміи.

Съ веденія общей обязательной службы Пруссія ежегодно брала изъ населенія въ армію 40,000 человѣкъ. При короткомъ срокѣ службы (только два годъ въ дѣйствующей арміи) страна не имѣла большой постоянной арміи, но если была нужда, сотни тысячъ гражданъ, числившихся въ резервѣ, поступали въ армію.

Численность прусской арміи въ мирное время до послѣднихъ лѣтъ продолжала оставаться незначительною. 130,000 солдатъ прусской постоянной арміи была очень незначительная цифра въ сравненіи съ тѣмъ, что содержали подъ знаменами въ мирное время Россія, Австрія и Франція. За то

вся Пруссія превратилась по составу населенія въ страну отпускныхъ или резервныхъ солдатъ. Налицо было мало, въ запасѣ много. Другія державы выставляли свои военныя богатства въ окошкахъ, Пруссія держала свои въ сундукѣ.

Пока блестящая Франція, основывая свое могущество на пергаментныхъ спискахъ и преданіяхъ прошлаго, превращалась въ Аѳины девятнадцатаго вѣка, солидная Пруссія дѣлалась Спартою. Тутъ не было блеска, но была суть.

Болѣе обстоятельный взглядъ на прусское военное устройство покажетъ, что Пруссія—дѣйствительно Спарта нашего времени.

Главный штабъ прусской арміи въ войну съ Австріей въ 1866 г. довольствовался только четырьмя писарями. Тамъ бумаги пишутъ сами начальствующія лица, тамъ не считается за униженіе показаться грамотнымъ. Главный штабъ въ Берлинѣ помѣщается очень скромно. По узкимъ и извилистымъ лѣстницамъ посѣтитель поднимается въ помѣщеніе начальника штаба, Мольтке. Узко, тѣсно, невзрачно. Но пруссаки по видимому гордятся этою спартанскою простотою.

— Какъ видите, нашъ штабъ не помѣщается какъ вашъ, во дворцѣ, сказалъ Мольтке русскому офицеру, представлявшемуся ему въ 1869 г. Офицеру показалось („Заря“ 1870 № 9, „Прусская армія въ 1869 г.“), что въ голосѣ начальника прусскаго штаба при этомъ слышалась иронія.

Прусскій офицеръ—обыкновенно дворянчикъ, часто маменькинъ сынокъ—можетъ дома жить какъ угодно роскошно, но на службѣ онъ носитъ мундиръ изъ толстаго сукна и ѣстъ за офицерскимъ столомъ сытно, но не роскошно. Пруссаки—теперь народъ военный по преимуществу, такъ какъ въ 60 лѣтъ военная выправка вошла въ плоть и кровь народа. Какъ Спарта создавала солдатъ всѣми государствен-

ными учрежденіями, такъ и Пруссія, въ то время когда въ другихъ государствахъ должны были напоминать солдатамъ, что они люди, напоминала у себя непрестанно людямъ, что они солдаты.

Если бы солдаты Пруссіи были солдаты въ старинномъ смыслѣ слова, то это была бы гибель ея. Солдатъ-машина погубилъ бы Пруссію. Страна автоматовъ заснула бы сномъ неподвижности. Но дѣло въ томъ, что прусскій солдатъ — воинъ-гражданинъ. Онъ настолько солдатъ на сколько нужно въ этомъ мірѣ кулака и зубовъ, быть всегда на готовѣ, чтобы постоять за себя, не дать себя въ обиду. Если ужъ такой вѣкъ, что нельзя прожить не подравшись, то умный человѣкъ долженъ быть всегда на готовѣ, чтобы не дать себя въ обиду и даже заставить себя уважать; а такъ какъ необразованность и неразлучный съ нею низкій нравственный уровень преклоняются только предъ физическою силою, то приходится съ волками по волчьи выть.

Страна солдатства въ новомъ смыслѣ слова, Пруссія вмѣстѣ съ тѣмъ страна людей образованныхъ. Это обстоятельство бросаетъ оттѣнокъ на характеръ всѣхъ служебныхъ отношеній въ прусской арміи.

Пруссакъ высоко цѣнитъ дисциплину. Если законъ Дарвина о наслѣдственности качествъ справедливъ, то фрунтовыя наклонности должны были всосаться въ прусаковъ съ молокомъ матери въ теченіи 60 лѣтъ общественной строевой службы. Но пруссакъ цѣнитъ правило, а не человѣка; принципъ, а не лицо. Разграниченіе классовъ въ Пруссіи еще сильно. Когда пришло въ Пруссію извѣстіе, что въ Россіи вышло постановленіе, позволяющее каждому рядовому послѣ 8-лѣтней службы достигнуть офицерскаго званія, если только онъ пріобрѣтетъ нужное образованіе, то въ Пруссіи были

этимъ очень поражены. Мольтке сказалъ, что даже при томъ уровнѣ образованія, который существуетъ въ ихъ арміи, они еще не могли рѣшиться на подобную мѣру. Въ Пруссіи дворяне служатъ офицерами и высшіе офицерскіе чины достигаются съ большимъ трудомъ, такъ что полковничьи и генеральскіе ранги получаются въ лѣтахъ очень почтенныхъ и даже преклонныхъ. Затѣмъ нижніе чины представляютъ два разряда. Унтеръ-офицеры служатъ въ рядахъ по 12 лѣтъ, послѣ чего выпускаются совершенно въ отставку и получаютъ должности по почтовому вѣдомству, желѣзнымъ дорогамъ и т. д. Солдаты прежде служили въ дѣйствующей арміи по два года, теперь служатъ три, и четыре года затѣмъ въ резервѣ. Послѣ семилѣтней службы въ арміи и въ резервѣ (т. е. въ отпуску) они поступаютъ въ ландверъ, гдѣ служатъ девять лѣтъ и наконецъ зачисляются въ ландштурмъ. Послѣднія перемѣны въ правилахъ службы введены нынѣшнимъ военнымъ министромъ, генераломъ Роономъ. Онѣ начаты были въ 1860 г. и приведены къ окончанію въ 1866 г. Вмѣсто прежнихъ 40,000 человѣкъ Пруссія стала ежегодно призывать въ ряды 63,000 человѣкъ, и, при четырехлѣтней службѣ въ безсрочномъ отпуску, найдена возможность собирать, въ случаѣ надобности, довольно значительную армію, не тревожа ландверъ, такъ какъ это почтенное собраніе отцевъ семейства всегда не слишкомъ охотно хватается за лавры военныхъ кампаній и оказываетъ предпочтеніе домашнимъ пенатамъ. Казалось бы при рѣзкой грани, существующей между офицерами и нижними чинами въ прусской арміи, тамъ не только должна была бы господствовать свирѣпая дисциплина, но и вообще чинопочитаніе должно бы быть распространено неимовѣрно. Но оказывается что этого нѣтъ. На сколько требуетъ служба пруссакъ—солдатъ; если служба въ сто-

рону—онъ образованный человѣкъ. Пруссаки педанты между собою въ официальныхъ сношеніяхъ, но просты и обходятся по товарищески когда того не требуетъ служба. У нихъ соблюдаются правила не для формы, а для дѣла. Солдатъ отдаетъ честь офицеру, но чтобъ отдать ее, онъ свободно беретъ изъ правой руки въ лѣвую сигару, которую курилъ до того и которую будетъ курить послѣ. Офицеръ останавливаетъ унтеръ-офицера, прогуливающагося съ дамой подъ ручку, они другъ съ другомъ разговариваютъ взаимно-вѣжливо, и при прощаніи офицеръ подаетъ унтеръ-офицеру руку, которую тотъ развязно-любезно пожимаетъ. Часовой разговариваетъ съ посторонними лицами въ сторонѣ отъ своего поста; замѣтивъ офицера, онъ становится на своемъ мѣстѣ, отдаетъ честь и затѣмъ опять идетъ балагурить съ своимъ собесѣдникомъ. Въ публичныхъ садахъ офицеры сидятъ, пьютъ и курятъ въ одномъ мѣстѣ, а солдаты шагахъ въ 15 отъ нихъ точно также сидятъ, пьютъ и курятъ своимъ кружкомъ. Они отдаютъ честь привставая при входѣ новыхъ лицъ изъ офицеровъ, но затѣмъ садятся и продолжаютъ свое дѣло. Все это поражало русскаго военнаго человѣка (заимствуемъ впечатлѣнія его изъ приведенной выше статьи въ „Зарѣ“) и не могло не поразить. Все это такой контрастъ нашимъ порядкамъ.

Эти порядки установились въ Пруссіи недавно—съ австро-прусской войны 1866 года. До тѣхъ поръ чинопочитаніе внѣ служебныхъ нуждъ было въ ходу и въ прусской арміи, но образованные люди увидали, что ранги ихъ немного раздѣляютъ, и стали обращаться другъ съ другомъ болѣе естественно.

Соображая все можно сказать, что въ Пруссіи не человѣкъ сдѣлался солдатомъ, а солдатъ человѣкомъ.

Обученіе прусскихъ войскъ во фрунтѣ строго согласуется съ военными нуждами, а не производится ради картинности парадовъ. Пѣхоту учатъ гдѣ нибудь за городомъ, на пересѣченной мѣстности. Не убиваютъ гладко плац-парада для ученія войска, потому что учатъ солдатъ не для выправки ноги, а для войны. Зато гдѣ удобство можетъ быть допущено, тамъ прусское военное начальство ревностно печется о солдатѣ. Артилерійскій солдатъ садится на ось орудія, между колесами и корпусомъ орудія, но садится въ кресло съ каучуковыми подушками.—На ученьяхъ артилерія стрѣляетъ не въ однѣ неподвижныя мишени, но и въ подвижныя цѣли. При этомъ цѣль или движется на орудія, изъ которыхъ стрѣляютъ въ нее, или мимо съ извѣстною скоростью. Стрѣляютъ на ученіяхъ также какъ въ видимыя цѣли, такъ и въ скрытыя лѣсомъ и т. п. Все это сообщаетъ вѣрный навыкъ артилеристамъ и не даромъ Наполеонъ III, самъ немножко артилеристъ, называлъ прусскую артилерію первою въ мірѣ.

Но и кавалерія у прусаковъ не дурна. Офицеры въ Пруссіи обыкновенно не жалѣютъ денегъ на лошадей и имѣютъ ихъ по нѣскольку. Ученіе прусской кавалеріи также всегда имѣло въ виду, что придется дѣйствовать на неровной, пересѣченной мѣстности. Каждая прусская кавалерійская лошадь пріучена прыгать чрезъ барьеръ въ полчеловѣческаго роста. Точно какъ будто пруссаки все время имѣли въ виду, что имъ придется разсылать улановъ по волнистой мѣстности Франціи! Лошадь въ прусской кавалеріи сначала пріучается одна, безъ всадника, прыгать чрезъ барьеры; для этого устроены особенные коридоры съ барьерами, гдѣ лошадь подгоняютъ кнутомъ, чтобы заставить прыгать. Такимъ образомъ лошадь исподволь пріучается легко и

безъ напряженія перескакивать чрезъ плетни, кустарники, частоколъ и проч. Нечего и говорить какое преимущество доставляетъ это на войнѣ. О прусскихъ кавалеристахъ отзываются, что они можетъ быть и плохіе ѣздоки, но за то смѣлые наѣздники. Лошадь прусскаго кавалериста никогда не бываетъ въ мылѣ, какой бы моціонъ ни былъ. Пруссаки думаютъ, что если лошадь въ мылѣ, то это значитъ лишь, что она слишкомъ жирна, а по ихъ мнѣнію жирная лошадь не годится для строя, такъ какъ она мало вынослива. Прусскій кавалеристъ не даетъ своей лошади слишкомъ много овса и сѣна. Солома также составляетъ существенную долю пищи его лошади. И эти не раскормленныя, часто невзрачныя на видъ лошади выносятъ очень много, поворотливы и проворны въ ѣздѣ. Уланы доказали во Франціи, что они въ дѣлѣ ловкости тоже что наши казаки.

VII.

СОЮЗНИКИ ПРУССІИ.

У Мольтке есть помощники, безъ которыхъ ему трудно было бы такъ легко управиться съ французами. Эти помощники лучше многихъ дѣльныхъ генераловъ. Это — телеграфъ, желѣзныя дороги и военно-почтовое вѣдомство.

На бумагѣ у Пруссіи числилось въ мирное время 285,000 солдатъ, у Франціи 400,000. Въ военное время силы того и другаго государства должны были уравновѣситься — у каждой подъ знамена должно было стать около 800,000 человѣкъ. Но когда на сторонѣ Пруссіи явились сверхъ того телеграфъ, желѣзныя дороги и почтовое вѣдомство — Франція должна была уступить.

У нея были картечницы, которыхъ у Пруссіи не было. Если прибавить къ этому шасспо, бьюшія на 2000 шаговъ и убивающія на 1500 и 1800, тогда какъ прусскія ружья Дрейзе наносятъ дѣйствительный вредъ только на 400 шагахъ разстоянія; если не забудемъ, что французскіе кавалеристы вооружены карабинами, бьющими на 800 шаговъ, тогда какъ прусскіе кавалеристы лишь частью вооружены револьверами, а остальные пиками, то не смотря даже на значительное превосходство прусской артилеріи надъ французскою (при каждомъ прусскомъ корпусѣ изъ двухъ девизій, считается 90 отлично дѣйствующихъ орудій), окажется, что мнѣніе русскаго офицера о превосходствѣ французскаго вооруженія надъ прусскимъ въ послѣднюю войну („Русс. Инв." 1870, № 205) вовсе не парадоксъ и что легко можетъ быть, что имѣя шасспо и картечницы пруссаки оказали бы еще болѣе блестящіе успѣхи.

Но тѣмъ не менѣе, если подъ орудіями борьбы разумѣть не одно оружіе — пруссаки были лучше вооружены, чѣмъ ихъ противники.

Шесты и металическая проволока, полосы желѣза и почтовыя сумки оказали болѣе существенное вліяніе на кампанію, чѣмъ шасспо и картечницы.

За каждымъ прусскимъ корпусомъ слѣдовалъ военный телеграфъ. Нѣсколько каретъ и колясокъ везли телеграфный штатъ за корпусомъ: 6 фургоновъ—шесты, проволоку и пр. Въ корпусномъ телеграфномъ отдѣлѣ числились одинъ офицеръ, нѣсколько саперъ и конныхъ вѣстовыхъ, — для установки телеграфа, и инспекторъ съ пятью телеграфистами для передачи депешъ.

Мы нарочно внимательнѣе остановимся на очеркѣ прусскаго военнаго телеграфа — онъ былъ главный залогъ успѣ-

ховъ пруссаковъ. Подробности заимствуемъ мы изъ кореспонденціи съ театра войны въ „Русс. Инв.“ 1870, № 208.

Обязанность офицера при корпусномъ телеграфѣ — изслѣдовать линіи, удобныя для устройства телеграфнаго сообщенія. Офицеръ ѣдетъ верхомъ, осматривая мѣстность; въ этомъ помогаютъ ему конные вѣстовые. Какъ скоро линія опредѣлена, начинается разстановка столбовъ. Это—дѣло саперовъ. Столбы, или вѣрнѣе шесты, и проволоки сложены въ пяти фургонахъ корпуснаго телеграфа (шестой фургонъ предназначается для другихъ болѣе мелкихъ принадлежностей). Эти фургоны тяжелы, каждый везется шестью лошадьми цугомъ; и не мудрено: въ каждомъ фургонѣ сложено столько шестовъ и столько навернутой на деревяшки изолированной гуттаперчевой проволоки, сколько нужно для разстановки на протяженіи одной нѣмецкой мили, т. е. семи верстъ (ставится по телеграфному столбу на разстояніи каждыхъ 50 шаговъ). Кареты, въ которыхъ ѣдутъ телеграфисты, приспособлены вмѣстѣ быть телеграфными станціями. Эти желѣзныя кареты довольно легки — они везутся двумя лошадьми. Въ каретѣ подъ сидѣніемъ для телеграфиста поставленъ апаратъ, и тутъ же подъ столикомъ батарея. Въ каждой каретѣ находится два апарата Морза и двѣ электрическія батареи.

Желѣзнымъ ломомъ провертываются углубленія въ указанномъ направленіи. Въ эти углубленія вставляются столбы съ предварительно навѣшанною на нихъ проволокою. Гдѣ лѣсъ, тамъ деревья замѣняютъ шесты, причемъ, если нужно, обрѣзываются мѣшающіе листья деревьевъ и т. д. Проведеніе военныхъ телеграфовъ во Франціи было значительно облегчено прусскимъ телеграфистамъ сѣтью устроенныхъ французскихъ телеграфовъ. Во первыхъ, многія линіи были готовы; во вторыхъ, оставалось только снять столбы и проволоку съ

нѣкоторыхъ существующихъ линій и устроить новыя военно-походныя линіи. Каждый корпусъ, имѣя 5 фургоновъ съ шестами и проволокою, могъ устроивать тридцать пять верстъ телеграфной линіи и конечно французскими линіями, которыя уже были готовы, оставалось только пользоваться. Военный телеграфъ можно назвать нервами прусской арміи, которые придавали ей жизнь и силу. Французская армія была несплоченное цѣлое, прусская совершенный организмъ. Электричество, переливаясь по 280 верстамъ военно-походной телеграфной проволоки восьми прусскихъ корпусовъ, совершившихъ вторженіе во Францію, одушевляло эту громадную массу людей. Французская армія въ сравненіи съ прусской была трупъ предъ живымъ тѣломъ. Мольтке могъ передавать всѣ свои ощущенія и мысли этому тѣлу. Какъ могли французскіе полководцы явиться дѣйствующимъ мозгомъ и нервнымъ средоточіемъ въ трупѣ?

Военный желѣзно-дорожный отдѣлъ также принесъ свою долю пользы. Если телеграфныя проволоки хорошо организованной современной арміи,—ея нервы, то желѣзныя дороги должны быть названы жилами этого военнаго организма. Онѣ должны нести организму правильное питаніе. И желѣзнодорожный отдѣлъ выполнялъ свое назначеніе. Прусская армія снабжалась всѣмъ въ необходимомъ количествѣ и сверхъ того самое передвиженіе частей ея могло совершаться удобнѣе и свободнѣе. Какъ только пруссаки оттѣснили французовъ внутрь страны, они занялись тотчасъ же возстановленіемъ разрушенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Дорога на Нанси и Баръ-ле-Дюкъ была очень скоро возстановлена и открыта движенію. Случалось, что пруссаки возстановляли разрушенныя части желѣзныхъ дорогъ въ нѣсколько дней. У Ремильи, близъ Меца, въ 40 дней было построено 35 верстъ желѣзной дороги,

причѣмъ нужно было устроить віадукъ въ 500 футовъ длины и построить мостъ чрезъ Мозель. Обложивъ Мецъ, прусская армія тотчасъ же занялась проведеніемъ вокругъ него желѣзной дороги для соединенія всѣхъ частей арміи. Взятіе Туля потому и составляло насущную потребность для пруссаковъ, что этотъ городъ господствовалъ надъ важнѣйшею линіею желѣзной дороги, а обходной линіи сдѣлать оказалось невозможнымъ. Взятіе этой небольшой крѣпости такимъ образомъ было дѣйствительнымъ торжествомъ для пруссаковъ. Разрушеніе 60 мостовъ около Парижа французами если имѣло какое нибудь стратегическое значеніе, то именно потому, что возстановленіе движенія по дорогамъ для прусскихъ военныхъ цѣлей требовало времени. Двинувшись на Орлеанъ, пруссаки главнымъ образомъ имѣли въ виду, что это—узелъ французскихъ желѣзныхъ дорогъ. Вообще и относительно желѣзныхъ дорогъ пруссаки вполнѣ пользовались какъ трудами своихъ желѣзно-дорожныхъ отдѣловъ, такъ и французскими линіями.

Почтовое вѣдомство, правильно организованное при арміи, составляетъ дополненіе къ телеграфному и желѣзно-дорожному вѣдомствамъ. Сношенія между частями арміи и между арміями должны быть регулярно организованы. Телеграфъ необходимъ для распоряженій важныхъ, настоятельныхъ и требующихъ быстроты исполненія. Но много есть другаго, чѣмъ должны помѣняться, на счетъ чего должны снестись, части арміи. Тутъ-то почтовое вѣдомсто доставляетъ массу удобствъ. Сверхъ того грамотная прусская армія не можетъ обойтись безъ большой переписки. Солдаты много пишутъ и много получаютъ писемъ. Кореспонденція солдатъ пересылается безплатно. Кто хочетъ, можетъ просто писать на незапечатываемыхъ въ конверты штемпельныхъ бланкахъ и они доста-

вляются почтальонами какъ письма. Въ военно-походномъ прусскомъ почтовомъ вѣдомствѣ до 1000 служащихъ, и всѣмъ имъ, особенно послѣ сраженій, много дѣла. Но и письма въ арміи солдатъ-людей разсылаются начальствомъ съ тактомъ. Извѣстія о смерти шлются не прямо къ роднымъ солдата, а къ пасторамъ и проч. данной мѣстности, чтобы грустное извѣстіе не обрушилось на родныхъ безъ приготовленія.

VIII.

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМІЯ.

Вторая имперія внесла съ собою изнѣженность и роскошь въ среду арміи; за приверженность къ имперіи и династіи, маршалы и генералы Франціи получили право быть сатрапами. Маршаламъ опредѣлено было ежегодное содержаніе въ 130,000 франковъ, гвардейскимъ дивизіоннымъ генераламъ въ 50,000 и армейскимъ въ 30,000.

Платили щедро, только стой за императорскіе интересы. Обыкновеннымъ стражамъ можно платить немного, трехголовымъ церберамъ нужно платить втрое. А нуждались именно въ такихъ церберахъ.

Получая много, французскіе главные предводители могли быть и въ походѣ сибаритами. Побѣдители нашли въ лагерѣ Макъ-Магона при Вертѣ массу гардероба и принадлежностей, о которыхъ офицеры прусскаго главнаго штаба имѣли гораздо меньше понятія, чѣмъ ихъ жены. Генералъ Роонъ нашелъ въ кабинетѣ Базена въ Резонвиллѣ такую бездну мелкихъ вещицъ, которымъ рѣшительно не зналъ употребленія, что ему только оставалось разсматривать ихъ въ уди-

вленіи. Такихъ великолѣпныхъ палатокъ, какія были у маршаловъ Франціи, не было и въ королевской квартирѣ прусской арміи.

Не мудрено, что прусскимъ генераламъ не угнаться было въ дѣлѣ роскоши за французскими. Прусскій корпусный командиръ - почти тоже что маршалъ Франціи—имѣлъ въ годъ не болѣе 10,000 талеровъ (35,000 франковъ). Правда, въ военное время это содержаніе удвоялось, но значительно увеличивались и расходы прусскихъ генераловъ въ походѣ, и даже именно на покрытіе этихъ расходовъ назначалась прибавка содержанія. Прусскіе высшіе чины должны были жить такимъ образомъ скромнѣе своихъ французскихъ собратовъ, хотя конечно образъ жизни ихъ мы не оцѣниваемъ тѣмъ, что на столѣ короля Вильгельма шампанское появилось лишь послѣ капитуляціи Седана, а графъ Бисмаркъ даже и это великое событіе въ исторіи привѣтствовалъ стаканомъ простаго пива. Тутъ утрировка. Великіе міра сего иногда великіе охотники до театральностей.

Во всякомъ случаѣ Спарта XIX вѣка не совсѣмъ Спарта и Аѳины не совсѣмъ Аѳины.

Франція—современные Аѳины только до извѣстной степени. Она, больше Рима временъ имперіи, золотой куполъ на кирпичномъ зданіи. Золотомъ только покрыли глину, пережженную въ горнѣ имперіализма. Много лѣпили разныхъ штукъ изъ этой глины въ теченіе нынѣшняго столѣтія и конечно для виду все маскировали золотомъ. Много блеску сверху, жалкая масса внутри.

Но таковъ ли былъ Римъ временъ Каракаллы?

Но и Пруссія не вполнѣ Спарта нашего времени. Въ новой Спартѣ много суровости, простоты, милитаризма. Но все это освѣщено колоритомъ образованности, гуманности, заботы

о людяхъ. Спарта развивая характеръ—подавляла чувства, Пруссія дѣйствуетъ на чувства, чтобы развить характеръ.

Если Франція кирпичная постройка съ золотымъ куполомъ, то Пруссія — мраморное зданіе безъ украшеній и строгой архитектуры.

Мы начали главу съ позолоты на французскомъ государственномъ зданіи. Французскимъ сильнымъ міра при второй имперіи жилось дѣйствительно хорошо. Посмотримъ теперь что было подъ этою позолотою купола.

Мы говорили о предводителяхъ прусской арміи и о боевой силѣ ея отдѣльно. Тамъ дѣйствительно есть это разграниченіе. Офицерское сословіе и рядовая масса—тамъ двѣ касты, и хотя касты не вполнѣ, такъ какъ переходъ есть изъ одной въ другую, но переходъ этотъ труденъ. Теперь взглянемъ на французскую армію, отъ генерала до солдата представляющую такъ сказать, однородную массу. Какъ скоро императорскую позолоту отбросимъ въ сторону—и куполъ и части зданія окажутся изъ одного и того же кирпича. Поэтому мы будемъ о предводителяхъ и массѣ французской арміи говорить вмѣстѣ.

Революція 1789 года слила Францію въ одну однородную массу. Каждый солдатъ ея могъ быть генераломъ. Всѣ граждане должны были нести тяжесть военной службы. Въ этомъ вдругъ выросла для Франціи громадная сила, которая отбросила иностранныя арміи изъ предѣловъ Франціи, и затѣмъ при Наполеонѣ I подчинила вліянію Франціи всю Европу.

Массы были одинаково неразвиты и тутъ и тамъ. Но изъ нихъ выдавались отдѣльныя личности. Во Франціи, при республиканскихъ условіяхъ жизни, они выдвигались впередъ, въ другихъ государствахъ оставались въ толпѣ и были под-

чинены бездарностямъ по выбору правительства. Вотъ первая причина военныхъ успѣховъ французской республики.

Люди мысли и науки, даже просто люди со средствами, не шли въ другихъ государствахъ въ ряды арміи. Во Франціи развитая масса гражданъ стала въ ряды съ прочими согражданами, и конскрипція отмѣнила налогъ крови на невѣжество и бѣдность. Всѣ должны были идти подъ знамена. Вотъ вторая причина военнаго могущества Франціи при республикѣ и первой имперіи.

Конечно политическій историкъ найдетъ еще одну, и болѣе, чѣмъ всѣ остальныя, существенную причину военныхъ успѣховъ Франціи въ началѣ нынѣшняго столѣтія: оружію Франціи легко было побѣждать правительства, когда французская мысль уже побѣдила народы. Но мы говоримъ здѣсь лишь исключительно съ военной точки зрѣнія.

Посмотримъ теперь, чѣмъ стала французская армія во времена второй имперіи. Идеи равенства, братства и свободы уже пустили ростокъ по всей Европѣ—въ нихъ не было больше силы исключительно для Франціи. Во главѣ арміи стояли не избранные изъ народа, а тѣ, кто оказалъ услуги бонапартизму или былъ его охраною. Конскрипція de facto была отмѣнена и тягость военной службы падала исключительно на недостаточные классы.

И такъ обстоятельства радикально измѣнились. Измѣнилось и военное счастіе Франціи.

Кто стоялъ во главѣ французской арміи при началѣ франко-прусской войны? Наполеонъ III, Лебефъ, Макъ-Магонъ, Базенъ и т. д.

Наполеонъ III хотѣлъ прославиться какъ спеціалистъ по артилеріи. Но „хотѣлъ“ и „могъ“—двѣ разныя вещи. На престолѣ можно хотѣть многаго; но „мочь“ или “не мочь“

рѣшается судьбою и природнымъ дарованіемъ. Кампанія 1859 года доказала, что Наполеонъ III плохой полководецъ. Плохая надежда на военныя силы была у страны, гдѣ устройствомъ ихъ занимался человѣкъ, самъ себя произведшій въ артилеристы и генералисимусы.

Лебефъ, порядочный артилеристъ, оказался самымъ оплошнымъ и неосторожнымъ военнымъ министромъ.

Отдавая полную дань рыцарскому характеру и личному благородству герцога Маджентскаго, можно только сказать, что если бы не случай дозволившій ему выручить изъ бѣды Наполеона III при Маджентѣ, то еще трудно было бы рѣшить, какими особенными подвигами пріобрѣлъ онъ право на отличіе, а франко-прусская война во многомъ раскрыла его неспособность какъ полководца.

Базенъ — личность безспорно болѣе выдающаяся, хотя это антиподъ по чертамъ характера рыцарскому Макъ - Магону. Пріемышъ ли это Петра Петровича Базена, о которомъ говоритъ Вигель въ своихъ запискахъ, или нѣтъ... отъ раскрытія этого одинаково мало потеряютъ и Базенъ, и Россія. Для эфекта оно можетъ быть и существенно, что Базенъ — русскій, точно также какъ эфектно заявленіе, что генералъ Урихъ, извѣстный защитникъ Страсбурга, никто иной какъ долматинецъ — Уричъ; но оставляя славянскія сердца биться при этомъ разными чувствами, мы должны сказать, что гораздо существеннѣе и для этихъ лицъ, и для Франціи, что они начали службу изъ низшихъ чиновъ; Базенъ былъ долго солдатомъ и барабанщикомъ. Холодный въ сужденіяхъ, проницательный, мало говорящій и больше думающій, анализирующій ближнихъ своими умными глазами, Базенъ больше сынъ какой угодно другой націи, чѣмъ французской. Подъ сѣдинами тутъ лежитъ масса опыта. Сморщенное загорѣлое

въ Мексикѣ лицо обличаетъ энергію и твердость характера. Не ищите тутъ высокой нравственной доблести, но тутъ есть несомнѣнный военный закалъ и опытность предводителя. Оставьте въ сторонѣ Базена какъ человѣка и подойдите къ нему какъ къ полководцу. Не даромъ король Вильгельмъ сказалъ, что пруссаки впервые встрѣтили дѣльное сопротивленіе лишь подъ Мецомъ.

Базенъ честолюбивъ. Это его отличительное, главное качество. Онъ былъ избранъ имперіализмомъ въ свои опоры и даже по внѣшности, по усамъ и бородкѣ, былъ. подобно генералу Ладмиро, имперіалистомъ, такъ какъ во Франціи, этой странѣ внѣшнихъ отличій, даже крутить усы à la Napoléon III и носить эспаньолку въ родѣ императорской, также имѣло свое значеніе. Но когда императоръ очутился въ очень непріятной роли неспособнаго генералисимуса и долженъ былъ сдать команду, Базенъ явился какъ бы его повелителемъ и подвергъ его ряду униженій, такъ что императору было вѣроятно отрадно вырваться отъ него къ рыцарскому Макъ-Магону.

Гр. Паликао — другая личность, которую выдвинула послѣдняя война, и выдвинула, надо согласиться, съ очень неблагопріятной стороны. Герой Китая личность очень не глупая, но которая кажется все подчиняетъ холодному взвѣшиванію личнаго расчета. Вглядитесь въ его рѣшительное лице съ круто-согнутыми дугами бровей надъ глазами, съ убійственно-ледянымъ выраженіемъ глазъ, и вы получите понятіе о человѣкѣ, который не остановится ни предъ чѣмъ, если того потребуетъ предположенный имъ планъ. Это человѣкъ, который могъ въ своихъ отчетахъ законодательному корпусу всѣ пораженія называть побѣдами, хотя у него подъ руками были всѣ данныя, разъяснявшія истину. Но несомнѣнно так-

же, что если бы было нужно, то онъ и всѣ французскія побѣды могъ бы представить пораженіями.

О второстепенныхъ личностяхъ, каковы Фроссаръ, воспитатель императорскаго принца, и Фальи, герой Ментаны, хвалившійся тѣмъ, что шасспо славно дѣйствовало противъ почти безоружныхъ гарибальдійцевъ, говорить подробно не стоитъ. Быстро выдвинутые бонапартизмомъ въ корпусные генералы, они должны были и его уронить, и пасть съ его роковою ошибкою.

Теперь отъ генералитета перейдемъ къ рядамъ. Французскіе военные начальники больше выходили изъ рядовъ. Двѣ трети французскихъ офицеровъ производится изъ рядовыхъ и только $^1/_3$ вакансій замѣщается воспитанниками корпусовъ. Въ прусской арміи сравнительно гораздо меньше нижнихъ чиновъ достигаетъ офицерскаго званія и только послѣ очень строгаго испытанія въ наукахъ, тогда какъ во французской арміи почти обходятся безъ этого испытанія. Между тѣмъ прусскіе ряды могли бы давать массу достойныхъ офицеровъ. Образованіе стоитъ сравнительно очень высоко въ арміи, гдѣ въ нижнихъ чинахъ служатъ и учителя, и адвокаты, и архитекторы. Во Франціи образованные классы вовсе не служатъ въ низшихъ военныхъ чинахъ. Изъ рекрутъ, поступающихъ въ прусскую армію, только 5% вовсе не знаютъ грамоты, во французской арміи — 25%, сверхъ того если прусскій солдатъ получилъ образованіе, то оно уже не ограничивается одною грамотностью, а довольно солидно. Для офицера, часто отвѣчающаго за жизнь десятковъ и сотенъ людей, образованіе и развитіе необходимы, а ихъ иногда вовсе нельзя встрѣтить во французскомъ офицерѣ, хотя какъ рубака онъ часто достигаетъ высшихъ степеней въ армейскомъ производствѣ.

Образованіе даже какъ-то гонится во французской арміи. Тогда какъ нѣмецкій главный штабъ составленъ изъ людей не только образованныхъ, но и ученыхъ, французскіе офицеры генеральнаго штаба постоянно отличались больше свѣткостью. Военый министръ генералъ Ніель хотѣлъ это нѣсколько измѣнить. Это былъ во всякомъ случаѣ человѣкъ съ дѣльными стремленіями. Онъ хотѣлъ, чтобы офицеры генеральнаго штаба были разсадниками образованія въ арміи. Онъ хотѣлъ прикомандировать къ каждому французскому полку по дѣльному и образованному офицеру, который бы, такъ сказать, восполнялъ незнаніе и малое развитіе армейскаго офицерства. Онъ зналъ значеніе желѣзныхъ дорогъ во время кампаніи и хотѣлъ пріучать солдатъ къ желѣзно-дорожнымъ маневрамъ. Онъ завелъ въ офицерскихъ кружкахъ научныя бесѣды. Начинанія не удались покойному министру. Офицеры генеральнаго штаба нашли очень незавидный пріемъ въ полкахъ и арміи; да и при степени образованности французскаго генеральнаго штаба едва ли мѣра министра пока могла принести много существенной пользы. Съ желѣзными дорогами французская армія также не много свыклась. Научныя офицерскія бесѣды не удались, и французскій военный журналъ по прежнему могъ жаловаться, что между офицерами маленькой бельгійской арміи у него больше подписчиковъ чѣмъ между французскими. Это очень мало напоминаетъ прусскую армію, гдѣ чуть не каждый солдатъ привыкъ читать свою газету, такъ что германскіе издатели журналовъ, посылающіе безплатно массу своихъ изданій въ армію на походѣ, знаютъ что оказываютъ этимъ своимъ соотечественникамъ существенную услугу.

Плохо развитый, мало образованный французскій солдатъ, котораго имперіализмъ изъ собственнаго расчета совершенно

отдѣлилъ отъ народа, не устоялъ бы противъ образованнаго солдата народной прусской арміи, если бы даже во главѣ французской арміи были геніи въ сравненіи съ прусскою. А такъ какъ тутъ и тамъ были обыкновенные люди, и даже въ прусской ученость и опытность восполняли недостатокъ геніальности и неудобства, соединенныя съ старческою флегмою и сѣдинами предводителей, то въ результатѣ было колосальное превосходство прусской арміи.

IX.

ПАДЕНІЕ ВТОРОЙ ИМПЕРІИ.

Седанъ обложенъ. Является парламентеръ къ нѣмцамъ. Вдругъ раздается кликъ: „императоръ здѣсь!“ Нѣмцы неожиданно узнали, что вмѣстѣ съ арміею попался въ седанскую западню и Наполеонъ III. Скоро отъ императора является его адъютантъ О'Рейль съ запиской — къ королю Вильгельму. Записка эта должна была явиться историческимъ документомъ, слѣдовательно на составленіе ея нужно было употребить все искуство. И дѣствительно она была составлена очень искусно.

Такъ какъ Наполеону III—гласила записка—не суждено было умереть на полѣ битвы, то онъ отдаетъ свою шпагу въ руки брата—короля. Коротко и внушительно. Искалъ ли Наполеонъ III смерти или нѣтъ — это другой вопросъ, но что ему не суждено было умереть на полѣ битвы —это фактъ; онъ тутъ самъ былъ на лице и король Вильгельмъ могъ принять не замаравъ рукъ, шпагу, на которой не было ни капли крови.

Братъ-императоръ хочетъ видѣться съ братомъ-королемъ.

Очень много родственнаго, но еще больше непріятныхъ ощущеній ждетъ того и другаго. Видѣться ли королю съ плѣнникомъ и какъ видѣться? Рѣшено допустить свиданіе.

Наполеонъ III хочетъ видѣть Бисмарка. Sic transit.... Наполеонъ III въ прусскую главную квартиру. Бисмаркъ — весь любезность, весь предупредительность. Что въ душѣ этого человѣка — о томъ не спрашивайте, да и Наполеонъ III едва ли прямо смотрѣлъ своими маленькими глазами въ эти глаза недавняго врага и соперника, теперь съ рыцарскимъ чувствомъ уваженія къ падшему величію подошедшаго съ открытой головой къ императорской каретѣ.

А король Вильгельмъ? Этотъ добрый и патріархальный старецъ прежде всего пишетъ письмо къ королевѣ Августѣ, въ Берлинъ, прежде всего благодаритъ промыселъ, взыскавшій его своею милостью. Бисмаркъ готовъ острить. Онъ говоритъ, что императоръ вспомнилъ, что еще не отдалъ визита королю. Но это только для вида. Даже холодный премьеръ понималъ всю важность минуты.

Король и императоръ увидались. Никого не было при ихъ свиданьи. Наслѣдный принцъ прусскій притворилъ дверь въ комнату, гдѣ происходилъ разговоръ двухъ властителей, и самъ остался у входа.

Король намекнулъ, что Наполеонъ III началъ войну. Тотъ не допускалъ и мысли, чтобы войны хотѣлъ онъ. Войны хотѣла французская нація, ея требовало общественное мнѣніе націи, Наполеонъ шелъ за мнѣніемъ страны. Наполеонъ III сознался, что при отсутствіи дисциплины во французской арміи и при превосходствѣ прусской артилеріи — первой въ свѣтѣ по его мнѣнію — Франція не устоять въ войнѣ съ Пруссіею. Взаключеніе краткой бесѣды король предложилъ императору для мѣстопребыванія великолѣпный замокъ: Виль-

гельмсгёе въ Касселѣ. Императоръ стеръ перчаткою слезу благодарности—или то, что предназначалось быть слезою—при проявленіи такого великодушія со стороны маститаго короля, тогда какъ онъ - Наполеонъ III—только что предъ тѣмъ въ разговорѣ заявилъ, что сдается какъ простой офицеръ и не можетъ вести переговоровъ о мирѣ потому, что страною правитъ императрица-регентша. Какъ простаго офицера его могли послать въ крѣпость,—ему давали для жительства увеселительный замокъ, позволили взять съ собою все имущество, весь придворный штатъ. Эта любезность была скрѣплена рукопожатіемъ короля.

И вотъ въ то время, какъ кровь воиновъ и не воиновъ лилась подъ Мецемъ, въ Страсбургѣ и у Туля; когда 80,000 французовъ, взятыхъ въ плѣнъ, какъ барановъ повели гуртомъ въ Германію на роботы въ крѣпостяхъ, главный виновникъ всего этого кровопролитія и всей этой драмы ѣхалъ въ сопровожденіи раззолоченной свиты, спокойно истребляя массами папиросы, въ раскошный и великолѣпный дворецъ, отведенный подъ его помѣщеніе.

Средствами къ жизни также заручился заблаговременно плѣнный властитель Франціи. Чрезъ одного Бернига было переведено имъ какъ сообщали въ Англію 23 мил. франковъ. Найдены бумаги, доказывающія, что у Наполеона III не менѣе 80,000,000 франковъ; иные все имущество французской императорской фамиліи оцѣняютъ въ 200 мил. франковъ. Куши все очень хорошіе. Говорятъ, что Наполеонъ III сталъ уже съ 1866 г. откладывать на черный день. Было ли это предвѣденіе того, что отъ пруссаковъ ждетъ его гибель, или просто запасливость осторожнаго человѣка?

Какъ бы то ни было, но семейство Бонапартовъ не мало

денегъ вывезло изъ Франціи. По этому поводу пошло въ ходъ очень остроумное четверостишіе:

Des deux Napoléons les gloires sont égales
Quoiqu' ayant prit les chemins inégaux:
L'un de l'Europe a pris les capitals,
L'autre du pays a pris les capitaux.

(Слава обоихъ Наполеоновъ равна, хотя тотъ и другой шли не по одному пути: одинъ у Европы отнималъ столицы, другой у Франціи отнялъ капиталы)

Весь каламбуръ вертится на словѣ capital, которое на французскомъ языкѣ имѣетъ два значенія — „столица" и „капиталъ."

Седанское плѣненіе также вызвало рядъ каламбуровъ. Вспомнили слова императорской гвардіи при Ватерлоо: „la garde meurt et ne se rend pas"; относительно Наполеона III конечно выходило на оборотъ: „Napoléon se rend et ne meurt pas" — „Наполеонъ III сдается, но не умираетъ." О потокѣ другихъ каламбуровъ нечего и упоминать: Франція въ Седанѣ потеряла Седанъ (ses dens свои зубы); Наполеонъ III потерялъ свой тронъ въ Седанѣ (en cédant — „уступая") и проч. и проч. Остроумнѣе другихъ историкъ Вельо отозвался на событіе. У французовъ есть обычай придавать королямъ и императорамъ прозвища сообразно характеру ихъ царствованія. Вельо назвалъ Наполеона III Sedentaire (домосѣдъ), что было въ прямомъ смыслѣ по созвучію съ Sedan, но отзывалось ироніею, такъ какъ этотъ домосѣдъ именно тогда, когда у Франціи оказалось много дѣла дома, удалился въ Вильгельмсгёе — домосѣдствовать.

Музыка (даже французская народная), безконечное ура, бутылки развеселяющаго и подкрѣпляющаго — все это очень естественно завершило великое событіе капитуляціи Седана

въ нѣмецкомъ лагерѣ. Король Вильгельмъ на время сдѣлался юношею по чувствамъ и, балагуря ласково съ приближенными за столомъ, спросилъ: а что, вѣдь не дурно было бы, еслибы вдругъ эдакъ написали: „гр. Бисмаркъ, князь эльзасскій!“, или „Мольтке, князь седанскій!“. Бисмаркъ нашелъ, что дѣйствительно это было бы недурно. Мольтке тоже вѣроятно нашелъ, что не дурно, но по своему обычаю не терять лишнихъ словъ и молчать на всевозможныхъ языкахъ, только поклонился и не сказалъ ни слова.

Между тѣмъ какъ въ нѣмецкомъ лагерѣ шли ликованія и въ то время, когда король саксонскій рѣшалъ, что ничѣмъ не можетъ болѣе почтить короля Вильгельма за седанскую капитуляцію, какъ учредивъ „орденъ Генриха,“ который бы никто другой не носилъ, кромѣ короля прусскаго — въ это время въ Парижѣ была совершенная анархія. Вожжи были выпущены и никто за нихъ не хватался. Императоръ въ плѣну. Паликао потерялъ голову. Императрица въ смятеніи. Въ это время вожди опозиціи въ законодательномъ корпусѣ схватились за власть смѣлыми руками. Пока Друенъ-де-Луи отсылалъ свои сундуки съ золотомъ въ Англію, вѣроятно досадуя, что этотъ презрѣнный металлъ имѣетъ такой обличительно-громадный удѣльный вѣсъ; когда другіе бонапартисты переводили и перевозили свои капиталы въ Англію и Бельгію—Лессепсъ дальній родственникъ императрицы Евгеніи, заботился объ императрицѣ и о Франціи, кн. Меттернихъ объ императрицѣ и объ Австріи, Пьетри объ императрицѣ и о себѣ. Императрица удалилась изъ тюльерійскаго дворца и изъ Франціи, а чрезъ нѣсколько часовъ Тюльери уже было занято народомъ, провозглашена республика и на дворцѣ Наполеона III была надпись, гласившая: „Отдается за отъѣздомъ. Обратиться къ королю прусскому.“

X.

ГЕНЕРАЛЪ ТРОШЮ,

Съ такимъ искуснымъ вождемъ, какъ генералъ Мольтке, самоизбранному генералиссимусу Наполеону III бороться было трудно и седанская капитуляція положила пятно позора на военную славу страны, допустившей бездарность, опиравшуюся на санъ, попытаться выказать себя дарованіемъ. Во всѣхъ главныхъ битвахъ 1859 г. въ Италіи, французовъ, лично предводимыхъ ихъ императоромъ, заставали въ расплохъ и надо было сражаться съ ними *австрійцамъ*, чтобы французы не почувствовали еще въ ту пору, что ихъ quasi-цезарь былъ пяткою Ахиллеса для Франціи.

Пала имперія и теперь лицомъ къ лицу стали другъ противъ друга два болѣе достойные другъ друга вождя. Новый президентъ французской республики Трошю—достойный соперникъ начальника главнаго штаба германскихъ армій. Можетъ быть уже прежде были сдѣланы роковыя ошибки и генералу Трошю было не поправить ихъ, но во всякомъ случаѣ тутъ наконецъ выдвинулся на оборону Франціи талантъ. Франція вручила свою оборону человѣку, въ дарованіяхъ котораго она была увѣрена и сосредоточіе власти въ его рукахъ еще могло повести къ поправленію дѣлъ. Мольтке, въ свою очередь, хотя номинально только начальникъ главнаго штаба, въ сущности — былъ главный предводитель германской арміи. Тутъ и тамъ обширныя полномочія. Франція и Германія съ этого времени вступали въ борьбу въ лицѣ Трошю и Мольтке.

Трошю—былъ мечь и перо Франціи. Это генералъ и дипломатъ, военноначальникъ и правитель. Человѣкъ, низвергшій

вторую имперію и поднявшій на мѣстѣ ея знамя третьей французской республики, родился, въ тотъ же годъ, когда фантомъ первой имперіи попытался встать изъ гроба, но Ватерлоо окончательно надвинуло на него могильный памятникъ—въ 1815 г. Ученикъ Сен-Сирской школы, потомъ офицеръ генеральнаго штаба, Трошю началъ дѣйствительную службу въ Африкѣ и съ тѣхъ поръ считаетъ на своемъ военномъ вѣку 18 кампаній противъ непріятеля. Маршалъ Бюжо его любилъ; Трошю, по его выраженію, умѣлъ и сражаться, и говорить, и писать. Въ восточную войну Трошю былъ адъютантомъ маршала Сент-Арно и получилъ въ Крыму тяжелую рану. Въ 1859 г. мы его видимъ дивизіоннымъ генераломъ, а въ 1861 г. онъ получаетъ большой крестъ почетнаго легіона. Затѣмъ онъ служитъ при главномъ штабѣ и дѣлается инспекторомъ арміи. Но вообще бонапартизмъ къ нему неблаговолилъ, потому что въ обществѣ считали его орлеанистомъ. Въ 1866 г. началась реорганизація французской арміи и вслѣдъ затѣмъ является книга Трошю: "Французская армія въ 1866 г." Въ этомъ сочиненіи, посвященномъ авторомъ любимому его начальнику маршалу Бюжо—въ первый годъ по своемъ появленіи разошедшемся въ 12 изданіяхъ, а всего имѣвшемъ девятнадцать,—авторъ высказывается противъ хаоса и отсутствія системы дѣйствій во французской арміи. Авторъ въ этомъ сочиненіи болѣе пруссакъ, чѣмъ французъ. Первое, чего онъ требуетъ отъ арміи — это образованіе людей и не какъ солдатъ, а именно какъ людей. Онъ требуетъ отъ солдата развитія, общечеловѣческаго образованія, а все остальное, все что ему нужно какъ военному человѣку, онъ ставитъ на второмъ планѣ. Трошю не приверженецъ долговременнаго срока службы для солдатъ. Въ первые два года новобранецъ по его мнѣнію

усвоиваетъ себѣ духъ полка, еще въ годъ становится военнымъ человѣкомъ вполнѣ и затѣмъ можетъ идти изъ рядовъ въ резервъ, давая мѣсто другимъ въ дѣйствительной службѣ. Образовывая людей и затѣмъ выпуская ихъ послѣ трехлѣтняго срока службы въ средѣ мирныхъ гражданъ до наступленія срока когда обстоятельства могли бы потребовать ихъ на службу, Трошю такимъ образомъ хочетъ какъ бы видѣть въ военной службѣ школу для распространенія образованія вообще въ массѣ населенія. Прусско-германскія воззрѣнія во многомъ раздѣляются авторомъ. Это сочиненіе Трошю было съ неудовольствіемъ принято въ Тюльери. Съ объявленіемъ Франціею войны Пруссіи для Трошю не пришло никакого виднаго назначенія. Впрочемъ былъ слухъ, что его хотятъ назначить начальникомъ штаба при принцѣ Наполеонѣ, которому, какъ кажется, одно время намѣревались вручить командованіе надъ балтійскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ.

Военное счастье измѣнило французской арміи. Парижъ приготовлялся къ оборонѣ. Кого назначатъ комендантомъ столицы, готовившейся явиться оплотомъ всей страны противъ непріятелей? Бараге д' Илье смѣненъ. Объявляется главнокомандующимъ въ Парижѣ Трошю. Какъ могло случиться, чтобы имперія сама назначила орлеаниста, и во всякомъ случаѣ уже не бонапартиста, генералъ-губернаторомъ въ Парижѣ и начальникомъ его гарнизона? Не предавала ли она этимъ впослѣдствіи власть въ Парижѣ и Франціи въ руки Трошю, республики и можетъ быть послѣдующаго орлеанизма? Развѣ самъ генералъ Трошю при свиданіи съ императоромъ въ Шалонѣ, гдѣ возложены были на него обязанности защитника Парижа, внѣ контроля отъ кого бы ни было, — не старался избѣгать вопроса о династіи, говоря, что будетъ имѣть въ виду одно благо страны? Развѣ съ

первыхъ дней своего губернаторства въ Парижѣ Трошю не сталъ дѣйствовать въ разрѣзъ видамъ императрицы и Паликао? И однако его не уволили, какъ предлагалъ онъ. Но, положимъ, тутъ его уволить можетъ быть было уже и поздно, не вызвавъ народной бури. Въ Шалонѣ же, когда императоръ назначалъ его губернаторомъ Парижа, выборъ былъ сдѣланъ вовсе не подъ диктовку народной воли, на которую вообще Наполеонъ III не обращалъ особеннаго вниманія, при всемъ расположеніи своемъ къ плебисцитамъ.

Очень много есть основаній думать, что Наполеонъ III задолго до своего плѣна вполнѣ вѣрно и практически оцѣнилъ свое положеніе. Тронъ ускользалъ отъ него. Онъ думалъ побѣдить и былъ побѣжденъ. Разнеслось по Франціи обѣщаніе его возвратиться въ Парижъ побѣдителемъ, или мертвымъ. Скоро онъ увидалъ, что побѣдителемъ остаться невозможно, умереть же можно въ краснорѣчивомъ порывѣ на бумагѣ, но не совсѣмъ пріятно на полѣ битвы. И вотъ въ то время, когда наслѣдный принцъ прусскій по пятамъ преслѣдутъ Макъ-Магона, предъ Наполеономъ III остается одинъ исходъ—онъ долженъ быть взятъ въ плѣнъ. Это единственно что осталось ему, этого судьба не лишитъ его. Съ этой минуты онъ въ душѣ уже отрекся отъ престола. Отреченія во всеуслышаніе ненужно, потому что гораздо лестнѣе быть взятымъ непріятелемъ на полѣ сраженія въ санѣ императора, чѣмъ развѣнчаннымъ странникомъ бѣжать за предѣлы Франціи. Едва ли можно сомнѣваться, что въ Шалонѣ Наполеонъ III уже зналъ что ожидаетъ его—духъ парижскаго населенія, его яростное возбужденіе противъ имперіи императоръ могъ видѣть по парижской національной гвардіи, оскорбительнымъ словомъ привѣтствовавшей въ шалонскомъ лагерѣ кликъ; „Да здравствуетъ императоръ!“ Очевидно, на-

дѣяться больше было не на что. Франція видимо для бонапартизма шла къ другому правленію и имперія, сознательно для самой династіи и ея приверженцевъ, теряла почву подъ ногами.

И вотъ посылаютъ за Трошю. Знаютъ, что онъ не помѣшаетъ паденію имперіи, но вполнѣ увѣрены, что онъ охранитъ императрицу-регентшу въ случаѣ переворота. Трошю всегда высказывалъ лично уваженіе къ императрицѣ, хотя причиною этого могло быть вовсе не то, какъ увѣряли иные, что у нихъ—императрицы и генерала Трошю—была общая черта въ характерѣ—религіозность, а просто все могло заключаться въ уваженіи честнаго человѣка и храбраго генерала къ женщинѣ. Наполеонъ III могъ быть увѣренъ, что Трошю, давъ пасть императрицѣ, охранитъ женщину, а объ этомъ только и заботились.

Какъ скоро станемъ на ту точку зрѣнія, что Трошю былъ намѣренно поставленъ во главѣ парижскихъ военныхъ силъ, чтобы государственный переворотъ совершился возможно спокойнымъ для династіи образомъ, то многое неясное становится понятнымъ. Тогда не загадка болѣе, почему Гамбеттѣ, ярому противнику бонапартизма, дозволяется министерствомъ Паликао сформировать корпусъ волонтеровъ въ 14,000 для защиты форта Бисетръ, хотя можно было напередъ знать, что этимъ создается въ рукахъ республиканцевъ и въ центрѣ Парижа сила, которой всегда достаточно, чтобы въ данную минуту поднять знамя возстанія и положить конецъ имперіи. Тогда понятны эти переговоры между Трошю, Жюлемъ Фавромъ и Гамбеттою, ведшіеся на глазахъ Паликао. Тогда не трудно объяснить себѣ, почему бонапартистское министерство спокойно—безъ попытки на сопротивленіе, какъ будто исполняя долгъ въ отношеніи къ императору, — удалилось

отъ дѣлъ и предоставило поле противникамъ, между тѣмъ какъ пожитки уже были уложены у членовъ этого министерства, чтобы немедленно, по сигналу республиканцевъ, отправиться за границу.

Переворотъ 4 сентября. Трошю блѣдный выходитъ на балконъ къ вызвавшему его народу. Въ энергическихъ глазахъ его, обыкновенно всматривающихся съ тонкою проницательностью, подъ густыми бровями окаймляющими эти глаза, блещетъ слеза — слеза въ глазахъ человѣка, некрасивое и серьезное лице котораго и огромная лысина отъ лба до затылка говоритъ наглядно, что ему 55 лѣтъ, что онъ пережилъ пору сильныхъ молодыхъ впечатлѣній. Но вѣсть подтвердить которую его вызвали, ужасна: восьмидесятитысячная французская армія сдалась непріятелю и императоръ плѣнникомъ въ рукахъ непріятеля, къ позору Франціи.

Народные клики приглашаютъ Трошю стать во главѣ правленія, но онъ отсылаетъ народъ въ палату; тамъ долженъ рѣшиться вопросъ о правленіи, а онъ какъ старый служака останется вѣренъ присягѣ.

Внѣшность соблюдена. Безъ Трошю спокойный переходъ отъ имперіи къ республикѣ былъ невозможенъ, но не онъ поставилъ себя призидентомъ республики, а его народъ назначилъ въ это званіе.

XI.

ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ БОЙНЯ

„Авто-эпитафія!“ Вѣдь это нелѣпость? Не такъ ли? Это вещь невозможная? Но нашъ вѣкъ прогреса сдѣлалъ это невозможное возможнымъ. Люди пишутъ сами себѣ надгробные памятники, знаютъ напередъ, что ихъ тогда-то и тамъ-то

перебьютъ и пишутъ себѣ эпитафіи также вѣрно, какъ еслибы кто другой сочинялъ эти эпитафіи послѣ ихъ смерти.

Ѣдетъ поѣздъ съ французскою національною гвардіею. Это милиціонеры торопятся на театръ военныхъ дѣйствій. Что же они? воодушевлены мужествомъ, этимъ чувствомъ, которое эгоисты трусы стараются восхвалять и воспламенять въ ближнихъ для своихъ цѣлей? Нѣтъ это жертвы, и притомъ сознательныя, знающія навѣрно что ихъ ждетъ смерть. Поѣздъ увѣшанъ эмблемами смерти. Тутъ нарисованы скелеты, пронзенныя, облитыя кровью сердца и т. д. Слышатся пѣсни среди этой ватаги обреченныхъ, но это похоронные гимны. Они поются лишь потому, что французъ по натурѣ будетъ пѣть даже предъ гильотиной. Прислушаемся что поетъ этотъ хоръ жертвъ, отправившихся на закланіе:

Nous partons
ton, ton
Comme des moutons,
Comme des moutons
Pour la boucherie.

(Мы отправляемся какъ бараны на бойню)

Но нѣтъ! это не бараны, это люди. Человѣческое чувство шевелится въ душѣ ихъ. Имъ хочется жить, и какимъ безъискуственнымъ содраганіемъ сердца звучитъ слѣдующій стихъ и сколько трагическаго въ этомъ простодушномъ признаніи:

Nous aimons
Pourtant la vie
Mais nous partons
ton, ton
Comme des moutons
Pour la boucherie.

(И однако мы любимъ жизнь. Но мы отправляемся тѣмъ не менѣе какъ бараны на бойню)

Пѣсня продолжаетъ:

On nous massacrera
ra, ra,
Comme des rats.
Ah! Que Bismarque rira!

(Насъ перебьютъ какъ крысъ. Ахъ! какъ будетъ смѣяться Бисмаркъ)"

Тутъ видѣнъ вполнѣ французъ. Горько ему умереть, но еще горьче при мысли, что Бисмаркъ будетъ смѣяться надъ его могилой.

Скажите читатель—эта масса людей, хоромъ поющая себѣ автоэпитафію—не то ли же самое, что индѣйцы, бросающіеся подъ колеса Джаггернота, не то ли же, что индѣйскія вдовы, бросающіяся на костры за своими мужьями! Но тамъ мнетъ колесами людей невѣжество и изувѣрство, тамъ жгетъ на кострахъ живыхъ съ мертвыми обычай, но что же бьетъ, какъ барановъ и крысъ, представителей просвѣщенныхъ націй Европы во второй половинѣ XIX вѣка?

Жалкіе цивилизаторы мира! Вы кажется для того шли все время по пути прогреса, чтобы научиться истреблять другъ друга возможно большими массами. Вы у науки, которая должна быть вашею кормилецею, просите средствъ истребленія. Вы кормилицу превращаете въ палача, мать въ убійцу, друга въ союзника на все злое.

Есть двѣ вещи, которыя ставятъ человѣка ниже животнаго. Это: продажность и умѣніе систематически, разумно, съ умомъ истреблять другъ друга. То, что въ животномъ царствѣ не продаютъ ни тѣла, ни души, составляетъ громадное преимущество міра животнаго надъ человѣческимъ. Но и въ

томъ отношеніи животныя выше людей, что они не умѣютъ съ расчетомъ и по правиламъ возможно больше истреблять себѣ подобныхъ.

Но этого мало. Еслибы еще солдаты истребляли только себѣ подобныхъ, а то сколько было разстрѣляно французовъ не-солдатъ и даже женщинъ, пруссаками за ложное или не ложное пониманіе патріотическаго долга, или даже просто за недостатокъ мундира! Сколько въ осажденныхъ городахъ погибло гражданъ отъ бомбъ осаждавшихъ:—за что гибли дѣвочки, учившіяся въ страсбургскомъ учебномъ завѣденіи, когда въ классѣ ихъ неожиданно разразилась прусская бомба? Король прусскій упрекалъ Штейнмеца за то, что тотъ безъ нужды слалъ солдатъ на вѣрную смерть. Но какая напримѣръ нужда была въ осадѣ многихъ мелкихъ крѣпостей пруссаками? Положимъ Туль надобно было взять потому, что иначе не могло быть правильнаго движенія по главной желѣзной дорогѣ; Страсбургъ нужно было взять потому, что въ немъ былъ гарнизонъ могшій тревожить нѣмецкія войска съ тыла; Мецъ надобно было обложить, чтобы держать на мѣстѣ Базена. Но какая нужда была проливать кровь подъ мелкими крѣпостцами, отъ взятія которыхъ вовсе не зависѣла участь кампаніи, которыя никогда не могли причинить вреда, оставшись въ тылу, и сдались бы сами собою по взятіи Парижа, еслибы въ сдачѣ ихъ оказалась нужда.

Нѣмецкая армія понесла большой уронъ отъ непріятеля и лишилась не мало солдатъ отъ болѣзней. Французы отчасти были правы, распѣвая:

Bismark si tu continue
Des tous tes prussiens,—
Bismark si tu continue
Il ne restera rien.

(Бисмаркъ, если ты будешь продолжать --изъ всѣхъ твоихъ пруссаковъ не останется никого)

Приведемъ при этомъ ходячій куплетъ одного русскаго извѣстнаго поэта:

„Да, милая моя Аугуста,
Вокругъ меня почти ужъ пусто,
А, дастъ еще намъ Богъ побѣду—
Совсѣмъ одинъ къ тебѣ пріѣду.“

Такъ какъ и французы достигали совершенно тѣхъ же результатовъ, хотя и не путемъ побѣдъ какъ пруссаки, а пораженій, то въ заключительномъ выводѣ могъ явиться самый внушительный военно статистическій нуль.

А между тѣмъ сколько заботъ женевской конвенціи, сколько попеченій о раненыхъ! Джентльмены и барыни съ крестами на плечахъ служатъ въ зеленыхъ палаткахъ женевскаго образца бѣднымъ раненымъ и каждому раненому стремятся предложить въ вагоны и на желѣзнодорожной станціи папиросу или рюмку вина. Корпія шлется массами изъ Голландіи, изъ дальной Россіи и т. д. Да не бейте вы людей, не раньте ихъ, такъ и зеленыхъ палатокъ и корпіи не надобно будетъ. А то заботъ о раненыхъ много, когда нужно было бы прежде всего озаботиться, чтобы не было раненыхъ. Право, это какъ-то похоже на произведеніе болѣзни, чтобъ посмотрѣть какъ ее можно вылечить...

XII.

ЧЕРНОМОРСКІЙ ВОПРОСЪ.

Въ то время когда графъ Бисмаркъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы увѣрить Европу, что отвѣтственность падетъ

не на него, если по паденіи Парижа населеніе французской столицы вымретъ голодомъ — ему говорятъ, что изъ Англіи присланъ дипломатъ Одо Россель.

Зачѣмъ пріѣхалъ Одо Россель? долженъ былъ представиться вопросъ прусскому канцлеру, который конечно ничего не зналъ о дипломатическомъ заявленіи Россіи Европѣ. Россія отмѣняетъ черноморскую конвенцію? Можетъ ли быть? Бисмаркъ конечно удивленъ этимъ не менѣе другихъ. Правда журналистика трубитъ, что и это его махинація, что и тутъ - его хитрые планы, что онъ самъ подготовилъ появленіе русскаго циркуляра. Но вольно же вѣрить журналистамъ! Онъ совершенный агнецъ и голубь, неповинный во всемъ этомъ дѣлѣ.

Такъ Россія обратилась съ циркуляромъ къ державамъ, подписавшимъ парижскій трактатъ? Скажите, какова! Очень печальное обстоятельство! Къ сожаленію у Пруссіи теперь такъ много у самой дѣла, что ей не до черноморской конвенціи. Трактаты конечно вещь священная и отмѣнять ихъ одному изъ подписавшихъ, по своей волѣ, нельзя. Да, да, и Пруссія согласна съ этимъ! А Россія такъ - таки и отмѣнила черноморскую конвенцію? Подите вы, какая! И Пруссія ничего не знала объ этомъ! Очень жаль! Но право у пруссаковъ такъ много дѣла подъ Парижемъ, что имъ не время думать о парижскомъ трактатѣ. Что вы станете тутъ дѣлать? Что дѣлать англійскимъ дипломатамъ? Они еще лѣтомъ, сообща съ австрійцами, слѣдили за переговорами въ Эмсѣ. Венгерская журналистика прямо провозглашаетъ, что Россія дѣйствуетъ сообща съ Пруссіею. А между тѣмъ графъ Бисмаркъ такъ положителенъ, такъ искрененъ въ своемъ заявленіи, что онъ ничего не знаетъ, что на него самаго, какъ на другихъ, русскій трактатъ обрушился неожиданно.

Англія въ тревогѣ. Прежде у пея была континентальная союзница Франція. Теперь Франція разбитая и больная лежитъ въ прахѣ подъ колѣнкою прусскаго солдата. Австрія? Но турецкая болѣзнь заразила Австрію и эта держава — также больной человѣкъ. Славяне знать не хотятъ венгронѣмецкихъ стремленій ея правительства. На Австрію надежда плохая. Турція? Если хотите обѣ страны — Турція и Австрія—сами по себѣ сдѣлали въ послѣднее время довольно быстрые шаги на пути государственнаго преуспѣянія. Конституція, захватившая въ своемъ распространеніи даже Тунисъ и Египетъ, дала начало новой жизни на берегахъ Босфора и Австро-Венгріи. Такъ! Но съ военной точки зрѣнія это-то и причина ихъ слабости. Время внутреннихъ реформъ — время слабости въ военномъ отношеніи. Пруссія? Ее подозрѣваютъ въ сообщничествѣ съ Россіей.

Гдѣ же взять Англіи союзниковъ?

А между тѣмъ они ей необходимы, если она захочетъ говорить громко и энергически. Флотомъ Россіи не причинить много вреда; высадка для одной Англія невозможна. Въ средней Азіи владѣтель Афганистана, хотя слушается Англіи, но уже долженъ опасаться Россіи: ему извѣстно, что тронь онъ только напримѣръ бухарскаго эмира, ставшаго подобно коканскому хану въ васальныя отношенія къ Россіи — послѣдняя дастъ ему урокъ. Въ Афганистанѣ русское вліяніе должно столкнуться въ случаѣ войны съ англійскимъ еще прежде чѣмъ, по мнѣнію песимистовъ, пророковъ будущаго, произойдетъ столкновеніе въ Индіи. Но Россія все бы еще ничего для Англіи. У Россіи нѣтъ флота, а безъ него съ Англіей ничего не сдѣлать. Но у русскаго колосса есть союзникъ — американскій. Какъ разъ въ то время когда циркуляръ кн. Горчакова нарушилъ покой англійской диплома-

тіи, президентъ Грантъ обратился къ вашингтонскому конгресу съ посланіемъ, въ которомъ настаиваетъ на разрѣшеніе элебемскаго вопроса, указываетъ что затрудненія въ Канадѣ могутъ наконецъ заставить Соединенные Штаты принять противъ нея мѣры и т. д. Съ тѣмъ вмѣстѣ американскія газеты даютъ понять, что американская военная эскадра можетъ войдти въ Черное море, которое американская республика никогда не признавала нейтральнымъ.

Положеніе Англіи между Россіею и Соединенными Штатами довольно невыгодно. А къ тому же идетъ рѣчь, что и Бисмаркъ въ заговорѣ противъ нея. Слѣдуетъ убѣдиться что именно замышляетъ Пруссія, потому что если она не позволитъ Австріи принять участіе въ новой восточной войнѣ, какъ Россія не дозволила той же Австріи принять участіе въ нынѣшней войнѣ, то положеніе султана можетъ сдѣлаться критическимъ. Одо Россель отправляется въ Версаль къ королю прусскому развѣдать каковы намѣренія Пруссіи. Но Бисмаркъ, оказывается, ничего не знаетъ о черноморскомъ дѣлѣ. Все что онъ знаетъ—это что Россія помогла Пруссіи своимъ нейтралитетомъ сдержать Австрію и что теперь надобно добить Францію. Относительно помощи Пруссіи со стороны Россіи онъ уже не скрывается, но отъ этого до признанія, что онъ дѣйствуетъ съ Россіею заодно—далеко. Больше онъ ничего не можетъ сказать Одо Росселю до сообщенія въ рейхстагѣ и германскомъ парламентѣ. А до тѣхъ поръ долженъ пасть Парижъ. Впрочемъ Бисмаркъ готовъ оказать свои посильныя услуги дѣлу примиренія: онъ предлагаетъ державамъ, подписавшимъ парижскій трактатъ, конференцію для уложенія вопроса.

Конференція! Это — средство протянуть время. Такимъ средствомъ конференція являлась очень часто. Должна ли

она была явиться имъ и теперь? На это должно было дать отвѣтъ будущее.

Англія такъ энергически воспрянула въ лицѣ своихъ газетъ и государственныхъ людей противъ циркуляра князя Горчакова, что можно было опасаться немедленной посылки средиземной эскадры ея въ Черное море. Пруссія еще не торжествовала побѣды въ Парижѣ. На Луарѣ Гамбетта успѣлъ собрать 250,000 армію съ довольно энергическимъ генераломъ во главѣ. Франція съ юга, сѣвера и запада поднималась и шла на освобожденіе Парижа. Принцъ Фридрихъ-Карлъ форсированнымъ маршемъ спѣшилъ на помощь разбитому подъ Орлеаномъ фонъ-деръ-Танну. Трошю намѣревался сдѣлать на осаждавшія Парижъ войска громадную вылазку. Странное время выбрала Англія, чтобы дѣйствовать энергически и во что бы ни стало добиваться у Пруссіи категорическаго отвѣта! Америка тоже еще не приготовилась съ элебемскимъ вопросомъ. Очевидно конференція была нужна.

На ноту лорда Гренвилля кн. Горчаковъ отвѣчалъ мягко въ тонѣ и рѣшительно въ сущности. Россія не брала ни своего циркуляра, ни своихъ словъ, назадъ. Началась обычная сцена подготовленія къ войнѣ, подъ рукою и увѣреній въ мирныхъ наклонностяхъ. Дѣятельность англійскихъ арсеналовъ дѣлалась все болѣе судорожно-торопливою по мѣрѣ того какъ ея министръ иностранныхъ дѣлъ смягчалъ свой тонъ и давалъ понять, что устранивъ форму онъ уступитъ сущность дѣла.

Положеніе Англіи было не только непріятное, но даже отчасти странное. Она конечно могла помочь Франціи въ борьбѣ съ Пруссіею, если дѣйствительно Пруссія была въ соглашеніи съ Россіею, но если бы французской республикѣ удалось изгнать пруссаковъ — не было ли бы это шансомъ для

утвержденія республики въ Англіи какъ и другихъ государствахъ Европы. Митингъ въ сорокъ тысячъ человѣкъ въ Лондонѣ, высказавшій сочувствіе французской республикѣ, окончился возгласомъ: „долой королеву!“ Словомъ, выдвигались интересы страны и отдѣльно отъ нихъ интересы королевы и правительства. Англіи было бы выгодно стать за Францію; правительству королевы было выгоднѣе не ссориться съ Бисмаркомъ. Такъ ставился вопросъ, и вопросъ конечно очень мудреный для совѣтниковъ королевы.

Посмотримъ теперь какъ черноморскій вопросъ отозвался на Австріи. Еще когда гр. Бейстъ былъ маленькимъ государственнымъ человѣкомъ, первымъ министромъ Саксоніи, у него было небольшое „контра“ съ кн. Горчаковымъ. Маленькіе государственные люди очень честолюбивы и самолюбивы и не скоро забываютъ, если паче-чаянія задѣваютъ ихъ самолюбіе. Самолюбіе саксонскаго генія было чѣмъ-то задѣто и онъ не забылъ этого. Особенность же этого генія заключается въ томъ, что онъ вообще большой охотникъ отличаться, показывать себя, играть роль. Гдѣ какой нибудь вопросъ ни возникъ, тамъ безъ гр. Бейста не обойдется. Онъ сейчасъ является съ нотой, очень тонкой, очень умной и очень замѣчательной, только которая никогда обыкновенно ни къ чему не приведетъ. Но эта нота печатается въ „Красной книгѣ,“ послѣ читается досужими людьми и досужіе люди не нахвалятся на дипломатическій талантъ гр. Бейста.

Словомъ, два нѣмецкіе канцлера — Бисмаркъ и Бейстъ — кажется такъ порѣшили: одинъ будетъ вездѣ и за всѣхъ дѣйствовать, другой вездѣ и за всѣхъ говорить. На долю Бейста пришлось упражненіе органа рѣчи. Но такъ случилось, что почти одновременно съ двумя нѣмецкими канцлерами на аренѣ политической дѣятельности явился третій канцлеръ.

Мы видѣли, что гр. Бейстъ, еще будучи барономъ Бейстомъ и задолго до своего канцлерства уже имѣлъ кое-что противъ кн. Горчакова, который тоже еще не былъ канцлеромъ. Когда въ трехъ державахъ бывшаго священнаго союза явились три канцлера, канцлеръ третьей державы вслѣдъ затѣмъ, когда два другихъ такъ согласно раздѣлили между собою вліяніе на Европу и начали одинъ дѣйствовать, а другой говоритъ — дождался удобной минуты и вдругъ началъ вмѣстѣ говорить и дѣйствовать. Циркуляръ 19 ноября произвелъ на Австрію оглушающее впечатлѣніе. Напрасно министръ Кунъ утѣшалъ мадьяръ и нѣмцевъ, что онъ можетъ на данномъ пунктѣ сосредоточить 500 — 600 тысячную армію, если дѣло коснется войны. Тревога усиливалась и всѣ ждали съ нетерпѣніемъ какъ отзовется на циркуляръ русскаго канцлера гр. Бейстъ.

Какъ умный человѣкъ Бейстъ прислушался прежде — что говорятъ въ дипломатическихъ кружкахъ и прежде всего въ Англіи. Оказалось, что дипломаты грозно заговорили. Заговорилъ если не грозно, то ядовито и зло и гр. Бейстъ.

Дипломаты — умные люди. Въ этомъ отдаютъ имъ справедливость даже тѣ, кто не имѣетъ понятія ни о дипломатіи, ни объ умѣ. Такъ уже принято, такъ вошло въ убѣжденіе массъ. Но если съ этой стороны хорошо быть дипломатомъ, потому что тутъ и глупость могутъ принять за умное, то есть и оборотная сторона медали. Что можетъ быть печальнѣе положенія человѣка, который постоянно долженъ говорить не то что думаетъ и называть черное бѣлымъ? А между тѣмъ это обязанность дипломата. Когда явился циркуляръ князя Горчакова, всѣ дипломаты Европы внутренно вѣроятно сказали себѣ: „ловко выбрано время! Смѣлый шагъ! Каждый изъ государственныхъ людей поступилъ бы также

во всякой другой странѣ!“ Это сказали вѣроятно европейскіе дипломаты про себя, но на бумагѣ имъ приходилось говорить совсѣмъ не то. Приходилось говорить о святости трактатовъ, когда каждому и не дипломату извѣстно, что трактаты нарушались всегда и всюду, и Джонъ Стюартъ Милль находитъ это даже логичнымъ, такъ какъ по мнѣнію его трактаты могутъ заключаться только на срокъ и если все временно подъ луною, то къ трактатамъ это должно примѣняться еще болѣе. Надобно обладать порядочнымъ запасомъ не только ума, но даже напускной отваги, чтобы доказывать ненарушимость трактатовъ, когда рядъ политическихъ событій во всѣ времена былъ цѣпью нарушеній трактатовъ, а въ послѣднее время болѣе чѣмъ когда нибудь. Но дипломаты должны были доказать въ своихъ нотахъ то, чему въ душѣ конечно не вѣрилъ изъ нихъ никто. Положеніе, которое можетъ быть сравнено только съ положеніемъ нищаго, вымаливающаго у васъ кусокъ хлѣба, во имя того, что онъ три дня ничего не ѣлъ, когда онъ очень хорошо знаетъ, что только передъ тѣмъ плотно позавтракалъ и посмѣялся бы надъ вами же внутренно, если бы вы повѣрили его словамъ.

Гр. Бейстъ не могъ не разыграть роли нищаго, если ее разыгрывали другіе. Былъ случай написать краснорѣчивую и тонкую ноту, а это весьма важно, и странно было бы этимъ не воспользоваться. Австрійскій канцлеръ пишетъ ноту и она дѣйствительно выходитъ недурна. Pereat Austria, но должна быть отправлена нота.

Особенность всѣхъ дипломатическихъ нотъ та, что пока читаешь одну, вполнѣ согласенъ съ ея авторомъ, начнешь читать другую — въ отвѣтъ ей — согласенъ съ отвѣтомъ. Какъ-то умѣютъ все подвести и сочетать такъ, что и ав-

торъ одной кажется образцомъ правдивости и авторъ другой глашатаемъ справедливости. Даже третья нота, которая опровергаетъ обѣ прежнія кажется верхомъ законности въ доводахъ, и ноты гр. Бейста - случай былъ такой превосходный, что онъ написалъ не одну — вышли очень тонкими и ловкими по изложенію, но привели только къ тому, что русскій канцлеръ, предъ тѣмъ съ вѣжливымъ вниманіемъ отвѣчавшій Англіи и давшій понять, что напрасно такъ горячатся, когда еще трактатъ ничѣмъ не нарушенъ на дѣлѣ, когда Россія вовсе не уклоняется отъ обсужденія вопроса на конференціи заинтересованныхъ державъ, — тотъ же русскій канцлеръ, повторяемъ, въ своихъ отвѣтныхъ нотахъ далъ категорически понять Австріи, что тонъ ея депешъ вовсе не клонится къ мирному уложенію вопроса и что если миръ не будетъ сохраненъ, то отвѣтственность за это падетъ не на Россію, а на Австрію.

И такъ Австрія совершила свой дипломатическій походъ неудачно и золотой мостъ, который гр. Андраши готовилъ для отступленія русскаго канцлера—оказалось невозможнымъ устроить, во первыхъ, потому что русскій канцлеръ не намѣревался отступать даже по мосту изъ вѣжливостей и любезностей, а во вторыхъ, потому что австрійскій канцлеръ золотой мостъ графа Андраши подбивалъ желѣзными быками, чтобы мостъ могъ вынести движеніе артилеріи.

Англійскій „Пончъ“ представилъ Россію въ видѣ медвѣдя на заднихъ лапахъ, у котораго переднія связаны и удерживаются въ связанномъ положеніи тяжестью, висящею на нихъ съ подписью „трактатъ 1856 года“. Левъ (Англія) сидитъ въ сторонѣ отъ медвѣдя и наблюдаетъ, чтобы онъ не разорвалъ своихъ путъ. Еслибы англійскій сатирическій журналъ захотѣлъ изобразить наглядно содержаніе

нотъ, съ которыми обратились къ Россіи по поводу циркуляра князя Горчакова, то англійскую ноту представила бы желчь, австрійскую—ядъ, турецкую—пѣна злости. Сообразно съ этимъ и дѣйствовали. Отъ желчи дано было успокоительное лекарство пока больной не получитъ облегченія естественнымъ путемъ отъ размышленія объ американскихъ и прусскихъ дѣлахъ. Противъ яда дано противоядіе, на столько сильное, на сколько того требовалъ ядъ. Пѣну злости можно оставить безъ вниманія.

XIII.

ОСАДА ПАРИЖА.

Теоретикъ и тактикъ Трошю спѣшилъ сдѣлать что возможно при вѣсти о движеніи пруссаковъ на Парижъ. Если слышались жалобы, что во французской арміи и послѣ паденія имперіи были люди, но не было человѣка, то это едвали справедливо. Трошю во всякомъ случаѣ выказалъ при теоретическомъ умѣ много практическихъ способностей. Генералъ-критикъ онъ показалъ, что не только можетъ находить погрѣшности въ другихъ, но и самъ дѣйствовать рѣшительно и къ цѣли.

Германская армія шла къ Парижу въ увѣренности, что она возьметъ его безъ труда. При наполеоновскихъ генералахъ вѣроятно это и случилось бы и Парижъ еще въ сентябрѣ увидалъ бы на своихъ улицахъ прусскій королевскій кортежъ. Положимъ, какъ мы будемъ имѣть случай говорить—основываясь не на словахъ, а на фактахъ,—Бисмаркъ не хотѣлъ такъ скоро покончить съ Франціей и замедленіе подъ Парижемъ какъ разъ помогло его планамъ, но король и

Мольтке пересилили бы Бисмарка при другихъ обстоятельствахъ. Королю нужно было скорѣе совершить торжественный въѣздъ въ Парижъ, чтобы успокоиться на быстро пріобрѣтенныхъ лаврахъ; Мольтке могъ не безъ основанія смотрѣть съ недоумѣніемъ на перспективу зимней кампаніи въ непріятельской странѣ для нѣмцевъ, оторвавшихся отъ родины и семей въ ожиданіи короткаго похода.

Сдѣлалось такъ однако какъ хотѣлъ Бисмаркъ. Во главѣ парижскаго гарнизона сталъ человѣкъ талантливый и рѣшительный и борьба съ Франціей затянулась. Къ Парижу стянулись изъ подъ Седана отряды ген. Винуа, неподоспѣвшіе на помощь Макъ-Магону и успѣвшіе во время отступить. Корпусъ Винуа былъ сдѣланъ кадромъ новой арміи. Прибытіе ген. Дюкро, друга Трошю, дало Парижу еще одного опытнаго генерала, и хотя нѣмцы говорили, что они по взятіи Парижа разстрѣляютъ Дюкро, какъ давшаго слово не сражаться противъ нихъ при седанской капитуляціи и несдержавшаго его, но въ ожиданіи пока еще нѣмцамъ придется взять Парижъ, Дюкро принялся за организацію новой арміи. Моряки, которыхъ съ ихъ морскими пушками помѣстили въ фортахъ окружавшихъ Парижъ были народъ отважный и испытанный.

Если бы подступивъ къ Парижу германская армія тотчасъ же употребила всѣ усилія, чтобы взять одинъ или два форта, она успѣла бы въ этомъ, и Парижъ былъ бы взятъ. Но при Трошю во главѣ Парижа этотъ приступъ стоилъ бы громадныхъ жертвъ. Нѣмцы не побѣжали бы отъ непріятеля. Ихъ развитіе, умственный и нравственной уровень таковы, что исключаютъ возможность бѣгства предъ опасностью, но значительная доля германской арміи могла лечь на полѣ битвы прежде чѣмъ остальная утвердилась бы въ

Парижѣ. Въ нѣмецкомъ лагерѣ это знали. Жаль было крови и притомъ Бисмаркъ былъ въ пользу плана принудить Парижъ къ сдачѣ голодомъ.

Нѣмцы утвердились и окопались вокругъ Парижа.

Еслибы осажденные сдѣлали вылазку они должны были встрѣтить непріятельскій лагерь превращеннымъ въ крѣпость. Французы сломали шестьдесятъ мостовъ вокругъ Парижа. Это не помѣшало нѣмцамъ привезти подъ Парижъ сотни орудій. Орудія, въ томъ числѣ нѣкоторыя громаднаго вѣса, были привезены изъ всѣхъ главныхъ крѣпостей Германіи. Припасы были дороги въ Версали, соли и спичекъ почти не было, но все же не соль и не спички везли нѣмцы къ Парижу, а громадныя орудія. Нѣмцы укрѣпились на нѣсколько стратегическихъ пунктахъ и затѣмъ 50,000 ихъ кавалеріи должны были сдѣлать остальное, т. е. прервать сношенія Парижа съ внѣшнимъ міромъ. Телеграфныя сношенія были прерваны, когда нѣмцамъ была указана подземная телеграфная линія. Парижъ обратился къ воздухоплаванію. Шары полетѣли изъ него на югъ, на сѣверъ, на западъ; говорили даже о кореспонденціи воздушной почты улетѣвшей въ океанъ. Воздушная почта было дѣло довольно неожиданное для нѣмцевъ и потому въ первое время они не знали какъ прервать ее. Впослѣдствіи Круппъ изобрѣлъ нарочно особеннаго устройства пушку — стальную, тонкую и длинную, поворачивавшуюся во всѣ стороны, и ядро которой могло доставать поднимавшіеся изъ Парижа и летѣвшіе надъ нѣмецкимъ лагеремъ шары. За шарами подбитыми ядромъ слѣдовали всадники и такимъ образомъ парижская кореспонденція нерѣдко попадала въ руки нѣмцевъ.

Это обстоятельство очень важно.

Кореспонденція предназначалась не для Бисмарка и ко-

нечно могла говорить о многомъ откровенно. Теперь она читалась нѣмцами, подстрѣливавшими какъ шары, такъ и почтовыхъ голубей, изъ которыхъ только немногіе воротились въ Парижъ Учреждена была въ нѣмецкомъ лагерѣ особенная комиссія для прочитыванія пудами попадавшей къ непріятелю кореспонденціи. Бисмаркъ обратилъ на этотъ предметъ самое серьезное вниманіе и такъ какъ онъ всегда былъ охотникъ для пріобрѣтенія вѣстей всѣми возможными способами, то тутъ ему была большая пожива. Получались также всевозможными путями газеты, издававшіяся въ Парижѣ, и Бисмаркъ до того простеръ свое вниманіе къ французской прессѣ, что статья Эдмонда Абу въ его газетѣ „Soir“ —дававшая понять о необходимости мира—была по приказанію прусскаго канцлера переведена и напечатана въ 20 т. экземплярахъ для распространенія въ осаждавшей арміи.

Вѣсти изъ Парижа были дороги для Бисмарка: потому что давали знать долго ли еще продержится городъ, а это зависѣло отъ запаса въ немъ съѣстной провизіи.

Парижъ запасся необходимымъ провіантомъ на два мѣсяца. Хлѣба и вина впрочемъ могло достать на болѣе долгій срокъ. Гурты скота были согнаны въ Булонскій лѣсъ. Но военные люди и провіантмейстеры арміи въ наше время все еще плохіе люди науки. Они могли бы знать, что какъ въ самомъ Парижѣ отъ стѣсненія осажденныхъ должны явиться разныя эпидимическія болѣзни (какъ и явились послѣ оспа и грудныя болѣзни), такъ и между скотомъ, согнаннымъ въ одно мѣсто, безъ достаточнаго запаса подножнаго корма, произойдетъ чума. Такъ и случилось. Скотъ падалъ массами и средства пропитанія города уменьшались. Лошадиное мясо и прежде употреблявшееся въ пищу въ Парижѣ

явилось подспорьемъ говядинѣ. Твердое въ варкѣ, но сытное болѣе говядины, оно приправлялось въ ресторанахъ яблочнымъ соусомъ и составляло сносное кушанье. Нужда затѣмъ заставила ѣсть и то что обыкновенно нейдетъ въ пищу. Стали ѣсть собакъ, кошекъ, крысъ, воронъ. Конечно въ цивилизованномъ городѣ кухня искала такихъ приправъ къ этой необычной пищѣ, которыя могли бы сдѣлать ее легче варимою. Розовое, мягкое мясо собакъ перестало внушать отвращеніе, и собаки продавались по высокой цѣнѣ. Кошки продавались по 10—12 фраковъ и наконецъ стали такъ дики—по словамъ кореспондента „Daily News," что ихъ трудно было доставать. Если кошачье мясо напоминало парижанамъ по вкусу кролика, то мясо крысъ они находили чѣмъ-то среднимъ по вкусу между лягушкою и кроликомъ. Уличные промышленники Парижа дѣлая отверстія въ землѣ заливали ихъ патокою и послѣ ловили сбѣжавшихся на лакомый запахъ и завязшихъ въ патокѣ крысъ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ парижскихъ рестораторовъ изобрѣлъ кушанье изъ крысъ съ шампанскимъ и пряностями. На парижскихъ домахъ красовались надписи въ родѣ: „кто принесетъ собаку, кошку, или трехъ крысъ, можетъ отобѣдать."

Нужда заставила ѣсть все это, когда непріятель уже два мѣсяца стоялъ подъ городомъ, но и прежде парижане не могли похвалиться избыткомъ дневной пищи. Положимъ хлѣба у нихъ было достаточно, но мяса сначала выдавали по 100 граммовъ на человѣка въ день, послѣ по 50 и наконецъ по 30 граммовъ. А не забудемъ, что 30 граммовъ—только 8 золотниковъ и притомъ въ этой полъосьмушкѣ фунта мяса были кости. Для взрослаго такая порція почти что ничего. И опять мы остановимся на томъ, что тотъ будетъ побѣдителемъ въ будущихъ столкновеніяхъ народовъ, кто

болѣе будетъ пользоваться указаніями науки. Какъ можно не кормить или кормить солдата какъ попало и послѣ требовать, чтобы онъ дрался какъ сытый. Имѣлъ ли это въ виду Трошю, уменьшая мясную порцію до минимума, дальше котораго идти невозможно? Положимъ, даже въ парижскомъ зоологическомъ саду не осталось болѣе медвѣдей, страусовъ и казуаровъ, такъ какъ и ихъ отправили въ мясную лавку; но мы не говоримъ, что крайней нужды не было, мы говоримъ только, что парижскій гарнизонъ былъ въ полуголодномъ состояніи когда его повели на вылазки во время предполагавшагося движенія луарской арміи на освобожденіе Парижа. Можно ли было ожидать, что эти новобранцы, бывшіе долго на самой жалкой порціи, побѣдятъ сытыхъ и здоровыхъ пруссаковъ! Развѣ не то ли самое сдѣлалъ Базенъ, доведя гарнизонъ Меца до того, что голодавшіе солдаты положительно потеряли всякую энергію. Скажутъ: но Трошю полагался на помощь извнѣ и продлилъ запасъ продовольствія не съ тѣмъ, чтобы въ заключеніе однѣми своими силами одолѣть пруссаковъ, а помощью остальной Франціи. Но и Базенъ можетъ сослаться, что онъ ждалъ помощь извнѣ. Однакожъ его упрекаютъ, что онъ не предпринялъ рѣшительныхъ дѣйствій прежде чѣмъ армія его была изнурена и лишена лошадей. Отчего Трошю не ударилъ прежде всѣми силами на непріятеля, когда еще солдаты его были сыты и когда на Луарѣ онъ могъ расчитывать найдти помощь. Одно изъ двухъ, или военные люди въ осажденномъ Парижѣ не вполнѣ понимали, что человѣкъ, а слѣдовательно и солдатъ можетъ исполнять свое дѣло только пока не изнуренъ; или парижскій гарнизонъ въ военномъ отношеніи былъ такъ ничтоженъ, что на него при всѣхъ администраторскихъ талантахъ Трошю и при всѣхъ стараніяхъ пріучить людей къ военному

дѣлу, нельзя было положиться и приходилось довольствоваться надеждами и тѣми скудными запасами, которые были въ распоряженіи президента республики. Но въ такомъ случаѣ что же значитъ похвалы рѣшимости парижанъ держаться? Просто парижане держались потому, что пруссаки не нападали. Конечно Трошю сдѣлалъ все что могъ и если бы у него была хоть сколько нибудь спосная армія сдѣлалъ бы больше. Но невозможнаго сдѣлать нельзя. Оставалось ждать помощи со стороны Орлеана, и въ случаѣ разочарованія въ этой надеждѣ—сдаться.

Послѣдній проблескъ надежды мелькнулъ для Парижа въ то время когда армія Орель-де-Паладина, разбивъ фонъ-деръ-Танна и пользуясь тѣмъ, что принцъ Фридрихъ-Карлъ еще не подоспѣлъ на сцену дѣйствія, хотѣла ударить на Фонтенебло и пробиться къ Парижу. Эта армія, состоявшая слишкомъ изъ 250,000 человѣкъ при 500 орудіяхъ и имѣвшая съ собою большіе запасы продовольствія для снабженія Парижа, если бы планъ ея удался, не была однако допущена до Парижа и соединенныя арміи принца Фридриха-Карла, герцога Мекленбургскаго и фон-дер-Танна отбросили ее къ Орлеану и потомъ въ Блуа, взявъ 74 пушки и 14 т. плѣнныхъ. Въ то же время генер. Трошю предпринялъ отчаянную вылазку изъ Парижа и бомбардированіе, открывшееся изъ парижскихъ фортовъ, было такъ сильно, что по расчету нѣмецкихъ математиковъ каждый часъ во время этой оглушительной пальбы стоилъ парижскому правительству въ однихъ выстрѣлахъ 10,000 талеровъ.

И такъ въ то время когда армія ген. Мантейфеля двинулась и заняла Амьенъ, Руанъ и Дьеппъ, французы были отбиты на Луарѣ и подъ Парижемъ. Кризисъ приближался и его въ нѣмецкомъ лагерѣ давно приготовились встрѣтить.

Берлинъ давно приготовился зажечь блистательную иллюминацію въ честь взятія Парижа,—такъ въ этомъ событіи были тамъ увѣрены. Но не ради одного только этого событія готовились нѣмцы освѣтить дома свои праздничными огнями. Готовилось другое торжество для нихъ, и надъ нимъ въ тиши работали политики въ Версали.

Въ то время когда въ Парижѣ, нуждавшемся въ провіантѣ, главнымъ образомъ заняты были дѣленіемъ данныхъ количествъ на возможно меньшія части, въ Версали хлопотали о томъ какъ бы нѣсколько данныхъ малыхъ количествъ собрать въ одно большое. Бисмаркъ въ Версали возобновлялъ имперію Карла Великаго.

Съѣхались уполномоченные, шли совѣщанія. Гессенъ и Баденъ скоро примкнули къ побѣдоносной Пруссіи. Виртембергъ былъ немножко упрямѣе. Еще болѣе права упрямиться имѣла—по своему пространству и числу жителей Баварія. Какъ желѣзнодорожныя компаніи оцѣниваютъ свой авторитетъ пудоверстами, такъ государства—людемилями, если позволено будетъ такъ выразиться. Баварія была кое-что и если ее звали въ союзъ, то она могла выговорить себѣ льготы. Относительно многихъ государствъ Пруссія въ области права обыкновенно колебалась между вопросами: послать ли для занятія упрямой области роту, или батальонъ? Съ Баваріей нужно было чиниться. Это была та дорогая гостья въ германской семьѣ, которую всѣ ждутъ къ общему семейному столу и даютъ ей первое мѣсто подлѣ хозяйки. Гостья понимаетъ свое значеніе и ведетъ себя такъ важно, такъ солидно—чтобы мелкіе гости знали кто она. Но хозяйка тоже себѣ на умѣ. Она знаетъ, что гостья рано или поздно поступится своею спѣсью и станетъ покорнымъ домашнимъ человѣкомъ, но пока—эту гостью надобно ублажать,

тѣмъ болѣе что дѣло не безъ интриги. Гостью стараются перебить. Есть сосѣдка, которая не прочь дать понять, что такой важной и именитой гостьѣ не стать бы на ряду съ прочими приживалками жить въ чужой семьѣ.

Бейстъ дѣйствительно сторожилъ со вниманіемъ чѣмъ кончатся переговоры между Пруссіею и Баваріею. Пруссія не могла этого не знать. Не время тутъ было толковать о мелочахъ; можно было кое-что и уступить. Все равно послѣ приберется къ рукамъ и это, но пока надобно было согласиться на пункты, представленные Баваріей. Въ Баваріи конечно это цѣнили, а съ другой стороны судьба, во всемъ покровительствующая Бисмарку, заставила баварскія войска на Луарѣ проиграть битву,—единственную битву въ нынѣшнюю войну невыигранную нѣмцами — и тѣмъ показала что лучше баварскимъ знаменамъ держаться около прусскихъ— удобнѣе, такъ какъ сама по себѣ Баварія не очень то многое можетъ сдѣлать.

Баварія окончательно рѣшилась примкнуть къ Пруссіи, и мало этого: баварскій принцъ повезъ въ Версаль къ ожидаемому дню вступленія германскихъ государей въ Парижъ, приглашеніе отъ короля баварскаго, чтобы король Вильгельмъ I прусскій, какъ предсѣдатель германскаго союза, принялъ и императорскую корону. Принятіе этой короны было рѣшено въ принципѣ давно, и на развалинахъ Франціи, на стогнахъ павшаго Парижа, должна была провозгласиться новая Германская имперія.

— Ваше высочество, сказалъ предъ австро-прусскою войною гр. Бисмаркъ наслѣдному принцу прусскому, человѣку либеральныхъ воззрѣній, парламентаризма и слѣдовательно неблагосклоннымъ окомъ смотрѣвшему на подготовлявшееся кровопролитіе,—ваше высочество! можетъ быть меня повѣсятъ,

но только веревка, на которой я буду повѣшенъ, соединитъ васъ съ германскимъ престоломъ.

Бисмарка не повѣсили. Веревка висѣлицы превратилась въ гирлянды розъ и лавровъ, и эти лавры и розы крѣпче висѣличной веревки скрѣпили германскій престолъ съ династіею гогенцоллерновъ.

XIV.

ПЕРЕГОВОРЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Во Франціи не знали своего врага даже и тогда, когда онъ вторгнулся въ центръ ея. Кажется тутъ-то по крайней мѣрѣ можно было осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ и узнать. Но нѣтъ! Франція по прежнему не знала съ кѣмъ она борется. Ей все казалось, что съ нею воюетъ прусско-германская армія подъ начальствомъ Мольтке. Наивное заблужденье! Съ нею воевалъ германскій народъ, предводимый Бисмаркомъ. Бисмаркъ велъ войну противъ Франціи, а не начальникъ штаба арміи короля Вильгельма, а тѣмъ менѣе два германскихъ фельдмаршала. Бисмаркъ во Франціи былъ вовсе не для дополненія картины, не для полноты обстановки. Онъ былъ главный дѣятель въ германскомъ нашествіи. Онъ руководилъ всѣмъ въ этой борьбѣ не армій, а народовъ. Онъ виновникъ седанской капитуляціи, потому что если бы не его старанія въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ незамѣтно возбудить Францію противъ Наполеона III, то французы не были бы такъ возстановлены противъ своего императора съ первыхъ неудачъ кампаніи, и Наполеонъ III не боялся бы явиться въ Парижъ, а слѣдовательно и не повлекъ бы Макъ-Магона къ Седану. А Мецъ? Развѣ его взяла стоявшая въ грязи по колѣно полубольная армія Фридриха-Карла, даже

численно уступавшая осажденному непріятелю? Нѣтъ, Базенъ сдалъ Мецъ, но Бисмаркъ взялъ его. Если бы не его переговоры съ Базономъ, причемъ маршалъ окончательно попался въ просакъ, нѣмецкая армія долго еще стояла бы въ слякоти вокругъ Меца, или французы попытались бы пробиться и пролиты были бы потоки крови. Накопецъ, можно было предвидѣть, что если падетъ Парижъ, то опять его возьметъ не Мольтке, а Бисмаркъ, и опять-таки не оружіемъ, а хитростью. Германскій Улиссъ не даромъ носитъ военную форму на ряду съ Ахиллесомъ — Мольтке. Онъ дѣйствительный глава и руководитель въ этой народной войнѣ, въ которой постоянно оружіе стояло на второмъ планѣ, а побѣждало умственное развитіе и образованіе. Какъ поступилъ бы съ Парижемъ начальникъ арміи прежняго времени, но не народной арміи? Явясь съ огромными силами предъ городомъ, гдѣ не было военныхъ регулярныхъ силъ — или были только ничтожные остатки арміи — предъ городомъ еще только что начавшимъ серьезно думать о защитѣ — военный предводитель съ тѣми артиллерійскими средствами, какія были у него въ рукахъ, напавъ разомъ на одинъ или два форта, взялъ бы ихъ и штурмомъ ворвался бы въ Парижъ. Остальное могло быть кончено очень скоро. Пруссаки это могли бы сдѣлать и сдѣлали бы, если бы во главѣ ихъ стояли одни военные люди. Форты Д'Исси, Ванвръ, даже Мон-Валеріанъ вовсе не такъ грозны, какъ напримѣръ Туль, Шлетштадтъ, Ней-Брейзахъ; а между тѣмъ пруссаки взяли же ихъ и сравнительно послѣ не очень долгаго бомбардированія. Такъ, но это было бы лишь если бы во главѣ нѣмцевъ стояли одни только военные люди.

Политическая война не одно и тоже, что просто боевая. Военные стратеги хотѣли скоро взять и взяли бы Парижъ,

но для главнаго политика германскихъ силъ этого было вовсе не нужно. Бисмарку нужно было не столько заключить скорѣе миръ, сколько обезсилить Францію до-нельзя, чтобы разомъ положить конецъ народной борьбѣ двухъ расъ. Чѣмъ могъ онъ обезсилить Францію окончательно? Взятіемъ Парижа? Отъ этого Франція не очень много потеряла бы; заключивъ скорый миръ, она затѣмъ въ непродолжительное время поправилась бы опять. Положимъ даже она уступила бы Эльзасъ и нѣмецкую Лотарингію, но вѣдь только кричатъ, что уступка этого клочка земли и миліона съ чѣмъ нибудь населенія окончательно ослабила бы Францію. Нѣтъ, это только раздражило бы ея задоръ. Контрибуція? Но и какъ бы ни велика была контрибуція, она также не обезсилитъ окончательно Францію. Развѣ Наполеонъ III безъ войны не бралъ съ Франціи контрибуцій? Займутъ, будутъ платить проценты, да еще пожалуй станутъ выводить, что достигнуть колосальныхъ процентныхъ платежей въ ежегодномъ бюджетѣ, подобно Англіи, значитъ чуть ли не стать съ нею на ряду въ дѣлѣ промышленнаго процвѣтанія страны.

Нѣтъ, Бисмарка не провести! Ни Эльзасъ съ Лотарингіей, ни мильярды контрибуціи, ни уступка части французскаго флота не обезсилятъ окончательно Францію въ его глазахъ. Нѣтъ! нужно пройдти ее съ ружьемъ и штыкомъ изъ конца въ конецъ, всюду пощупать ее, выпотрошить ея средства, добраться до ея завѣтныхъ уголковъ, нахозяйничаться въ „дѣвственныхъ“ крѣпостяхъ ея, пожить на счетъ всѣхъ ея провинцій—вотъ тогда Франція узнаетъ что значитъ непріятельское нашествіе, тогда она не вызоветъ его второй разъ. Ее побаловали въ 1814 г. Пожурили какъ ребенка, и довольно. Надобно показать ей что шутками кончается не всегда.

Бисмаркъ рѣшился наказать Францію, и это конечно было въ его власти. Въ прусской главной квартирѣ господствовало замѣчательное точное распредѣленіе труда. Король твердо надѣялся на промыслъ, Мольтке двигалъ солдатъ по тѣмъ направленіямъ, которыя указывались непосредственнымъ ходомъ военныхъ обстоятельствъ, а Бисмаркъ руководилъ войною. Правительство народной обороны—да это благодать для Бисмарка. Правительство обороны конечно не есть правительство мира, потому что войну съ миромъ смѣшивалъ только въ былое время кассельскій узникъ, изрекшій „l'empire c'est la paix,“ но и то только потому что былъ императоромъ и могъ дѣлать что ему угодно. Республиканцы напротивъ народъ умный, а главное отвѣтственный за свою логику и потому „оборону“ не могутъ принять за „миръ.“ Они явились для обороны, для войны, и слѣдовательно не ихъ дѣло заключать миръ. Пусть миръ заключаетъ кто нибудь другой. Прежде чѣмъ миръ будетъ заключенъ они должны быть свергнуты. Пока они въ управленіи, Франція хочетъ войны. Это все такъ и нужно было прусскому премьеру. И ему нужна война, потому что скорый миръ какъ бы невыгоденъ для Франціи онъ ни былъ, будетъ для нея въ концѣ концовъ спасеніемъ...

Слѣдовательно правительство народной обороны было для Бисмарка самое лучшее какого только можно было желать Франціи.

Бисмаркъ хочетъ узнать—что это за правительство? Оно олицетворяется Жюлемъ Фавромъ, самымъ вліятельнымъ и талантливымъ членомъ его. Бисмаркъ хочетъ познакомиться съ Жюлемъ Фавромъ. Какъ это сдѣлать? Конечно нужно, чтобы Жюль Фавръ сдѣлалъ первый визитъ; но онъ не поѣдетъ, если его пригласить такъ „пріятно, молъ, познако-

миться.“ Надобно затѣять переговоры. Тогда Жюль Фавръ явится несомнѣнно и можно будетъ узнать что это за правительство. Начинаются переговоры. Бисмаркъ высказываетъ самое гуманное желаніе, чтобы Франція имѣла постоянное правительство, когда сама Франція имѣть его не хочетъ. Надобно собрать учредительное собраніе и Бисмаркъ готовъ принести со своей стороны жертвы для этой цѣли.

Жюль Фавръ пріѣхалъ. Бисмаркъ съ нимъ переговорилъ. Они узнали другъ друга и Бисмаркъ узналъ что ему дѣлать далѣе. Онъ очень остался доволенъ свиданіемъ, и не мудрено! А переговоры, миръ, перемиріе? Все это было только средство, не въ нихъ было дѣло. Жюль Фавръ уѣхалъ и Бисмаркъ сталъ продолжать осаду Парижа. И Жюль Фавръ доволенъ. Онъ теперь напишетъ циркуляръ, въ которомъ Бисмарку сильно достанется.

Главная квартира нѣмцевъ учреждается въ Версали. „Версальскій дворъ!“ Какая насмѣшка надъ временами Людовика XIV и блескомъ Франціи! Нѣмцы располагаются какъ дома. Принцы крови въ Версали находятся въ достаточномъ числѣ, и еще больше пріѣдетъ ихъ ко дню взятія Парижа. Старый Мольтке произведенъ въ графы и въ годовщину 71 года его рожденія осыпанъ щедротами, подарками, пожеланіями и всѣми тѣми благами міра, которыя получать болѣе или менѣе пріятно. Фельдмаршалъ-принцъ прусскій надѣваетъ на сѣдины молчаливаго начальника штаба лавровый вѣнокъ. Городъ Нюрнбергъ прислалъ Мольтке поздравленіе и подарокъ. Магдебургъ шлетъ адресъ. Бисмаркъ, этотъ вѣчный юмористъ даже среди важныхъ политическихъ трудовъ, шлетъ старому генералу букетъ цвѣтовъ. Гостямъ своимъ спартанецъ—Мольтке даетъ обѣдъ въ гостинницѣ.

Словомъ жизнь въ Версали течетъ своимъ чередомъ, тихо,

мирно, точно нѣмцы пришли къ Парижу пріятно погостить. О бомбардированіи ни слуху, ни духу. О приступахъ еще меньше. Ведутся кое-гдѣ траншеи, но больше для вида, такъ себѣ. Оттонятъ пруссаковъ, отобьютъ эти траншеи, пруссаки не горюютъ. Чтоже за причина? Дожидаются осадныхъ орудій? Въ два мѣсяца при самыхъ скверныхъ дорогахъ можно было получить ихъ больше чѣмъ сколько нужно, напримѣръ, чтобы атаковать и взять фортъ, или два. А этимъ рѣшается все дѣло; тогда Парижъ въ прусскихъ рукахъ.

Но не въ томъ суть. Траншеи, осадныя орудія все это только забава со стороны господъ-нѣмцевъ, и Бисмаркъ могъ справедливо удивляться зачѣмъ это наивные французы производятъ такую непомѣрную трату пороха и снарядовъ. Пруссаки положили взять Парижъ, но не порохомъ и огнестрѣльными снарядами, а голодомъ. Для Бисмарка это было удобно. Пока голодъ подойдетъ, по Франціи можно было прогуляться на свободѣ, пошарить вездѣ, или въ значительной ея части, изнурить и обезсилить ее. Чисто военные люди Пруссіи немножко рыцари. Они цѣлуютъ, обнимаютъ и сажаютъ съ собою за столъ тѣхъ изъ французовъ, которые дрались съ ними упорнѣе прочихъ. Бисмаркъ не такъ сентименталенъ. Если ужъ онъ дастъ Франціи знать себя, то она будетъ помнить.

Что же дѣлается въ это время въ Парижѣ?

Тамъ народа много, но войска нѣтъ. За то есть правительство народной обороны. Правительство обороны учитъ народъ обороняться, маршировать, ѣсть по нуждѣ собакъ и кошекъ... Членъ правительства Гамбетта на воздушномъ шарѣ улетѣлъ туда, гдѣ еще нужда не заставляетъ ѣсть этихъ животныхъ, въ Туръ, къ Кремье, этому старому политику,

которому врагами его ставится въ униженіе, что онъ родомъ еврей, хотя внутренно подразумѣвается другая причина — онъ во власти, а они нѣтъ. Гамбетта, молодой адвокатъ, желчное краснорѣчіе котораго есть двойной результатъ ораторскаго таланта и легочной чахотки, держащей его въ постоянномъ лихорадочномъ состояніи, присоединился къ своему собрату въ Турѣ, еще прежде назначенному делегатомъ правительства, заключеннаго въ Парижѣ. Цѣль Гамбетты была побудить провинцію идти на помощь Парижу. Но оказалось, что провинція живетъ своею жизнью. Тамъ явилось разомъ нѣсколько правительствъ, преимущественно изъ красныхъ республиканцевъ. Ліонъ, Марсель, Тулуза, Бордо -- достаточно значительные центры, чтобы имѣть каждому свое правительство. Марсель одно время даже отдѣлилась отъ Франціи и образовала свою собственную республику. Сколько правителей! Король Вильгельмъ и Бисмаркъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи; Трошю и Жюль Фавръ въ Парижѣ, Гамбетта и Кремье въ Турѣ, Клюзере въ Ліонѣ, Эскиросъ въ Марсели и т. д. Очень много правителей и ни одного управляемаго, потому что французы пришли наконецъ къ тому убѣжденію, что повиновеніе и дисциплина губятъ ихъ и что лучше никому не повиноваться. А этого Бисмарку только и нужно.

Разсыпавъ французовъ какъ стадо барановъ, на кучки, прусскій политикъ можетъ какъ циклопъ Полиѳемъ выбирать себѣ на обѣдъ—какого угодно.

Но однако Парижъ упорствуетъ очень долго. Голодъ не подходитъ. Гамбетта что-то опасное проектируетъ за Луарой. Префектъ республиканской полиціи Кератри улетѣлъ изъ Парижа на воздушномъ шарѣ, чтобы организовать сѣверную армію. Начинается осень. Являются непогода и Гарибальди, дожди и планъ европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ! Би-

смаркъ, гдѣ же ваша находчивость? Въ ней большая нужда, или вашимъ придется плохо!

И Бисмаркъ напрягаетъ запасъ своихъ умственныхъ силъ. Прежде всего ему нужно узнать скоро ли голодъ заставитъ сдаться Парижъ. Онъ пускаетъ циркуляръ объ этомъ голодѣ. Европа испугана; филантропія пробуждена; въ Парижѣ продолжаютъ спокойно ѣсть собакъ и кошекъ. Европа поднимаетъ свой голосъ, потому что и этихъ полезныхъ животныхъ скоро можетъ не хватить въ Парижѣ. Франція не прочь сдѣлать угодное Европѣ, опять повести переговоры, хотя самой Франціи мира пока не нужно, потому что въ ней держится правительство національной обороны съ его знаменемъ войны во что бы то ни стало и съ боязнью красныхъ, которымъ война можетъ быть и не нужна, но нужна коммуна, а слѣдовательно и война, потому что безъ войны невозможны шансы на коммунистическій дѣлежъ собственности. Бисмаркъ очень хорошо знаетъ, что Франціи не нужно мира, и еще лучше знаетъ, что мира не нужно ему самому. Но ему нужно знать, много ли еще остается въ Парижѣ съѣстныхъ припасовъ; сколько времени еще можетъ продержаться Парижъ. Какъ ни болтливы французы, но изъ нихъ не выпытаешь сути относительно этого пункта, потому что большая часть ихъ вѣроятно и сама не знаетъ дѣйствительнаго количества запасовъ въ Парижѣ. Слѣдовательно, сколько ни ловить шаровъ съ воздушною почтою и съ почтовыми голубями, а въ результатѣ оказывались бы захваченными ворохи безсодержательныхъ писемъ и депешъ, написанныхъ на столь тонкой бумагѣ и такъ мелко, что съ однимъ голубемъ можно послать на 35,000 франковъ такихъ депешъ. Чтеніе всего этого было бы адскою работою и не принесло бы никакой пользы. О дѣйствительномъ положеніи Парижа знаютъ

только члены правительства, главные люди. Надобно повидаться къ кѣмъ нибудь изъ главныхъ. Для этого опять надобно затѣять переговоры.

Переговоры открыты. Вести ихъ съ французской стороны выбрали Тьера. „Треть Франціи мы заняли—сказалъ какъ говорятъ, наслѣдный принцъ Прусскій—другая треть (Tiers) скоро будетъ у насъ; а остальная треть также скоро будетъ нашей". Сказалъ или нѣтъ это наслѣдный принцъ, но всего больше юмористически былъ настроенъ, если не на словахъ, то на дѣлѣ конечно гр. Бисмаркъ. Онъ заранѣе могъ улыбаться затѣянной имъ игрѣ въ кошку и мышку.

Тьеръ ѣдетъ въ Парижъ. Онъ прежде долженъ повидаться съ своимъ правительствомъ, чѣмъ посѣтитъ Бисмарка и начнетъ съ нимъ переговоры. Но французскому государственному человѣку передаютъ отъ имени Бисмарка, что если всѣ дороги ведутъ къ Риму, то къ Парижу ведетъ дорога только чрезъ Версаль. Тьеръ ошеломленъ. А еще парижскій корреспондентъ Daily News писалъ, что онъ знаетъ только одного любезнаго нѣмца и этотъ нѣмецъ — Бисмаркъ. Развѣ это любезность? заставлять стараго и знаменитаго человѣка, бывшаго министромъ, когда Бисмаркъ сидѣлъ еще за школьной книгой, ѣхать непремѣнно тамъ, гдѣ укажетъ прусскій премьеръ! Но дѣлать нечего, надобно спасать отечество! Пришлось принять предложеніе. Бисмаркъ очень радъ видѣть знаменитаго человѣка и историка. Онъ долго любезно съ нимъ бесѣдуетъ. При прощаньи онъ провожаетъ его до кареты. Тьеръ поѣхалъ въ Парижъ. Зналъ ли онъ подъѣзжая подъ парламентарскимъ флагомъ къ французскимъ линіямъ, подъ защитою прусскаго офицера, готоваго прикрыть его своею грудью отъ шальной пули, что онъ былъ лишь игрушкою въ рукахъ Бисмарка? Думалъ ли, что онъ и въ

Парижъ ѣдетъ, чтобы быть тамъ игрушкою въ рукахъ своего правительства? А между тѣмъ это такъ было въ томъ и другомъ случаѣ. Ни Бисмаркъ, ни Трошю не хотѣли мира и они только играли другъ съ другомъ, перебрасываясь Тьеромъ, которому ни лѣта, ни знаменитость казалось готовили этой роли дипломатическаго мяча.

Тьеръ въ Парижѣ; тамъ же и общее смятеніе. Слухъ о перемиріи вызываетъ волненіе. Если перемиріе то не будетъ войны, слѣдовательно, не будетъ коммуны и дѣлежа собственности. Красные республиканцы возстали на Трошю. Онъ уже прежде былъ въ глазахъ ихъ орлеанистомъ, скрывавшимся лишь до времени. Гамбетта выдавался ими за скрытаго бонапартиста; улики на лицо: онъ былъ въ наполеоновскомъ законодательномъ корпусѣ, за что получалъ какъ депутатъ 15,000 франковъ въ годъ; онъ не хочетъ радикальной республики, онъ велъ какіе-то переговоры съ Бурбаки. Красные хотятъ войны и не хотятъ Трошю, если онъ хочетъ мира. Да поймите вы, люди добрые, что никто не хочетъ мира, что какъ черное не бываетъ бѣлымъ, такъ и люди обороны не могутъ быть людьми мира; что все только дѣлается для вида, для иностранныхъ державъ. Красные не понимаютъ, или не хотятъ понимать этого. Флурансъ, Дельклюзъ, Бланки, Феликсъ Піа волнуютъ населеніе. Правительство Трошю осаждено въ ратушѣ. Съ груди Трошю слетѣли ордена; какой-то гражданинъ боксируетъ уши министра просвѣщенія Жюля Симона; Жюль Фавръ съ прочими товарищами по управленію привязаны къ стульямъ. Но вотъ врывается батальонъ національныхъ гвардейцевъ преданныхъ Трошю. Они вырываютъ его и несутъ надвинувъ ему на голову солдатское чако, потому что его кепи могло вызвать откуда нибудь пулю. Трошю возвращается назадъ уже во

главѣ войскъ и освобождаетъ своихъ товарищей. Правительство до той минуты, въ переполохѣ, готово уже было объявить коммуну и отказаться отъ арестовъ за произведенное возстаніе. Но затѣмъ вынужденныя обѣщанія не исполняются и все остается по старому. Тьера отправили въ Версаль къ Бисмарку. Если бы было сомнѣніе въ нежеланіи правительства Трошю вести мирные переговоры, то возстаніе въ Парижѣ, вызванное однимъ слухомъ о готовящемся перемиріи, достаточно показало, что серьезно никто въ Парижѣ пока не думаетъ о мирѣ. Въ Версали также о немъ никто не думалъ.

Зачѣмъ же мучили этого старца, живущаго восьмой десятокъ лѣтъ, этого перваго министра прежнихъ поколѣній, еще только предъ тѣмъ, въ какія нибудь двѣ недѣли проѣхавшаго, также безплодно, тысячи верстъ по государствамъ Европы? Зачѣмъ отнимать было время у человѣка, по привычкѣ прежнихъ лѣтъ продолжающаго вставать въ четыре часа утра для научныхъ занятій? Зачѣмъ гармоническая, плавная, увлекательная французская рѣчь этого небольшаго ростомъ, хромаго старичка еще непереставшаго быть ораторомъ, должна была раздаться въ прусской главной квартирѣ въ перемежку съ рѣзкими, громкими нотами любезной, но спартански-твердой рѣчи Бисмарка?

Тьеръ во всемъ этомъ дѣлѣ игралъ печальную роль. Парижскіе министры думали, что они доставляютъ развлеченіе Тьеру, но въ сущности они доставляли выгоду Бисмарку. Ни отъ какихъ шпіоновъ Бисмаркъ не могъ надѣяться получить столь вѣрныхъ извѣстій о запасѣ продовольствія въ Парижѣ, какъ отъ Тьера. Шпіоны продали бы вѣсть Бисмарку, точно также какъ послѣ продали бы самого Бисмарка. То ли дѣло получить вѣрную вѣсть законнымъ пу-

тѣмъ отъ честнаго старика и государственнаго человѣка. Надобно только умѣнье выпытать ее. За этимъ у Бисмарка дѣло не станетъ.

Тьеръ пріѣхалъ въ Версаль и ведетъ переговоры, не догадываясь въ чемъ дѣло. Онъ хочетъ, чтобы Парижъ прежде всего снабдили съѣстными припасами. Безъ этого невозможны никакіе переговоры. А между тѣмъ перемиріе предположено на 25 дней. Слѣдовательно 25 дней очень много для Парижа какъ скоро рѣчь идетъ о пищѣ, о продовольствіи? Значитъ въ Парижѣ съѣстныхъ припасовъ очень мало и въ нихъ насущная потребность.

Это только и требовалось узнать. Прощайте, г. Тьеръ, очень вамъ благодарны за сообщеніе. Этого только и нужно было. Васъ даже не проводятъ до кареты какъ прежде. Съ сумрачнымъ лицемъ вышелъ Тьеръ отъ Бисмарка, чтобы отдавъ отчетъ въ Парижѣ о неудачныхъ переговорахъ забрать пожитки и ѣхать въ Туръ. Сумраченъ былъ и Бисмаркъ, когда вышелъ проводить до двери стараго дипломата, но послѣ вѣроятно улыбка мелькнула на лицѣ прусскаго премьера, когда онъ поѣхалъ съ докладомъ къ королю Вильгельму. Король можетъ быть спокоенъ. Мольтке и военной силѣ незачѣмъ трогаться. Парижъ будетъ сданъ Бисмарку и сдастъ его комендантъ Голодъ.

XV.

МЕЦСКОЕ ПЛѢНЕНІЕ.

Переговоры въ теченіе послѣдненей войны — это мечты, иллюзіи, утопіи, что̀ хотите, только не практическія бесѣды для достиженія существенныхъ результатовъ. Мольтке изу-

чалъ Францію съ военной точки зрѣнія. Вспомнимъ его поѣздки по мозельской долинѣ, въ бурю и непогоду, подъ тайнымъ наблюденіемъ французскихъ шпіоновъ. Это было задолго передъ войною, и задолго до вступленія во Францію съ арміей, прусскій начальникъ штаба ужу зналъ что предпринять противъ Меца въ военномъ отношеніи. Точно также Бисмаркъ задолго до войны изучалъ Францію въ нравственномъ и интелектуальномъ отношеніи и когда германская армія вторглась во французскую територію Бисмаркъ уже зналъ какими нравственными и умственными пружинами дѣйствовать на французовъ. Мечты, иллюзіи и утопіи должны были играть большую роль въ тактикѣ Бисмарка. Онъ рѣшился уничтожить Францію и уничтожить — словами. Онъ зналъ для чего явился во Францію и помнилъ для чего по Талейрану, данъ языкъ человѣку. Онъ рѣшился много говорить, чтобы скрыть свои мысли. Какъ военный и прямой человѣкъ, Мольтке для той же цѣли молчитъ. Но Бисмаркъ — дипломатъ, и правило Талейрана должно было очень помочь ему.

Мецъ окруженъ нѣмцами. Нѣмцы сдавили Базена въ желѣзныхъ тискахъ, но скоро погода сдавила самихъ нѣмцевъ въ тискахъ грязи. Дождь и сырая погода непрерывно. Изъ Россіи привезли овчинныя шубы, есть у каждаго пруссака по теплому одѣялу и по парѣ шерстяныхъ чулковъ, но нѣтъ палатокъ и осенній холодъ пробираетъ чувствительно. Чтобы попасть на аванпосты солдату нужно иногда буквально проползти по колѣни въ грязи. Такова война! Лазаретъ и кладбище выступаютъ на видный планъ. По слухамъ у самого главнокомандующаго, принца Фридриха Карла, кровавый поносъ. Но по крайней мѣрѣ пруссакамъ есть что ѣсть.

Стоятъ они, ждутъ, но Базенъ не сдается. У него болѣе

150,000 войска въ рядахъ и 20,000 больныхъ и раненыхъ. Мецъ съ его 50,000 жителей не ожидалъ, что въ него нагрянутъ такія полчища, тѣмъ болѣе тяготившія его, что при предполагавшемся отступленіи Базена на Шалонъ, съѣстные припасы были значительною частію вывезены въ Верденъ. „Дѣвственная" крѣпость, какъ выражаются французы, Мецъ никогда еще не видавшій непріятеля въ своихъ стѣнахъ могъ бы долго защищаться, если бы при обыкновенномъ гарнизонѣ въ немъ было достаточно припасовъ. Но кормить 230 т. человѣкъ не все равно что 50 т. Много усилій и денегъ потрачено было на укрѣпленіе Меца съ 1860 г. Это была безспорно самая сильная крѣпость Франціи. Стѣны Меца были сложены правда изъ мѣстнаго известняка, не очень значительной плотности. Въ 1834 г., при пробахъ, въ этихъ стѣнахъ пробивали брешь 400 выстрѣлами съ чѣмъ нибудь въ 6 часовъ времени, въ 1844 г., когда орудія были болѣе усовершенствованы такую же брешь оказывалось возможнымъ пробить половиннымъ числомъ выстрѣловъ въ 4 часа времени. Можетъ быть прусская артиллерія и успѣшно повела бы дѣло разрушенія, но послѣ приведенныхъ пробъ Мецъ былъ сильно укрѣпленъ окружающими фортами и теперь за этими фортами держалась цѣлая сильная армія, численно почти равнявшаяся осаждавшей.

Брать Мецъ штурмомъ было бы безумствомъ и во всякомъ случаѣ страшнымъ пролитіемъ крови. Оставалось взять его голодомъ. Но допустила ли бы французская армія выморить себя голодомъ? Развѣ не лучше пробить себѣ путь изъ крѣпости, хотя бы и съ громадными потерями, чѣмъ гибнуть отъ голода и истощенною сдаться непріятелю? Очень вѣроятно, что Базенъ дѣйствительно попытался бы сдѣлать отчаянную и рѣшительную попытку пробиться и если бы это не уда-

лось, то бросясь ночью въ разсыпную во всѣ стороны, французы все-таки могли бы уйдти изъ когтей прусской осадной арміи.

Ни чему этому принцъ Фридрихъ-Карлъ помѣшать не могъ. Базенъ и его армія такъ или иначе должны были ускользнуть изъ его рукъ. Но тутъ на выручку явился Бисмаркъ съ его знаніемъ французовъ и людей второй имперіи.

Какъ скоро палъ Седанъ—объ этомъ офиціально дали знать изъ прусской главной квартиры Базену въ Мецъ. Сдѣлалъ ли уже въ это время какой нибудь намекъ Бисмаркъ французскому маршалу—мы не знаемъ, но съ этого времени начинается замѣчательное бездѣйствіе Базена. Провіантъ въ Мецѣ тратится и дѣло доходитъ наконецъ до бойни артиллерійскихъ и кавалерійскихъ лошадей на пищу, а между тѣмъ ничего кромѣ незначительныхъ вылазокъ не предпринимается. Гдѣ причина этого?

Это знаютъ Базенъ и Бисмаркъ. Бисмаркъ опять заботится, чтобы во Франціи было постоянное правительство. Вѣдь есть же такіе благодѣтели рода человѣческаго и есть же такія неблагодарныя націи, которыя не хотятъ оцѣнивать подобныхъ усилій. Бисмаркъ на своемъ дипломатическомъ инструментѣ пробуетъ струну бонапартизма.

Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ плохъ Наполеонъ III, чтобы не быть вновь правителемъ Франціи? Если отъ возстановленія его заскребетъ на сердцѣ у большинства французовъ—тѣмъ лучше для Германіи. Наполеонъ III пятка Ахиллеса у Франціи; зачѣмъ же Францію лишать этой пятки? Пруссія согласна на ампутацію, но она предпочтетъ ампутировать у сосѣдки Эльзасъ и Лотарингію, а Наполеона III оставить при ней. Правда немножко совѣстно. Про Наполеона III во Франціи разсказываются такія вещи, что волосъ дыбомъ становится и никто его во Франціи не хочетъ пустить снова въ Тюльери,

да и сама Пруссія такъ возставала противъ него! Но политическая совѣсть — это такая эластическая, гибкая вещь, что на счетъ этого нѣтъ особенной надобности церемониться.

И такъ бонапартистская струна тронута. Раздались дикіе звуки. Это былъ голосъ націи, раздраженной навязываніемъ ей седанскаго героя непріятелемъ. Струна умолкла. Но можетъ быть не съ той стороны ее тронули. Если сдѣлать такъ: Наполеона III въ сторону какъ окончательный анахронизмъ, а во главѣ Франціи поставить императорскаго принца - какъ знамя, императрицу - для мебели и Базена, какъ регента и главу всего? Славный планъ? Неизвѣстно, что въ душѣ подумалъ объ этомъ планѣ Бисмаркъ, но Базенъ вѣроятно найдетъ, что это отличный планъ. Ударили въ струну; она сладко отозвалась въ главной квартирѣ въ Мецѣ. Какая перспектива предъ Базеномъ! При республикѣ онъ будетъ нуль; пока — онъ кое-что; ему предлагаютъ быть всѣмъ. Выборъ не труденъ для Базена при его честолюбіи и нравственныхъ началахъ. Адъютантъ Базена, ген. Бойе, ѣдетъ въ Версаль бесѣдовать одинъ на одинъ съ Бисмаркомъ. Бурбаки выѣхавшій изъ Меца въ одеждѣ врача совершаетъ таинственную поѣздку въ Англію къ императрицѣ Евгеніи. Планъ такой: прусскія войска выпустятъ Базена изъ Меца со всѣми войсками на честное слово не сражаться съ германскою арміею. Базенъ выступитъ, низложитъ правительство національной обороны, возстановитъ бонапартовъ въ лицѣ Наполеона IV и самъ сдѣлается регентомъ страны. Въ Мецѣ все хорошо устроили.

Въ прусской главной квартирѣ также все разыгралось какъ по нотамъ. Мольтке встрѣчаетъ генерала Бойе требованіемъ такой же сдачи, какая послѣдовала при Седанѣ, т. е. безусловной. Но встаетъ Бисмаркъ. Онъ говоритъ, что

бываютъ случаи, когда военныя требованія должны быть подчинены политическимъ. Самъ Бисмаркъ нисколько не хотѣлъ подчинять военныхъ требованій политическимъ, но мы уже видѣли, что у Мольтке и Бисмарка разный взглядъ на то, для чего данъ человѣку языкъ.

Ведутся переговоры, переводятся запасы въ Мецѣ. Льстятъ самолюбію Базена; желудки французовъ, бродящихъ около Меца и палками отбиваемыхъ прусскими аванпостами отъ огородовъ, находятся въ очень нелестномъ состояніи. Прусскій премьеръ отнимаетъ шагъ за шагомъ у Базена средства къ сопротивленію; остающіяся французскія лошади въ Мецѣ, лишенныя даже отрубей, отъѣдаютъ другъ у друга хвосты.

Довольно наконецъ тянуть канитель. Базенъ уже въ такомъ состояніи, что не можетъ предпринять что нибудь въ военномъ отношеніи, и армія его толпа голодныхъ мародеровъ. Положеніе дѣлъ измѣняется. Какой тутъ бонапартизмъ, Базенъ—регентъ и пр.! Сдавайтесь безусловно! Что тутъ еще разсуждать!

Бисмаркъ оправдалъ поговорку: „гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобно умѣнье.“ Базенъ былъ на голову разбитъ на дипломатическомъ полѣ. Явилось небывалое въ исторіи плѣненіе 180,000 человѣкъ.

Опять десятки тысячъ французовъ потянулись въ Германію. Въ отличіе отъ седанской капитуляціи только оставлены были шпаги сдавшимся 6,000 офицеровъ, но и тутъ замѣшались въ дѣло случай и иронія.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ телеграфируетъ королю что Мецъ готовъ сдаться. Добрый король, наскоро пробѣжавъ депешу объявляетъ о вѣсти по арміи и самъ бѣжитъ объявить ее версальскимъ карауламъ. И точно, событіе небывалое въ исторіи! Какъ тутъ не прійдти въ восторгъ! Давъ знать

лично окружающимъ о великомъ событіи, король вчитывается вновь въ депешу и видитъ, что кой-чего онъ въ ней не замѣтилъ. Осажденные просили объ оставленіи офицерамъ шпагъ. Но дѣлать уже было нечего, и подъ Мецъ понеслась вѣсть, что, во вниманіе къ оказанной храбрости, французскимъ офицерамъ оставляются шпаги. Какую храбрость оказали французскіе офицеры—этимъ офицерамъ можетъ быть и извѣстно, но для окружающихъ на этомъ лежитъ печать тайны, и можетъ быть вся храбрость ихъ заключалась въ поспѣшности, съ какою добродушный король заявилъ о содержаніи телеграммы, не прочитавъ ея хорошенько.

Впрочемъ нѣтъ! Французскимъ начальникамъ въ Мецѣ пришлось наконецъ выказать храбрость. Это когда толпа жителей Меца, разъяренная сдачею, готова была перебить ихъ.

XVI.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ НАРОДОВЪ.

Палъ Мецъ. Нѣмцы взяли больше чѣмъ 1500 орудій, массу французскихъ орловъ, столько шассбо, что ими можно было бы вооружить значительную часть прусской арміи. Но всего болѣе пруссаки взяли плѣнныхъ.

Какое сонмище! Изъ подъ Седана отправили въ Германію 80 т. человѣкъ, теперь взяли еще 170 т. Но вѣдь это цѣлое переселеніе народовъ. Болѣе 300 т. плѣнныхъ въ три мѣсяца!

Зналъ ли авторъ книги „Парижъ въ Америкѣ,“ что скоро можно будетъ написать сочиненіе подъ заглавіемъ: Франція въ Германія“, или: „Германія во Франціи“?—а между тѣмъ это было такъ въ дѣйствительности.

Это настоящій исходъ изъ Египта, со всѣми его атрибутами. Евреи-бонапартисты вышли изъ страны, которая для Моисея ихъ, Наполеона III, рѣшительно стала Египтомъ съ десятью казнями. Чермнымъ моремъ явилась Бельгія; въ онѣмѣніи и изумленіи разступились белгійцы, чтобы очистить дорогу императорской процессіи. Избранный Бисмаркомъ народъ размѣстился не одинаково удобно въ Германіи. Солдаты должны были работать въ крѣпостяхъ или на частныхъ земляхъ, получая чуть ли не четвертую часть платы обыкновеннаго работника. Можно было заранѣе сказать что много ихъ переболѣетъ, а можетъ быть и перемретъ, потому что ихъ размѣстятъ въ холодныхъ баракахъ, такъ какъ ихъ много, и другаго помѣщенія нѣтъ. Но за то хорошо и спокойно будетъ Наполеону III.

„Вильгельмсгёе"—„Возвышенность Вильгельма" въ русскомъ переводѣ—и паденіе Наполеона III—какое сопоставленіе выраженій, и какая игра словъ! Но Наполеонъ III холоденъ и равнодушенъ. Кажется, если бы вся вселенная обрушилась — Наполеонъ III спокойно закурилъ бы папироску у адскаго огня и остался бы хладнокровенъ. Какое невозмутимое безстрастіе, какой замѣчательный залогъ политическихъ успѣховъ!

Назадъ тому тридцать лѣтъ этотъ самый человѣкъ таился отъ французскаго правительства и по Франціи разослано было описаніе его примѣтъ съ приказаніемъ арестовать отыскиваемаго, если бы онъ гдѣ явился. Но этотъ самый человѣкъ небольшаго роста, съ маленькими сѣрыми глазами и невысокимъ лбомъ, съ длиннымъ носомъ — словомъ точь въ точь тотъ же, какимъ описывала его административная французская бумага, является во Франціи въ 1848 г. Кто это? въ недоумѣніи спрашиваютъ себя парижане, видя ежедневно

неизвѣстнаго господина въ желтой одноколкѣ. Узнали что это Луи-Наполеонъ, а затѣмъ узнали, что Эмиль Жирарденъ, поссорясь съ Кавеньякомъ поддерживаетъ кандидатуру Луи-Наполеона на президенство. Луи-Наполеонъ пошолъ въ ходъ.

Минуло двадцать лѣтъ господства и Луи-Наполеонъ палъ. Какое прошлое! И зачѣмъ это письмо, будящее такъ много воспоминаній? Это письмо отъ стараго пріятеля Луи-Наполеона, Гартинга изъ Америки. — Любезный Луи — писалъ Гартингъ изъ Америки узнику въ Вильгельмсгее — вспомни какъ мы жили съ тобою въ одной комнатѣ и дѣлили все. Если всѣ оставятъ тебя, вспомни, что у тебя есть другъ, который опять будетъ радъ принять тебя.

Тридцать лѣтъ отвалились отъ прошлаго, какъ крышка могилы. Встрепенулось прошлое въ памяти, но не радужными цвѣтами промелькнуло оно въ ней; оно напомнило страшную, только что совершившуюся катастрофу...

Но наружно Луи-Наполеонъ безстрастенъ. Конечно онъ не промѣняетъ Вильгельмсгее на комнату Гартинга. Скорѣе онъ поѣдетъ изъ Касселя на о-въ Эльбу. И хладнокровно перечитываетъ недавній императоръ въ своемъ уютномъ и заваленномъ газетами и бумагами кабинетѣ предъ каминомъ что тамъ высказываютъ про него республиканскіе министры. Не тревожатъ его разсказы о томъ, какъ онъ уѣхалъ изъ Америки не заплативъ своему адвокату, какъ онъ оставилъ безъ призрѣнія собственную дочь, и какъ при затруднительномъ положеніи императрицы, наслѣдника французскаго прелата нашла мать ея герцогиня Монтихо. Не безпокоитъ его раскапываніе прошлаго политическими сплетниками и сплетницами. Что касается богатства его — онъ отречется отъ него и будетъ даже продавать своихъ лошадей, чтобы показать что бѣденъ, хотя конечно никто не помѣшаетъ ему употребить нажитые де-

сятки миліоновъ на изданіе своего органа, на закупку оружія про случай и проч.

Даже слухи, что жена отвергла его, дурно отзывалась о немъ маршалу Бурбаки, и не пускаетъ къ нему сына — не оправдались. Одна дама, въ скромномъ платьѣ, отправилась въ Вильгельмсгёе. Сопровождающая ее дама относится къ ней съ подозрительною почтительностію. Это ѣдетъ недавняя законодательница модъ — императрица Евгенія. И ея сѣдины (да сѣдые волосы уже пробились въ косѣ этой вѣчно-юной личности) и ея сѣдины не избѣгли сплетенъ охотниковъ до закулисныхъ тайнъ; выкопали какого-то кавалера Камерату и записочки бывшей императрицы, доказывающія знаніе сердца и незнаніе французскаго языка. Но она тоже мирится съ своею участью и ѣдетъ къ Луи-Наполеону въ Вильгельмсгёе.

Франція — императорская Франція—очутилась въ Германіи; по взятіи Меца даже французскіе маршалы явились по сосѣдству съ императоромъ. Королевская Пруссія въ свою очередь переселилась во Францію.

И вотъ все дальше и дальше распространяется во Франціи германское нашествіе, является еще болѣе полное переселеніе народовъ. Около миліона нѣмцевъ двинуто во Францію. Сто прусскихъ бюлетеней о потеряхъ германской арміи говорятъ почти о 70 т. убитыхъ и раненыхъ пруссаковъ. Съ остальными нѣмцами и съ недомолвками допустимъ, что 120 т. германцевъ выбыло изъ строя. Все же ихъ было на лицо во Франціи около 800,000 человѣкъ. Громадная цифра! Давно ли удивлялась Европа нашествію двунадесяти языковъ на Россію. Но тогда шло только 600,000 войска.

Бомбардируя большія крѣпости Франціи, не брезгая и малыми, германцы какъ лава растекались по Франціи. На сѣверѣ они уже почти касались Бельгіи и Ламанша. Ген.

Вердеръ, взявъ Страсбургъ шелъ на Безансонъ и Дижонъ. Фонъ-деръ-Таннъ быстрымъ натискомъ захватилъ съ боя Орлеанъ. Гамбетта самъ смѣлъ, но онъ дивится смѣлости баварскаго генерала. Употреблены усилія и баварскій предводитель хотя на время отброшенъ и Орлеанъ взятъ назадъ. Но это не помѣшаетъ дальнѣйшему разливу германцевъ на французской почвѣ и не остановитъ переселенія нѣмцевъ во Францію.

Но въ то время какъ нѣмцы совершаютъ переселеніе во Францію съ востока,—съ юга эта страна видитъ переселеніе другихъ народностей на свою почву. Эти народности ведетъ Гарибальди. На сѣверо-востокѣ иноземцы вторгаются во Францію противъ воли и безъ приглашенія ея правительства; на югѣ иноплеменники явились противъ воли, но съ приглашенія французскаго правительства. Это правительство неблагосклонно смотритъ на Гарибальди, но можетъ ли оно отказаться отъ вооруженной помощи, предлагаемой на защиту республики, на глазахъ народа, ждущаго чудесъ отъ Гарибальди.

Въ началѣ борьбы между Пруссіею и Франціею столкнулись двѣ историческія личности: Наполеонъ III и Бисмаркъ. Произошло рѣшительное столкновеніе и Наполеонъ скоро лежалъ во прахѣ. Конституція смяла въ ногахъ деспотизмъ. Въ концѣ борьбы снова наступаетъ столкновеніе двухъ историческихъ личностей. Другъ противъ друга выступаютъ Бисмаркъ и Гарибальди. Кто одержитъ верхъ, конституція или всеевропейская республика?

И эти двѣ личности поражаютъ печатью контраста лежащаго на нихъ. Бисмаркъ—это атлетическій ростъ, физическая мощь, обширная память, много знанія, умѣніе взять

верхъ надъ противникомъ, обширные планы, умѣнье достигнуть ихъ. Это Петръ Великій Германіи.

Гарибальди — напротивъ, рѣшительно Суворовъ современной эпохи. Съ виду чудакъ, продѣвающій голову въ дыру, сдѣланную въ шерстяномъ одѣялѣ, облекающійся въ какую-то красную курьезную хламиду, обѣдающій стоя въ двѣ минуты, между тѣмъ какъ штабъ его ѣстъ вкусныя яства, запивая ихъ лучшими винами. А между тѣмъ этотъ чудакъ видитъ дальше многихъ наблюдающихъ его. Для многихъ это наивный ребенокъ несмотря на старческія лѣта, „святой старикъ", допускающій чтобы у него окружающіе цѣловали руки, но голова и способности этого воинственнаго дервиша — ясны, и гдѣ нужно умѣютъ проникать за маску. Какъ Суворовъ, помогая Австріи, знать не хотѣлъ австрійскаго правительства и его распоряженій — такъ Гарибальди, защищая Францію, знать не хотѣлъ правительства народной обороны и открыто порицалъ его. Какъ Суворовъ не хотѣлъ имѣть дѣла съ австрійскими стратегиками, такъ Гарибальди въ ссорѣ съ французскими генералами. Какъ Суворовъ терпѣть не могъ ксендзовъ; такъ Гарибальди, едва занявъ Доль, выслалъ оттуда іезуитовъ, а тамъ ужъ послѣ пусть справки наводитъ администрація—имѣлъ онъ на это право, или нѣтъ. Суворовъ только съ тремя адъютантами поскакалъ противъ Пугачева, и притомъ одного еще потерялъ на дорогѣ; Гарибальди былъ назначенъ главнокомандующимъ арміи, въ которой не было ни одного человѣка, и только послѣ уже къ нему стеклись итальянцы, поляки, испанцы, представители чуть не всѣхъ націй.

Двѣ лавы переселенія готовы были столкнуться. Бисмаркъ и Гарибальди очутились другъ противъ друга. Прус-

ская игемонія въ Европѣ, или европейскіе Соединенные Штаты—кто кого одолѣетъ?

XVII.

ЗА КУЛИСАМИ РЕЛЯЦІЙ.

Люди стоящіе на верху очень нерѣдко считаютъ массу, кишащую внизу, такою толпою простаковъ, что что̀ имъ не скажи – всему повѣрятъ. Такъ повелось съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ. Но въ старину, когда маги, жрецы и философы стояли во главѣ управленія, это еще могло сходить съ рукъ. Толпа дѣйствительно была не очень развита и притомъ подчиненно-довѣрчива. Магамъ, жрецамъ и философамъ, всегда людямъ тонкимъ и умѣвшимъ обдѣлывать практическія дѣлишки, эта неразвитость толпы была на-руку. Но вѣка шли, человѣчество преуспѣвало. А между тѣмъ, иногда и теперь приходится вспомнить старинныхъ маговъ, жрецовъ и изреченія оракуловъ.

Интересно изучать исторію нынѣшней войны по реляціямъ. Читать обыкновенно приходится ихъ между строками — это своего рода пробный камень для критическихъ способностей. Началась война краткими простыми по изложенію и громовыми по содержанію депешами короля Вильгельма къ королевѣ Августѣ. Тутъ была одна правда. Пруссаки одержали поразительные успѣхи и съ нихъ одной правды было достаточно—даже правда могла казаться вымысломъ, такъ колоссальны были событія. Европа привыкла вѣрить королю Вильгельму, тѣмъ болѣе, что въ то же время клевреты императора Наполеона въ Парижѣ врали самымъ открытымъ образомъ и въ ихъ реляціи всякій рѣшительно потерялъ вѣру. Не многимъ приводилось такъ систематически и безза-

стѣнчиво обманывать общественное мнѣніе, какъ генералу Паликао. Отъ пруссаковъ только Европѣ можно было ждать правды.

Но увы! Привычки, какъ счастіе—перемѣнчивы. Пруссаки стали терпѣть неудачи, хотя неважныя, но темное обыкновенно тѣмъ темнѣе, чѣмъ больше свѣта бросалось прежде въ глаза. И вотъ акуратные, надежные нѣмцы также начинаютъ изощрять слогъ своихъ реляцій, чтобы не сказать всего, или сказать обо всемъ не вполнѣ такъ. Нѣмцы въ Германіи—народъ развитый, ихъ не проведешь. Пусть же ихъ вожди на театрѣ военныхъ дѣйствій и говорили бы имъ до конца всю правду. Хорошо- хорошо, плохо--сознавайся, что плохо. Но если депеши короля къ королевѣ остались по прежнему лаконичны и вѣрны истинѣ, то работы штабнаго люда стали выходить поучительными въ новомъ родѣ. Генералъ фонъ-деръ Таннъ разбитъ -такъ бы и напечатали. Пусть бы даже прибавили, что разбитъ какъ разъ въ то время, когда Баварія препиралась съ Бисмаркомъ объ устройствѣ Германіи и что баварскому генералу не были посланы подкрѣпленія, которыхъ онъ просилъ. Но положимъ, жертвы дѣло лишнее. Въ такомъ случаѣ не дѣлая чистосердечныхъ признаній, пусть бы исполнили свой долгъ и сказали, что баварскій генералъ разбитъ. Нѣтъ, реляція говоритъ, что генералъ отступилъ въ виду сильнаго непріятеля и храбро сражался при отступленіи. Битвы какъ не бывало. А взятыя пушки, о которыхъ писали французы? Ахъ это какія-то старыя два орудія, не то запасныя, не то резервныя, однимъ словомъ такія, что о нихъ не стоитъ говорить. А тысяча плѣнныхъ? Помилуйте, какіе плѣнные! Это фурштадтскія роты, заблудившіяся въ туманѣ.

Словомъ, на все есть увертка. Человѣкъ, который хочетъ

сказать тонко скажетъ, какъ бы вы его не ловили. Только много времени спустя стали говорить прямо, что Танна разбили. А донесенія изъ подъ Парижа генерала Подбѣльскаго? „Вѣроятно французы припишутъ себѣ побѣду“ иронически замѣчаетъ прусскій генералъ и кажется не подозрѣваетъ, что Европа въ этихъ словахъ во всякомъ случаѣ увидитъ неудачу пруссаковъ. Слова такъ эластичны, что ими можно замаскировать дѣло, но только маска открывается безъ труда и если, напримѣръ, мы читаемъ, что нѣмецкія войска, расположившіяся на отдыхъ, были на Луарѣ атакованы непріятелемъ, то это значитъ, что по всей вѣроятности, французы заставили ихъ принять битву противъ воли. Если реляція Мантейфеля гласитъ, что онъ взялъ такія-то и такія-то ничтожныя деревушки, о которыхъ никто не слыхалъ прежде за исключеніемъ департаментскихъ географовъ, то это значитъ, что генералъ никакихъ существенныхъ результатовъ не достигъ, что ему названіями нѣсколькихъ деревушекъ надобно пустить пыль въ глаза. Если нѣмцы потерпѣли неудачу отъ гарибальдійцевъ у Дижона, то мы объ этомъ узнаемъ отъ гарибальдійцевъ или Гамбетты, но не отъ нѣмцевъ, по крайней мѣрѣ не сейчасъ и не отъ властей.

Такъ фортуна сдѣлавшись нѣсколько суровѣе къ избалованнымъ ею нѣмцамъ измѣнила ихъ взглядъ на содержаніе и значеніе реляцій. Если нужно было доказательство, что пробудившійся духъ французскаго народа далъ нѣмцамъ много хлопотъ и что нѣмцамъ везло уже не во всемъ и всюду, то доказательство этому въ измѣненіи духа нѣмецкихъ военныхъ донесеній. А о томъ, чего не говорятъ реляціи, сколько можно было бы составить реляцій! Люди слѣдящіе за войною только нечаянно какъ-то узнали, что подъ Парижемъ въ одинъ мѣсяцъ осады было на 10,000 мень-

ше больныхъ чѣмъ въ предшествовавшій. Какой страшный фактъ раскрываетъ этотъ санитарный успѣхъ, фактъ своевременно неизвѣстный никому внѣ круга посвященныхъ. А страданія войскъ принца Фридриха-Карла подъ Мецомъ? О нихъ также узнали лишь послѣ капитуляціи Меца.

И такъ нѣмцы, донесеніямъ которыхъ Европа такъ вѣрила, отчасти свернули съ пути прежняго безпристрастія. Но можетъ быть французы сдѣлавшись республиканцами стали болѣе солидными и правдивыми гражданами чѣмъ прежде? Они навѣрно отказались послѣ 4 сентября отъ слѣдованія системѣ гласящей, что у непріятеля непремѣнно должно быть убито 1,000 человѣкъ, а у насъ 1 убитъ и 3 ранено.

Нѣтъ! Паликао исчезъ, но система его осталась, и республиканецъ Гамбетта не прочь былъ забросать Францію извѣстіями о побѣдахъ тамъ, гдѣ терпѣлись пораженія. А уваженіе къ народу, къ общественному мнѣнію? Но всѣ правительства во Франціи точно сговорились смотрѣть на народъ, какъ на довѣрчивую толпу, которая все переваритъ что ей ни поднесешь. Наконецъ плохъ тотъ генералъ, котораго можно будетъ уличить въ явной неправдѣ донесенія. Если напримѣръ онъ занималъ утромъ одну позицію, а вечеромъ потерпѣлъ пораженіе впереди ея на пять километровъ, то онъ можетъ донести, что войска его ночевали на своихъ утреннихъ позиціяхъ — пораженія не будетъ видно, а фактъ самъ по себѣ буквально вѣренъ. Если потеря въ солдатахъ велика, то можно написать, что потеря незначительна, потому что у всякаго свой взглядъ на значительность и незначительность. Если уже нельзя сказать, что потери малы, особенно если потребуются подкрѣпленія, то надобно написать, что потери непріятеля значительно превосходятъ наши.

*

Если солдатъ вели на жертву противъ какой нибудь крѣпкой позиціи, которую нельзя было взять, то можно сказать, что мужество всѣхъ чиновъ превосходило всякое вѣроятіе.

Все это такъ просто и наглядно. Затѣмъ депешу генерала можно коментировать, перефразировать, какъ часто дѣлалъ Гамбетта и въ результатѣ будетъ полная надежда на конечный успѣхъ. Вѣрилъ ли самъ Гамбетта въ успѣхъ? — объ этомъ люди знающіе его говорятъ, покачивая головою, но онъ былъ увѣренъ, что только такъ можно говорить съ Франціею. И Трошю подобно ему говорилъ съ Парижемъ. Впереди все надежды. Въ вылазкахъ противъ непріятеля все болѣе или менѣе значительные успѣхи. Генераламъ даются кресты, гражданамъ внушается терпѣніе и увѣренность въ побѣдѣ. Пушка такого рода вещь, что если непріятель захватилъ хоть одну, то объ этомъ тотчасъ пишется въ реляціи на всю Европу. Добро бы это было въ старое время, когда пушки были рѣдки и значили много! А теперь на нихъ никто не обращаетъ вниманія. Перевозятъ ихъ за арміями сотнями, дѣйствуютъ тысячами ихъ—какъ въ послѣднюю войну во Франціи. Но такъ уже исторія засѣла въ голову, что при значительномъ успѣхѣ должны попасться непріятелю вмѣстѣ съ плѣнными, пушки. Безъ этого побѣда не въ побѣду. И вотъ съ Монтъ-Аврона, по которому нѣмцы стоящіе подъ Парижемъ наконецъ открыли бомбардированіе изъ 70 орудій — французы увозятъ прежде всего пушки. Такъ и въ другихъ случаяхъ: пушки увозятся прежде всего, хотя раненые нерѣдко оставляются на произволъ судьбы безъ всякой помощи. Кто узнаетъ, что тысяча, другая, солдатъ погибла отъ невниманія, но о взятой пушкѣ прогремятъ на всю Европу. Слѣдовательно соблюдается внѣшность — люди пусть мрутъ, но береги пушки.

Но народы? Неужели они вѣрятъ фантазіи и казуистикѣ реляцій? Какъ это ни странно, но французы дѣйствительно были настроены такъ, что вѣрили въ самыя несостоятельныя вещи и ихъ не надобно было много увѣрять въ воображаемыхъ успѣхахъ. Ежедневно во всѣхъ концахъ Франціи разносились утки объ успѣхахъ французскаго оружія, самыхъ замысловатыхъ и фантастическихъ и имъ вѣрили до новой утки. Словомъ провансалецъ Гамбетта съ его энергическимъ пафосомъ какъ разъ пришелся по Франціи и едва ли его одного нужно винить въ ходульной торжественности его декретовъ и депешъ.

У нѣмцевъ нѣтъ и этого извиненія. Серьезная Германія и общественное мнѣніе Европы не обладаютъ провансальскимъ воображеніемъ и хотятъ правды. Пусть же эта правда и давалась бы имъ. Если для Гамбетты самый слогъ реляціи былъ правительственною мѣрою для усиленія энтузіазма порою дѣтски-фантастическаго населенія, то германскія реляціи должны были быть правдивыми отчетами о положеніи дѣлъ — и только.

XVIII.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПАУТИНА.

Настроенное на всевозможные ужасы послѣдними событіями воображеніе европейскаго жителя невольно рисуетъ себѣ Европу въ видѣ паутины, среди которой сидитъ паукъ. Имя этому пауку — Бисмаркъ. Напуганное воображеніе рѣшило, что отъ этого паука всего можно ожидать. Онъ ѣлъ несчетное количество мухъ. Эти мухи жужжатъ на разные лады въ разныхъ мѣстахъ паутины. Теперь паукъ ѣлъ Францію.

Муха жужжитъ на всю Европу, но половина ея уже опутана клейкою сѣтью. Паукъ добирается до головы.

Есть и другія мухи, только еще попавшіяся въ сѣти и ждущія своей участи. Особенно сильно жужжитъ Люксамбургъ. Испанія порвала со смертью Прима свои путы и готова кажется улетѣть, но за то въ сѣти громко бьется Румынія.

Оставляя песимистамъ сравнивать прусскаго канцлера съ паукомъ, мы видимъ въ немъ только тонкаго политика. Одно время во Франціи ему приходится трудно и главное надобно какъ нибудь подобрать Люксамбургъ. На Люксамбургъ канцлеръ мѣтилъ давно, но тутъ трактатъ о нейтралитетѣ этого герцогства!.. Устранить это препятствіе трудно, но оно будетъ устранено. Люксамбургъ будетъ германскимъ. Въ переговорахъ съ голландскимъ королевскимъ домомъ можно повести рѣчь о денежномъ вознагражденіи. Правда, это жертва—но за то Люксамбургъ очень нуженъ. Шли переговоры съ южно-германскими государствами о соединеніи всей Германіи въ одну имперію. Баварія и Виртембергъ были довольно назойливы, хотѣли большихъ уступокъ въ свою пользу. Не уступить имъ -виртембергскіе индиферентисты и баварскіе клерикалы поднимутъ такой гвалтъ, что Германіи пожалуй вовсе не дождаться объединенія, а между тѣмъ какъ бы хорошо было, если бы самъ баварскій король предложилъ королю Вильгельму императорскую корону! Можно конечно надѣть корону самому, но почетнѣе, если ее предложатъ и въ особенности если предложитъ старшій членъ союза послѣ прусскаго короля. Уступить притязаніямъ Виртемберга и Баваріи, значитъ съ другой стороны ослабить связь союза, а это можетъ отозваться неблагопріятными послѣдствіями, тѣмъ болѣе, что у южно-германскихъ государствъ будетъ преоб-

ладаніе голосовъ на имперскомъ сеймѣ. Нужно парализовать это преобладаніе голосовъ, но сдѣлать это лишь послѣ, когда Виртембергъ и Баварія въ чаяніи большинства голосовъ для своихъ интересовъ приступятъ къ союзу. Если послѣ этого совершившагося факта, когда уже королемъ баварскимъ подниметcя рѣчь объ императорской коронѣ и вернуться вспять будетъ очень трудно - присоединить Люксамбургъ прямо къ Пруссіи, то необходимое число голосовъ на сеймѣ для усиленія вліянія Пруссіи подойдетъ само собою. Виртембергъ и Баварія останутся ни при чемъ. Уступка превратится въ преобладаніе, Пруссія останется во главѣ Германіи и южныя государства не въ состояніи будутъ парализовать ея вліяніе.

Но сущность въ томъ: какъ присоединить Люксамбургъ? Очевидно нужно, чтобы это герцогство нарушило нейтралитетъ. Правительство его осторожно и не нарушитъ нейтралитета. Бисмаркъ знаетъ его и оно знаетъ Бисмарка. Но населеніе другое дѣло. Валлонско фламандско-французско-нѣмецкое населеніе Люксамбурга очень склонно симпатизировать французамъ. Вотъ тутъ-то и ловушка. Помощь французамъ вѣроятно явится. Сначала на эту помощь не надобно обращать никакого вниманія и г. Тиле въ Берлинѣ вѣроятно на столько дипломатъ, что пока нужно, будетъ увѣрять люксамбургскаго представителя въ полномъ своемъ удовольствіи за безпристрастное соблюденіе герцогствомъ своего нейтралитета. Между тѣмъ факты о дѣяніяхъ французскаго консула и общества желѣзной дороги, допустившаго подвозъ припасовъ для французскихъ войскъ, будутъ храниться до времени подъ спудомъ. Все это выйдетъ наружу когда понадобится.

Но воспользовавшись фактами въ доказательство наруше-

нія Люксамбургомъ своего нейтралитета, нужно тотчасъ же объявить, что Пруссія считаетъ себя несвязанною трактатомъ о нейтралитетѣ. Иначе начнутся объясненія, извиненія, станутъ приводить что 300 солдатъ, которыхъ позволилъ трактатъ содержать люксамбургскому правительству, естественно были недостаточная сила, чтобы углѣдить за неправильными дѣйствіями гражданъ по отношенію къ нейтралитету и т. д. Надобно разомъ объявить, что Пруссія не связана лондонскимъ трактатомъ. Но это дѣло щекотливое. На Пруссію поднимутся голоса со всѣхъ сторонъ. То ли дѣло, если напр. Россія первая заявитъ, что отступаетъ отъ черноморской конвенціи. На людяхъ и смерть красна. „Прецедентъ"—какъ выражаются дипломаты. Тогда Пруссія можетъ смѣло дѣйствовать, а Европа кричи сколько ей угодно.

Россія заявила черноморскій вопросъ, а Пруссія тотчасъ же—люксамбургскій. Пруссіи было удобно, что Россія первая отступилась отъ черноморской конвенціи, Россіи было удобно что вслѣдъ затѣмъ какъ раздались австро-англійскія восклицанія о святости трактатовъ, Бисмаркъ какъ разъ сдѣлалъ то же самое, что Россія. Сходство было до того наглядно, что англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ даже не счелъ нужнымъ измѣнить выраженій въ своей депешѣ, отправленной въ Петербургъ, чтобы ту же депешу послать въ Берлинъ. Поставленъ былъ лишь одинъ адресъ вмѣсто другаго, да замѣнены собственныя имена однѣ другими. Оно и понятно: умные люди не любятъ повторять нѣсколько разъ одного и того же, а Бисмаркъ какъ нарочно далъ нашумѣться и накричаться сколько душѣ угодно, чтобы затѣмъ сдѣлать какъ разъ то же что вызвало шумъ и крики.

Россія подняла черноморскій вопросъ. Пруссія увидѣла, что нужно облегчить ей дѣло великодушная сосѣдка попи-

мала, что союзъ съ Россіею обоюдно выгоденъ двумъ державамъ. Предложена была конференція. Еще до конференціи задача Россіи была значительно облегчена новымъ положеніемъ, занятымъ Турціею. Въ Турціи многое перемѣнилось. Султанъ захотѣлъ пріобрѣсть Тунисъ въ непосредственное владѣніе. Въ 1846 г. уже послѣдовалъ было обмѣнъ рѣзкихъ нотъ между Турціею и Франціею по поводу Туниса, который Франція, господствуя въ Алжирѣ, можетъ быть разсчитывала со временемъ прибрать къ рукамъ и во всякомъ случаѣ не хотѣла видѣть турецкимъ. Но съ тѣхъ поръ водворилась вторая французская имперія, и послѣ крымской войны Турція очутилась чуть не въ зависимости отъ Франціи. Поднимать самостоятельный голосъ о Тунисѣ не осмѣливались. Но рухнула вторая имперія и Турція теперь на свободѣ дѣйствовать. Султанъ нашелъ удобнымъ немедленно очистить Турцію отъ всего французскаго. Французскіе инструкторы удалены были изъ турецкихъ школъ. Жители Перы, считавшіе прежде за честь числиться французскими подданными, скинули съ себя это подданство, и выразили восторгъ по поводу того, что могутъ называться турецкими подданными. Султанъ не забылъ, что пребываніе его въ Парижѣ во время всемірной выставки было сопряжено съ подробностями, граничившими съ оскорбленіемъ. Французское вліяніе кончилось въ Турціи. Осталось англійское. Но султанъ едва ли придаетъ особенное значеніе одной англійской помощи. Притомъ Англія проситъ трапезундскаго порта въ свое полное владѣніе, будто бы для наблюденія за Россіею. Тутъ не безъ своекорыстныхъ цѣлей.

Прежнее вліяніе Франціи и Англіи на Турцію миновало. Какой теперь политики держаться Турціи? Россія отвергая черноморскую конвенцію вовсе не хочетъ отвергнуть этимъ

всего парижскаго трактата. Она напротивъ очень любезна съ Турціею и готова войдти съ нею въ соглашеніе. Ген. Игнатьевъ привезъ султану собственноручное письмо императора Александра Николаевича. Затѣмъ послѣдовалъ обмѣнъ орденовъ между владѣтелями двухъ государствъ. Въ египетскомъ и тунисскомъ вопросахъ Турція очень можетъ разсчитывать на поддержку Россіи. И чего опасаться Турціи русскаго черноморскаго флота. У самой Турціи сильный броненосный флотъ. Если же президентъ Соединенныхъ Штатовъ въ письмѣ къ русскому императору, по слухамъ, и обѣщался послать весь флотъ Соединенныхъ Штатовъ по первому требованію Россіи, то это была угроза болѣе противъ Англіи, чѣмъ Турціи. Наконецъ нынѣшняя франко-нѣмецкая война доказала, что торпидо—самая надежная защита берега противъ кораблей и при этихъ подводныхъ минахъ непріятельскія военныя суда ничего не могутъ сдѣлать. Такимъ образомъ Турція противъ нападенія русскаго флота ограждена. Да притомъ Россія никогда флотомъ Турціи и не грозила; у султана же, очень преданнаго морскому дѣлу, флотъ довольно сильный.

Всѣ эти соображенія заставили султана склониться въ пользу соглашенія съ Россіею. Такимъ образомъ дѣло конференціи облегчалось. „Конференціею мы отворяемъ вамъ ворота для выхода“, замѣтилъ, какъ говорятъ, гр. Бисмаркъ русскому канцлеру. „Хорошо“—согласно тому же слуху былъ отвѣтъ—„мы пройдемъ, если только не нужно будетъ нагибаться“.—Германія конечно была должна играть первую роль на конференціи; Франція, какъ скоро и ее рѣшили пригласить, едва ли не послѣднюю. Вѣстовщики, претендующіе знать все, говорятъ, что на протестъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ, Габріака, противъ отступ-

ленія отъ черноморской конвенціи, кн. Горчаковъ хладнокровно поднялъ вопросъ о погодѣ. Вѣтеръ дѣйствительно подулъ противъ вліянія Франціи на европейскія дѣла.

Относительно Франціи дѣло Россіи на конференціи было облегчено. А Англія? Бисмаркъ, всегда привыкшій поднимать въ тылу врага — союзника себѣ, можетъ быть спокоенъ: за Англіею находятся Соединенные Штаты, которые хотя и отказались присутствовать на конференціи, но не прочь въ мутной водѣ Европы ловить рыбу. Остается Австрія. Какъ въ былое время въ тылу Франціи прусскій канцлеръ поднялъ Прима, такъ въ тылу Австріи высится Гогенцоллернъ - Карлъ румынскій. Бѣдный Примъ, сраженный пулями толпы соотечественниковъ за желаніе отмѣнить конституцію страны, былъ дѣятельный сподвижникъ Бисмарка въ Испаніи, во-время поднялъ гогенцоллернскую кандидатуру, во-время сдалъ ее въ архивъ когда въ ней больше не было нужды. Онъ не подалъ Бисмарку помощи противъ Франціи только потому, что романскія симпатіи всей Испаніи возстали бы противъ этой помощи тевтонамъ. Получалъ, или нѣтъ, субсидіи со стороны испанскій маршалъ, проводившій въ Испаніи тѣ же идеи монархизма, какія Бисмаркъ въ Германіи, только смерть сразила Прима уже въ то время, когда побѣдоносная Германія не нуждалась въ союзникѣ въ тылу Франціи. Но въ тылу Австріи союзникъ былъ нуженъ. Карлъ румынскій объявилъ, что и онъ недоволенъ парижскимъ трактатомъ. Каково положеніе Австріи между Пруссіею, Россіею и Румыніею протестующими противъ трактатовъ! Она стоитъ за святость трактатовъ, но что станетъ дѣлать одна праведница между тремя грѣшниками? Это совершенно желѣзное кольцо, охватившее праведную Австрію. Это въ родѣ осады Парижа. Австрія, гдѣ твой Трошю?

Но вдругъ раздается сладкій голосъ утѣшенія. Это Бисмаркъ обратился съ нотою къ гр. Бейсту. Ничего идилическій канцлеръ германской имперіи такъ ревностно не желаетъ какъ жить въ мирѣ и согласіи со своею сосѣдкою Австріею. Мирно они будутъ рядомъ пасти своихъ германскихъ овечекъ... Картина радостная. Австрія млѣетъ отъ восторга. Бисмаркъ тоже. Его дѣла въ послѣднее время нельзя сказать, чтобы особенно были блистательны. Французы затянули войну, баварскіе клерикалы пятятся отъ новосозданной германской имперіи. Если въ это время, да вдругъ Австрія захотѣла бы вмѣшаться въ дѣло, когда у Россіи Англія и Турція на рукахъ—это было бы не совсѣмъ сподручно. И вотъ Бисмаркъ пишетъ сладкую ноту Австріи. Австрія, гдѣ твоя предусмотрительность? Гр. Бейстъ, станьте ужъ заодно и на этотъ разъ на ходули, чтобы хоть дальше заглянуть въ будущее. Но голоса скептиковъ раздаются напрасно. Нѣмецкій канцлеръ Австріи сладострастно внимаетъ нѣмецкой рѣчи прусскаго канцлера. Такъ муха радостно бьется въ воздухѣ вокругъ распахнутой паутины, пока не задѣнетъ обманчиво-серебристой ткани.

XIX.

ТУРЪ И БОРДО.

Воздухоплаваніе играло замѣчательную роль въ послѣдней войнѣ. Желѣзная цѣпь, которою нѣмцы охватили Парижъ не въ силахъ была отрѣзать столицу Франціи отъ атмосферы, а этого Трошю и его сподвижникамъ было достаточно, чтобы хотя отчасти сноситься со внѣшнимъ міромъ. Блокада Парижа была неполна пока были въ немъ матерія на шары и водородный газъ. Пусть нѣмцы ловятъ шары —

большая часть этихъ воздушныхъ посланцовъ не попадетъ въ ихъ руки. Шары заносило въ Норвегію, въ Англію, въ океанъ. Можно было ожидать что шаръ—другой залетитъ въ Россію. Какое полезное средство сообщеній представляетъ аэронавтика видно изъ того, что одинъ полковникъ улетѣвшій изъ Парижа доставилъ 40,000 писемъ во всѣ концы Франціи, а шаровъ пускаемо было множество и даже открытъ былъ научный курсъ воздухоплаванія. Гамбетта и съ нимъ главная сила и энергія французскаго временнаго правительства улетѣли на шарѣ изъ рукъ пруссаковъ. Если бы только нѣмцы могли прервать воздушное сообщеніе — почемъ знать можетъ быть не было бы ни лаурской арміи съ Шанзи и Бурбаки, ни генерала Федерба на сѣверѣ. Можетъ быть въ такомъ случаѣ Парижъ гораздо прежде легъ бы къ ногамъ побѣдителя. А теперь еще удивительно было какъ французы не изготовятъ цѣлой массы шаровъ и нагрузивъ ихъ всѣмъ что есть цѣннаго въ Парижѣ не пошлютъ богатый грузъ въ провинцію при попутномъ вѣтрѣ. Слухи приписывали самому французскому правительству намѣреніе въ случаѣ предстоящей сдачи Парижа улетѣть изъ него подобно Гамбеттѣ, такъ чтобы нѣмцамъ не съ кѣмъ было по вступленіи въ столицу вести переговоровъ. Нѣмцы предоставили шары и воздушное пространство французамъ и очень плохо сдѣлали, потому что французы вполнѣ воспользовались всѣмъ этимъ. Нѣмцы явились побѣдоносными борцами на сушѣ; французы благодаря ихъ флоту могли явиться такими же на водѣ. На водѣ они ничего не сдѣлали, но за то прекрасно маневрировали на воздухѣ. Воздухъ явился ихъ дѣятельнымъ союзникомъ. Онъ нарушилъ нѣмецкую блокаду Парижа. Нѣмцы сначала хотѣли считать аэронавтовъ попавшихъ въ руки военноплѣнными, потомъ шпіонами. Это были изо-

брѣтенія безсилія. Человѣкъ не могъ побѣдить и подчинить себѣ воздухъ, онъ вздумалъ обрушивать свой гнѣвъ на тѣхъ, кто пользовался этою слабостью человѣка въ борьбѣ съ природою.

Пользуясь воздухомъ какъ союзникомъ, Гамбетта улетѣлъ изъ Парижа и оживилъ духъ провинцій. Переѣздъ этотъ былъ какъ нельзя болѣе въ пору для Франціи. И прежде были делегаты парижскаго правительства въ провинціи — Кремье и Гле-Безуенъ. Но оба они были старцы малоподвижные, малодѣятельные, нерѣшительные. Много политическаго жара было когда-то въ нихъ, но время беретъ свое и прежняя молнія была уже зарницей. Эти люди не могли поднять Францію. Нужна была энергическая воля, долженъ былъ раздаться болѣе сильный голосъ. Явился Гамбетта.

Министръ юстиціи республики 1848 г., еврей по происхожденію, человѣкъ выдающагося ума, Кремье взялъ и въ нынѣшней республикѣ на себя должность министра юстиціи. Но двадцать лѣтъ долгое время, Кремье одряхлѣлъ и въ то время какъ надобно было собирать арміи для отраженія пруссаковъ во исполненіе обѣта, даннаго правительствомъ 4 сентября не уступать ни пяди французской земли, ни одного камня крѣпостей — въ это время Кремье спокойно работалъ въ кабинетѣ надъ административнымъ устройствомъ Алжира, надъ проектомъ закона о разводахъ, надъ улучшеніемъ гражданскаго быта евреевъ и т. д. Гле-Безуенъ также бездѣйствовалъ. Нужно было чтобы міръ увидѣлъ государственнаго министра летящимъ по воздуху, для того чтобы болѣе энергическія руки схватились за бразды управленія Франціею въ провинціи.

Леонъ Гамбетта человѣкъ непреклоннаго характера и желѣзной воли. Въ Ниццѣ есть шестидесятилѣтній стари-

чокъ, одѣвающійся очень просто, бывшій фабрикантъ фаянсовыхъ издѣлій, который могъ бы засвидѣтельствовать, что Гамбетта еще мальчикомъ выказалъ рѣшимость, свойственную не многимъ. Этотъ старичокъ—отецъ прежняго адвоката, послѣ министра и почти диктатора Франціи. Онъ отдалъ своего сына - юношу въ школу. Школа не пришлась по молодому Леону, и онъ просилъ отца взять его оттуда. Отецъ не соглашался. Леонъ объявилъ, что если его не возьмутъ изъ школы, то онъ выколетъ себѣ глазъ. Эту угрозу приняли дома за шутку. Но Леонъ сдержалъ слово—онъ выкололъ себѣ глазъ.

Наступила другая эпоха. Леонъ Гамбетта далъ слово спасти Францію. Старикъ, отецъ его, справедливо носившійся со славою своего сына и жившій вѣстями о немъ, говорилъ, что онъ сдержитъ свое слово.

Гамбетта явился въ Турѣ, гдѣ утвердилась правительственная делегація, и дѣло пошло иначе. Луарскою арміею грозили давно, но многіе принимали ее за миѳъ. Въ нѣмецкой арміи считали обѣщанную 150,000 армію на Луарѣ вспышкою французской хвастливости, полагая не ошибка ли тутъ въ одномъ нулѣ, и не готовится ли только армія въ 15,000 человѣкъ. Вмѣсто 150,000 Гамбетта собралъ 200,000 и многочисленную артиллерію. Орель де Паладинъ (генералъ до того времени столь мало извѣстный, что по предположенію иныхъ, самое это имя было псевдонимомъ, подъ которымъ скрывался герцогъ Немурскій) немного орлеанистъ и очень много клерикалъ, старый служака въ родѣ прусскаго Штейнмеца и столь же неумолимый въ исполненіи обязанностей и поддержаніи дисциплины—былъ поставленъ во главѣ луарской арміи и выигралъ битву у баварскаго генерала Танна. Это былъ большой успѣхъ добытый энергіею Гамбетты. Но

какъ скоро Орель очистилъ Орлеанъ (какъ казалось Гамбеттѣ — безъ достаточно основательной причины) Гамбетта смѣнилъ его. Вообще энергія Гамбетты была порывиста, но за то дѣятельность изумительна. Въ то время когда по очищеніи Орлеана морской министръ адмиралъ Фуришонъ только сидя въ углу плакалъ объ участи своей родины, а Кремье и Гле-Безуанъ лишь расхаживали по комнатѣ, разсуждая, что надобно во что бы то ни стало прогнать этихъ пруссаковъ — Гамбетта былъ то тамъ, то тутъ, въ Турѣ и при арміи, въ совѣтѣ правительства и подъ пулями пруссаковъ, на балконахъ съ рѣчами и въ своемъ кабинетѣ за работою. Ни минуты покоя, ни дня отдохновенія. И кажется эта натура была создана для такой безпрерывной, тревожной дѣятельности. Гамбетта въ парижскомъ законодательномъ корпусѣ былъ слабъ здоровьемъ; у него страдала грудь. Въ новой сферѣ огонь пожиравшій здоровье депутата вырвался наружу въ лихорадочной дѣятельности министра и человѣкъ ожилъ. Видѣвшіе его въ Ліонѣ послѣ трехмѣсячной министерской дѣятельности нашли его окрѣпшимъ здоровьемъ и посвѣжѣвшимъ; только сѣдина, которой прежде не было замѣтно - ему всего тридцать лѣтъ съ небольшимъ — стала пробиваться въ его волосѣ: разультатъ безустанной дѣятельности отразился хотя на этомъ.

Но невозможнаго не могъ сдѣлать и Гамбетта. Французскіе новобранцы были разбиты подъ Орлеаномъ прусскими ветеранами. Нѣмцы идутъ на Туръ. Турское правительство переселяется въ Бордо. Бордо большой городъ и бьетъ даже на роль маленькой столицы, но и для него наплывъ 60,000 административныхъ и прочихъ гостей оказывается слишкомъ большимъ. Прибывшимъ негдѣ размѣститься. Англійскій посолъ, лордъ Лайонсъ, долженъ по прибытіи спать

въ столовой гостиницы на поспѣшно приготовленной желѣзной кровати; итальянскій посланникъ Нигра помѣстился на кушеткѣ; турецкій посланникъ нашелъ помѣщеніе только въ кладовой; папскій нунцій устроился на время въ церкви.

Какъ скоро переполохъ окончился опять всѣ взоры устремились на Гамбетту. Въ этомъ человѣкѣ, съ которымъ продолжали быть на „ты“ прежніе его товарищи, теперь подчиненные его въ маленькихъ должностяхъ, Франція хотѣла одно время видѣть своего диктатора и Гамбетта метался и бился о волну нѣмецкаго нашествія, въ надеждѣ что нибудь сдѣлать и въ увѣренности что сдѣлаетъ.

XX.

ПРОВОЗГЛАШЕНІЕ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ ВЪ ВЕРСАЛИ.

Нѣмецкая система веденія войны построена на быстромъ ударѣ, уничтоженіи непріятельскихъ силъ дружнымъ напоромъ огромныхъ массъ и заключеніи скораго мира. Народная война можетъ быть ведена только очень долго у себя и очень короткое время на непріятельской землѣ. Тамъ гдѣ солдаты выходятъ изъ массъ гражданскихъ дѣятелей, продолжительная война всегда должна вести къ подрыву государства.

Пруссія смяла очень скоро Австрію въ 1866 г. и очень была довольна, что также скоро заключила миръ. Она обрушилась на Францію также быстро и также очень скоро сокрушила ея главныя силы, но затѣмъ ей тотчасъ же нуженъ былъ славный, или почетный, миръ. Республиканская Франція и Бисмаркъ не дали ей этого желаннаго мира.

Пока бились только арміи—нѣмцы скоро одолѣвали про-

тивниковъ. Но съ установленія республиканскаго правленія во Франціи въ борьбу вступили принципы. Борьба сдѣлалась ровнѣе, силы противниковъ болѣе не представляли прежней несоразмѣрности.

При всемъ желаніи Европы удивляться прусскимъ порядкамъ и брать примѣръ съ Пруссіи—изученіе системы установленной и поддерживаемой Бисмаркомъ не наводитъ на рядъ успокоительныхъ размышленій. Пруссія съ ея всеобщимъ обученіемъ по казенной мѣркѣ можетъ въ будущемъ превратиться въ Китай, гдѣ также все населеніе нѣсколько образовано и вмѣстѣ погружено въ безъисходный застой. Развѣ мы не видали какъ мало значитъ небольшая доза всеобщаго образованія— всеобщая грамотность—въ дѣлѣ цивилизаціи? Развѣ эти образованные нѣмцы не выполняютъ на нашихъ глазахъ роли первобытныхъ народовъ? Развѣ рѣзня, потоки крови и всѣ ужасы прежнихъ вѣковъ сколько нибудь утратили свой прежній характеръ оттого, что нѣмцы болѣе полутораста лѣтъ обязательно учатся въ школахъ?

Могутъ сказать: какъ можно требовать, чтобы нѣмцы одни являлись образованными филантропами, когда они имѣютъ дѣло съ народами готовыми воздвигнуть на нихъ всѣ прежніе историческіе ужасы. Нельзя быть одному ангеломъ среди столькихъ злыхъ духовъ.

Это правда. Еще не пришло время совершенно стряхнуть все прошлое, съ историческимъ прошедшимъ разстаться трудно. Но можно было бы ожидать шаговъ впередъ въ сравненіи съ варварскимъ прошлымъ. Этихъ шаговъ мы не видали. Буквально то же, что было прежде, происходило на нашихъ глазахъ недавно. Разницы нѣтъ. Только орудія разрушенія изобрѣтены такія, какихъ прежде не знали, и люди

нашли болѣе средствъ истреблять другъ друга, чѣмъ знали прежде.

Изъ за чего воюетъ Германія? Изъ за своего объединенія? Во первыхъ она была и есть единая очень давно, и теперь рѣчь идетъ лишь объ устраненіи прежняго дробленія Германіи на отдѣльныя политическія единицы. Въ дѣлѣ образованія, литературы, торговли — Германія была давно объединена. Теперь она жаждетъ, или вѣрнѣе для нея жаждутъ, политическаго единства.

Но такая ли это цѣль, изъ за которой стоило бы проливать потоки крови образованному народу?

Кого интересуетъ германское политическое единство — властителей, или народъ? Не интересы ли Бисмарка и Гогенцоллерновъ болѣе замѣшаны въ этомъ дѣлѣ сплоченія германскаго общества въ одну имперію, чѣмъ пользы населенія? Или дѣйствительно Германія боится французовъ и Франціи въ такой степени какъ это хотятъ представить прусскіе офиціальные органы?

Нѣтъ, мы видѣли на престолѣ Франціи олицетворенное честолюбіе жаждавшее завоеваній, мечтавшее о Рейнѣ. И все же это олицетворенное честолюбіе въ лицѣ Наполеона III процарствовало двадцать лѣтъ не осмѣлясь занести руку на Рейнъ, а когда занесло, то повело къ разгрому Франціи и само слетѣло въ прахъ. И между тѣмъ этотъ отпоръ данъ былъ не объединенной, а разрозненной Германіей.

Никогда Франція не можетъ быть такъ честолюбива и заносчива какъ была при Наполеонѣ III. Конституціонная монархія и даже республика во Франціи гораздо болѣе гарантируютъ миръ Европы чѣмъ имперія. И одноко же имперія во Франціи была вовсе не опасна для Германіи и когда дѣло дошло до борьбы, то разъединенная Германія выказала

*

такую страшную силу, которая надолго отбила у Франціи охоту возобновлять борьбу.

И такъ Франція была вовсе не опасна для Германіи! Другихъ сосѣдей ей также не было причинъ опасаться. Объединеніе Германіи въ политическомъ отношеніи вовсе не нужно было для оборонительныхъ цѣлей нѣмецкому народу.

Но допустимъ даже, что политическое единство Германіи есть вещь столь священная для цѣлей человѣческаго и германскаго развитія, что оно должно было быть достигнуто. Допустимъ также, что Бисмаркъ не для виду только боялся завоевательной политики Франціи, чтобы подобрать Германію къ рукамъ Пруссіи, а что опасность дѣйствительно была. И все-таки послѣ Седана и Меца, нѣмцамъ, какъ народу образованному, слѣдовало остановиться, удовольствоваться тѣмъ что они пріобрѣли и заключить почетный миръ. Они могли получить полное вознагражденіе за военныя издержки и заставить срыть всѣ опасныя для нихъ крѣпости.

Кажется этого достаточно было для оборонительныхъ цѣлей Германіи, выказавшей такую силу, что Франція едва ли рѣшилась бы вновь вступить съ нею въ борьбу, даже при самыхъ выгодныхъ обстоятельствахъ.

Самозащита кончилась, слѣдовало остановиться. Германія не остановилась. Бисмаркъ и властолюбивыя цѣли преодолѣли предписанія гуманности и образованности. Францію заставили продолжать войну и она продолжала ее всѣми силами.

Скоро Германія увидала, что имѣетъ дѣло уже не съ прежнею Франціею. Люди служившіе своимъ интересамъ и честолюбивому деспотизму сошли со сцены. Явились новые, можетъ быть менѣе изощренные въ правительственной казуистикѣ, менѣе хитрые на дипломатическомъ поприщѣ, но бо-

лѣе прямые, добросовѣстные и талантливые дѣятели. Эти лица, ставъ во главѣ правленія, дали новый толчекъ Франціи. Франція очнулась. Какъ тяжелый сонъ были предъ нею въ прошломъ рейнская кампанія, Седанъ и Мецъ. Непріятель подъ стѣнами Парижа наглядно говорилъ, что то была дѣйствительность. Но Франція все-таки очнулась отъ этой дѣйствительности, какъ отъ тяжелаго сна и не хотѣла вѣрить, чтобы это была дѣйствительность.

Имперія была тяжелый кошмаръ; страна отреклась отъ нея со всѣми ея атрибутами. Она не могла только отречься отъ вызванной имперіею войны съ Германіею. Кошмаръ не прошелъ безслѣдно; нація изнемогала послѣ него въ тяжелыхъ пароксизмахъ.

Тѣмъ не менѣе дохнули новыя силы. Казарменная сила Бонапартовъ переселилась въ германскія крѣпости. Мѣсто ея заняли граждане, преданные не человѣку, а странѣ. Въ ряды защитниковъ страны стали лучшіе люди, бывшіе прежде въ сторонѣ, когда императорская власть расчитывала, что ей будетъ довольно людей — машинъ, чтобы одержать надъ Германіею верхъ и достигнуть своихъ плановъ. Чѣмъ Пруссія начала, тѣмъ Франція продолжала. Въ ряды ея войскъ стали люди мысли и крестьяне, буржуа и бароны, всѣ безъ исключенія классы общества. Страна выступила противъ страны. Если прежде можно было сказать, что казарма боролась съ народной школой, то теперь патріотизмъ шелъ на борьбу съ честолюбіемъ.

Но этого мало. Явились подозрѣнія — не намѣренно ли продолжаетъ борьбу Бисмаркъ, чтобы сломить республику столь полную антагонизма принципамъ Гогенцоллерновъ? Не важнѣе ли для него уничтожить республику во Франціи, чѣмъ потрясти могущество Франціи какъ врага Германіи? На

эти вопросы пока нельзя было дать отвѣта. Прошедшее не говорило, чтобы въ будущемъ политика прусскаго канцлера руководилась единственно откровенными и прямыми воззрѣніями. Она могла таить планы, которые не раскрывались заранѣе?

А эти слухи о возстановленіи трона Бонапартовъ? А договоръ на этотъ счетъ, о заключеніи котораго столь утвердительно сообщали изъ надежныхъ источниковъ? Все это не распологало вѣрить въ одни военные планы и однѣ національныя цѣли.

И вотъ слѣдовательно новая причина французской республикѣ вести войну на жизнь и на смерть. Новая причина чтобы симпатіи свободномыслящихъ людей Европы перешли на сторону Франціи.

Съ этого времени Гамбетта и Гарибальди могли говорить, что они защищаютъ свободу не одной Франціи; что свободнымъ учрежденіямъ всей Европы грозитъ опасность, если казенный милитаризмъ Пруссіи и военная диктатура Германіи утвердятся на незыблемыхъ основаніяхъ.

Мы не вѣримъ этимъ заявленіямъ. Мы думаемъ, что Бисмаркъ и ему подобные лишь преходящее явленіе, и если бы они захотѣли въ концѣ концовъ сбросить маску и явиться деспотами въ Европѣ и представителями господства силы надъ умственнымъ развитіемъ, то Германія сама стряхнула бы ихъ въ прахъ прежняго ничтожества.

Во всякомъ случаѣ война приняла новый характеръ съ тѣхъ поръ, какъ республика выступила въ борьбу съ Бисмарковой Германіей. Но мощь Франціи уже была до того надломлена, что трудно было поправить дѣла. Одно время правда въ умахъ предводителей германскихъ силъ подъ Парижемъ могло промелькнуть: а что если дѣйствительно Франція явится на освобожденіе своей столицы?

Казалось какъ будто успѣхъ колебался.

Уже могла явиться мысль у нѣмцевъ не плохо ли поступили они въ практическомъ отношеніи не заключивъ мира съ Франціею нѣсколькими мѣсяцами раньше? Что если подъ Парижъ явится побѣдоносная армія изъ внутренней Франціи - гдѣ тогда Бисмарково германское единство?

Но Бисмаркъ находчивъ. Онъ подъ гулъ орудій съ парижскихъ фортовъ, подъ рѣчи выражавшія сомнѣніе объ исходѣ борьбы во Франціи среди французскихъ арміи на югѣ, западѣ и сѣверѣ отъ Парижа — задумалъ провозглашеніе германской имперіи въ Версали.

Чтобы достичь этой цѣли Бисмаркъ долженъ былъ сойдти съ прусской точки зрѣнія и стать на германскую. Даже въ случаѣ самыхъ громкихъ новыхъ успѣховъ во Франціи, Бисмаркъ тогда только могъ расчитывать сгруппировать Германію вмѣстѣ, когда были бы при этомъ соблюдены германскіе, а не прусскіе интересы. Если бы Бисмаркъ въ Германіи хотѣлъ остаться пруссакомъ, онъ не успѣлъ бы въ своемъ дѣлѣ. Ему надобно было явиться и пруссакомъ, и виртембергцемъ, и баварцемъ. И онъ всѣмъ этимъ явился, онъ удовлетворилъ всѣмъ желаніямъ, чтобы удовлетворить своему: провозгласить императора изъ дома гогенцоллерновъ въ Версали.

Сколько значенія въ однихъ этихъ словахъ: „провозглашеніе германскаго императора въ Версали!“ Какое обаяніе для Германіи!

Бисмаркъ любитъ эфектъ и конечно это былъ не изъ послѣднихъ. Шестьдесятъ четыре года назадъ пала Германская имперія по волѣ Наполеона I и даже не подъ ударами французскаго оружія, а благодаря размаху пера императора французовъ. Пруссія поздно спохватилась, что дѣло

Германіи и Австріи касается нѣсколько и ея. Но стоило ей стать въ оборонительное положеніе какъ Наполеонъ въ нѣсколько недѣль разгромилъ и унизилъ ее.

Все это видѣлъ, все это помнитъ одинъ изъ старыхъ людей нашего времени. Восьмилѣтнимъ малюткой онъ присутствовалъ при позорѣ прусскаго и германскаго имени.

Этотъ восьмилѣтній малютка шестьдесятъ четыре года назадъ, теперь—король прусскій и императоръ германскій Вильгельмъ I.

Сто семьдесятъ лѣтъ назадъ незначительный германскій владѣтель курфирстъ бранденбургскій принялъ титулъ короля прусскаго. $^6/_{18}$ января 1700 г. явилось прусское королевство, $^6/_{18}$ января 1870 г. Пруссія собравъ исполинскія силы и ставъ первою военною державою въ Европѣ, сгруппировала вокругъ себя всю Германію въ обновленную Германскую имперію.

Отъ великаго сдѣлаемъ одинъ шагъ... Эпоха возвышенія Пруссіи въ 1870—71 гг. отозвалась возвышеніемъ лицъ. Мольтке возвысился до Бисмарка, сдѣлавшись графомъ; Бисмаркъ началъ возвышаться до Мольтке, будучи изъ полковниковъ ландвера произведенъ въ генералъ-лейтенанты; король Вильгельмъ I возвысился до Бонапартовъ принятіемъ императорскаго титула. Какъ видимъ возвышеніе лицъ можетъ быть понимаемо условно. Не также ли условно возвышеніе Пруссіи при посредствѣ крови и меча?

Какъ бы то ни было, но въ Версали $^6/_{18}$ января 1871 г. произошло провозглашеніе германскаго императора Вильгельма I. Въ зеркальной галереи дворца, изъ котораго Людовикъ XIV предписывалъ Европѣ—теперь, въ виду безсильнаго Парижа, на глазахъ истомленной и обезсиленной Франціи, предъ утомленною и наскучившею войною Германіею,

въ виду ошеломленной и не совсѣмъ еще понявшей смыслъ событія Европы--провозглашена Германская имперія.

XXI.

ГЕРМАНСКІЕ ГАННИБАЛЫ И ФРАНЦУЗСКІЕ КУНКТАТОРЫ.

Народная борьба Франціи противъ Германіи приняла другой характеръ чѣмъ какой война имѣла до 4 сентября. Французы перестали ставить все на карту, рисковать всѣмъ, чтобы или самимъ побѣдить, или быть побѣжденными какъ можно скорѣе. Время—лучшій союзникъ, къ которому они обратились наученные опытомъ. Нѣмцы боятся времени, боятся промедленія; замедленіе войны для нихъ уже само по себѣ—потеря. Имъ нужны быстрые успѣхи. Медленные успѣхи для нихъ — пораженія.

Чѣмъ больше длится война и силы, нужныя дома, остаются внѣ страны, тѣмъ Пруссія болѣе теряетъ. Казарменныя арміи прежняго времени гдѣ бы ни стояли — у себя ли, или за границею— было все равно, даже еще лучше если за границею. Народная армія вовсе не то, и только сравнительно недавнее введеніе народныхъ армій — не позволило еще высказаться разницѣ достаточно ярко. Введеніе народныхъ армій, вмѣсто казарменныхъ, именно потому и будетъ шагомъ впередъ со стороны государствъ въ конечномъ результатѣ, что оно сдѣлаетъ невозможными долгія войны. Когда война была спеціальностью касты, въ интересахъ этой касты было длить ее. Каждый аматеръ, каждый любитель, даже просто каждый работникъ получающій плату за извѣстное дѣло, желаетъ, чтобы его дѣло продолжалось возможно болѣе долгій срокъ. Воины-спеціалисты естественно старались длить воен-

ныя представленія на глазахъ зрителей и изобрѣтать военныя предпріятія, если таковыя не подвертывались сами подъ руку; они дѣлали это для того, чтобы доказать свое право на существованіе, какъ отдѣльной касты.

Иначе должна относиться къ войнѣ народная армія. Мирный гражданинъ можетъ надѣть на себя доспѣхи воина, если только дѣйствительно что нибудь угрожаетъ его интересамъ. Въ такомъ случаѣ онъ найдетъ въ себѣ и энергію и силы, чтобы явиться въ трудной и въ особенности въ нравственномъ отношеніи тяжелой роли воина. Но онъ никогда не изобрѣтетъ войны, никогда не отнесется къ ней съ довольствомъ аматера. Война для него бремя, а не забава. Тѣ для кого война забава не вынесутъ состязанія съ людьми, крѣпкою рукою хотя и съ сожалѣніемъ поднимающими бремя войны. Для кого война состояла въ перипетіяхъ походовъ, въ изяществѣ амуниціи, въ наградахъ и производствахъ, тѣ привыкли слишкомъ легко относиться къ войнѣ. Руки ихъ ослабѣли; занятые игрушками они стали слабыми дѣтьми и какъ показалъ опытъ, не въ силахъ противостать людямъ народной арміи проникнутымъ серьезнымъ сознаніемъ значенія войны.

Пруссія какъ представительница народной арміи одержала рядъ сокрушающихъ успѣховъ надъ казарменной бонапартовской Франціей, но какъ скоро народъ сталъ противъ народа и во Франціи выступили въ полѣ тѣ же элементы какіе Пруссія выслала во Францію—война уже благодаря этому одному должна было измѣниться въ характерѣ. Къ тому же, какъ мы замѣтили, присоединилось и измѣненіе тактики французскихъ полководцевъ.

Заключивъ союзъ съ временемъ, французы выставили противъ прусскихъ Ганнибаловъ со своей стороны Фабіевъ Кунктаторовъ. Съ одной стороны этого требовала необходимость.

Оборонительныя средства Франціи были подорваны; надобно было вновь найти средства. Въ людяхъ недостатка не было, но надобно людей кормить, надобно ихъ одѣть и вооружить. На это нужны были денежныя средства, но и не одни они. Даже имѣя денежныя средства въ рукахъ, гдѣ могло французское республиканское правительство найдти ружья и запасы на 300 — 400 тысячъ человѣкъ въ самый короткій срокъ, когда важнѣйшіе арсеналы и оружейные заводы Франціи были въ рукахъ непріятеля и треть французской територіи подчинена была прусскимъ гражданскимъ властямъ?

А выучка необходимая для солдата—было ли время для нея? А спеціальные роды службы, немыслимые вовсе безъ выучки и подготовки, какъ напр. кавалеріи, точно также какъ можно поставить вмѣстѣ людей и пушки, но это еще не будетъ артилерія.

Артилерія еще могла явиться у республиканскихъ армій. Высадили на берегъ морскихъ артилеристовъ, свезли съ кораблей пушки на берегъ, купили батареи пушекъ въ Америкѣ. Искусные морскіе артилеристы Франціи не положили охулки на руку и на сушѣ, и это было какъ нельзя болѣе въ пору, потому что превосходство прусской артилеріи было однимъ изъ источниковъ успѣховъ нѣмцевъ въ теченіе войны. Но относительно кавалеріи было въ французской арміи совсѣмъ другое.

Кавалерія въ новосозданныхъ арміяхъ не могла явиться такою, какою должна быть, и это, какъ увидимъ, было одною изъ главныхъ причинъ неудачъ встрѣченныхъ ими. Одно это обстоятельство давало значительный перевѣсъ нѣмцамъ.

Гамбетта, явясь организаторомъ арміи, рѣшился во чтобы ни стало освободить Парижъ. Созданы были три арміи: на сѣверѣ, западѣ и югѣ отъ Парижа. Въ Берлинѣ могли под-

смѣяваться, что адвокатъ принялъ на себя роль военнаго министра, но народная война создаетъ военныхъ людей изъ народа и отчего Гамбеттѣ не явиться было военнымъ министромъ? Ничего особеннаго не было и въ томъ, что журналисты назначились въ генералъ-интенданты или что капитаны флота получали патенты на званіе дивизіонныхъ генераловъ. Когда же люди отвыкнутъ считать войну спеціальностью даже при народной арміи? „Народная“ армія—это одно уже значитъ, что и предводители ея должны быть изъ народа.

Кто бы ни былъ назначенъ предводителемъ, организаторомъ арміи, генераломъ, или военнымъ министромъ—это все равно, только бы дѣла показали, что онъ на своемъ мѣстѣ. Люди не родятся генералами или военными министрами. Междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ сдѣлала искуснаго генерала изъ сына кожевника Гранта, почему же французской войнѣ за освобожденіе не сдѣлать было изъ сына фаянсоваго фабриканта Гамбетты дѣльнаго военнаго министра?

И онъ оказался вовсе не плохимъ военнымъ министромъ. Если относительно его стали распространяться слухи будто онъ метитъ въ диктаторы, если только его имя гремѣло вездѣ, а имена его товарищей оставались въ тѣни, то это результатъ его популярности, а популярность эта могла явиться только вслѣдствіе его неустанной, чрезвычайной дѣятельности.

Ораторъ хотѣвшій, какъ гласитъ его рѣчь, купить ружья у всего свѣта могъ вызывать улыбку; энергическій дѣятель дѣйствительно купившій много оружія для созданныхъ его дѣятельностью армій вызывалъ признательность его согражданъ и удивленіе враговъ.

Федербъ, Шанзи, Бурбаки должны были идти на осво-

божденіе Парижа. Остановимся же на дѣятельности каждаго изъ нихъ отдѣльно.

Небольшаго роста, въ очкахъ, очень обыкновенный гражданинъ по внѣшнему виду— Федербъ, получилъ въ командованіе сѣверную французскую народную армію. Опираясь на крѣпости Лонгви, Лилль, Валансьеннъ и Дуе, эта армія могла считать себя въ безопасности отъ внезапнаго нападенія пруссаковъ пока продолжалась ея организація. Скоро она выросла до 60,000 человѣкъ. Оборонительная линія ея была тѣмъ болѣе сильна, что окрестности Валансьенна могутъ быть затоплены во всякое время, а это, зимой должно было представить неодолимыя затрудненія врагу. Сѣверъ Франціи, соприкасающійся съ Бельгіею, густо населенъ и вообще представляетъ собою промышленный зажиточный край. Тутъ новосозданная армія могла быть вполнѣ обезпечена относительно продовольствія.

Можетъ быть армія Федерба была еще не вполнѣ сильна, чтобы выступить противъ нѣмцевъ, но Парижъ страдалъ и требовалъ освобожденія отъ провинцій. Федербъ рѣшился начать наступленіе. Но онъ помнилъ, что долженъ былъ явиться кунктаторомъ и потому подвигался впередъ осторожно. Главный недостатокъ его арміи заключался въ отсутствіи кавалеріи. У нѣмцевъ, напротивъ, кавалерія была одною изъ самыхъ полезныхъ частей арміи. Слѣдствіемъ было то, что Федербъ ничего не зналъ о движеніяхъ противниковъ, тогда какъ послѣдніе слѣдили за каждымъ его движеніемъ.

Едва подъ Парижемъ узнали, что сѣверная армія выступила въ поле, какъ генералъ Мантейфель съ первою германскою арміею быстро двинулся ей на встрѣчу. Французы были оттѣснены, хотя серьезнаго пораженія не было, и Фе-

дербъ началъ рядъ маневровъ въ виду сторожившаго его непріятеля.

Но маневры зимою, въ мѣстности, гдѣ непріятель уже появлялся не разъ, маневры безъ кавалеріи — дѣло очень трудное. Солдаты Федерба выносили лишенія. Они должны были ѣсть мерзлый хлѣбъ, который было не раскусить. Они шли иногда то по снѣгу, то по лужамъ и грязи. Непріятель уже занималъ Седанъ, аміенскую цитадель, Дьеппъ. Маневрировать при такихъ обстоятельствахъ съ цѣлью пробиться къ Парижу, было дѣло очень трудное.

Между тѣмъ нѣмцы не оставались только наблюдателями. Слѣдуя своей всегдашней тактикѣ, они получили подкрѣпленіе изъ подъ Парижа. Первая нѣмецкая армія съ саксонскимъ корпусомъ, пришедшимъ ей на помощь, напала на французовъ при Сен-Кентенѣ. Если бы Федербъ имѣлъ достаточную кавалерію для развѣдыванія непріятеля, то вѣроятно, успѣлъ бы уйти вновь подъ защиту сѣверныхъ крѣпостей, какъ скоро генералъ Гебенъ, преемникъ Мантейфеля, сосредоточилъ противъ него большія силы. Но французскій кунктаторъ не вполнѣ зналъ о силѣ непріятеля и принялъ бой. Онъ понесъ совершенное пораженіе, 9,000 плѣнныхъ и 6 пушекъ достались въ руки нѣмцевъ; Французы были отброшены къ крѣпостямъ.

Парижъ долженъ былъ отказаться отъ надежды получить помощь съ сѣвера.

Но еще прежде разочаровался онъ и въ надеждахъ на западъ.

Западная армія, подъ начальствомъ Шанзи, сначала дѣйствовала довольно удачно противъ принца Фридриха-Карла и великаго герцога мекленбургскаго. Она успѣла совершить фланговое движеніе на Леманъ и принцъ Фридрихъ-Карлъ

отказался отъ преслѣдованія ея. Съ другой стороны, принцу угрожала другая половина прежней луарской арміи, ставшая теперь подъ начальство Бурбаки.

Находясь между двухъ огней, принцъ Фридрихъ-Карлъ занялъ оборонительную позицію, чтобы не допустить движенія непріятеля на Парижъ и далъ солдатамъ отдыхъ.

Между тѣмъ въ рядахъ непріятеля могли думать, что нѣмецкія силы находятся въ постоянномъ движеніи, такъ какъ быстрыя движенія нѣмецкой кавалеріи были расчитаны, чтобы обмануть непріятеля въ этомъ отношеніи. Армія Шанзи въ Лемансѣ нуждалась въ отдыхѣ еще болѣе, чѣмъ войска принца Фридриха-Карла. Такимъ образомъ на западѣ наступилъ застой въ военныхъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ Гамбетта составилъ планъ прервать сообщенія нѣмецкой арміи подъ Парижемъ съ Германіею. Мысль была смѣлая и въ случаѣ успѣха французы могли поставить нѣмецкую армію, осаждавшую Парижъ, въ очень затруднительное положеніе.

Еще то говорило въ пользу этого плана, что генералъ Вердеръ, войска котораго уже давно безуспѣшно осаждали Бельфоръ, вовсе не былъ въ особенно блистательномъ положеніи, а между тѣмъ его корпусъ защищалъ съ юга линію нѣмецкихъ сообщеній.

Рѣшено было, что армія Бурбаки, стоявшая противъ принца Фридриха-Карла, снимется со своей стоянки и ударитъ на корпусъ Вердера. Гарибальди и отряды ліонской арміи должны были поддержать Бурбаки.

Мольтке и Вердеръ видѣли, что положеніе дѣйствительно затруднительно. Главная нѣмецкая квартира тотчасъ распорядилась перевести Мантейфеля съ сѣвера на югъ. Вер-

деръ около Бельфора окопался и оборонилъ свои шанцы осадными орудіями.

Бурбаки напалъ на Вердера, но напрасно, три дня бился онъ, пытаясь сломить непріятеля и взять его укрѣпленную позицію,—за чѣмъ, конечно, тотчасъ же слѣдовало бы освобожденіе Бельфора отъ осады—онъ не успѣлъ въ этомъ и долженъ былъ отступить съ большими потерями.

Между тѣмъ удаленіе Бурбаки съ Луары къ Бельфору повело къ катастрофѣ для французовъ на западѣ. Едва принцъ Фридрихъ-Карлъ узналъ, что Бурбаки ушелъ на востокъ, какъ тотчасъ же рѣшилъ обрушиться всѣми силами на Шанзи.

Армія принца успѣла отдохнуть и запастись нужнымъ. Шанзи не ожидалъ нападенія. Натискъ нѣмцевъ былъ стремителенъ. Французы потерпѣли при этомъ пораженіе столь сильное, что 20,000 плѣнныхъ и 16 орудій остались въ рукахъ непріятеля, захватившаго сверхъ того большіе запасы въ Лемансѣ.

Чувствительны были какъ громадныя потери солдатъ, такъ и утрата Леманса, важнаго стратегическаго пункта. Лемансъ—одинъ изъ центровъ желѣзныхъ дорогъ, а французы искусно пользовались все время желѣзными дорогами во вторую половину кампаніи.

Разгромъ западной арміи и неудача Бурбаки на югѣ окончательно лишили Парижъ надежды на помощь извнѣ.

Все было сдѣлано что можно, и все безуспѣшно. Въ очень трудныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ должны были проявиться энергія и дѣятельность защитниковъ французской республики. Но все это не заставило ихъ упасть духомъ.

XXII.

БОМБАРДИРОВАНІЕ ПАРИЖА.

Всѣ главныя германскія крѣпости послали своихъ громкоголосыхъ стальныхъ и мѣдныхъ посланцевъ подъ Парижъ. Ряды орудій разныхъ калибровъ давно стояли въ паркахъ, среди бивуаковъ нѣмецкой арміи. Почему же не открывалось бомбардированіе?

Отчасти могла въ головахъ представителей германскаго генеральнаго штаба таиться мысль: что если новыя французскія арміи пробьютъ себѣ дорогу къ Парижу? Это какъ разъ помѣшало бы бомбардированію и пришлось бы защищать тѣ самые парки и батареи, которыми грозили непріятелю. А если бы счастье склонилось на сторону французовъ, и они пробивъ путь къ Парижу и соединясь съ парижскимъ гарнизономъ отбили бы у нѣмцевъ этотъ громадный артилерійскій паркъ?

Какая громадная побѣда была бы въ такомъ случаѣ одержана? Какъ въ этомъ случаѣ пострадали бы подъ Парижемъ Шпандау и Кобленцъ, Кюстринъ и Майнцъ. Одна такая побѣда отомстила бы за многое въ прошломъ. Германія взяла у Франціи въ 1870 году 10,000 офицеровъ, 300,000 солдатъ, до 3,000 пушекъ, 112 орловъ и знаменъ, но если бы французы одержали рѣшительную побѣду подъ Парижемъ — въ ихъ руки также достались бы сотни орудій нѣмецкой арміи и положеніе послѣдней, среди непріятельской територіи, сдѣлалось бы критическимъ.

Но это были только мечты французовъ. Мечта такъ часто является въ головѣ неестественно разгоряченной, воображеніе такъ сильно разыгрывается при лихорадочномъ біеніи

пульса... Развѣ американскій индѣецъ, морящій себя голодомъ, не видитъ въ полузабвеніи свѣтлыхъ и торжественныхъ видѣній. Развѣ отшельникъ, изнемогающій подъ бременемъ поста, не бесѣдуетъ съ неземными существами, проливающими утѣшеніе въ его душу?

Какъ не жить было больной, разслабленной и голодной Франціи воображеніемъ?... И она жила имъ. Голодному Парижу въ его полуусыпленіи мерещились побѣды, слава и торжество. Вотъ Шанзи разбилъ на голову принца Фридриха-Карла. Мольтке ударило въ дрожь. Трошю идетъ впереди сотень тысячъ парижской арміи на Версаль. Армія стараго короля не выдержала этого натиска съ фронта и съ тыла. Шанзи и Трошю соединились. Нѣмцы бѣгутъ къ Рейну. Что же ваше „Wacht am Rhein" сытые и сильные сыны Германіи? Гдѣ ваши пушки? По прежнему ли Бисмаркъ мечтаетъ о титулѣ герцога эльзасскаго? Исполнилось предсказаніе того германскаго юмориста, который, на гравюрѣ, изображавшей ожидаемое вступленіе нѣмцевъ въ Парижъ, изобразилъ вступающихъ въ столицу Франціи освободителей ея отъ удручавшаго рока—быковъ, барановъ и свиней, дружно идущихъ среди воиновъ. Только эти воины не пруссаки,—а свои, французы.

Но это были только мечты голодной дѣйствительности. Желѣзное кольцо осады давило желудокъ больнаго Парижа, и оно стягивалось все болѣе. Но кандалы никогда не внушаютъ раскаянія и сердечной мягкости, вериги всегда надѣваются добровольно. Прусское желѣзное кольцо не склоняло къ мысли о сдачѣ. Напрасно давило оно сильнѣе и сильнѣе. Парижъ терпѣлъ голодъ и становился только выносчивѣе и упорнѣе. Такъ афонскій пустынникъ, борющійся съ голодомъ, менѣе чувствуетъ подступы его, когда кожаный

поясъ, охватывающій его животъ, стягивается болѣе и болѣе.

Дѣйствительность была грозна для Франціи. Могла являться мысль въ головахъ германскихъ представителей, что французамъ пожалуй удастся пробиться къ Парижу. Но такъ критическій взглядъ и осторожность всегда взвѣшиваютъ всѣ шансы. Опасаться нѣмцамъ особенно было нечего.

Даже если бы они потерпѣли неудачу въ сторонѣ отъ Парижа, то отступая шагъ за шагомъ къ главной арміи, они сгруппировались бы вокругъ него въ одну огромную массу и могли отбить всѣ приступы непріятеля на ихъ укрѣпленную позицію. Ничто однако не заставляло предполагать такой неудачи.

Успѣхъ Орель-де-Паладина подъ Орлеаномъ значилъ немного, принимая во вниманіе громадное неравенство силъ. Кромѣ этого французы не могли похвалиться ни однимъ успѣхомъ.

Нѣтъ, на бомбардированіе Парижа—нерѣшенная борьба съ арміями, шедшими на его освобожденіе, повліять не могла. Была другая причина, почему рядъ орудій, съ трудомъ привезенный издалека, стоялъ молчаливымъ строемъ въ нетронутыхъ паркахъ.

Сѣдой король не хотѣлъ вступить въ разрушенный городъ. Вступленіе должно было совершиться торжественно.

Блестящая амфилада войска, свита государей и князей: можетъ быть и молчаливыя, но вновь сытыя лица парижанъ вокругъ: тотъ же роскошный и горделивый Парижъ, растилающійся во всѣ стороны горизонта — вотъ картина вступленія въ Парижъ, какою являлась она въ головѣ короля-побѣдителя.

Неужели проститься съ этими ожиданіями и вступить въ городъ опустошенный и разбитый германскими пушками? Ка-

кое торжество въ переступаніи чрезъ груды щебня и обломковъ? Такими ли глазами глядѣли на Александра I какъ на Герострата? Можетъ ли быть по душѣ сѣдому королю, честному служакѣ и прямому человѣку, когда прусскія бомбы вызовутъ крики раненныхъ женщинъ и дѣтей въ Парижѣ? А эта добрая женщина въ берлинскомъ королевскомъ дворцѣ, это королева Августа, ухаживающая за раненными въ берлинскихъ лазаретахъ, развѣ она не утерла бы тайкомъ слезы при мысли, что невинныя малютки гибнутъ подъ осколками германскихъ гранатъ, и женщины умираютъ жертвами не ими вызваннаго кровопролитія? Состраданіе не знаетъ національностей; малютка въ колыбели еще не французъ и не нѣмецъ...

Нѣтъ! Король Вильгельмъ рѣшилъ воздержаться отъ бомбардированія. Пусть парижане храбрятся! Въ концѣ концовъ, они сдадутся. Пусть голодъ дѣлаетъ свое дѣло.

Но вѣдь голодъ то же бомбардированіе. Добрые люди и неумолимые воины, поймите это! Развѣ не все равно умираетъ ли людъ отъ голоднаго тифа, или отъ осколковъ бомбы? Если дѣти чахнутъ и умираютъ отъ того, что въ сосцахъ матери нѣтъ молока—развѣ это не все равно, что ихъ убиваютъ ядра и бомбы? И въ самое тяжелое, голодное время для Парижа, генералы во главѣ его войскъ ѣли свѣжую говядину. При всеобщемъ вздорожаніи припасовъ, для корреспондентовъ газетъ въ Парижѣ и для принимавшихъ ихъ аристократовъ-хозяевъ находились и яйца, и масло, и живность. Терпѣли голодъ только бѣдные, и опять больше женщины и дѣти...

Такъ къ чему же не договаривать? Къ чему думать о великодушіи, когда все равно Парижъ вымаривался не такъ, такъ иначе? Развѣ не все равно войти въ взятую столи-

цу—по грудамъ ли разрушенныхъ зданій, или среди обширнаго кладбища, скрывшаго умершихъ отъ голода?

Бомбардируйте!

Сколько времени ни ждалъ король, что вотъ-вотъ Парижъ вышлетъ уполномоченныхъ договариваться о мирѣ, уполномоченные не являлись.

Парижъ рѣшился вынести все. И было что выносить, на чемъ проявить свое терпѣніе.

Слоны, кенгуру, дикіе бараны парижскаго зоологическаго сада были съѣдены. Реквизиція на крысъ приняла такіе размѣры, что изъ 20 миліоновъ этихъ животныхъ, сколько показывала приблизительная ревизія ихъ, уже многихъ не досчитывалось и оставшіяся въ живыхъ эти умныя животныя рѣшились выкочевать изъ Парижа и эмигрировали на снѣжныя поля, окружающія столицу, рискуя лучше сосѣдствомъ съ фортами и съ батареями, чѣмъ съ человѣческими желудками. Кошки одичали и исчезли. Собачье мясо дошло до трехъ франковъ за фунтъ.

Наконецъ въ перспективѣ остаются только хлѣбъ и вино. Есть сласти, предметы роскоши, но изъ необходимаго только хлѣбъ и вино. Но и хлѣба мало. Реквизиція правительства наложена и на него. Велѣно для всѣхъ печь одинъ сортъ пеклеваннаго хлѣба вмѣсто разныхъ сортовъ.

Риквизиція показала, что иные запасливые поселяне перебираясь въ Парижъ, привезли муки даже въ тюфякахъ. Благодаря такимъ тюфякамъ, и тайникамъ парижской знати и буржуазіи, оказалось, что запасовъ въ городѣ больше чѣмъ расчитывали. Но дни за днями уносили ихъ, голодъ по прежнему стучался въ дверь.

Нужно ѣсть, но зимой нужно и грѣться. Наступила зима; нужны дрова и уголь. Ихъ въ Парижѣ нѣтъ, или мало.

Стали падать подъ топорами деревья Венсенскаго лѣса и даже бульваровъ и садовъ Парижа. Исчезли растасканныя толпою деревья, положенныя парижскою барикадною комиссіею среди дорогъ и улицъ для прегражденія пути непріятелю. Но какъ справедливо замѣчаетъ корреспондентъ Daily News, ведшій хронику осажденнаго Парижа: одно—срубить дерево и другое—заставить его горѣть. Сырое дерево тлѣло, дымило, но не горѣло; а тепла, какъ можно болѣе тепла, и ничего другаго больше не надобно было парижанину съ пустымъ желудкомъ, нуждавшемуся вдвойнѣ въ согрѣваніи снаружи, потому что ничего не грѣло его извнутри.

Замерзшіе массами находимы были за городомъ. Смертность въ городѣ увеличилась втрое противъ обыкновеннаго. Оспа, тифъ и болѣзни легкихъ уносили еженедѣльно сотни людей. И все-таки Парижъ не сдавался.

Форты, вооруженные громадными орудіями, слали выстрѣлы за выстрѣлами. Барикадная комиссія пригласила гражданъ припасти мѣшки съ землею для встрѣчи непріятеля въ случаѣ штурма. Едва лишь доносилась вѣсть до осажденныхъ, что съ какой нибудь стороны идетъ имъ помощь, въ ту сторону предпринималась вылазка.

Парижъ ждалъ освобожденія отъ провинціи и со стороны провинціи не было недостатка въ поощреніи и обѣщаніяхъ. Въ Бордо стада быковъ и барановъ были запасены для отправки въ Парижъ. Гамбетта взывалъ къ мужеству столицы. Трошю объявлялъ, что генералъ-губернаторъ Парижа никогда не сдатся.

Сагунтъ современной Франціи съ его 2 мил. населенія стойко держался. Парижъ оказался громадною и сильною крѣпостью. Форты вокругъ него доказали, что другой системы обороны большихъ городовъ и не нужно, что поясъ

небольшихъ укрѣпленій на извѣстномъ разстояніи отъ города достаточно обороняетъ его.

Сто слишкомъ дней осады выдержалъ Парижъ. Терпѣніе нѣмцевъ начало истощаться. Аванпостная служба вокругъ Парижа истомляла ихъ больше чѣмъ сраженія. Терпѣніе ихъ лопнуло.

И Германія, слѣдящая за своими воинственными сынами, начала скучать этимъ бездѣйствіемъ осаждавшихъ.

Ропотъ! въ строго-дисциплинированномъ прусскомъ войскѣ ропотъ. Слѣдовательно накипѣло много, слѣдовательно терпѣніе готово исчезнуть. На одномъ изъ домовъ въ парижскихъ окрестностяхъ явилась надпись, скоро сдѣлавшаяся популярною въ нѣмецкой арміи. Надпись играя словами „dumm“ и „bumm,“ приглашала Мольтке не быть глупцомъ, не ходить вокругъ да около, а задать французамъ хорошее нѣмецкое „бумъ-бумъ“.

Наконецъ бомбардированіе было рѣшено. Еще предъ тѣмъ велѣно было рубить деревья въ Арденскомъ лѣсу. Заповѣдные лѣса Франціи должны были слушать удары топора и валиться для надобностей нѣмцевъ. Французскіе поселяне сами должны были рубить эти лѣса.

Бревна потянулись по желѣзной дорогѣ къ Парижу. Туда же осаждавшіе повезли мѣшки съ землею и фашины. Строятся батареи, неслышно и невидно для непріятеля. Вотъ загремѣли наконецъ эти батареи предъ Монтъ-Авроном, а еще чрезъ нѣсколько дней и вдоль южной окраины Парижа. И радовались же нѣмцы, что непріятель не открылъ заблаговременно этихъ батарей и стрѣлялъ на удачу. „Бумъ“ раздалось съ нѣмецкихъ батарей. „Думмъ“ послышалось Эдмонду Абу въ Парижѣ. Съ негодованіемъ возстала французская пресса

въ бомбардируемомъ городѣ „противъ варварства и глупости" осаждавшихъ.

Но глухія къ порицаніямъ, громкія въ своемъ говорѣ орудія, продолжали свою разрушительную рѣчь. Никогда еще осада не пользовалась такими средствами разрушенія. Иныя прусскія орудія брали на 8,000 шаговъ. Форты были прострѣлены и громадныя бреши открывали непріятелю ихъ внутренность: казаматы были пробиты.

Страдали форты, терпѣлъ и Парижъ. Его зданія также осыпались нѣмецкими бомбами и гранатами. Пожары вспыхивали и тушились. Въ мѣсяцъ бомбардированія 10,000 бомбъ было брошено въ самый Парижъ. Много мирныхъ гражданъ было убито и ранено. Толпы жителей бросились изъ частей города, куда достигали бомбы въ противоположную сторону, гдѣ было безопаснѣе. Но и тутъ скоро должны были явиться бомбы. Пруссаки стали строить батареи съ сѣвера. Рѣшено было открыть парижанамъ доступъ въ городскія катакомбы для безопасности.

Нѣмецкія бомбы, иныя съ зажигательными веществами, не щадили ничего. Потерпѣло знаменитое собраніе орхидныхъ растеній, единственное въ свѣтѣ. Бомбы падали въ лазареты больныхъ. Одна изъ нихъ упавъ въ аудиторію, повела къ прекращенію лекцій. Другая разрушительная гостья попала въ учебное заведеніе и изувѣчила нѣсколько дѣтей.

Парижъ негодовалъ. Ученые его писали протесты, которые должны были увѣковѣчить варварство пруссаковъ. Но о сдачѣ не было рѣчи.

Нѣмцы — акуратные, бережливые нѣмцы — не стрѣляли даромъ. Они очень хорошо цѣлились и если погода была туманная, они благоразумно ослабляли бомбардированіе. Жизнь парижанъ зависѣла отъ погоды. Никогда разговоры о по-

годѣ не играли такого значенія въ судьбѣ человѣка, какъ тутъ. Нѣмцы помнили, что выстрѣлы изъ новоусовершенствованныхъ, въ особенности сплошныхъ стальныхъ орудій, очень дороги и не хотѣли затрачивать миліоновъ талеровъ даромъ.

Если французы подобрали 20,000 пудовъ ядеръ вокругъ Парижа и его фортовъ, съ намѣреніемъ перелить ихъ и пустить въ пруссаковъ, то можно съ увѣренностью сказать, что эти двадцать тысячъ пудовъ металла не были безцѣльно пущены на воздухъ.

Въ Парижѣ поврежденія были очень значительны. Многія мельницы пострадали. Отъ этого жители терпѣли наиболѣе, такъ какъ мельницы дѣятельно заняты были перемолкою зерна въ муку. Пришлось прибѣгнуть къ ручнымъ мельницамъ. Сходства съ героическою эпохою исторія было больше; средствъ жить въ этой адской смѣси голода, холода и смертоносныхъ посланцевъ—меньше.

Между тѣмъ пруссаки дѣлали свое дѣло. Взглянемъ напримѣръ какъ возводились ими батареи.

Нужно прервать сообщеніе между фортомъ Монъ-Валерьенъ и Парижемъ. Для этого необходимо занять деревню впереди позиціи, подъ выстрѣлами французовъ. Глухая ночь. Отрядъ нѣмцевъ идетъ тихо, едва слышно въ указанную деревню. Солома на улицахъ деревни, заблаговременно положенная, скрадываетъ стукъ фуръ, везущихъ бревна, фашины, полосы рельсоваго желѣза. Все это нужно было для возведенія батарей. Отрядъ движется въ тишинѣ. Никто ни слова. Никто не куритъ; огонекъ выдалъ бы отрядъ непріятелю и посыпались бы ядра. Молча принимается отрядъ за работу. Мерзлая земля едва пробивается киркою. Тѣмъ не менѣе поднята горка земли, выкопана яма, возведены даже непроницаемые для ядеръ непріятеля своды надъ батареею. И все

это до разсвѣта. И уже завтра загремятъ отсюда неожиданно нѣмецкія пушки.

Нѣмцы все болѣе и болѣе стѣсняли Парижъ въ объятіяхъ своихъ батарей. Напрасно Трошю повелъ громадную вылазку—она была отбита. Одновременно Парижъ узналъ, что ему нечего надѣяться на помощь изъ провинціи.

Всему есть конецъ: Геройская защита должна была кончиться и въ Лондонъ понеслась вѣсть, что сдѣланы предложенія о сдачѣ. Дѣйствительно вскорѣ заключено было перемиріе на три недѣли, во время котораго надѣялись заключить миръ.

XXIII.

ФРАНКФУРТСКІЙ МИРЪ И ПАРИЖСКАЯ КОМУНА.

Въ то время какъ во Франціи никто не заботился о правильной и установленной законными порядками формѣ правленія, Бисмаркъ выказывалъ большую заботливость въ этомъ дѣлѣ за французовъ. Больно было сердобольному канцлеру видѣть какъ живетъ цѣлый народъ день за днемъ, не имѣя не только правительства „по милости Божіей", но даже и выбраннаго народными представителями.

Мольтке имѣлъ противъ себя врага, съ которымъ боролся; предъ Бисмаркомъ не было правительства, съ которымъ онъ могъ бы удостоить заключить миръ.

Мольтке занялся уничтоженіемъ противника; Бисмаркъ — созданіемъ правительства для Франціи. Истребитель и зодчій—оба были въ своей сферѣ и оба успѣли.

Францію заставили голодомъ принять правительство.

Народъ съ правильнымъ пищевареніемъ отказывался отъ

правильно выбраннаго правительства; народъ съ разстроеннымъ желудкомъ согласился принять его.

Громъ нѣмецкихъ бомбардирующихъ орудій. Пожары тутъ и тамъ. Населеніе таящееся въ погребахъ и гнущееся въ катакомбахъ. Ряды похоронныхъ процессій на улицахъ. Блѣдныя тѣни женщинъ, изъ которыхъ даже не болѣе ста могли, по словамъ Лабушера, сберечь своихъ дѣтей, рожденныхъ во время осады, отъ голодной смерти. Пьяные національные гвардейцы, искавшіе въ винѣ подспорья пищѣ, которую представлялъ теперь лишь хлѣбъ, испеченный изъ всѣхъ сортовъ муки съ прибавленіемъ соломы и мякины.

Такова была картина Парижа послѣ мѣсячнаго бомбардированія нѣмцами. Нужно было сдаться. Еще нѣсколько дней и не осталось бы хлѣба, такъ что учетверившееся число умиравшихъ могло удесятириться.

Парижъ рѣшился пойти на сдѣлку съ нѣмцами и принять радушно предлагаемые ему нѣмцами выборы въ національное собраніе. Жюль Фавръ отправился вновь совѣщаться съ Бисмаркомъ и скоро телеграфъ оповѣстилъ о перемиріи и назначеніи во Франціи депутатскихъ выборовъ.

Выборы произведены. Легитимисты и клерикалы одержали на нихъ верхъ. Для Франціи явился король въ перспективѣ, и папа въ Римѣ могъ вздохнуть свободнѣе.

Тьеръ избранъ былъ депутатомъ во многихъ округахъ. По числу избраній онъ явился втрое популярнѣе другихъ популярныхъ лицъ Франціи. Новое національное собраніе Франціи назначало его своимъ представителемъ и главою исполнительной власти.

А между тѣмъ пока Франція приводила свои дѣла въ порядокъ и прибиралась, чтобы съ большимъ достоинствомъ подписать унизительный трактатъ,—Германія подвела итогъ

своимъ успѣхамъ и надобно сознаться, что цифры были какъ нельзя болѣе назидательныя.

Война началась объявленіемъ ея французскимъ правительствомъ 19 іюля 1870 г. въ Парижѣ и кончилась капитуляціею Парижа 28 января 1871 г. — слѣдовательно продолжалась съ небольшимъ полгода или, если считать прекращеніе военныхъ дѣйствій на самыхъ дальныхъ пунктахъ театра войны, то—210 дней. До 26 іюля вся германская армія была мобилирована. На передвиженіе ея—500—600 тысячъ—къ французской границѣ употреблено 13 дней, слѣдовательно германскія желѣзныя дороги ежедневно отправляли 42,000 человѣкъ на театръ войны. При этомъ надобно имѣть въ виду, что каждый баталіонъ, каждый эскадронъ и каждая артиллерійская баттарея, занимаетъ цѣлый желѣзнодорожный поѣздъ. Изъ пяти главныхъ германскихъ дорогъ наиболѣе непрерывное движеніе войскъ шло по тремъ. Если вычесть дни, пошедшіе на мобилизацію и перевозку войскъ, то можно принять, что кампанія круглымъ счетомъ продолжалась 180 дней. Въ эти 180 дней нѣмцы выиграли 156 большихъ и малыхъ сраженій, дали 17 большихъ битвъ, взяли 26 крѣпостей, полонили 11,650 офицеровъ и 363,000 солдатъ, захватили 6700 орудій и 120 знаменъ и орловъ.

Такимъ образомъ чуть не каждый день кампаніи была битва, каждые девять дней давалось большое сраженіе, каждые шесть дней бралась крѣпость. На каждый день войны приходится 65 взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ и по 2070 солдатъ. Каждые два-три дня среднимъ числомъ бралось по знамени, или орлу.

Въ теченіе 130 дневной осады Парижа было отбито нѣмцами 22 большія вылазки, половина которыхъ приходится

на октябрь мѣсяцъ, такъ что, судя по числу вылазокъ въ отдѣльные мѣсяцы, въ сентябрѣ Трошю готовился къ нападеніямъ, въ октябрѣ нападалъ, а въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ уже не могъ вести наступательныхъ дѣйствій.

Немудрено, что Трошю впослѣдствіи называлъ защиту Парижа безуміемъ, хотя и геройскимъ безуміемъ. Безумію Парижа противоположили разсудительность Франціи. Тьеръ, поставленный главою исполнительной власти, поторопился заключить съ Германіею предварительныя мирныя условія, по которымъ Германія получала Эльзасъ безъ Бельфоръ, и нѣмецкую Лотарингію, а главное пять мильярдовъ франковъ за военныя издержки.

Но Парижъ, прекративъ геройское безуміе, перешелъ къ безумному геройству. Сорокъ парижскихъ депутатовъ въ національномъ собраніи, созванномъ въ Бордо, тонули въ легитимистскомъ и клерикальномъ морѣ, не имѣя никакого значенія, не будучи въ состояніи ничѣмъ заявить значенія Парижа. Парижъ негодовалъ. Нежеланіе Тьера и національнаго собранія перейти въ Парижъ и выборъ Версали для резиденціи новаго правительства избраны были сигналомъ для водруженія знамени междоусобной войны.

Но источникъ послѣдней междоусобной войны во Франціи коренится не во французскихъ порядкахъ и дѣлахъ, а въ рѣшеніяхъ германскаго канцлера и потому обратимся къ роли нѣмцевъ во Франціи послѣ войны.

По договору они пріобрѣли себѣ право вступить небольшимъ корпусомъ въ Парижъ и тотчасъ же выступить изъ него. Ничего не могло быть комичнѣе, какъ появленіе германскихъ колоннъ въ небольшой части Парижа. Доступъ въ прочіе кварталы Парижа имъ отказанъ по конвенціи. Военнымъ лагеремъ устраиваются нѣмцы среди пышныхъ, закры-

тыхъ для нихъ домовъ. Вокругъ свистъ, шиканье, брань. Нѣмцы должны были все взять съ собою—тутъ имъ ничего не дадутъ. Всѣ лавки затворены въ день вступленія непавистныхъ побѣдителей, ни одна газета не вышла въ этотъ день. Точно не побѣдители вошли въ завоеванный городъ, а ввели команду арестантовъ. Какой контрастъ съ 1814 годомъ! Какое униженіе для самолюбія Германіи!

Солидная, умная, степенная Германія допустила себя до такой унизительной, ребяческой роли! Не правда ли, Бисмаркъ одинъ не допустилъ бы такого шага. Но онъ не одинъ вліялъ на дѣло. Дипломатія принесла пользу военнымъ людямъ въ разгромѣ Франціи; военные люди напортили дипломатіи послѣ разгрома.

Вступленіе въ Парижъ еще больше возстановило французовъ противъ пруссаковъ и пруссаковъ противъ французовъ. Предварительныя условія были заключены, но до выполненія ихъ и до мира были еще далеко.

Со стороны французскаго правительства уже начинали обнаруживаться попытки самостоятельности. Открылось препирательство о вознагражденіи.

Хорошо! Если французы такъ кичливы и запосчивы, еще не успѣвъ оправиться послѣ разгрома, то послѣдуетъ для нихъ второй разгромъ.

Тогда они будутъ сговорчивѣе на счетъ пяти мильярдовъ и обходительнѣе съ побѣдоноснымъ противникомъ.

Судьба и помощникъ ея, Бисмаркъ, постарались, чтобы этотъ второй разгромъ грянулъ тотчасъ же. У парижской національной гвардіи хотѣли отобрать пушки, бывшія въ ея рукахъ, но не успѣли въ этомъ. На Монмартрѣ оказано было сопротивленіе; солдаты посланные для отбиранія пушекъ

побратались съ національной гвардіей; генералы Томасъ и Леконтъ были разстрѣлены народною толпою.

При этихъ обстоятельствахъ ген. Винуа, начальникъ регулярныхъ силъ въ Парижѣ, не рискуя новыми столкновеніями съ народомъ, оставилъ Парижъ и отступилъ къ Версали. Инсуррекція овладѣла Парижемъ. Этого только и нужно было пруссакамъ. Лавируя между инсуррекціоннымъ Парижемъ и версальскимъ правительствомъ, нѣмцы выгадывали себѣ болѣе надежное обезпеченіе, что условія по заключенному договору будутъ выполнены. Если бы Тьеръ и Жюль Фавръ были по прежнему неуступчивы, то Бисмаркъ и начальникъ нѣмецкихъ войскъ подъ Парижемъ, Фабрице, стали бы кокетничать съ парижскимъ правительствомъ и даже съ комуною, въ которую оно вслѣдъ затѣмъ превратилось. Стали бы представители версальскаго правительства уступчивѣе и подали бы надежду на скорую уплату желанныхъ для нѣмцевъ пяти милліардовъ—нѣмцы должны были явиться ихъ союзниками и помощниками и подавить парижское возстаніе, хотя бы оно никогда не изобрѣло комуны.

Политика — ясна, тактика — опредѣленна. А пока пусть гордый въ паденіи Парижъ платится за свою кичливость и за рвеніе, съ которымъ онъ сталъ изгонять мирныхъ нѣмцевъ, съ вѣяніемъ мира поспѣшившихъ изъ Германіи на свои теплыя мѣстечки, которыя они залучили себѣ во время оно во Франціи, какъ вездѣ въ прочихъ уголкахъ земнаго шара.

Длилась братоубійственная война. Въ Парижѣ были тысячи орудій, сотни тысячъ людей взявшихъ оружіе. Онъ не хотѣлъ безъ отчаяннаго боя уступить Франціи.

Парижъ, или Франція? Вѣсы колеблются. Два мѣсяца то та, то другая чашка вѣсовъ опускается къ низу. Пока для

нѣмцевъ не нужно, чтобы та или другая перетянула окончательно—они стараются соблюсти равновѣсіе.

Какъ скоро чашка Парижа идетъ вверхъ, генералъ Фабрице вступаетъ въ какіе нибудь мелкіе переговоры съ парижскимъ правительствомъ и тѣмъ придаетъ ему значеніе. Только Парижъ сильно потянулъ къ низу какъ Пруссія подбавляетъ Тьеру нѣсколько тысячъ солдатъ изъ французскихъ военноплѣнныхъ въ нѣмецкихъ крѣпостяхъ и вѣсы наклоняются на сторону Версали.

Такъ сидѣла пруская Ѳемида надъ вѣсами и ждала когда наступитъ благопріятная минута кинуть мечъ Бренна. Девизъ: „пять мильярдовъ“ — Ѳемида можетъ ждать, потому что деньги хорошія, да и Франція, непокорная въ пораженіи Франція, между тѣмъ истощается.

Наконецъ Версали борьба наскучила. Пора кончить! Пусть Жюль Фавръ ѣдетъ въ Франкфуртъ-на-Майнѣ и обяжется исполнить все, чего желаетъ Пруссія. Французскій дипломатъ ѣдетъ. Вопросъ рѣшается скоро. Пруссіи подается надежда на уплату заразъ двухъ мильярдовъ. Чего же лучше? Остальное мелочи. Въ Франкфуртѣ подписанъ окончательный трактатъ.

Мечъ Бренна упалъ и раздавилъ собою комуну. Раздавленная бомба комуны лопнула при ударѣ и отъ жара и осколковъ ея вспыхнулъ Парижъ. Все исполнилось какъ по программѣ. Непокорная Франція жестоко наказана, Парижъ опустошенъ, и подъ огни его пожаровъ удалявшіеся отъ стѣнъ французской столицы нѣмцы могли уже свободно двинуться на родину, обезпеченные вполнѣ относительно мильярдовъ.

II. БЕРЛИНСКІЯ ПИСЬМА.

I.

Всеобщая военная повинность! Кажется, одинъ этотъ терминъ, одно это выраженіе уже какъ бы говорятъ чуть не о поголовномъ обезлюденіи страны въ случаѣ долгой и трудной войны за границей. Ничуть не бывало. Пруссія ведетъ съ Франціею войну на жизнь или на смерть. Къ веснѣ, какъ слышно, весь прусскій ландверъ будетъ введенъ въ предѣлы Франціи,—между тѣмъ, убыль въ людяхъ едва замѣтна въ Берлинѣ. Милліонъ людей, ушедшій или идущій во Францію, распредѣляется равномѣрно на всю страну, на все сорока-милліонное населеніе создающейся германской имперіи, слѣдовательно, на долю Берлина придется, при его 800,000 жителяхъ, контингентъ въ 20,000 человѣкъ. Допустимъ, такимъ образомъ, что одинъ изъ 40 жителей города убылъ — это еще не очень бросается въ глаза. Оно, конечно, нѣсколько поражаетъ, когда указываютъ на новый громадный домъ въ Науинской улицѣ и говорятъ, что только изъ одного этого дома взято болѣе 100 человѣкъ въ солдаты, но вообще на жизни Берлина война отозвалась небольшою убылью населенія. И даже сомнительно, чтобы въ сущности была какая нибудь убыль, потому что столица страны и въ военное время остается центромъ, куда нерѣдко стекаются выздо-

12

равливающіе раненые, вновь отправляющіеся къ арміи, и отряды новыхъ войскъ, отправляемыхъ на театръ войны.

На улицахъ нынѣшняго Берлина постоянно встрѣчаются кучки солдатъ, спрашивающихъ дорогу или бродящихъ куда глаза глядятъ. Ясно, что это не берлинцы, а лишь его гости, солдаты изъ провинціи, явившіеся сюда лишь на время. Эта круглая, темносиняя фуражка съ краснымъ околышемъ и съ небольшою кокардою, остановившаяся поглазѣть у магазина, навѣрно явилась въ Берлинъ еще очень недавно и скоро исчезнетъ изъ него. Каска, парадная форма—рѣже бросается въ глаза на берлинской улицѣ, чѣмъ фуражка—домашняя принадлежность костюма прусскаго солдата. Прибылые изъ провинціи солдаты увеличиваютъ массу берлинскаго населенія и восполняютъ ту долю берлинцевъ, которыхъ отозвала война.

Подъ впечатлѣніемъ, что вся рослая и здоровая молодежь исчезла изъ Берлина, я не разъ невольно останавливалъ глаза на невоенныхъ берлинцахъ на улицѣ, въ ресторанахъ и проч., и скажу откровенно, что встрѣчаешь массу людей, которые очень могли бы идти на войну, если бы рѣчь шла только о тѣлосложеніи и о лѣтахъ, а между тѣмъ, весь этотъ людъ спокойно отправляетъ свои конторскія дѣла, пьетъ неизмѣнное пиво въ бесѣдѣ съ знакомымъ въ ресторанѣ, или катается въ саняхъ по рыхлому снѣгу улицъ, подъ громкій звукъ, постояннаго спутника здѣшнихъ саней, колокольчика. Этотъ людъ довольствуется тѣмъ, что колотитъ французовъ на словахъ, если не занятъ пивомъ или игрою въ домино; читаетъ депеши съ театра войны, потому что нельзя не читать, когда вопросъ: „читали-ли вы послѣднюю депешу?“ замѣнилъ здѣсь обычный космополитическій разговоръ о погодѣ; но вообще, отправляетъ свои обычныя занятія очень мирно.

И такъ, много рослаго, молодаго и здороваго люда встрѣчается всюду въ Берлинѣ, не смотря на всеобщую военную повинность. Впрочемъ, конечно, если взять массу солдатъ, которыхъ видишь, то это народъ какъ бы подобранный человѣкъ къ человѣку: ражій, краснощекій, плотный и, въ средѣ остающагося населенія, рѣзко выдается своею внѣшностью. Неудивительно, что Пруссія можетъ выставить контингентъ въ 100,000 человѣкъ, изъ однихъ прежде забракованныхъ рекрутъ, и изъ такихъ, которые очень могли бы попасть въ ряды войскъ, если бы выборъ не былъ столь богатый.

Еще одно обстоятельство, и очень важное. Васъ поражаетъ во внѣшности прусскаго солдата не одинъ ростъ, не одна сила, не одинъ здоровый цвѣтъ лица; прежде всего, останавливаетъ на себѣ вниманіе настроеніе его духа. Онъ всегда веселъ, смотритъ бодро, подшучиваетъ, ведетъ себя иногда какъ школьникъ. Видѣлъ я кучки прусскихъ солдатъ лѣтъ 6—7 назадъ, вь мирное время, и живо помню ихъ веселыя, хоровыя пѣсни въ вагонѣ желѣзной дороги. Совершенно то же и теперь. Близъ Кюстрина, въ нашъ поѣздъ помѣстилась ватага молодцовъ въ солдатскихъ фуражкахъ съ краснымъ околышемъ, и затѣмъ начался такой концертъ здоровыхъ голосовъ съ акомпаниментомъ флейты, что прусскимъ патріотамъ въ вагонахъ оставалось только улыбаться самодовольно, прислушиваясь къ словамъ народвыхъ-военныхъ пѣсень и стиховъ. Пѣлось тутъ обо всемъ: объ имп. Александрѣ I и о Наполеонѣ III, о которомъ въ пѣснѣ говорилось, что онъ остался бы по прежнему императоромъ, если бы не возсталъ противъ Пруссіи, пѣлось и о томъ, что пѣвшіе гордятся, что они пруссаки, и проч.

Я сказалъ, что прусскій солдатъ отличается игривостью

и даже, пожалуй, шаловливостью духа. Въ этой игривости и шаловливости видны бодрость, энергія, сила, но ничего рѣзкаго, страннаго, отталкивающаго. Этотъ балагуръ и пѣсенникъ чрезъ минуту говоритъ серьезно, какъ развитой человѣкъ. Обстановка, встрѣчающая прусскаго солдата, какъ скоро онъ становится въ ряды, прямо содѣйствуетъ тому, что въ солдатѣ развивается и поддерживается энергія, бодрость и сила. Фунтъ мяса и значительная порція сала съ прочими принадлежностями прусскаго солдатскаго пайка -- подобная ежедневная въ военное время пища не по карману, даже вовсе не бѣдному жителю Пруссіи. По крайней мѣрѣ, въ Берлинѣ мясо дорого, съ него сбирается подать при ввозѣ въ городъ, и потому едва-ли найдется много берлинскихъ жителей, которые ѣдятъ по $1^1/_2$ фунта мяса и сала въ день. Возьмите такого бюргера въ армію и начните давать ему военный раціонъ, — онъ и пополнѣетъ, и посвѣжѣетъ, и станетъ скоро кровь съ молокомъ. Экономическая часть прусскаго военнаго быта разсчитана такъ, что страна, взявъ человѣка въ солдаты, физіологически переработываетъ его въ сильнаго и здороваго дѣятеля.

Ожиданіе взятія Парижа, осаждающею арміею, напомнило здѣшнимъ патріотамъ, что въ столицѣ Франціи хранятся трофеи, взятые во время войнъ Наполеона I съ Пруссіей и Германіей. Выражается убѣжденіе, что эти трофеи, безъ сомнѣнія, будутъ взяты изъ Парижа побѣдителями. Вотъ эти трофеи: шпага Фридриха II, хотя, впрочемъ, и не та, которую король носилъ обыкновенно; четыре прусскихъ орудія, стоящія на тріумфальной батареѣ, у Дома Инвалидовъ, и прусскія знамена, находящіяся у гробницы Наполеона и въ артиллерійскомъ музеѣ.

....Сегодня вечеромъ, здѣсь большой переполохъ. Пришло

извѣстіе о перемиріи съ Франціей. На улицахъ стоитъ гулъ отъ крика продающихъ депешъ. Продавцы и продавицы депешъ, отъ крошечныхъ дѣвочекъ, едва лепечущихъ: „Neueste Depesche!“ до громкоголосыхъ взрослыхъ торговцевъ, толпами бѣгаютъ по улицамъ. Иные горожане и горожанки сатирически и недовѣрчиво относятся къ заявленіямъ продавцевъ. „Опять самое новое!“ замѣчаетъ одна прохожая. „Не снѣгъ ли подожгли?“—зло замѣчаетъ скептикъ изъ прохожихъ. Большинство хорошо одѣтаго люда, при этомъ неумолкаемомъ крикѣ на улицахъ, проходитъ улыбаясь, другіе останавливаются, освѣдомляются въ чемъ дѣло и покупаютъ депеши.

Не знаю, какъ берлинцы будутъ праздновать взятіе Парижа и миръ, но, судя по прошлому, за торжествами и демонстраціямъ дѣло не станетъ. Достаточно вспомнить, какъ были приняты въ Берлинѣ извѣстія о капитуляціи Седана и о взятіи въ плѣнъ Наполеона III. Среди огней виднѣлись стихотворныя импровизаціи. На огромномъ флагѣ въ Принцевой улицѣ виднѣлась вызывавшая юмористическія замѣчанія надпись: „Попался, голубчикъ!“ (т. е. Наполеонъ III). На площади Генриха одинъ домохозяинъ, какъ только узналъ о плѣнѣ Наполеона III, тотчасъ же, въ 8 часовъ утра, открылъ ружейную стрѣльбу на площади въ знакъ торжества, и на замѣчаніе полицейскаго, что каждый выстрѣлъ обойдется ему въ два талера, отвѣчалъ, что въ такой день не пожалѣетъ и 100 талеровъ. Полицейскій оставилъ его стрѣлять въ покоѣ. Политика проникла даже въ дѣтскій кругъ при побѣдныхъ сентябрскихъ вѣстяхъ. Когда дѣтей въ школахъ распустили, по случаю побѣдной вѣсти, крошечная дѣвочка 24-й народной школы обратилась къ учителю съ вопросомъ: „г. докторъ! А гдѣ же Лулу?“ (императорскій принцъ).

Приводятъ и еще одинъ забавный случай изъ исторіи сентябрскихъ торжествъ. Какъ извѣстно, городское населеніе и, по преимуществу, молодежь Берлина, украсили, по этому случаю, статую Фридриха II, противъ дворца. Башмачный ученикъ Царницкій принималъ въ этомъ дѣлѣ самое дѣятельное участіе и ловко вскарабкался на статую, чтобы увѣнчать ее. Въ награду за это онъ былъ позванъ къ королевѣ Августѣ и получилъ нѣсколько подарковъ. При прощаніи королева протянула ему руку.

— Нѣтъ! какъ можно, ваше величество, — отвѣчалъ отступивъ мальчикъ.

— „Отчего же, другъ мой?“

— Какъ же можно! я васъ замараю, — старый Фрицъ такой грязный...

II.

Военный министръ Наполеона III, Лебефъ, отзывался о пушкахъ Круппа съ самой невыгодной стороны, какъ это доказывается недавно обнародованными, секретными бумагами тюльерійскаго двора. Но опытъ показалъ, что Пруссія многимъ обязана, въ нынѣшней войнѣ, пушкамъ Круппа.

Сталелитейное заведеніе тайнаго коммерціи совѣтника Круппа, въ Эссенѣ, представляетъ собою, въ настоящее время, цѣлый городъ. Двадцать девять трубъ, — изъ которыхъ иныя возвышаются, какъ гигантскія каланчи, — поднимаются здѣсь надъ цѣлыми улицами домовъ. — Этотъ городъ выросъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Въ немъ есть все, какъ въ другихъ городахъ: проведенъ газъ, проведена въ жилье вода, есть желѣзныя дороги, такъ что Круппъ можетъ всегда отправить свой экстренный поѣздъ, куда угод-

но, есть пожарная команда фотографическое заведеніе, мельницы и стѣна, окружающая городъ, съ зорко охраняемыми воротами.

Я намѣревался ознакомиться съ заведеніемъ Круппа лично, но не знаю, удастся ли это. Оказывается, что любопытствующіе вообще и корреспонденты журналовъ вовсе не имѣютъ доступа въ лабиринтъ обширнаго сталелитейнаго завода. Даже корреспондентъ «Times'a» не былъ допущенъ, и газета лондонскаго Сити должна была ограничиться очеркомъ заведенія Круппа съ высоты птичьяго полета.

Въ 1857 году слава Круппа была сравнительно не велика, но и въ то время уже на его заводѣ работало 161 различныхъ горновъ и печей, 11 паровыхъ машинъ, 7 паровыхъ молотовъ, 102 обыкновенныя машины и 980 работниковъ. Въ то время, производство литой стали на заводѣ было 6.800,000 прусскихъ фунтовъ въ годъ (около 180,000 пудовъ.

Въ теченіе десяти лѣтъ, число горновъ и печей увеличилось съ 161 до 412, паровыхъ машинъ — съ 11 до 195 паровыхъ молотовъ — съ 7 до 49, машинъ вообще — съ 102 до 675, число рабочихъ — съ 980 до 7,625. Литой стали заводъ вырабатывалъ до 3.400,000 пудовъ. Сличая эти цифры, мы видимъ, что количество производимаго меттала увеличилось почти въ двадцать разъ, и что это было достигнуто, главнымъ образомъ, увеличеніемъ числа паровыхъ машинъ.

Замѣчательно, что первое основаніе тѣмъ громаднымъ размѣрамъ, какихъ достигъ заводъ Круппа, и начало его всемірной извѣстности положены были французскимъ военнымъ министерствомъ, заказавшимъ Круппу въ 1857 г. 300 стальныхъ орудій. Французскій заказъ былъ первый большой за-

казъ, полученный заводомъ, который, разростись и увеличась съ легкой руки французовъ, отлилъ пушки, разгромившія Францію.

Послѣ 1857 года Круппъ является побѣдителемъ на выставкахъ. Онъ выставляетъ такія громадныя массы стали, что англичане начинаютъ тягаться съ нимъ, но, наконецъ, уступаютъ и признаютъ Круппа первымъ сталелитейнымъ заводчикомъ въ мірѣ. Таково было рѣшеніе жюри всемірной выставки 1862 г. Но когда на парижской всемірной выставкѣ явилась громадная пушка Круппа калибромъ въ четырнадцать дюймовъ, съ ядромъ, вѣсившемъ болѣе 25-ти пудовъ, англійскіе спеціалисты объявили, что Круппъ зашелъ за предѣлы возможнаго и долженъ, въ артиллерійскомъ отношеніи, потерпѣть фіаско. Круппъ поднялъ перчатку, и результатомъ было состязаніе между Армстронгомъ и имъ. Ареною состязанія былъ выбранъ Берлинъ. Стальныя ядра Круппа выказали здѣсь страшную силу удара, и Армстронгъ былъ побѣжденъ.

Пушки Круппа дороги, такъ какъ дорогъ самый способъ приготовленія ихъ. Такъ, для одной только отливки стали, нужной на выдѣлку одного орудія значительнаго калибра, должно быть употреблено въ дѣло до 1,000 рабочихъ. Когда происходитъ отливка стали, при чемъ весь составъ рабочихъ долженъ соразмѣрять свои дѣйствія секунда въ секунду, жаръ бываетъ такъ великъ, что непривычный человѣкъ можетъ наблюдать за работами только изъ плотно запертаго отдѣленія комнаты, сквозь стеклянное окно. Тигли, въ которыхъ плавилась сталь, на второе плаваніе уже не годятся, не смотря на всю сообщаемую имъ степень выносливости жара.

Извѣстный тысячецентнеровый молотъ Круппа вѣситъ соб-

ственно значительно меньше 1,000 центнеровъ, но такъ какъ его не только поднимаетъ вверхъ, но и толкаетъ внизъ паровая сила, то онъ ударяетъ дѣйствительно съ тяжестью молота въ тысячу центнеровъ.

Манипуляція металла и сверленіе его при превращеніи глыбы стали въ пушку, очень хлопотливы и затруднительны, такъ какъ литая сталь никакимъ обыкновеннымъ орудіямъ сверленія не поддается. Прочность дула пушки изъ литой стали такова, что по сдѣланнымъ опытамъ, послѣ 3,000 выстрѣловъ не было замѣтно никакого сколько нибудь замѣтнаго дѣйствія на каналъ орудія,

Много крупповскихъ орудій было подъ стѣнами Парижа, но эти орудія не могли вполнѣ устеречь непріятеля. Были средства у Парижа сноситься съ остальною Франціею, которыхъ нельзя было пресѣчь сторожевыми пушками осаждавшихъ. Нѣмцы оперлись на Круппа. Французы обратились къ Монгольфьеру. Но эссенскій крезъ-заводчикъ и тутъ не хотѣлъ уступить.

Онъ отлилъ пушку особеннаго устройства, собственно для стрѣльбы изъ нея въ шары, поднимавшіеся надъ Парижемъ, и принесъ эту пушку въ даръ осаждавшей арміи.

Но изобрѣтеніе Монгольфьера, тѣмъ не менѣе, продолжало приносить громадную пользу осажденнымъ. Воздушное сообщеніе играло слишкомъ важную роль въ осадѣ Парижа, чтобы исторія войны 1870—71 годовъ обошла его молчаніемъ. Не смотря на оцѣпленіе города непріятельскою арміею, Парижъ имѣлъ постоянныя и обширныя сношенія съ остальною страною. Блокада не вполнѣ достигала своей цѣли. Гамбетта — духъ, животворившій провинціальную делегацію правительства народной обороны—не могъ бы явиться въ провинціи, если бы не воздушное сообщеніе. Парижъ

навѣрно не продержался бы такъ долго, если бы его не поддерживала надежда на помощь провинцій и сношенія съ ними. Когда нѣмцы установили правильное преслѣдованіе воздушныхъ шаровъ, поднимавшихся надъ Парижемъ, шары велѣно было пускать только ночью, чтобы они не видны были осаждавшей арміи. Эта мѣра имѣла успѣхъ, и хотя нѣмцы захватили не мало шаровъ, но несравненно большая часть ихъ исполнила свое дѣло.

Приготовленіе воздушныхъ шаровъ производилось въ воксалахъ желѣзныхъ дорогъ, сѣверной и орлеанской, подъ присмотромъ опытныхъ аэронавтовъ и надзоромъ почтоваго вѣдомства. Въ одномъ мѣстѣ дѣлались шары изъ бѣлой, въ другомъ изъ цвѣтной хлопчато-бумажной матеріи; сшитый шаръ покрывался лакомъ, и предварительно наполнялся воздухомъ, чтобы узнать на сколько онъ былъ крѣпокъ, и также для скорѣйшей просушки лака.

Въ воксалѣ орлеанской дороги, подъ надзоромъ г-жи Годаръ, шило шары до 100 женщинъ. Какъ скоро шитье было оканчиваемо, шары брали на свое исключительное попеченіе матросы, командированные правительствомъ народной обороны въ распоряженіе Годара. Всѣ дальнѣйшія операціи съ шаромъ производили эти матросы. Въ воксалѣ сѣверной желѣзной дороги шары шились машиною.

Для наполненія шаровъ употреблялся не водородъ, полученіе котораго, извѣстными средствами, было бы мѣшкотно и хлопотливо, а простой освѣтительный газъ. Количество газа, шедшее въ шаръ, было вдвое легче такого же объема воздуха и представляло, такимъ образомъ, достаточную силу, чтобы поднять шаръ на извѣстное разстояніе.

Шаръ, въ 2,000 кубическихъ метровъ вмѣстимостью, наполнялся газомъ въ нѣсколько часовъ. Такой шаръ ме-

дленно поднимался на высоту 1,000 метровъ, что было достаточно, и затѣмъ летѣлъ куда влекло его встрѣченное теченіе воздуха. Мѣшки съ баластомъ у ногъ воздухоплавателя, якорь, канатъ для сжатія или расширенія шароваго отверстія внизу — все было какъ при обыкновенныхъ воздушныхъ путешествіяхъ, но, сверхъ того, въ лодку ставился коробъ съ почтовыми голубями. Тутъ же висѣли сумки съ депешами. Депеши посылались правительствомъ; голуби должны были принести отвѣтъ на нихъ.

Съ 23-го сентября, когда улетѣлъ изъ Парижа первый шаръ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, послано было 30 шаровъ. Каждый изъ нихъ несъ до 15 пудовъ корреспонденціи. Такъ какъ въ шарѣ всегда было отверстіе для предотвращенія разрыва, вслѣдствіе непредвидѣннаго расширенія газа, и, сверхъ того, вслѣдствіе закона эндосмоза и экзосмоза, газъ постоянно выдѣлялся на поверхности шара и замѣщался въ шарѣ равнымъ объемомъ воздуха, — то путешествіе обыкновенно было непродолжительно и шаръ, пролетѣвъ нѣсколько часовъ, большею частію спускался въ двухстахъ верстахъ, или около того, отъ Парижа. Во время путешествія, аэронавтъ руководился барометромъ, но компасъ ему не приносилъ тутъ пользы. Шаръ, залетѣвшій въ Норвегію, вѣроятно, попалъ въ воздушное теченіе, соотвѣтствующее направленію гольфстрема. Большая часть шаровъ благополучно опустилась во Франціи. Тѣмъ не менѣе, большая часть почтовыхъ голубей, съ прилѣпленными къ ихъ хвосту микроскопическими депешами, вложенными внутрь пера, не вернулась назадъ, и это естественно, такъ какъ при ночныхъ путешествіямъ птицы не могли замѣтить мѣстности, надъ которою летѣли вмѣстѣ съ шаромъ. Въ хорошую погоду, днемъ голуби, вися въ корзинкѣ на сторонѣ лодки,

могли присматриваться къ мѣстности; но это было невозможно когда аэронавтъ пускался въ путь во мракѣ, боясь даже засвѣтить лампу Деви, изъ опасенія взрыва, и когда наступало туманное утро, естественно непозволявшее разглядѣть ничего на поверхности земли.

III.

Попалась мнѣ довольно интересная брошюра „Humor im Felde“ (Походной юморъ) Въ ней много забавныхъ фактовъ.

Какъ музыка и барабанъ, какъ пѣсня, такъ шутка и веселье имѣютъ, въ быту солдата, свое значеніе. Нѣмцы хорошо понимаютъ это, и вы услышите отъ нѣмца, что балагуръ-солдатъ въ ротѣ всегда находка. Онъ поднимаетъ духъ товарищей, а при этомъ тяжесть походной и боевой жизни переносится легче.

Нѣмецкая литература представила, въ настоящую войну, массу юмористическихъ изданій изъ военнаго быта. Брошюра, заглавіе которой приведено выше, одно изъ очень удачныхъ явленій въ этомъ родѣ. Это сборникъ всего, что говорилось и писалось юмористическаго по поводу войны. Юмористическая исторія войны, конечно, имѣетъ свой интересъ, и на содержаніи этой брошюры есть, тѣмъ болѣе, основанія остановиться, что въ шуткѣ и остротѣ высказывается народный духъ часто рельефнѣе и понятнѣе, чѣмъ въ отвлеченныхъ серьезныхъ разсужденіяхъ. И такъ, прослѣдимъ юмористическую исторію войны, по тѣмъ подробностямъ, которыя приведены въ двухъ лежащихъ предъ нами выпускахъ.

Войнѣ предшествовали патріотическія заявленія. Въ Санъ-Франциско, одинъ французъ объявилъ, что онъ не пожа-

лѣетъ 500 долларовъ для солдата, который отобьетъ первое нѣмецкое знамя. Въ отвѣтъ на это, два нѣмца, въ Санъ-Франциско же, отвѣчали, что они жертвуютъ 10 долларовъ, только за дюжину отбитыхъ французскихъ знаменъ. Въ Штудтгартѣ, нѣкто Бицингеръ заявилъ графу Бисмарку, что назначаетъ 1,000 хорошихъ сигаръ тому, кто возьметъ въ плѣнъ настоящаго тюркоса.

Тюркосы, вообще, возбуждали въ Германіи всеобщее вниманіе. На Рейнѣ, судно, транспортировавшее раненыхъ, было атаковано толпою любопытныхъ, непремѣнно желавшихъ видѣть тюркоса. Тюркоса на бортѣ не было, но личность, завѣдывавшая транспортировкою, сообразила, что это любопытство населенія можно употребить въ пользу раненыхъ. Заявлено было, что тюркоса покажутъ только въ томъ случаѣ, когда за это заплатятъ виномъ и сигарами. Любопытные бросились за требуемымъ, а въ это время одѣли тюркосомъ одного остряка, легко раненаго саксонца, и когда любопытные явились обратно съ припасами, представили имъ его. Сорокъ пять кружекъ вина и 400 сигаръ были вознагражденіемъ за выдумку.

Въ Берлинѣ одна дама спросила солдата, пришедшаго съ конвоемъ, сопровождавшимъ плѣнныхъ: какое впечатлѣніе произвели на него тюркосы?

— Никакого! отвѣчалъ служака, а вотъ мы такъ произвели на нихъ!

Забавенъ также разсказъ объ удивленіи одного тюркаса надъ скоростью путешествія по Европѣ. Въ полдень онъ только что прибылъ изъ Африки съ своимъ полкомъ и—прямо въ битву. Въ часъ дня онъ уже былъ взятъ въ плѣнъ, на другой день завтракалъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, а обѣдалъ уже въ Берлинѣ.

Патріотическія чувства при началѣ войны вспыхнули во всѣхъ классахъ германскаго населенія. Масса студентовъ ушла съ арміею; въ Бреславлѣ, одинъ профессоръ вывѣсилъ на дверяхъ своей аудиторіи заявленіе: „такъ какъ гг. студентамъ есть теперь кое-что лучшее дѣлать, чѣмъ собираться въ аудиторіи, то я пріостанавливаю свои лекціи."

Но всего сильнѣе нѣмецкое національное чувство заговорило при вѣстяхъ о первыхъ побѣдахъ. Въ Солингенѣ было рѣшено, чтобы ни одинъ нѣмецъ не носилъ французской бороды à Henri IV. Въ кафе, гдѣ происходило совѣщаніе сейчасъ же произведенъ былъ осмотръ присутствовавшихъ. Оказалось, что нѣкоторые, и въ томъ числѣ самъ хозяинъ, были съ французскими бородами. Тотчасъ на сцену явился цирюльникъ и бороды были мигомъ сбриты, съ отобраніемъ завѣренія у носившихъ, что онѣ не будутъ носимы вновь.

Еще прежде, женщины въ иныхъ мѣстностяхъ рѣшили бросить французскіе шиньоны. Фанни Левальдъ сильно проповѣдывала противъ этой моды. Въ Нейдитерхофенѣ (Neudieterhofen), на станціи желѣзной дороги, прибито было объявленіе, что съ каждаго шиньона тутъ берется талеръ пени на продовольствованіе раненыхъ. Оповѣстившій объ этомъ объявленіи, ждетъ поѣзда на станціи и видитъ близъ себя двухъ дамъ съ громадными шиньонами.

— Послушайте - обращается онъ къ распорядителю при пріемахъ раненыхъ—если только это объявленіе не шутка, то вотъ вамъ славная добыча; онъ указалъ на дамъ. Распорядитель не далъ себѣ повторять, отправился отъ собесѣдника и чрезъ минуту касса на продовольствованіе раненыхъ была двумя талерами богаче.

Возникло гоненіе на французскій языкъ. Если докторъ Рорбахъ, въ своемъ сочиненіи „За что мы сражаемся?" силь-

но возстаетъ на введеніе французскихъ словъ въ нѣмецкую рѣчь, не желая понимать, что̀ такое всепокрывающее слово Dame, когда есть нѣмецкія слова Fräulein и Frau; если онъ доказываетъ, что какъ съ тридцатыхъ годовъ нѣмецкая рѣчь порѣшила со словомъ Mamsel, такъ надобно выкинуть изъ германскаго говора и всѣ остальныя французскія слова — потому, какъ замѣчаетъ германскій патріотъ, что характеръ народа выражается въ томъ, какъ онъ говоритъ [1]) то само собою разумѣется, что легкая и юмористическая литература еще сильнѣе напала на французскія слова въ нѣмецкомъ говорѣ.

Bœrsen Courier больше не долженъ называться Courier, замѣчала Фоссова газета, а Bœrsen Läufer. „Берлинскій Курьеръ" разсердился на такую штуку, потому что, по переложеніи съ французскаго на нѣмецкій, выходило "Биржевой Побѣгушка", что не могло придтись по вкусу солидной газетѣ. Но отомстить было не трудно.

Фоссова газета, дающая иногда читателямъ до 36-ти страницъ въ день, въ форматѣ „Allgemeine Zeitung", за подписную плату въ 8 пфениговъ, т.-е. $2^1/_2$ копѣйки (съ доставкою), очень популярна въ Берлинѣ и зовется по просту „Тетка Фоссъ".

— Хорошо! — замѣчалъ Bœrsen Courier — если замѣнять французскія слова нѣмецкими, то не забудемъ, что слово Tante (тетка) также французское, и потому предлагаемъ, съ это времени "Тетку Фоссъ" звать "Муму Фоссъ".

Конечно, послѣдняя не могла принять такого предложенія.

---

[1]) D-r Rohrbach. "Wofür wir kämpfen?" 1870, S. 22.

Вниманіе дамъ нѣмецкаго общества къ участи плѣнныхъ французовъ возбуждало въ нѣмецкомъ солдатѣ не рѣдко чувство ревности, и онъ не упускалъ случая отпустить шутку на счетъ такихъ соотечественницъ.

Одной дамѣ берлинскаго благотворительнаго кружка нужно видѣть въ больничной палатѣ французскаго плѣннаго, раненаго. Ей показываютъ француза. Она съ нимъ бесѣдуетъ, надѣляетъ его щедрою рукою разными подарками и удаляется. Едва ушла она, громкій хохотъ огласилъ всю палату: благотворительницѣ вмѣсто француза указали истаго пруссака, долго жившаго во Франціи и набившаго руку въ бѣгломъ французскомъ говорѣ. Такимъ образомъ, предназначавшееся для иноплеменника, досталось на долю своего.

Нѣмцы, изъ патріотизма, нападали на французскія слова въ своемъ говорѣ, но, какъ извѣстно, они же хорошо воспользовались во Франціи своимъ знаніемъ французскаго языка. Конечно, солдаты вообще мало смекали по-французски и на вопросъ, какъ померанцы будутъ управляться съ названіями французскихъ деревень, былъ данъ ловкій отвѣтъ: „а также какъ управлялись съ богемскими.“ Но и между нѣмцами нижними чинами, а тѣмъ болѣе между офицерами, было не мало знавшихъ французскій языкъ, если не практически, то теоретически. Нѣмцы хорошо знали, впрочемъ, и то, что произношеніе французскихъ словъ въ ихъ устахъ не была очень изящно въ большинствѣ случаевъ.

Явилась депеша изъ Франціи, что „вообще, степень развитія нѣмцевъ запрещаетъ имъ дурно обращаться съ французами, и если они дурно обращаются, то это,—поясняетъ депеша, только со мною.“ Подписано „французскій языкъ.“

Французскимъ же языкомъ нѣмцы не упускали случая

пользоваться тамъ, гдѣ можно было пустить въ непріятеля ѣдкій каламбуръ, напримѣръ:

Napoléon I a eu génie. Napoléon III a Eugenie.

Или:

L'année 1870 a réuni les Allemands, mais ruiné les Français.

Предвидѣли ли нѣмцы побѣды, которыя выпадутъ на долю ихъ оружія? На этотъ вопросъ отвѣчать довольно трудно. Одинъ богемскій поселянинъ, при вѣсти о войнѣ замѣтилъ: что пруссаки побѣдили датчанъ и даже австрійцевъ,—это еще, пожалуй, такъ, но если они побѣдятъ и французовъ,—тогда значитъ самъ Господь Богъ сдѣлался протестантомъ.

Добрый католикъ, какъ многіе другіе, не предвидѣлъ ряда прусскихъ побѣдъ. Но въ Пруссіи разсчитывали и на возможность успѣха. Цитируемая нами книга, и, именно, первая часть ея, приводитъ одинъ фактъ, на которомъ нельзя не остановиться. Графъ Бисмаркъ, повидимому, твердо вѣрилъ въ успѣхъ и заранѣе опредѣлилъ присоединить Эльзасъ къ Германіи. Французскій повѣренный въ дѣлахъ, при отъѣздѣ изъ Берлина, просилъ, нельзя ли, на короткое время остаться въ прусской столицѣ военному уполномоченному Франціи, Штофелю, или, по крайней мѣрѣ, чиновнику французскаго посольства, Béве. Полученъ былъ рѣшительный отказъ союзнаго канцлера на эту просьбу. Наконецъ, французскій повѣренный въ дѣлахъ просилъ, нельзя ли повременить отъѣздомъ хотя портье посольства.

— А какой онъ націи? спрашиваетъ графъ Бисмаркъ.

— Французъ изъ Эльзаса.

— Эльзасецъ! въ такомъ случаѣ можетъ остаться, можетъ остаться. Онъ *нѣмецъ*.

— Какъ нѣмецъ? Извините, онъ столько же настоящій французъ, какъ и всякій другой эльзасецъ.

Ну, нѣтъ! Извините вы меня. Я Эльзасъ также хорошо знаю. Онъ эльзасецъ, слѣдовательно, нѣмецъ. Мы смотримъ на эльзасцевъ, какъ на братьевъ одного великаго германскаго отечества. Эльзасецъ можетъ здѣсь остаться. (стр. 17).

Какъ видимъ вопросъ о присоединеніи Эльзаса и нѣмецкой Лотарингіи не явился въ головѣ германскихъ дѣятелей неожиданно, плодомъ колоссальныхъ и непредвидѣнныхъ успѣховъ нѣмецкой арміи, а созрѣлъ давно.

Далѣе, какъ извѣстно, журналистика много занималась шансами возстановленія Бонапартовъ на престолѣ Франціи. Толки объ этомъ были въ ходу съ самой седанской капитуляціи, и многіе вѣрили, что Бисмаркъ дѣйствительно думаетъ объ этой реставраціи. Интересна, по этому случаю, замѣтка, приведенная въ разбираемой брошюрѣ, на которую, относительно вѣрности сообщаемыхъ ею подробностей, есть полное основаніе положиться.

Ришарди, военный хроникеръ парижскаго „Фигаро," замѣтилъ при открытія войны, что французы, прежде всего, должны взять въ плѣнъ Бисмарка и опредѣлить его къ себѣ на службу, такъ какъ въ такомъ случаѣ будетъ и у Франціи хотя одинъ государственный человѣкъ. Бисмаркъ, прочтя это, замѣтилъ, что нѣмцы, съ своей стороны, побѣдивъ французовъ, должны постараться сохранить имъ Наполеона III въ наказаніе. (I, стр. 8).

Бисмаркъ и Мольтке, главные герои эпопеи, конечно, представили большой матеріалъ для народныхъ толковъ и анекдотовъ.

Приготовлялись къ войнѣ. Одинъ англійскій корреспон-

дентъ, явясь къ Мольтке, замѣтилъ о трудностяхъ, какія приходилось переносить въ Богеміи, гдѣ корреспондентъ былъ также въ 1866 г.

— Ну, когда человѣкъ еще молодъ—замѣтилъ семидесятилѣтній Мольтке, пріободрясь,—такъ это еще ничего.

„Великій молчальникъ,“ какъ зовутъ въ Германіи неслововоохотливаго полководца, былъ разъ, предъ началомъ войны во дворцѣ. На улицѣ, при выходѣ, его ждала толпа народа.

— Ну, Vater Moltke, принимайся теперь за планъ!.... раздалось изъ толпы, привѣтствовавшей выходъ генерала.

Въ Кобленцѣ, отправляясь въ походъ, король Вильгельмъ останавливался, чтобы принять мѣстныя власти. Бисмаркъ не выходилъ изъ вагона, но Мольтке вышелъ съ королемъ. Садясь въ вагонъ, король спрашиваетъ, тутъ ли Мольтке? Тутъ. „Ну, такъ можно ѣхать, если Мольтке тутъ“. (I, стр. 1).

Въ Понтъ-а-Муссонѣ, одинъ генералъ, по словамъ доктора Викеде, обратился къ королю съ просьбою, дать ему отрядъ войска для гарнизона въ городѣ, куда генералъ назначенъ былъ губернаторомъ.

— Обратитесь вотъ къ этому господину, сказалъ король, указывая на Мольтке, — это зависитъ отъ него, и я самъ долженъ быть доволенъ, что онъ еще не лишаетъ меня моего штабнаго караула. (II, 53).

Бисмарку, какъ извѣстно, былъ подкинутъ во Франціи ребенокъ; мать ребенка нашла доступъ въ комнату канцлера изъ сада, чрезъ окно, такъ какъ комната была въ нижнемъ этажѣ. Узнавъ объ этомъ случаѣ, король замѣтилъ шутя окружающимъ; „на войнѣ нужно переносить все, что

*

пошлетъ судьба,—даже маленькихъ дѣтей" (II, 35). Дитя было отправлено въ Берлинъ.

Но обратимся къ самой войнѣ. Она началась въ Саарбрюкенѣ. Что такое Саарбрюкенъ—спрашиваетъ нѣмецкій каламбуристъ — можетъ ли онъ въ точномъ смыслѣ слова, назваться городомъ? Для нѣмцевъ: да!—дается отвѣтъ,—но для французовъ, Саарбрюкенъ всегда останется ein Flecken.

Каламбуръ, въ томъ, что Flecken значитъ вмѣстѣ „мѣстечко" и „пятно".

Подобный же каламбуръ явился на Макъ-Магона.

— Почему Макъ-Магонъ можетъ быть названъ первымъ купцомъ въ свѣтѣ?

— Потому что его Niederlagen идутъ отъ Вейсенбурга до Верта.

Niederlagen значитъ „оптовый магазинъ" и вмѣстѣ „пораженіе".

Французы начали войну занятіемъ Саарбрюкена. Французскій баталіонный командиръ приглашаетъ саарбрюкенскаго бургомистра Шмидборна къ себѣ на завтракъ, но, съ оговоркою, что такъ какъ у баталіоннаго командира кушанья для завтрака нѣтъ, то ихъ долженъ взять съ собою бургомистръ. Бургомистръ послалъ завтракъ баталіонному командиру, но самъ остался дома.

Корпусъ Фроссара, вступивъ на германскую почву, началъ реквизиціи; мѣстное населеніе тотчасъ же окрестило маршала прозваніемъ Fresssack (съѣстной мѣшокъ). Такое же прозвище, по созвучію словъ, получилъ Марсъ-ле-Туръ. Нѣмцы назвали его Marche-retour. Довольно ловкій каламбуръ, если вспомнимъ, что при Марсъ-ле-Турѣ французы должны были окончательно отказаться совершить отступленіе на Парижъ.

Штейнмецъ, своею фамиліею, вызвалъ сходный каламбуръ: „Наполеонъ I изваянъ Кановою, Наполеона III вытесалъ каменьщикъ (Steinmetz—каменщикъ).

Съ самаго начала кампаніи побѣды нѣмцевъ слѣдовали одна за другою такъ часто, что восторгъ въ Германіи не зналъ предѣловъ. И въ Германіи, какъ вездѣ, ничего подобнаго не ожидали.

Въ Ростокѣ жители, днемъ и ночью, при вѣстяхъ о побѣдахъ, собирались у памятника Блюхера, и пѣли національные гимны. Узнавъ о седанской капитуляціи, одинъ патріотъ въ Берлинѣ, купавшійся въ школѣ плаванія Фуля, выскочилъ изъ воды, и знаками остановивъ пороходъ, шедшій по Шпре, прочелъ пассажирамъ новую телеграмму. Пассажиры, въ первый разъ слышавшіе радостную вѣсть, конечно, раздѣлили восторгъ читавшаго, но тутъ же противъ послѣдняго начато было судебное преслѣдованіе. Патріотъ въ восторгѣ забылъ, что онъ былъ лишь въ купальномъ костюмѣ, а съ однимъ изъ пассажировъ находилась на пароходѣ взрослая дочь, и онъ повелъ дѣло судебнымъ порядкомъ, за нарушеніе приличія.

Въ Берлинѣ стрѣляли въ честь побѣды (по-нѣмецки Victoria wird geschossen—что французская газета „Temps" дополнила замѣчаніемъ (ça sera telegraphié à Victoria), но очень медленно, такъ что между каждыми двумя выстрѣлами проходило не мало времени.

Что же это такое,—замѣтилъ одинъ изъ гражданъ,— вѣдь этакъ придетъ извѣстіе о новой побѣдѣ, а тутъ не успѣютъ кончить еще и этихъ 101 выстрѣла.

Затѣмъ пальба стала чаще.

Иное впечатлѣніе германскія побѣды производили на скандинавскомъ сѣверѣ. „Юморъ на полѣ сраженія" серьезн

увѣряетъ, на основаніи словъ датской газеты „Aarhus-Stiftstidende“, что въ Даніи извѣстіе о побѣдахъ нѣмецкихъ войскъ вызвало родъ лихорадки, которую доктора назвали Weissenburger Fieber. Нервное возбужденіе имѣло слѣдствіемъ лихорадку, діаррею и т. д., и нѣмецкая юмористическая брошюра хочетъ увѣрить насъ, что эти болѣзни свирѣпствовали эпидемически.

Брошюра на заглавной страницѣ имѣетъ надпись:

Нѣтъ баварцевъ, нѣтъ пруссаковъ
Нѣтъ юга, нѣтъ сѣвера,
На французовъ гонимыхъ нами
Будемъ напирать сообща.

Всѣ нѣмецкія арміи, сѣверныя и южныя, побратались на полѣ битвы.

– Ну, что, какъ вы ладите съ вашими южными братьями? спросили пруссака.

— Какъ братья они ничего бы, только норовятъ быть вездѣ прежде насъ. Но ужъ этого мы не дозволимъ.

Извѣстенъ отвѣтъ баварца прусскому наслѣдному принцу, похвалившему баварцевъ за храбрость.

— Жаль, что ваше высочество не были нашимъ командиромъ въ 1866 году, а то бы не сдобровать ни одному пруссаку (I, 38).

Баварцы вообще какъ вели себя храбро на полѣ сраженія, такъ дали не мало хлопотъ полковымъ врачамъ. Легкія раны они обыкновенно растравляли неумѣреннымъ употребленіемъ вина и водки, которыя успѣвали добывать тайкомъ.

Соревнованіе между союзными арміями было одною изъ причинъ общаго успѣха и облегчило исполненіе обѣщанія, даннаго однимъ берлинскимъ магазиномъ эстамповъ париж-

скому такому же магазину. Берлинскій магазинъ на просьбу парижскаго - это было незадолго до войны — прислать ему портреты прусскихъ военныхъ и прочихъ знаменитостей, отвѣчалъ: „портретовъ больше нѣтъ, къ вамъ будутъ посланы нами сами оригиналы."

Недавно "Кладдерадатчъ" привелъ интересную сцену, гдѣ Бисмаркъ и Гамбетта представлены игроками на зеленомъ полѣ. Бисмаркъ срываетъ банкъ; но пока длится игра, счастливый игрокъ говоритъ о 350,000 франкахъ, объ одномъ Луи (Louis d'or), о кронѣ (Krone монета и "корона"), что представляетъ игру словъ, имѣющую отношеніе къ численности плѣнной арміи, къ плѣнному императору, къ германской коронѣ и т. д. Но "Юморъ на полѣ сраженія" заставляетъ полагать, что инпціатива уподобленія принадлежитъ самому Бисмарку. Ему какъ-то стали говорить о громадныхъ средствахъ, въ которыя обойдется война.

— Да, — отвѣчалъ Бисмаркъ — обойдется въ два Наполеона (II, 52). Napoleon по-нѣмецки означаетъ вмѣстѣ имя и названіе монеты.

Гамбетта также подалъ своимъ именемъ поводъ къ каламбурамъ. Gambetta - говорили нѣмцы - значитъ по-италіянски „ножка". Гамбетта — диктаторъ, слѣдовательно, Франція стоитъ на одной ножкѣ.

Конечно, классическое сравненіе Франціи съ пѣтухомъ также не было забыто нѣмцами.

Гамбетта говорилъ, что Германія выставила противъ Франціи многихъ отцовъ семействъ, тогда какъ во Франціи еще ни одинъ женатый не былъ призванъ подъ знамена. Нѣмцы, напротивъ, именно тѣмъ гордились, что на народную войну пошли ихъ семейные ландверманы. Брошюра приводитъ, что изъ отряда, прикрывавшаго батарею на Везерѣ у Бургаве,

состоявшаго изъ 202 человѣкъ, у 78 было 224 дѣтей оставлено дома.

Семейства, оставшіяся на родинѣ, имѣли полную возможность поддержать сношенія съ членами ихъ, ушедшими на войну, и едва-ли нужно прибавлять, что заботы домашнихъ много облегчили участь нѣмцевъ въ трудныхъ походахъ и даже заботы провіантскаго и комиссаріатскаго вѣдомствъ германской арміи.

Мы остановились на приведенной брошюрѣ не безъ основанія. Если сказать, что Германія—страна юмора и нѣмецъ юмористъ по природѣ, то съ этимъ еще можно не согласиться, но несомнѣнно, что колоссальные успѣхи нынѣшней войны, вызвавъ внутреннее довольство во всей Германіи, придали широкое развитіе шуткѣ и юмору въ нѣмецкой литературѣ. Война начата была со вздохами, съ тяжелыми ожиданіями, но когда громадные успѣхи за успѣхами успокоили нѣмцевъ—презрѣніе и негодованіе противъ непріятеля уступили мѣсто шуткѣ. Отсюда замѣчательное развитіе юмористической литературы и возникновеніе массы каррикатурныхъ листковъ. Характеръ времени отразился даже на серьезныхъ журналахъ. Мы видимъ въ „Tribune“ рисунки. “Montags Zeitung“ печатаетъ у себя телеграмму: “7-го августа (почти за мѣсяцъ до седанской капитуляціи), св. Елена: здѣсь дѣлаютъ приготовленія къ пріѣзду и т. д.“ Шутка получила историческое значеніе, какъ отголосокъ настроенія націи.

IV.

Сравненіе нѣмецкаго солдата съ французскимъ сдѣланное Шарлемъ Гюго (сыномъ Виктора Гюго) такъ часто было

приводимо въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ, что пріобрѣло у нѣмцевъ популярность. Привожу его.

„Нѣсколько лѣтъ назадъ, писалъ Шарль Гюго, былъ я въ Трирѣ и видѣлъ какъ проходилъ прусскій полкъ церемоніальнымъ маршемъ. Это было что-то въ высшей степени необыкновенное. Видѣть какъ марширует прусскій полкъ значитъ видѣть движеніе феодальной орды. Смѣшно, дико и непріятно. Каска приводила насъ въ смѣхъ; воинственный видъ повергалъ въ размышленіе. Ничего не можетъ быть страннѣе и смѣшнѣе такого грознаго, съ громоотводами на шлемахъ, полка. Можно подумать, что это военный карнавалъ. Прусскій солдатъ — паяцъ въ головномъ уборѣ Марса. Полкъ проходитъ церемоніальнымъ маршемъ. Смотрите! Впереди шагаетъ штабный трубачъ (fanfaron). Это жестикулирующій, курьезно-одѣтый, пляшущій, поющій, кричащій юноша, дующій, какъ безумный, въ инструментъ, къ которому сводится все содержаніе прусской военной музыки. Печальный и ужъ очень больно глубокомысленный шутникъ этотъ фанфаронъ! Во французскомъ полку есть свой тамбуръ-мажоръ, въ прусской — полковой трубачъ; у Франціи — исполинъ, у Пруссіи — карла. За полковымъ трубачемъ слѣдуютъ музыканты съ ихъ флейтами, трубами и плоскими барабанами, похожими на двѣ надѣтыя одна на другую цимбалы. Уши деретъ дьявольски-сумасшедшій оркестръ. Шумъ, трескъ, грохотъ сливаются тутъ въ одну безумную симфонію. Здѣсь изучайте музыкальный характеръ Германіи, эту смѣсь дикой оргіи съ мечтательностью и меланхоліею. Такъ и сдается, что ураганъ разыгрываетъ пьесу изъ Бетховена.

„Но вотъ, за музыкантами идетъ полковникъ. Это положительно невозможная личность. Онъ иначе одѣтъ, чѣмъ его полкъ. Его одѣяніе — нашивки, перья, золото, шитье, фан-

тастичность, экстравагантность. На немъ каска, эполеты какъ два шара; онъ съ саблей. Эта внѣшность обличаетъ его рангъ. За нимъ идутъ двѣнадцать лакеевъ въ длинныхъ ливреяхъ и гайдуки съ тюрбанами на головахъ. За его лакеями слѣдуютъ его адъютанты. Во Франціи адъютанты есть только у генераловъ, въ Пруссіи и у полковниковъ. Эти адъютанты — молодые люди, но большіе господа. Костюмъ ихъ разсчитанъ на впечатлѣніе. Они важны и безбороды. Все это вмѣстѣ — трубачъ, музыка, полковникъ, гайдуки и адъютанты — надувается, дѣлаетъ курбеты, прыгаетъ, дуетъ въ трубы и выкрикиваетъ войну, вызываетъ, задираетъ, угрожаетъ и одуряетъ. Суровая нѣмецкая дисциплина заявляетъ себя въ замѣчательномъ фарсѣ. Это - разнузданная фантазія Эта музыка — изъ Бетховена, эти костюмы отъ Калло. Гдѣ мы? Во снѣ? Паяцы это, или воины? Куда стремятся они? На войну! Подумаешь Тесписъ подвигается съ прусскими орудіями.

„Прошелъ генеральный штабъ и зрѣлище измѣняется. Фантастическая выставка должна уступить мѣсто дисциплинѣ; дисциплина и полкъ неразлучны. Вотъ идетъ капитанъ, ветеранъ лѣтъ шестидесяти, съ длинною сѣдою бородою. Сабля его на-голо, его эполеты — тонкая золотая тесьма. Онъ вдвинутъ въ узкій, застегнутый по шею мундиръ, какъ сабля въ ножнахъ. Онъ не смотритъ ни на-право, ни на-лѣво, а только прямо. Шагъ его вѣрно ударяетъ въ тактъ. Руководящая имъ сила — нѣмой, заключенный въ себѣ, грозный „долгъ“. Полковникъ — человѣкъ отличій, капитанъ — солдатъ.

„За капитаномъ идетъ рота тремя частями. Каждый человѣкъ движется машино-подобно. Солдаты блѣдны, истомлены, сломлены командою, окаменѣли въ послушаніи, одурены дисциплиною. Вѣрность ихъ шага изумительна. Ни рука, ни нога, ни чей профиль лица не выдвинется изъ линіи.

Все это точно, правильно, трагично. За первою ротою слѣдуетъ вторая. Капитанъ второй роты, моложе, но такой же предметъ для кисти живописца. За ротою идутъ поручикъ и подпоручикъ; зорко и не спуская глазъ, наблюдаютъ они за людьми. Если не достаетъ одной пуговицы —достается по возвращеніи въ казармы. Ни слова, ни взгляда на окна, ни одного движенія, которое не согласовалось бы съ дисциплиною. Можно подумать, что капитаны, поручики и солдаты вырублены изъ дерева. Въ нихъ ни признака человѣческаго самосознанія! На нихъ читается слѣдъ тевтонской дикости. Они не нашего столѣтія. Это маршируютъ кимвры, движется впередъ варварство. Нѣтъ, это болѣе не маскарадъ, это легіонъ смерти. У этой арміи родина — сѣверъ. слава Ватерлоо, герой—Блюхеръ. Таковъ прусскій полкъ, Ну, а французскій?

«Впереди тамбуръ-мажоръ, весь въ шитьѣ, великолѣпный, игривый, кокетливый, гордый собою, своею таліею, своими усами, своимъ мундиромъ и т. д. Онъ семи футовъ ростомъ; это колоссъ. Какъ будто этого громаднаго роста еще недостаточно—на него надѣли мѣховую шапку, на нее колпачокъ, вѣнчаемый пукомъ трехцвѣтныхъ перьевъ И тутъ же колеблется его палица съ золотою булавою, вызывающая насмѣшки женщинъ съ балкона втораго этажа.

„Тамбуръ-мажоръ единственное, что допущено во французскомъ полку изъ области фантазіи. Затѣмъ, слѣдуютъ барабанщики съ кожаною обтяжкою на лѣвой ногѣ, и за ними большой мѣдный барабанъ. Барабаны бьютъ и музыка играетъ, въ перемежку, съ удивительною отчетливостью, и смолкаютъ какъ только раздалась команда тамбуръ-мажора. Они восхитительны—эти крошечные барабанщики, когда они бьютъ зорю или наступленіе. Ихъ зналъ еще Клеберъ, съ

ними былъ на „ты“ Дантонъ. Они голосъ народа и эхо жизни націи!

„За ними слѣдуетъ французская большая военная музыка. Ничего болѣе восхитительнаго и прекраснаго нельзя себѣ представить. Тутъ выливается душа націи. Поэзія, гармонія, свобода, освобожденіе, гуманность — всѣ эти возвышенныя ноты слышатся вамъ въ звукахъ французской военной музыки. Она овладѣваетъ всѣмъ существомъ солдата. Когда играетъ эта музыка — сдается, что Франція въ одно время поетъ и слушаетъ. Это музыка свободныхъ воиновъ, музыка 1792 года! Большой барабанъ говоритъ вамъ о Самбрѣ-и-Мезѣ, звучащій полумѣсяцъ о Вальми. Рожки, рога, цимбалы, флейты, трубы и барабаны, весь этотъ громъ 14-ти армій, окрещивается однимъ именемъ „марсельеза“.

„Но вотъ проходитъ полкъ. Вотъ полковникъ, капитаны, лейтенанты, солдаты. Всѣ смотрятъ весело. Офицеры помахиваютъ саблями и солдаты несутъ ружья какъ кому удобнѣе. Тутъ видна пассивность, но вмѣстѣ тутъ не исчезла свободная воля. Свободная воля и самосознаніе остаются при французскомъ солдатѣ. Онъ не машина — въ немъ видны черты человѣческаго, братства. Его домашніе пенаты и его нація для него предметъ поклоненія; онъ — солдатъ великой націи. У этой арміи есть отечество, она просвѣщена. Ея слава — революція, ея герой — Марсо.

У того и другаго полка есть предметъ обожанія — знамя. Но для пруссака знамя означаетъ только короля и фухтель, для француза — исключительно родину. Оба полка не знаютъ страха, одинъ съ своею вымуштрованною, другой съ свободною дисциплиною. Одинъ мрачный, механическій въ движеніяхъ, запакованный въ свой мундиръ и свою каску, въ свои инструкціи, привинченный къ своему ружью; другой свободный, подвижной,

всегда господинъ самъ себѣ—въ казармѣ ли, на площади ли и на улицѣ, на полѣ ли сраженія. Французскій солдатъ волонтеръ, прусскій — рабъ своего знамени."

V.

Раціонъ прусскаго солдата въ военное время достаточенъ и сытенъ; мясо и сало составляютъ основу пищи прусской арміи; но оба рода провизіи скоро портятся. Какъ бы хорошо ни была устроена провіантская часть, при скорыхъ переходахъ большихъ военныхъ силъ, иногда невозможно услѣдить за своевременною доставкою припасовъ въ части арміи. Вслѣдствіе этого, припасы портятся и дѣлаются негодными, а солдаты не получаютъ должной порціи.

Прусская армія одержала въ 1866 году рядъ громкихъ и быстрыхъ побѣдъ, а между тѣмъ все ли было въ порядкѣ въ ней относительно продовольствія? Я самъ видѣлъ, какъ послѣ Кенигграца, въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ Чехіи, зарывали въ землю кучи гнилаго, зеленаго, проплеснѣвшаго хлѣба. Громадная яма поглотила цѣлую гору, негодившагося въ пищу хлѣба. Не совсѣмъ прозеленѣвшій хлѣбъ еще ѣлся, и я привезъ съ собою въ Петербургъ кусокъ такого хлѣба, данный мнѣ на память однимъ прусскимъ кавалеристомъ.

Если такъ портится хлѣбъ, то какъ же не портиться мясу и салу? Конечно, можно довольствоваться мясомъ и саломъ, добывая ихъ реквизиціями въ непріятельской землѣ, и, такимъ образомъ, избѣгая дальней пересылки; но это не всегда возможно. Можетъ оказаться, что скотъ угнанъ мѣстными жителями, уведенъ непріятельскими войсками, а между тѣмъ солдату необходима его мясная порція.

Не забудемъ, притомъ, какъ это показала и послѣдняя

война во Франціи, что даже въ мѣстности сравнительно богатой, сотни тысячъ прибылыхъ людей, вступившіе въ непріятельскую землю, скоро могутъ съѣсть всѣ запасы, которые можно добыть въ странѣ. Вотъ почему, присылка продовольствія во всякомъ случаѣ сдѣлается необходимою.

Опытъ 1866 года заставилъ прусское провіантское вѣдомство обратиться къ изысканію средствъ продовольствія арміи мясною пищею, такъ чтобы продукты, отправляемые къ арміи, не подвергались порчѣ.

Консервы, конечно, было лучшее средство; но какіе? Бульонъ, мясной экстрактъ и т. д. Но мясной экстрактъ, напримѣръ либиховскій, по признанію Либиха, требуетъ, при варкѣ, въ добавленіе, жира и костей, а въ томъ-то и препятствіе на бивуакѣ; вѣдь если у солдатъ окажутся жиръ и кости, то, значитъ, есть и мясо, слѣдовательно и въ экстрактѣ особенной нужды нѣтъ. Наконецъ, бульонъ и экстракты дороги и также могутъ подвергаться порчѣ.

Гороховая колбаса разрѣшила вопросъ. Изобрѣтатель ея — онъ вмѣстѣ и главный королевскій поваръ — получилъ крупную сумму денегъ за рѣшеніе вопроса, а произведенныя испытанія показали, что гороховая колбаса удовлетворяетъ требованіямъ.

Что же такое это: гороховая колбаса? спрашивалъ я себя. Продуктъ, которымъ питались сотни тысячъ въ теченіе полугода, заслуживаетъ того, чтобы изучить его внимательно. Я рѣшился узнать всю суть о гороховой колбасѣ.

Я навелъ прежде всего справки, гдѣ ее можно достать, во всѣхъ ли берлинскихъ колбасныхъ она продается. Сначала мнѣ сказали, что ея даже вовсе нѣтъ въ частной продажѣ, и что берлинскіе граждане лишь изрѣдка могутъ добыть кусокъ ея. Оказалось однако, что хотя гороховая колбаса

продается лишь на немногихъ мѣстахъ, но достать ее вовсе не трудно. У Шварца, на Лейпцигской улицѣ, я, наконецъ, купилъ за 8 зильбергрошей (32 коп.), бѣлую, какъ камень твердую, колбасу, въ четверть съ небольшимъ длиною и вѣсомъ фунта въ полтора. Я предварительно освѣдомился у одного военнаго, раненаго при Гравелотѣ: настоящая ли это гороховая колбаса, которая шлется къ арміи во Францію. По его словамъ, она была та самая.

— Вамъ, конечно, приходилось ѣсть ее не разъ? спросилъ я собесѣдника.

— Случалось.

— Какъ вамъ она нравится?

— Ничего, пока не пріѣстся.

Гмъ! плохо, если первыя основы питанія пріѣдаются! подумалъ я.

Отъ берлинцевъ изъ не военнаго круга я слышалъ, что жидко сваренный супъ изъ этой колбасы не очень вкусенъ, но если положить колбасы побольше, то, ничего, ѣсть можно. Впрочемъ, одна дама увѣряла меня, что она попробовала супъ изъ гороховой колбасы, но онъ былъ такъ жиренъ, что она уже больше не рѣшалась его ѣсть.

Замѣчу, что берлинскому желудку, въ теплѣ, именно жиръ колбасы не могъ показаться вкуснымъ, что какъ разъ необходимо было на холодной стоянкѣ подъ Парижемъ.

Я принесъ домой свою покупку, и хотя колбаса казалась суха и тверда, какъ камень, она разломилась безъ труда. Въ разломѣ—блѣдно-гороховый цвѣтъ, кусочки свинаго сала и слѣды ветчины тутъ и тамъ, запахъ свинаго жира, впрочемъ не сильный. Мякоть колбасы—внутри оказалась не такъ суха, какъ снаружи; она легко растирается въ рукахъ, от-

части даже распадается и расползается, и видно, что это очень жирная масса.

Наставленіе, присоединенное къ колбасѣ, гласило, что для приготовленія кварты (тарелки 3 — 4) супу достаточно 10 лотовъ колбасы. Слѣдовательно, моей колбасы, приблизительно въ полтора фунта вѣсомъ, было достаточно на 15—16 тарелокъ супу. Легко разсчитать, что, при берлинской продажной цѣнѣ колбасы, тарелка супа изъ нея обойдется въ двѣ копѣйки. Разсчетъ этотъ тѣмъ легче сдѣлать, что къ колбасѣ, для полученія изъ нея супа, ничего не прибавляется, кромѣ воды. Наставленіе гласило также, что колбасу, очистивъ отъ кожи, надобно слегка размять и затѣмъ варить въ теченіе около пяти минутъ.

Я попросилъ приготовить мнѣ супъ изъ этой колбасы. Оказалось, что его можно ѣсть и безъ хлѣба, такъ какъ вкусъ муки сильно отзывался въ супѣ. Мнѣ этотъ супъ напомнилъ лазаретный габеръ-супъ, овсянку. Гороховый супъ почти не отзывался горохомъ. Свинаго жира въ немъ было не мало; кусочки свинаго жира были тутъ и тамъ, но ветчины почти ни слѣда. Слѣды кореньевъ были замѣтны, но въ столь размельченномъ, микроскопическомъ видѣ, что они больше говорили вкусу, чѣмъ зрѣнію. Лукъ давалъ себя явно чувствовать, и когда я одолѣлъ киселеобразную массу на моей тарелкѣ, достаточно сильный вкусъ перца остался на зубахъ. Я забылъ сказать, что сухая колбаса на вкусъ очень солона и жирна. Въ супѣ жиръ чувствуется, но не очень; соли не вполнѣ достаточно и еще надобно посолить. Можетъ быть, въ моемъ супѣ пропорція колбасы была нѣсколько больше лагерной, но, во всякомъ случаѣ, это былъ супъ прусской арміи.

Соль и жиръ—достаточная гарантія долгосберегаемости кол-

басы. Компактная жирная и соленая масса, со всѣхъ сторонъ защищенная отъ вліянія воздуха прочною кишечною кожею, конечно, должна сохраняться хорошо.

Не знаю, пришлась-ли бы гороховая колбаса, особенно если ее долго ѣсть, по русскому желудку. Впрочемъ, за нашими арміями въ старину возили между припасами, главнымъ образомъ, горохъ, ветчину и толокно. Гороховая мука и свиной жиръ прусской колбасы представляютъ нѣчто сходное. Главное достоинство колбасы, конечно, заключается въ томъ, что ее нужно варить всего лишь пять минутъ.

Все не было времени посѣтить заводъ гороховой колбасы. Заводъ, какъ извѣстно, казенный. Изобрѣтатель гороховой колбасы получилъ за свой патентъ 8,000 талеровъ отъ правительства, и затѣмъ военное министерство само завѣдуетъ приготовленіемъ колбасы и доставкою ея въ армію. Въ настоящее время существуетъ уже не одинъ такой заводъ. Устроены другіе заводы, ближе къ театру военныхъ дѣйствій, на Рейнѣ. Но въ началѣ войны существовалъ только одинъ берлинскій заводъ, снабжавшій всю армію. До вступленія во французскіе предѣлы, надобности въ колбасѣ не было, но затѣмъ разсылка ея началась во всѣ части арміи. Если принять въ соображеніе, что изобрѣтеніе этой колбасы лишь немного предшествовало войнѣ, то въ первое время естественно и нельзя было установить правильной разсылки ея.

Колбаса разсылается прямо съ завода (всѣ заводы приготовляютъ ее по берлинскому образцу и по данной инструкціи), въ запакованныхъ ящикахъ въ отряды, и если даже, въ походѣ, колбаса завалялась и запачкалась, то стоитъ только содрать кожицу съ грязью и продуктъ готовъ къ употребленію.

Я хотѣлъ лично освѣдомиться у военныхъ, бывшихъ во

Франціи, какъ они нашли эту колбасу въ теченіе долгихъ переходовъ.

— Ничего, говорилъ мнѣ раненый подъ Гравелотомъ, рядовой полка Александра I, когда другаго ничего нѣтъ подъ рукою, а ѣсть хочется, тогда съ охотою ѣшь колбасу, хотя она и сильно пріѣдается со временемъ.

Еще прежде, въ бесѣдѣ съ ландверистомъ, я слышалъ, что гороховая колбаса пріѣдается со временемъ; но вѣдь надобно и то помнить, что роль колбасы была служить подспорьемъ, при неимѣніи другаго провіанта -не болѣе, а въ такихъ случаяхъ, солдаты находили ее какъ разъ по вкусу; вѣдь при нуждѣ ничто оскомины не набиваетъ.

— Бывало въ ранцѣ много колбасы и есть другой провіантъ, такъ мы—говорилъ мнѣ пруссакъ—для облегченія себя дѣлали изъ колбасы родъ дровъ и подтапливали ею огонь. Я самъ варилъ на ней кофе. Ничего, горитъ хорошо.

Дѣйствительно, основу и суть военной прусской гороховой колбасы составляетъ поджаренный свиной жиръ, который, конечно, горитъ хорошо. Свиной жиръ и прежде входилъ въ составъ прусскаго раціона, слѣдовательно это въ одномъ отношеніи маленькое измѣненіе.

Въ теченіе лѣтняго похода, колбаса нисколько не портилась и военные здѣсь убѣждены, что она не испортится, если пролежитъ даже годъ. У меня початая, слѣдовательно открытая дѣйствію воздуха, колбаса пролежала въ комнатѣ недѣли двѣ безъ малѣйшаго измѣненія.

Я показалъ пруссаку купленную мною у Шварца колбасу. Онъ пробовалъ ее.

— Ѣдятъ ее въ арміи и такъ, сухую? спросилъ я.

— Какъ же, еще какъ!

Мой собесѣдникъ съѣлъ кусокъ съ удовольствіемъ.

— Это очень удачное подражаніе, только не настоящая гороховая колбаса, замѣтилъ онъ — не та, которая шлется въ армію.

— Я купилъ ее у Шварца за настоящую и заплатилъ 8 зильбергрошей.

— Какъ же можно! Если бы армія должна была платить по 8 зильбергрошей за такую колбасу, то не стало бы средствъ. Такая колбаса, по стоимости матеріала, должна стоить не больше 3 зильбергрошей.

Мой собесѣдникъ (хотя и рядовой, но развитый и дѣльный господинъ) обстоятельно разсказалъ мнѣ, какъ и чѣмъ отличается купленная мною колбаса отъ настоящей военной, полковой, приготовленіе которой онъ видѣлъ.

Колбаса, купленная мною, оказалась подражененіемъ въ силу моды, такъ какъ, пріобрѣтя громкую извѣстность, гороховая колбаса, естественно, спрашивается и въ Берлинѣ, а какъ же торговецъ колоніальными товарами рѣшится предложить берлинскому бюргеру простую гороховую колбасу, какая шлется въ армію. И вотъ является продуктъ, улучшенный, усовершенствованный, со специями. Да, впрочемъ, можетъ быть, если бы торговецъ и пожелалъ продать вамъ настоящую колбасу, то ея ему не откуда достать; она шлется съ казенныхъ заводовъ прямо въ армію и ея нѣтъ въ частной продажѣ. Ее добываютъ, желающіе узнать, что это такое, кусочками, чрезъ знакомыхъ военныхъ, какъ рѣдкость.

Въ колбасѣ, проданной мнѣ въ магазинѣ за настоящую военную, какая шлется во Францію, матеріалъ, какъ оказалось, подвергся большему размельченію, чѣмъ въ настоящей колбасѣ. Составныя части армейской колбасы не размельчаются

въ такой степени, и въ ней всегда довольно много свинаго сала въ кусочкахъ, хотя ветчины почти нѣтъ, или только слѣды. Приправъ въ армейской колбасѣ также никакихъ нѣтъ, кромѣ сала, а между тѣмъ въ поддѣльной ощущаются на вкусъ перецъ и коренья.

Приготовленіе армейской колбасы довольно просто. Спачала растапливается свиной жиръ, а потомъ этотъ жидкій жиръ мѣшается съ гороховою мукою; прибавляются только лукъ и соль; вотъ и все. Соли въ армейской колбасѣ иногда достаточно, а иногда и нѣсколько маловато.

— Развѣ нѣтъ опредѣленной пропорціи? спросилъ я у своего собесѣдника.

— Гдѣ же соблюсти пропорцію! Тутъ цѣлый рядъ котловъ кипитъ разомъ и соль кладется по усмотрѣнію.

Приготовленная колбаса разсылается именно въ такихъ штукахъ, какія составляютъ одну или двѣ обыкновенныя солдатскія дневныя пропорціи. На походѣ ѣстся она не какъ супъ, а скорѣе какъ соусъ — въ довольно густой массѣ. До жидкаго супа изъ такой колбасы солдаты не охотники, и обыкновенно приготовляютъ колбасный растворъ скупо подбавляя воды изъ своихъ походныхъ фляжекъ. Такую густую массу, съ большимъ количествомъ въ ней гороховой муки, ѣдятъ, по здѣшнему обыкновенію, больше безъ хлѣба.

Хлѣба, впрочемъ, въ походѣ не всегда и достать можно. Такъ, прусскій солдатъ, получающій, въ мирное время, по фунту и 12-ти лотовъ чернаго хлѣба въ день, не прочь бываетъ иногда продать часть его. Но въ военное время, напротивъ, какъ оказывается, прусскій солдатъ хотя получаетъ въ день больше, именно фунтъ и 26 лотовъ (около двухъ русскихъ фунтовъ), ничего не продаетъ изъ этого количества и охотно несетъ въ своемъ ранцѣ каравай, данный

на четыре дня, хотя походный каравай почти на два фунта вѣситъ болѣе, чѣмъ выдаваемый въ мирное время.

Дѣло въ томъ, что мясо и другаго рода пищу доставать легче, чѣмъ печенный хлѣбъ, въ которомъ, въ последнюю кампанію, нерѣдко оказывалась нужда при значительныхъ переходахъ.

— Разъ пришлось быть восемь дней безъ хлѣба, говорилъ мой собесѣдникъ. Мы ѣли сырое мясо въ это время. Обмакнешь кусокъ мяса въ соль и ѣшь себѣ.

— Вамъ въ первый разъ пришлось ѣсть сырое мясо. Какъ вы его нашли? ѣли вы его вмѣстѣ съ жиромъ?

— Нѣтъ, жиръ сырой не ѣстся, желудокъ не варитъ. Его мы, прятали въ ранецъ до слѣдующаго бивуака, и тамъ поджаривали на немъ картофель или что либо другое. Ѣли мы только мясную мякоть; если ѣсть сырое мясо дня два, три, такъ ничего.

— Соль, конечно, необходимое условіе такой пищи?

— Безъ соли сырое мясо вовсе нельзя было ѣсть. Притомъ, не мѣшаетъ сказать, что и „шнабсъ" („водка," прибавилъ мой собесѣдникъ) также необходимъ, когда ѣшь сырое мясо. Иначе желудокъ съ трудомъ варитъ.

— Ну, а въ другое время, „шнабсъ" необходимъ?

— Нѣтъ, въ другое время его не нужно, а именно при этомъ.

Я припомнилъ изъ сочиненія Пейтшкера, „На побѣдномъ маршѣ изъ Берлина къ Парижу," что по мнѣнію санитарнаго міра прусской арміи, нѣмцамъ особенно помогло французское красное вино въ ихъ переходахъ.

— Да, хорошо если оно есть въ непріятельской странѣ, замѣтилъ мой гравелотскій инвалидъ.

Накопецъ посѣтилъ я знаменитый заводъ. Хотя сатирикъ

и замѣчаетъ зло, на театральной сценѣ, въ одной изъ очень популярныхъ въ эту минуту здѣшнихъ пьесъ, „что гороховою колбасою наполняются газеты, но что-то мало везется ея въ армiи", мнѣ сказали, однако, на заводѣ, что количество колбасы, отправленное въ армiю съ этого завода, уже равняется болѣе чѣмъ 10-ти миллiонамъ фунтамъ. Цифра почтенная, если не забудемъ, что этотъ берлинскiй заводъ работаетъ собственно на III-ю армiю, и во Францiю шлется также колбаса съ франкфуртскаго и майнцскаго заводовъ.

Кромѣ военныхъ, и то съ исключенiемъ, на заводъ не допускается никто. Прежде доступъ былъ свободнѣе; но впослѣдствiи, полученъ приказъ высшаго начальства не допускать на заводъ никого, кромѣ опредѣленныхъ категорiй военныхъ лицъ, почему теперь доступъ постороннимъ лицамъ труденъ. Полагая, что довольно быть въ сообществѣ какого нибудь военнаго, чтобы быть допущеннымъ къ осмотру завода (такъ прежде, какъ мнѣ за достовѣрное говорили, и было), я пустился въ путь съ военнымъ спутникомъ, за Тиргартенъ и окраины Берлина, въ поле, гдѣ устроенъ заводъ.

Впрочемъ, эта мѣстность была полемъ прежде, но теперь, кажется, здѣсь строенiя растутъ не по днямъ, а по часамъ. Два-три года назадъ, мѣстность по дорогѣ къ заводу, за чертою города, была пустынна и глуха. Теперь, хотя также повѣяло на путниковъ, выѣхавшихъ на санкахъ изъ берлинскихъ улицъ, деревенскимъ, свѣжимъ, здоровымъ воздухомъ, но уже, по сторонамъ дороги, высились громадные трехъ и четырехъ-этажные дома. Словомъ, какъ Берлинъ быстро выросъ съ южной стороны въ два—три послѣднихъ года (послѣ войны 1866 года и усиленiя общегерманскаго значенiя столицы Пруссiи), такъ быстро расширяется городъ и на западъ.

Но вотъ мы дѣйствительно почти въ полѣ. Колокольчикъ на миніатюрной дугѣ лошади смолкъ. Мы остановились около тесоваго некрашенаго забора, на которомъ также не вычурная и наскоро начерченная надпись гласила, что предъ нами заводъ гороховой колбасы и презервовъ третьей арміи. Другая надпись говорила, что доступъ постороннимъ, безъ особеннаго дозволенія, воспрещенъ.

Ничего въ родѣ того, что обыкновенно каждый привыкъ называть фабричнымъ, или заводскимъ строеніемъ; никакихъ каменныхъ, прочныхъ, большихъ построекъ. Большую трубу, правда, мы видѣли издалека, но теперь ея не было видно. Вокругъ некрашеный тесъ, и больше ничего. Крошечныя строенія, въ родѣ низкихъ временныхъ балагановъ, спрятались за небольшимъ заборомъ, такъ что ихъ почти не видно; у воротъ часовой съ ружьемъ. Ворота на замкѣ.

Мой спутникъ переговорилъ съ часовымъ, и мы вошли на дворъ завода. Отворилось окно въ переднемъ строеніи. Лейтенантъ, какъ кажется смотритель завода, замѣтилъ на нашу просьбу о допускѣ, что это запрещено; но достаточно было спросить, могу ли я, какъ подданный дружественной державы, получить допускъ отъ военнаго министерства, и лейтенантъ чрезъ нѣсколько минутъ любезно допустилъ насъ къ осмотру, давъ намъ одного изъ лицъ фабричнаго штата въ проводники.

И вотъ мы во временномъ зданіи завода, который теперь составляетъ собственность прусскаго военнаго министерства. Изобрѣтатель гороховой колбасы, получивъ свои 8,000 талеровъ за патентъ, остался только руководителемъ работъ. Заводъ готовитъ и другіе мясные припасы впрокъ, для отсылки въ армію: ростбифъ, сильно приправленный перцемъ

венгерскій гуляшъ, говядину въ другихъ видахъ. Это идетъ въ лазареты и для офицеровъ.

Но перейдемъ къ приготовленію гороховой колбасы.

Вы входите. Направо большой чанъ съ свинымъ саломъ пѣнится на огнѣ. Вокругъ меньшіе чаны, гдѣ также кипитъ сало. Тутъ же котелки и ведра съ свинымъ и говяжьимъ жиромъ. Свиной жиръ въ кусочкахъ, говяжій въ большихъ кускахъ. Тотъ и другой жиры идутъ въ котлы для приготовленія колбасы, а между тѣмъ, я прежде предполагалъ, что говяжій жиръ вовсе нейдетъ въ дѣло. Впрочемъ, я теперь полагаю, что говяжьяго жира въ колбасу идетъ немного, но прибавка его, во всякомъ случаѣ, важна въ санитарныхъ видахъ, потому что одинъ свиной жиръ тяжелъ для желудка.

Жиръ пѣнится въ котлѣ. Но вотъ рабочій беретъ корыто съ желтымъ тертымъ горохомъ и опрокидываетъ массу въ котелъ. Соль, лукъ, кажется перецъ, прибавлены, и затѣмъ, начинается размѣшиваніе гороховой массы въ жирѣ.

Говорю, „кажется перецъ", потому что самъ проводникъ нашъ одинъ разъ сказалъ, что перецъ не кладется, а въ другой разъ заявилъ мнѣніе, что, кажется, кладется. Отвѣдавъ массу гороховой колбасы, только недавно вынутую изъ котла и еще теплую, я ощутилъ присутствіе соли, даже въ кусочкахъ и въ довольно значительномъ количествѣ, но вкуса перца не оказывалось; если его и кладутъ, то лишь очень незначительное количество. Масса мѣшается въ котлѣ на подобіе того, какъ сбивается масло въ маслобойкѣ, или какъ моется бѣлье при машинной работѣ. Два рабочихъ вертятъ рукоятки; поршень въ котлѣ, при пособіи желѣзныхъ зубчатыхъ колесъ, вертится и вертитъ родъ мельничныхъ крыльевъ, приложенныхъ къ нему и приводящихъ въ движеніе всю

массу въ котлѣ. Просто и скоро. Масса быстро дѣлается однообразною. Чрезъ нѣсколько минутъ она готова для набивки колбасъ.

Для здѣшнихъ жителей описаніе колбаснаго производства было бы излишне, потому что въ иныхъ изъ здѣшнихъ ресторановъ, приготовляющихъ колбасы дома, есть всѣ машины, нужныя для этого дѣла, и желающіе могутъ наблюдать процедуру колбаснаго производства, когда угодно. Но для русскаго читателя надобно сказать о немъ нѣсколько словъ, чтобы пояснить дальнѣйшую исторію гороховой колбасы.

Масса для набивки колбасъ готова и принесена. На столѣ, предъ рабочимъ, лежатъ приготовленныя шкурки колбасъ, завязанныя съ одного конца. Нитки, необходимыя для закрѣпленія другаго конца, тутъ же на лицо и именно такой длины, какая нужна для одной колбасы.

Громадная жестяная шприцовка наполнена мягкою, еще теплою желтою массою, имѣющею большое сходство съ пескомъ послѣ сильнаго дождя. Ручка завертѣлась; поршень погналъ массу впередъ къ концу шприцовки, а между тѣмъ кишка уже ловко надѣта рабочимъ на оконечность машиннаго дула и мягкая масса разомъ наполняетъ ее. Еще минута, и наполненная кишка отнята, быстро перевязана при помощи рукъ и зубовъ, и готовая колбаса брошена въ ряды другихъ.

Эта колбаса еще тепла и мягка. Тридцать часовъ она пролежитъ на полкѣ и вполнѣ окрѣпнетъ до того, что теперь мягкая, уступающая давленію пальца масса, въ колбасѣ почти окаменѣетъ.

Какъ скоро колбаса окрѣпла, на другой день, по ея приготовленіи, женщины-работницы завернутъ ее въ бумагу и затѣмъ идетъ укладка въ деревянные ящики.

На бумагѣ, въ которую завернута каждая колбаса отдѣльно, напечатанъ рецептъ, какъ приготовлять гороховую колбасу для кушанья. 10 лотовъ (солдатская дневная порція колбасы) разбавляются $^{1}/_{5}$ кварты холодной воды, и затѣмъ, масса должна пробыть на огнѣ пять минутъ.

Въ ящикъ кладется 2,500 колбасъ. Каждая колбаса (дневная порція для трехъ человѣкъ) вѣситъ 30 лотовъ.

Здѣсь же, женщины размельчаютъ въ куски почему либо попорченную при приготовленіи колбасу. Эти куски опять пойдутъ въ котелъ.

Послѣ нѣкоторыя колбасныя машины стояли безъ дѣла, но прежде, особенно въ началѣ работъ на этомъ временномъ заводѣ, работа кипѣла день и ночь, причемъ работала масса народа. Рабочихъ не такъ много; мужчины приготовляютъ колбасу, женщины завертываютъ ее и упаковываютъ, и работа производится только между семью часами утра и семью вечера. Въ другое время, никто изъ рабочихъ не имѣетъ права, подъ страхомъ оштрафованія, быть на заводѣ.

Скажу въ заключеніе, что, отвѣдавъ теплой массы гороховой колбасы, я нашелъ ее вкусною и вовсе не ощутилъ присутствія массы муки, дѣлающей изъ поддѣльной гороховой колбасы родъ овсянки или киселя при приготовленіи.

VI.

Чтобы видѣть плѣнныхъ французовъ, надобно было ѣхать довольно далеко отъ Берлина. Путешествіе по желѣзной дорогѣ, среди непроницаемаго тумана, не принадлежитъ къ числу особенныхъ удовольствій, и потому я былъ очень благодаренъ судьбѣ, когда путешествіе окончилось, и мы отпра-

вились по лужамъ маленькаго городка, со станціи глядѣвшаго весьма негостепріимно.

Едва, въ числѣ другихъ пассажировъ, вступилъ я въ узкую улицу, шедшую вдоль крѣпостной стѣны, какъ показалась небольшая ватага французскихъ военноплѣнныхъ. Кто былъ въ извѣстномъ длинномъ, синемъ пальто французской арміи, съ металлическими бѣлыми пуговицами и густыми эполетами изъ краснаго шнурка, кто въ короткомъ казакинѣ, или курткѣ. На однихъ было шакò, на другихъ кэпи, и скажу откровенно, никто не умѣетъ такъ ловко надѣть на бекрень шакò или поднять козырекъ кэпи, какъ французъ. Кокетливая нація даже тутъ, подъ присмотромъ прусскаго солдата съ ружьемъ, напоминала себя. Даже красные панталоны — общее одѣяніе военноплѣнныхъ какъ неказисты они отъ времени и грязи, не портили впечатлѣнія. Не портитъ впечатлѣнія и то, что между французскими плѣнными вы не видете особенно рослыхъ людей. Напротивъ, это все больше люди средняго, или ниже средняго роста. На лицо свѣжи, глаза блестятъ, движенія быстры. Послѣ Берлина съ его холодными, спокойными, иногда равнодушно-апатичными физіономіями, чувствуешь себя въ другой сферѣ, среди этихъ дѣтей юга. И тутъ есть блондины, но въ этихъ голубыхъ глазахъ, не смотря на плѣнъ, горитъ больше огня. Или, может быть, не отъ того ли и больше жизни рвется изъ глазъ, что нѣтъ этой жизни простора въ движеніяхъ?

— Все больше мелкота; куда сравняться съ нашими, замѣтилъ артиллеристъ изъ ландвера, берлинскій слесарь, спѣшившій вернуться на службу. Возьмите нашихъ померанцевъ. Какой ростъ, какая ширина въ плечахъ. А это что!

Идемъ далѣе. Надобно было получить пропускной листъ. такъ какъ доступъ, въ помѣщенія военноплѣнныхъ очень тру-

денъ. Извѣстно, что были попытки побудить плѣнныхъ къ заговору и возстанію, разсылались прокламаціи, даже въ книгахъ духовнаго содержанія, какъ это доказалъ арестъ доктора Мерсье въ Берлинѣ. Такимъ образомъ, нельзя винить прусскія военныя власти, что онѣ приняли всѣ мѣры предосторожности и что доступъ въ помѣщеніе плѣнныхъ сдѣлался очень труденъ.

Но, разумѣется, если командующій генералъ такъ любезенъ, что дастъ порученіе одному изъ своихъ подчиненныхъ сопровождать постороннее лицо, желающее ознакомиться съ бытомъ на чужбинѣ массы плѣнныхъ, какой еще не представляла исторія, то этимъ и требованія справедливой предусмотрительности соблюдены, и вмѣстѣ дана возможность доказать что именно предосторожность, а не желаніе скрыть истинное положеніе плѣнныхъ, служитъ причиною запрещенія.

Пропускной листъ показанъ, и я съ моимъ спутникомъ, уланскимъ унтеръ-офицеромъ, вошли, мимо ряда штыковъ, на крѣпостной дворъ. Прежде всего желательно было взглянуть на казематы, гдѣ размѣщены были плѣнные.

Ворота въ стѣнѣ. Узкій корридоръ ведетъ внизъ. Нога скользитъ по каменному, довольно покатому спуску, замѣняющему лѣстницу. И вотъ мы въ стѣнѣ и подъ стѣною. Направо и налѣво рядъ казематовъ.

Не свѣтло было и на крѣпостномъ дворѣ, не знаю почему напомнившемъ мнѣ, по расположенію строеній, Кремлевскую площадь въ Москвѣ,—можетъ быть потому, что крѣпость была стара, также какъ и первобытный старый Кремль, въ былыя времена бывшій московскою цитаделью. На дворѣ, наверху, было мрачно и тускло, отъ густо нависшаго

тумана. Не мудрено, что въ казематѣ сначала ничего нельзя было разглядѣть.

Но вотъ, глазъ, мало по малу, свыкся съ окружающимъ полумракомъ. Мы въ корридорѣ. По правую руку стѣна, по лѣвую нары для плѣнниковъ. На деревянныхъ доскахъ лежатъ соломенные матрацы, покрытые простынею и двумя шерстяными одѣялами. Конечно, все это поношено и потерто, но какъ же быть иначе при образѣ жизни, какому вообще подчинены военноплѣнные.

Въ небольшомъ казематѣ матрацы лежатъ сплошь одинъ около другаго Въ коморкѣ помѣщено три-четыре человѣка. Испорченнаго воздуха нѣтъ и слѣда, хотя сначала недоумѣваешь: гдѣ окно, а народъ живетъ въ тѣснотѣ.

Очевидно, вентиляція въ порядкѣ, и много значитъ то, что топится рядъ желѣзныхъ печекъ вдоль стѣны. Отъ стѣны отдаетъ сыростью, на сколько можно было замѣтить изъ словъ иныхъ плѣнныхъ. И не мудрено, эта широкая стѣна едва ли могла вполнѣ обсохнуть, при недавно начавшейся топкѣ. Но тамъ, гдѣ сырость нѣсколько замѣтна, она можетъ оказать дѣйствіе только на кой-какіе припасы плѣнныхъ; постели же ихъ находятся на противоположной сторонѣ корридора, и отдѣлены рядомъ желѣзныхъ печекъ.

Не скажу, чтобы сырость была замѣтнѣе, чѣмъ въ иныхъ частныхъ квартирахъ. Въ воздухѣ ея вовсе не было. Воздухъ, на насъ, вошедшихъ со двора, не произвелъ никакого особеннаго дѣйствія. Во многихъ тѣсныхъ городскихъ квартирахъ воздухъ хуже.

Неудивительно, поэтому, что плѣнные глядятъ бодро и вообще, какъ мнѣ говорили, процентъ заболѣвающихъ не великъ, хотя оспа, неразлучная спутница тѣсныхъ помѣщеній, есть и тутъ, т. е. въ крѣпостномъ лазаретѣ.

Вокругъ виднѣлись здоровыя лица; но я долженъ сказать, что когда послѣ мнѣ пришлось взглянуть на плѣнныхъ, живущихъ въ баракахъ, то, сравнивая лица тутъ и тамъ, я нахожу, что баракъ стоитъ выше по здоровью и по бодрости выраженія лицъ, по веселости настроенія плѣнниковъ. Въ баракахъ воздухъ еще чище, свѣта сколько угодно. Отчего же, однако, плѣнные обыкновенно предпочитаютъ казематъ бараку, и просятся въ каземать? Не мудрено: теперь оттепель, но была стужа и притомъ сильная, морозъ доходилъ до 21°; а французы—зябкій народъ. Въ баракѣ холодно, не смотря на печи; въ казематѣ тепло, хотя бы не было печей—и вотъ причина, почему каземать предпочитался. Не знаю, предпочитается ли онъ теперь, когда стоитъ вполнѣ оттепель и въ баракѣ тепло, какъ въ казематѣ.

По стѣнамъ казематовъ прибиты полки для вещей плѣнниковъ, но естественно, что этихъ вещей немного. Кушанье стряпаютъ здѣсь французы сами на себя.

Я забылъ упомянуть съ самаго начала, что мои наблюденія относятся къ семи-восьми тысячамъ плѣнныхъ всѣхъ отдѣловъ французской арміи, расположенныхъ въ одной изъ прусскихъ крѣпостей и около нея. Но, конечно, по быту плѣнныхъ въ одномъ мѣстѣ, можно заключать и о бытѣ другихъ. Во всякомъ случаѣ, держась нити разсказа очевидца, я буду говорить только о томъ, что видѣлъ и что мнѣ показывали.

И такъ, возвращаюсь къ содержанію плѣнныхъ. Кушанье они готовятъ сами на себя. Это было сдѣлано комендантомъ изъ личнаго побужденія дѣлать для комфорта, отданныхъ на его попеченіе плѣнныхъ, что только можно и что не противорѣчитъ духу военнаго порядка. Національный вкусъ имѣетъ свои требованія. Какъ бы пруссаки ни приготовили хорошо

кушанье, французамъ оно можетъ не понравиться. Такимъ образомъ рѣшено, что для взаимнаго удовлетворенія, самое лучшее отдать французскимъ поварамъ изъ плѣнныхъ столько-то всякой положенной провизіи, и пусть тамъ они сами себѣ готовятъ все, какъ хотятъ.

Мясо, картофель, капуста, бобы и т. д., словомъ, что положено и что выдается прусскимъ солдатамъ, то же выдается, въ опредѣленномъ количествѣ, и французамъ.

— Это все народъ мелкій, а между тѣмъ, они ѣдятъ болѣе нашихъ рослыхъ солдатъ—замѣтилъ мнѣ генералъ ***.

Не трудно повѣрить. Французу, при его подвижности и быстротѣ движеній, нужно много дыхательной пищи, и что же удивительнаго, если кипучій острякъ, сыплющій каламбурами даже въ плѣну, ѣстъ больше рослаго и крѣпкаго, но менѣе подвижнаго, сѣвернаго нѣмца.

По своему обыкновенію, французы и здѣсь ѣдятъ три раза въ день: утромъ бульонъ, за обѣдомъ мясо и зелень, вечеромъ закуска.

Надобно еще замѣтить, что для жителя каземата, при входѣ въ него, находится родъ рекреаціонной залы. Тутъ картофельные обрѣзки съ кожурою валяются на полу во множествѣ. Тутъ же полковой брадобрѣй увеселяетъ кампанію, брѣя подбородокъ одного изъ товарищей. Тутъ больше свѣта и жизни, чѣмъ въ каморкахъ, гдѣ разставлены постели.

Прусскій солдатъ ѣстъ ржаной хлѣбъ. Желудокъ французовъ не варитъ такого хлѣба; онъ привыкъ къ бѣлому пшеничному. Явилась сдѣлка, и чтобъ съ одной стороны французскій желудокъ варилъ исправно, а съ другой—прусскимъ храбрымъ ратникамъ не было въ обиду, что ихъ плѣнные ѣдятъ бѣлый хлѣбъ, когда они черный—французамъ

выдается ситный полубѣлый хлѣбъ, который очень походилъ бы на пеклеванный, если бы былъ рыхлѣе. Каравай такого полубѣлаго хлѣба выдается въ день на трехъ человѣкъ, и такъ какъ онъ вѣситъ шесть фунтовъ, то, слѣдовательно, па человѣка въ день отпускается по два фунта хлѣба.

Я хотѣлъ отвѣдать этого хлѣба. Въ минуту, любезный французъ, изъ среды окружавшихъ насъ, снялъ съ полки свой каравай и отрѣзалъ кусочекъ. Городской полубѣлый хлѣбъ въ Россіи пропекается можетъ быть лучше, чѣмъ этотъ, и можетъ быть въ хлѣбъ, выпекаемый въ булочныхъ, идетъ при закваскѣ меньше воды, но вообще хлѣбъ, который выдается плѣннымъ, очень сносенъ, и походитъ на обыкновенный, продаваемый въ прусскихъ пекарняхъ.

Плѣнный, подавая намъ каравай, замѣтилъ, что хлѣбъ ничего, хорошъ, хотя немного и тяжелъ, но думаю, что прусскій черный хлѣбъ, какой ѣдятъ прусскіе солдаты, не легче этого для желудка, и что при аппетитѣ можно поѣсть со вкусомъ одного такого хлѣба съ солью. Не надобно забывать, что прусскія власти въ своемъ завѣдываніи плѣнными, ставятся иногда въ затруднительное положеніе. Сообщаю, что знаю, изъ самаго достовѣрнаго источника.

Французскіе плѣнные находятся на попеченіи прусскихъ властей, и отъ нихъ получаютъ свое содержаніе: Если у плѣннаго нѣтъ какой либо необходимой части одежды — она ему дается. Словомъ, все необходимое идетъ отъ прусскаго правительства. Но затѣмъ, существуютъ благотворительные бельгійскіе и швейцарскіе комитеты, жертвующіе въ пользу плѣнныхъ. Относительно этой помощи, компетентныя лица говорятъ, что комитеты — только маска, прикрывающая собою прямую помощь отъ французскаго правительства. Но все равно. Прусскія власти не имѣютъ

ничего противъ всѣхъ этихъ пожертвованій. Пожертвованія идутъ также изъ Англіи и Голландіи. Изъ Россіи, какъ мнѣ говорили, не было ничего получено въ пользу французскихъ плѣнныхъ. Все, что пожертвовано, собирается въ рукахъ прусскихъ властей и затѣмъ, распредѣляется между плѣнными. Но тутъ-то и возникаетъ затрудненіе. Если родители шлютъ своему сыну, находящемуся въ плѣну кашнэ, то прусскія власти, у которыхъ нѣтъ средствъ покупать французскимъ плѣннымъ кашнэ, выдаютъ посылку по назначенію. Но какъ поступать, когда, напримѣръ, благотворительный комитетъ, собравъ пожертвованныя деньги, высылаетъ на нихъ въ пользу плѣнныхъ грузъ хорошихъ сигаръ!

— Плѣнный куритъ хорошую сигару, говорили мнѣ—а между тѣмъ нашъ, дежурящій около него день и ночь безустанно, солдатъ долженъ курить тутъ же плохую. Согласитесь, что можетъ явиться естественное чувство зависти и неудовольствія?

Совершенно справедливо, и если у комитетовъ есть деньги на хорошія сигары, то, право, они лучше сдѣлали бы, позаботясь объ одеждѣ плѣнныхъ. Едва ли можно требовать, чтобы Пруссія вновь обмундировала 350,000 человѣкъ. Вѣдь это цѣлая громадная армія. Франція должна быть благодарна Германіи уже за то, что, попавъ въ среду плѣнныхъ, видишь здоровыя, свѣжія лица, слышишь остроумныя замѣчанія, игривую рѣчь, смѣхъ. Германія вернетъ во Францію цѣлую, хорошо сохраненную армію. Но обмундировать такую массу чужаго войска вновь, когда своихъ 750,000 во Франціи нуждаются въ обмундировкѣ—это свыше силъ государства.

Красные брюки французовъ загрязнились, мундиры и шинели значительно поизносились, а при недавнихъ холодахъ

и во время бурь, когда снѣгъ прерывалъ сообщенія по дорогамъ, и вагоны примерзали къ рельсамъ на желѣзной дорогѣ, нужна была бы плѣннымъ и болѣе теплая одежда. Что же дѣлается въ этомъ отношеніи? По мѣрѣ силъ производится ремонтъ. Если какая часть одежды износилась не совсѣмъ—она чинится. Если ее носить больше нельзя—выдается другая. Унтеръ-офицеръ, шедшій со мною, замѣтилъ, что деньги, выплачиваемыя, какъ жалованье, прусскими властями французскимъ плѣннымъ отпускаются французскою республикою.

Это обстоятельство я не хорошо обслѣдовалъ и не знаю навѣрно, выплачиваются ли деньги въ чаяніи уплаты изъ вознагражденія по мирному договору, или деньги прямо уплачиваются англійскимъ посольствомъ въ Берлинѣ (завѣдывающимъ французскими дѣлами въ Германіи) прусскому правительству. Но то извѣстно положительно, что англійское посольство уплачиваетъ французскимъ офицерамъ, живущимъ на честномъ словѣ, вспомоществованіе въ добавленіе къ той суммѣ, какую они получаютъ отъ прусскаго правительства. Во всякомъ случаѣ, кто бы ни расходовалъ на французскихъ плѣнныхъ въ добавленіе къ тому, что они получаютъ отъ прусскаго правительства—надобно было бы, и притомъ въ свое время, позаботиться объ одеждѣ плѣнныхъ, прежде чѣмъ о сигарахъ.

Во французской арміи, какъ во всякой, есть свои портные и сапожники. Изъ нихъ 18 портныхъ уже сидятъ за работою для имѣющихся тутъ 6,000 — 7,000 плѣнныхъ. Это портные для изготовленія новыхъ вещей, но затѣмъ, при каждомъ отдѣленіи плѣнныхъ, есть свои портные, собственно для починки. Недавно открыта въ баракахъ цѣлая фабрика деревянныхъ башмаковъ. О ней послѣ.

Каждую суботу плѣнные моютъ свое бѣлье; впрочемъ и въ другіе дни недѣли моется бѣлье охотниками по усмотрѣнію.

Но продолжаю рѣчь о своемъ обходѣ помѣщеній плѣнныхъ, по порядку. Со мною былъ одинъ изъ тѣхъ унтеръ-офицеровъ, которые составляютъ типъ, принадлежащій едва ли не исключительно прусской арміи. Только народная армія, при всеобщей военной повинности, могла создать этотъ типъ унтеръ-офицера. Буржуазія, тамъ гдѣ она не можетъ отказаться отъ военной службы, всегда должна дать арміи массу людей особаго разряда. Они зажиточны, привыкли хорошо жить, у нихъ нѣтъ недостатка ни въ способностяхъ, ни въ оборотливости. Одного нѣтъ—образованія, т. е. не школьнаго, повсюднаго въ Германіи образованія, а болѣе полнаго, какое даютъ среднія и высшія учебныя заведенія. Безъ этого образованія, военный въ Пруссіи не можетъ быть офицеромъ. И вотъ бюргеръ, который обладаетъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ офицеры, за исключеніемъ образованія, вступаетъ въ армію не болѣе какъ унтеръ-офицеромъ. Учиться уже не по лѣтамъ, да и война продлится недолго, а тамъ резервистъ и ландверистъ опять примется за свои дѣла; приходится дотягивать службу въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ.

Мой спутникъ семь разъ бывалъ въ Парижѣ, не дурно говоритъ по французски, знаетъ даже кое-какіе изъ тридцати шести французскихъ патуа. Поэтому мы не молча проходили между рядами плѣнныхъ. Я зналъ, что мой спутникъ пойметъ все, что я спрошу плѣннаго, или что плѣнный спроситъ меня, и потому недоразумѣніямъ не можетъ быть мѣста. Самъ унтеръ-офицеръ также обращался съ вопросами къ плѣннымъ и давалъ отвѣты. Вообще, отношенія между нимъ и хорошо знавшими его плѣнными, были, пови-

димому, самыя дружественныя. Взаимные распросы о томъ, о семъ, все это въ предѣлахъ приличія и при отсутствіи фамильярности, но пересыпаемое остроумными замѣтками, на которыя вызывались прежде всего сами французы — подобныя бесѣды какъ-то живо напоминали обходъ врача въ госпиталѣ, а никакъ не казарму плѣнныхъ.

Плѣнные, знавшіе моего спутника, и какъ видно бесѣдовавшіе съ нимъ уже не разъ, иногда подходили и дружески здоровались съ нимъ за руку.

Изъ казематовъ вышли мы снова на дворъ цитадели. Тутъ на этотъ разъ, производилось что-то въ родѣ суда. Обязанность трудная, потому что въ рядахъ караула, разбиравшаго какое-то дѣло о красныхъ брюкахъ, было, конечно, самое смутное понятіе о французскомъ языкѣ, а, между тѣмъ, отвѣты давались двумя французами исключительно по французски. Мы остановились, тѣмъ болѣе, что во французскомъ языкѣ моего спутника чувствовалась очевидная нужда. Оказалось, что, по свѣденіямъ одного изъ охранителей, плѣнный — сильная и энергическая на видъ личность — продалъ свои брюки, но французъ на вопросы не сознавался въ продажѣ и былъ въ красныхъ брюкахъ, какъ и всѣ. Другой французъ утверждалъ, что брюки, бывшіе на отвѣтчикѣ, были проданы имъ отвѣтчику. Словомъ, путаница въ отвѣтахъ, даже если бы отвѣты давались и не на языкѣ, который хорошо извѣстенъ въ комендатурѣ, но не въ крѣпостномъ караулѣ.

Снова, мимо штыковъ прошли мы въ ворота, и очутились на улицахъ небольшаго города.

Чрезъ городъ нужно было пройти къ соляному магазину, превращенному въ одну обширную казарму для плѣнныхъ. Верхній этажъ магазина отведенъ для французскихъ унтеръ-офицеровъ. Тутъ, вы видите передъ собою родъ огромнаго

сарая или воксала. Такая же пустота и такое же обиліе мѣста, какъ въ воксалахъ. Это мѣсто для прогулки плѣнныхъ во время дождя. Внизъ идетъ спускъ съ небольшими рядами деревяшекъ вмѣсто ступенекъ. Собственно жилыя помѣщенія были на правой сторнѣ зданія. Въ одну изъ дверей, ведшихъ туда, мы вошли. Крыша опускалась какъ въ чердачныхъ помѣщеніяхъ. Гдѣ было выше — стояли столы, и плѣнные за ними кто писалъ, кто работалъ.

Оказалось, что это еще не была унтеръ-офицерская комната. Дверь туда была намъ указана, и мы направились, но въ это время въ дверяхъ, въ которыя мы вошли, показалась рыжеватая голова огромнаго служиваго, замѣтившаго, что въ это отдѣленіе гдѣ были мы, вовсе нѣтъ допуска. Мой уланъ показалъ предписаніе и отправился съ нимъ одинъ къ лейтенанту въ караульную, тутъ же у входа.

— Дальше все то же, что мы видѣли, замѣтилъ уланъ, возвращаясь. Спуститесь внизъ.

Внизу настоящая огромная казарма для плѣнныхъ. При нашемъ входѣ туда, раздались звуки трубы.

— Это прусская труба? спросилъ я моего спутника изъ города, который, какъ военный и раненый, былъ допущенъ теперь въ помѣщеніе плѣнныхъ, но не былъ со мною въ цитадели.

— Нѣтъ, французская.

Оказалось, что это сигналъ плѣннымъ идти за хлѣбомъ. На обратномъ пути въ городъ, я встрѣчалъ, затѣмъ, ряды людей въ красныхъ брюкахъ, у каждаго подъ мышками по два каравая хлѣба, такъ что каждый человѣкъ несъ по четыре хлѣба. Такъ плѣнные ходятъ за хлѣбомъ поочередно.

Внизу огромнаго зданія, прежняго солянаго магазина, гдѣ мы теперь были, устроено помѣщеніе на 400 плѣнныхъ.

Конецъ зданія, при входѣ, занималъ караулъ.

Вдоль зданія, во всю длину, тянулся на полу, сплошь, не прерываясь, рядъ матрацовъ, по ряду вдоль каждой стѣны и два ряда въ срединѣ зданія. Въ проходахъ были устроены желѣзныя печи. Четырнадцать печей грѣло эту временную казарму. Здѣсь было вполнѣ свѣтло. Изъ плѣнныхъ, тутъ и тамъ, иные играли въ старыя, засаленныя отъ употребленія, карты. Одинъ изъ плѣнныхъ легъ на койку и закутался въ свою пару шерстяныхъ одѣялъ.

— Больны вы? спросилъ мой спутникъ уланъ.

— Нѣтъ! такъ легъ. Голова немножко болитъ.

Лицо лежавшаго не было особенно болѣзненно, но не представляло также и вида здоровья. Можетъ быть онъ пойдетъ въ лазаретъ. Въ лазаретѣ французы и прусаки — вмѣстѣ.

Съ другой стороны зданія, у самаго входа, совершалась операція, которая сначала составляла для меня загадку. Два человѣка держали длинный красный шарфъ. Не зная, что они съ нимъ будутъ дѣлать, я подошелъ ближе. Еще минута и, при пособіи двухъ человѣкъ, третій быстро закутался въ этотъ шарфъ, но такъ, что только обтянутъ былъ животъ нѣсколько разъ. Повидимому, это обычный способъ содержать животъ въ теплѣ между плѣнными, конечно, изъ тѣхъ, кто имѣетъ на то средства. Родители и доброжелатели плѣнныхъ хорошо сдѣлали бы, снабжая ихъ именно этого рода вещами. Трудно надѣяться, чтобы плѣнный на свои средства купилъ себѣ ту или другую теплую вещь.

Прежде въ дни выдачи плѣннымъ жалованья, обходилось не безъ попоекъ, отъ чего въ дѣло сильно шелъ нѣмецкій шнабсъ, за недостаткомъ французскаго вина. Шнабсъ съ не-

привычки сильно дѣйствуетъ на плѣнниковъ, и доводитъ ихъ иногда до безчувствія. Теперь исторіи этого рода бываютъ рѣже, но все же не обходится безъ нихъ.

Положено выдавать жалованье два раза въ мѣсяцъ.

Для плѣнныхъ есть капелла, съ семью служащими при ней лицами. Интересенъ способъ, какимъ содержится эта капелла. Французамъ дозволено, для препровожденія времени, устроить свой театръ, при чемъ въ театръ превращенъ одинъ изъ бараковъ. Плѣнники, желающіе убить время въ театрѣ, гдѣ играютъ ихъ товарищи, платятъ за входъ по $2^1/_2$ зильбергроша, и сборъ, получаемый такимъ образомъ, дѣлится между труппою плѣнниковъ-актеровъ и служителями капеллы.

Но вернемся въ соляной магазинъ, гдѣ лежатъ на полу четыреста соломенныхъ мѣшковъ и плѣнные, изъ которыхъ иные ничего не дѣлаютъ, а другіе соединяютъ это занятіе съ согрѣваніемъ членовъ у желѣзной печки, хотя въ зданіи вовсе не холодно. Иные, какъ мы видѣли, играютъ въ карты, по кое-гдѣ видны и книжки. Около насъ собралась кучка плѣнныхъ. Руки въ карманы, по обычаю большинства французовъ.

— Этотъ народъ все держитъ руки въ карманахъ, или назади, и наклоняется впередъ. Нѣтъ никакой выправки. То ли у насъ. Солдатъ стоитъ твердо, выпрямясь.

Такую рѣчь велъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, пруссаковъ.

— У нихъ почти нѣтъ никакихъ экзерцицій, не то что у насъ—замѣтилъ другой.

Это все говорилось, само собою разумѣется, по нѣмецки, а не по французски. Среди французовъ мы были съ ними искренними пріятелями.

Уже не въ первый разъ мы сообщали плѣннымъ, что

миръ очень вѣроятенъ, что перемиріе продолжено еще на пять дней; что Тьеръ выбранъ въ 16-ти мѣстахъ, Гамбетта въ 6-ти, Трошю въ 5-ти, Жюль Фавръ въ 4-хъ, въ національное собраніе. Извѣстіе объ успѣхахъ Тьера для многихъ было неожиданностью; вобще, всѣ сообщенныя извѣстія были новостью, хотя кое-кому изъ плѣнныхъ передаются газеты, получаемыя съ родины, а письма — далеко не всегда распечатываемыя прусскими властями, получаются тысячами изъ Франціи.

Какихъ только лицъ не тѣснилось вокругъ насъ въ этой толпѣ! Тутъ были представители всѣхъ мѣстностей Франціи. Нѣкоторыя физіономіи дышали благородствомъ. Иныя были положительно прекрасны. Но вотъ и тупые глаза, и улыбка безъ содержанія. А вотъ и настоящій, неподдѣльный тюркосъ въ его синемъ одѣяніи. Этотъ сынъ Африки бормочетъ на забавномъ французскомъ языкѣ, но какъ во всѣхъ сынахъ степей, въ этомъ выходцѣ изъ Орана много смѣлости и навыка протереться впередъ. Онъ и тутъ впереди, хотя еще только передъ тѣмъ старый солдатъ, служащій съ 1849 года, заявлялъ сотоварищамъ, что не слѣдуетъ слишкомъ тѣсниться впередъ.

Этотъ старый солдатъ императорской арміи былъ типъ своего рода. Онъ давно на службѣ и молодежь должна его уважать. Ему почетъ, ему и рѣчь. Онъ фамильярно протягиваетъ моему спутнику улану руку и въ одно мгновеніе заявляетъ мнѣ, что онъ былъ 16 мѣсяцевъ въ Крыму и даже служилъ въ Африкѣ. Если бы тутъ были національные или подвижные французскіе гвардейцы, то не знаю, какими бы глазами глядѣлъ на нихъ этотъ воинъ. Предъ нами былъ только остатокъ императорской арміи, но и на молодежь этихъ армій нашъ воинъ глядѣлъ какъ на

мелкоту, которая должна уважать старшихъ и не соваться впередъ.

— Мы тутъ всѣ товарищи—замѣтилъ недовольно тонкій молодой солдатъ на замѣчаніе податься назадъ.

Но скоро на первомъ планѣ явился тюркосъ и герой Крыма и Африки стушевался. Тюркосъ, съ его толстыми губами, желтоватыми полными щеками и кулаковатымъ носомъ, заговорилъ бѣгло и неустанно.

Оказалось что это былъ единственный тюркосъ среди 400 плѣнниковъ въ зданіи.

Уланъ показалъ ему фотографическій портретъ, подаренный ему (моему спутнику-улану) однимъ зуавомъ. Въ это время плѣнникъ съ чертами лица, останавливавшими вниманіе какимъ-то особеннымъ благородствомъ выраженія, выспрашивалъ у меня послѣднія политическія новости.

Но пора была отправиться въ бараки. Мы пришли къ ряду регулярно выстроенныхъ зданій, сильно напоминавшихъ видомъ большія деревенскія риги. Стѣнъ нѣтъ, кромѣ трехугольниковъ съ двухъ концовъ бараковъ. Одна крыша видна со стороны; она—и крыша, и боковыя стѣны—вмѣстѣ. Точно большая изба ушла въ землю при землетрясеніи по самую крышу и боковой стѣны не видно. Шесть чугунныхъ трубъ поднимаются надъ каждымъ баракомъ. На крышѣ по 12 небольшихъ окошекъ съ каждой стороны. На обоихъ концахъ барака большія окна.

Грязь, вода, скользкій снѣгъ на плацу между бараками. Тутъ и тамъ кучки плѣнныхъ. Предъ тѣмъ мы видѣли нѣсколько человѣкъ ихъ за работою, надъ расчисткою снѣга. У бараковъ цѣлый рядъ тачекъ для своза лишняго снѣга.

У встрѣчныхъ плѣнныхъ мы спрашивали, гдѣ бараки, въ которыхъ работаются деревянные башмаки. Работа началась

только недавно и изъ плѣнныхъ не всѣ знали, куда намъ нужно идти.

Наконецъ мы у барака-фабрики. Тяжело пошатываясь прошелъ мимо насъ французъ въ шинели. Переступая канавку онъ упалъ, но опять поднялся и тою же тяжелою походкою, сильно пошатываясь, поплелся далѣе. Въ баракѣ свѣтло и тепло, кипитъ жизнь. Около топящихся чугунныхъ печекъ кружокъ плѣнныхъ. Соломенные матрацы на деревянныхъ подстилкахъ на полу, какъ и въ солнномъ магазинѣ.

Работа производится пока только на одномъ краю барака. Сработано еще не болѣе 30-ти паръ, но положено приготовить 5,000. Работаютъ мастера изъ плѣнныхъ, свыкшіеся съ этимъ дѣломъ. Всѣ необходимые инструменты на лицо. Куски дерева для башмаковъ валяются на полу среди массы опилокъ и стружекъ. Тутъ полѣно дерева только что начало подъ ударомъ топора, принимать болѣе осязательную форму колодки. Тамъ въ колодкѣ уже выдалбливается внутренность. Здѣсь лежитъ уже совѣмъ готовый башмакъ, хотя еще и безъ необходимой отдѣлки. Работа не только искусна, но и довольно изящна. Башмакъ легокъ, но при всемъ томъ износится едва-ли скоро. Сухое дерево (на одномъ обрубкѣ я прочелъ въ 1865—слѣдовательно, обрубокъ сохъ 5 лѣтъ) легко поддавалось топору, косарю и пилѣ. Дѣло шло, повидимому, успѣшно. Но на сколько производителенъ съ экономической стороны этотъ трудъ плѣнныхъ?

— Стоишь, стоишь тутъ, смотришь на работы,—говорилъ прусскій караульный солдатъ, и, право, если взять всѣ расходы и работу, то пара этихъ деревянныхъ башмаковъ обойдется не дешевле кожаныхъ.

Караульный выражалъ рѣшительное презрѣніе къ этому труду, и именно съ практической точки зрѣнія.

Дѣйствительно, если даже башмачное производство приметъ здѣсь и болѣе обширные размѣры, то едва ли этимъ достигнется какая-нибудь экономическая выгода. Мало того, что на это дѣло нужно особаго рода дерево, вполнѣ просушенное и приготовленное въ деревяшкахъ нужной формы— сколько труда идетъ на отдѣлку одного башмака, въ странѣ, столь мало знакомой съ деревянными башмаками, какъ Пруссія, гдѣ всѣ необходимые инструменты и матеріалы на это дѣло добываются не безъ труда. И при томъ для чего же? Чтобы какъ скоро будетъ подписанъ миръ, всѣ эти возникшія фабрики рушились

Пока плѣнныхъ почти не занимали работою и они проводили время больше въ праздности. Правда, въ газетахъ что-то писали о работахъ плѣнныхъ въ другихъ мѣстностяхъ, но если не брать во вниманіе мелкихъ домашнихъ работъ (напримѣръ, въ баракѣ, гдѣ мы были, оказался мастеръ, изготовлявшій кольца изъ волосъ и бисеру) то серьезныя работы почти нигдѣ не производились.

Съ одной стороны, мѣстныя магистратскія власти по городамъ заявляли опасенія, чтобы дешевая работа плѣнныхъ не повредила мѣстному производству соперничествомъ на рынкѣ. Съ другой стороны, военныя власти должны были принимать во вниманіе многія обстоятельства, мѣшавшія располагать по усмотрѣнію трудомъ плѣнныхъ. Если можно указать отрасль труда, въ которой многіе плѣнные были дѣйствительно полезны въ Пруссіи—то это сельскія работы. Военныя власти отпускали кучки плѣнныхъ туда и сюда по сосѣдству, по просьбѣ сельскихъ хозяевъ. Землевладѣлецъ естественно становился отвѣтственнымъ за своихъ работни-

ковъ. За работы въ полѣ французы получали по 4 зильбергроша въ день (около 5-ти рублей въ мѣсяцъ) и охотниковъ между плѣнными идти на сельскія работы всегда было много; но гдѣ же было взять для нихъ работу? Сотни изъ тѣхъ, въ средѣ которыхъ мы были, и теперь пошли бы на работы, но отвѣтственность хозяевъ такъ велика и раіонъ сельской мѣстности, гдѣ можно отпускать плѣнныхъ на работы (вблизи ихъ мѣстъ расположенія), такъ малъ, что всѣхъ желаній удовлетворить нельзя.

Балагурство, конечно, развито тамъ, гдѣ работы мало. Мы останавливались тутъ и тамъ у кружковъ, центръ которыхъ непремѣнно составляла желѣзная печка, и вступали въ разговоры.

Шутка, смѣхъ, игра, взаимное подтруниваніе плѣнныхъ другъ надъ другомъ. Лица все больше молодыя старше 30—35 лѣтъ почти никого не было. Напротивъ, въ соляномъ магазинѣ я замѣтилъ одно лицо что-то очень юное. Юношѣ 17—18 лѣтъ должно быть не легко выносить эту среду плѣна.

— Мнѣ случалось видѣть во французскихъ рядахъ совершенныхъ дѣтей, лѣтъ 16-ти не болѣе, говорилъ мой гравелотскій инвалидъ.—Что съ такимъ станешь дѣлать! Ему далъ одного тумака—онъ три раза перекувырнется кубаремъ.

Одного нельзя было не замѣтить — духъ товарищества между французами не то, что между пруссаками. Мы видѣли, какъ старый служивый принималъ на себя роль командира надъ товарищами, котораго, однако, никто не слушался. Въ соляномъ магазинѣ одинъ изъ плѣнныхъ исправно раздавалъ товарищамъ вокругъ колотушки по головѣ довольно солидною деревянною щепкою, и колотушки принимались съ видомъ равнодушія и съ улыбкою.

Прусскій солдатъ держитъ себя въ отношеніи товарищей иначе. Авторитетъ надъ товарищами здѣсь слабѣе. Болѣе уваженія къ себѣ и, слѣдовательно, къ подобному себѣ. Тутъ развито болѣе самолюбіе, и потому знаютъ какъ больно страдаетъ самолюбіе другихъ. Пруссакъ или держитъ себя отдѣльно и какъ джентльменъ, или если шутитъ надъ товарищемъ, то шутки его безобидны. Духъ товарищества! Не знаю, кто какъ, но я пришелъ къ убѣжденію, что именно этотъ духъ товарищества игралъ громадную роль въ исторіи настоящей войны.

— У насъ совсѣмъ было не то, что у французовъ, говорилъ мой гравелотскій инвалидъ;—тѣ идутъ съ пыломъ въ битву. У нихъ порывъ—все. Но чуть плохо,—всѣ хлопочутъ только о томъ, какъ бы спастись самимъ, не думая о товарищахъ. Мы, напротивъ, шли спокойно; но только видишь, какъ товарищъ рядомъ упалъ — какое-то озлобленіе, ожесточеніе противъ врага является въ сердцѣ, и тогда думаешь только о томъ, какъ бы ему отомстить. Тутъ не повернешь назадъ, нѣтъ....

— Ну, а если бы первыя сраженія были для васъ неудачны—вы не упали бы духомъ?

— Нѣтъ! Тогда ярость овладѣла бы нами, и мы добились бы успѣха.

И признаюсь, я нѣсколько вѣрю этому.

Но пора распроститься и съ этимъ бѣлокурымъ острякомъ у чугунной печки, красивое, открытое лицо котораго, полнотою и живостью очертаніій, вовсе не говоритъ о трудностяхъ жизни въ плѣну, и съ этимъ малорослымъ, добродушно глядящимъ блондиномъ барабанщикомъ, полетѣвшимъ на полъ съ своимъ кожанымъ табуретомъ среди смѣха и шутокъ товарищей и также добродушно улыбавшимся, когда

поднялся съ полу. Пора было проститься съ плѣнными. Моему улану, живущему въ городѣ въ уютной комнаткѣ и обѣдающему въ одномъ изъ лучшихъ городскихъ ресторановъ, но отправляющему службу въ цитадели, пора было на свой постъ, да и я осмотрѣлъ все, что мнѣ было нужно.

Повторяю, — Пруссія сберегла Франціи трехсоттысячную армію можетъ быть лучше, чѣмъ если бы эта армія была на попеченіи французскихъ интендантовъ, о которыхъ уже столько появилось и еще появится въ печати. Въ послѣдній періодъ войны у Франціи были средства, пушки и шасспо, но не было солдатъ. Съ окончаніемъ войны Пруссія дастъ ей этихъ солдатъ. Интересно слѣдить за тѣмъ, какія мѣры приметъ нынѣшній непріятель Франціи, чтобы армія, которую онъ сохранилъ, не была впослѣдствіи обращена противъ него.

VII.

Къ югу отъ Берлина, прямо за городскою заставою, на Крейцбергѣ, и недалеко отъ небольшой виллы, носящей историческое названіе Вильгельмсгее, расположенъ, въ настоящее время, цѣлый временный городъ. Это рядъ бараковъ для раненыхъ—своихъ и французовъ.

Пахнуло весной. Морозы давно покинули насъ. Даже зимой, за городомъ, совсѣмъ другой воздухъ, чѣмъ среди улицъ стараго Берлина, между его сѣрыхъ и тусклыхъ отъ времени домовъ. Какъ не воспользоваться первымъ весеннимъ днемъ, чтобы осмотрѣть городъ бараковъ и взглянуть на раненыхъ, послушать ихъ рѣчи, которыя отводятъ душу человѣку, давно окруженному одною и тою же картиною госпитальной обстановки.

Вникали ли вы когда нибудь, читатель, въ положенiе раненаго, именно легко раненаго, который совсѣмъ здоровъ на видъ и глядитъ бодро, ѣстъ и пьетъ какъ всѣ здоровые, но котораго рана въ ногу приковываетъ къ постели, или нагноенiе раны на рукѣ не выпускаетъ изъ госпиталя? Это одно изъ самыхъ мучительныхъ положенiй. Больной, или тяжело раненый, свой человѣкъ въ больницѣ и госпиталѣ. Больше ему негдѣ быть; онъ по необходимости тутъ. Видъ страданiй вокругъ не томитъ его: онъ самъ страдаетъ, и собственныя страданiя не даютъ мѣста впечатлѣнiямъ со стороны. Иногда нѣтъ возможности сознавать ни чужихъ, ни своихъ страданiй — самозабвенiе, безсознательное состоянiе, полудремота — обычные спутники тяжкаго физическаго разстройства. Но легко раненый, или выздаравливающiй раненый, въ этой обстановкѣ госпиталя — плѣнникъ, чувствующiй живо чужiя страданiя вокругъ, постоянно наводимый на воспоминанiя о своихъ собственныхъ прошлыхъ страданiяхъ, отлученный отъ внѣшняго мiра, томящiйся однообразiемъ госпитальной обстановки, тѣмъ томленiемъ, которое такъ живо и такъ чувствительно въ здоровомъ человѣкѣ.

Среди массы такихъ раненыхъ я очутился теперь.

Предпринимая прогулку къ Крейцбергу, съ его красивымъ памятникомъ въ честь битвы при Гроссъ-Беерен, я не зналъ, что ранняя весна полузатопила окрестность, такъ что госпитальная прислуга, въ иныхъ мѣстахъ, чтобы попасть въ бараки, должна была употреблять въ дѣло лодки. Дѣйствительность предстала предо мною только тогда, когда, проходя по вязкой и глубоко промокшей глинѣ нагорья и взглянувъ внизъ, я спросилъ у моего спутника:

— Что это внизу, на лѣво отъ насъ, дорога или рѣка?

— Дорога, отвѣчалъ съ улыбкою мой спутникъ.

Я былъ въ первый разъ въ жизни въ этой мѣстности, и предложилъ вопросъ, право, не шутя; такъ дорога, покрытая сплошь водою, была похожа на рѣку. Бараки не пострадали отъ того, что они очутились какъ бы па островѣ, но сообщенія сдѣлались затруднительными, а это значитъ много, если примемъ во вниманіе, что въ баракахъ лежатъ тысячи раненыхъ; за то воздухъ, такъ много значащій въ госпитальной жизни, тутъ благорастворенъ и здоровъ, какъ ни въ одной мѣстности въ городской чертѣ.

Но ничего, что вязкая глина и дорога-рѣка отдѣляютъ бараки отъ города. Родственники и знакомые раненыхъ трудолюбиво бредутъ по этой вязкой и мокрой мѣстности, среди лужъ, похожихъ на озера. Посѣщаютъ госпитали и лица постороннія, желающія взглянуть на бытъ раненыхъ и предложить тому и другому изъ нихъ сигару, самый обычный и принятый здѣсь родъ подарка. Желающій посѣтить бараки, отправляется въ Лейпцигскую улицу, № 15, получаетъ тамъ билетъ, за который даетъ 5 зильбергрошей (20 коп.) на улучшеніе быта раненыхъ, и затѣмъ ему открытъ доступъ въ бараки.

Бараки устроены человѣкъ на 30—40 каждый.

— Когда мы выступали въ походъ, говорилъ мой спутникъ, здѣсь еще ничего не было. — Когда возвратились сюда, здѣсь уже цѣлый городъ.

Этотъ городъ бараковъ выросъ непосредственно во время первыхъ большихъ битвъ и послѣ нихъ.

Устройство прусскихъ госпитальныхъ бараковъ, вѣроятно, извѣстно многимъ моимъ читателямъ: желѣзная кровать, какъ во всѣхъ прусскихъ казармахъ; грифельныя доски надъ постелями, съ обозначеніемъ имени и званія раненаго. Цѣлыя пачки печатныхъ и писаныхъ листковъ висятъ тутъ же у

грифельной доски надъ иными кроватями — это листки духовнаго содержанія, госпитальный журналъ раненаго и т. д, Надъ кроватью одного раненаго висѣлъ орденъ желѣзнаго креста, который рука родственниковъ окружила вѣнкомъ изъ цвѣтовъ.

Кое-кто изъ раненыхъ читалъ книгу. Многихъ полуздоровыхъ мы видѣли еще на дворѣ, на прогулкѣ, и этимъ объяснялось, что много кроватей стояло пустыми. Иные ковыляли тутъ же на костыляхъ; кто сидѣлъ въ креслахъ. кому дѣлалась перевязка. Раненый, сидѣвшій въ креслахъ; и которому докторъ дѣлалъ перевязку раны на рукѣ, по видимому, привыкъ къ этой операціи и къ подстановкѣ подъ руку таза съ кровью. Онъ смотрѣлъ на операцію равнодушно и машинально. Но вотъ предъ нами раненый въ ногу еще въ декабрѣ; кровь все еще сочится изъ его раны, и когда рука фельдшера трогаетъ больное мѣсто, раненый вскрикиваетъ отъ боли.

Большая часть бараковъ занята ранеными пруссаками. Въ баракѣ № 1-й было 18 французовъ и 6 пруссаковъ. Изъ всего ряда ближайшихъ бараковъ французы были только тутъ.

Все тихо и полубезмолвно въ госпиталѣ, гдѣ лежатъ раненые пруссаки. Тяжело раненыхъ здѣсь нѣтъ, или мало, и при всемъ томъ господствуетъ тишина. Привычка молчать является сама собою въ этомъ положеніи, а нѣмецъ не очень разговорчивъ и когда здоровъ. Женская и мужская прислуга также молча занята своимъ дѣломъ.

Вотъ мы у постели раненаго, глядящаго бодро и даже весело. Нога въ бинтахъ и на деревянной поставкѣ объясняетъ въ чемъ дѣло. Это раненый 30-го октября подъ Парижемъ, рядовой 7-й роты, полка королевы Елисаветы, Геленъ, изъ

Помераніи. Рана въ ногу что-то не поддается леченію. Подобно многимъ, видѣннымъ мною здѣсь раненымъ, этотъ былъ жертвою битвы при ле-Бурже и, затѣмъ, перевязка была сдѣлана ему въ сосѣдней деревнѣ русскимъ врачемъ, фамиліи котораго онъ не могъ припомнить. Товарищъ его, тоже раненый, помнитъ только, что это былъ „гофратъ."

Раненый померанецъ счелъ долгомъ показать намъ пулю, которая ранила его. Онъ бережно хранитъ ее въ портмоне, тутъ же въ столикѣ у своей постели.

Шасспо—оружіе еще столь новое, что раны, наносимыя имъ, пока мало изслѣдованы.

Въ Россіи, конечно, уже общеизвѣстно, что шасспо значительно превосходитъ игольчатое ружье, какъ оружіе нападенія и обороны. Таково мнѣніе нѣмецкихъ предводителей, какъ это видно изъ печатныхъ заявленій; таково мнѣніе и военныхъ, бывшихъ въ бою съ непріятелемъ, если вы поговорите съ ними.

Шасспо гораздо дальше бьетъ и легче вѣсомъ, такъ что имъ удобнѣе владѣть. Притомъ одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ, стрѣлокъ 1-го класса въ своемъ гвардейскомъ полку, (въ прусскихъ полкахъ три разряда стрѣлковъ, смотря по искусству чиновъ въ стрѣльбѣ) утверждалъ, что прицѣлъ изъ французскаго ружья несравненно легче, такъ какъ, стрѣляя изъ игольчатки, солдатъ долженъ соображать прицѣлъ съ дальностью разстоянія, а прицѣлъ шасспо даетъ готовыя цифры и соображенію нечего особенно работать.

Не будучи самъ стрѣлкомъ, я передаю только въ точности слова искуснаго стрѣлка.

По его мнѣнію (онъ самъ получилъ три раны пулею шасспо при Гравелотѣ), небольшая, въ сравненіи съ прусскою пулею, пуля шасспо бьетъ слабо; сила удара ея не велика.

Если пуля шасспо ударила въ кость, она не пробиваетъ ея, а вязнетъ въ членѣ. Пуля, которую хранитъ Геленъ въ своемъ портмоне, ударивъ его въ кость ноги, согнулась и смялась спереди на кости; задняя часть цилиндра цѣла, но заостреная, передняя часть совершенно смята и согнута въ сторону.

Какъ велико повреждевіе, наносимое такою пулею? Мой спутникъ получилъ при Гравелотѣ рану пулею шасспо въ руку и продолжалъ идти съ полкомъ, почти не замѣчая ея. Затѣмъ, другая пуля ударяетъ его въ ногу и онъ все-таки идетъ за своими. Лишь третья, также въ ногу, и притомъ въ ту же и не вдалекѣ отъ первой пули, свалила его. Но надобно и то еще не упускать изъ виду, что предъ тѣмъ онъ получилъ рану штыкомъ въ бокъ сзади, такъ что легкое было отчасти повреждено а, слѣдовательно, паденіе могло произойти и не отъ полученныхъ трехъ пуль шасспо.

Прусской пулѣ приписывается большая сила пробиванія насквозь, именно благодаря ея устройству. Не надобно, впрочемъ, забывать и того, что прусская пуля бьетъ на менѣе значительномъ разстояніи, чѣмъ французская и сила удара французской можетъ ослабляться именно этою дальностью разстоянія.

Геленъ былъ подъ Мецомъ, Седаномъ и Парижемъ. Если бы не нога, онъ былъ бы теперь совершенно здоровъ, а между тѣмъ, онъ съ октября, прикованъ къ постели.

Между французами въ баракѣ № 1-й, также нѣтъ тяжело раненыхъ, но мнѣ все таки показалось, что лица французовъ глядятъ не такъ здорово, и что они блѣднѣе и истомленнѣе лицъ пруссаковъ. Вліяніе ли это народнаго воздуха, не всегда понятныхъ желаній, или душевнаго недуга, столь вліяющаго на здоровье физической рамки духа? Не

знаю, какъ отвѣчать на это. Передаю только одно впечатлѣніе.

Вотъ передъ нами раненый при Марсъ-ла-Турѣ. Онъ уже шесть мѣсяцевъ „на спинѣ," по его выраженію, вслѣдствіе раны въ ногу. Товарищъ его рядомъ, такой же блѣдный и худой, какъ онъ, читаетъ книгу. Но на томъ концѣ, у печки, двое раненыхъ на ногахъ. Пойдемъ къ нимъ.

Худощавый, блѣдный, испитой брюнетъ, на двухъ костыляхъ, только что прибылъ въ баракъ изъ городскаго госпиталя. Онъ живъ въ движеніяхъ и разговорчивъ. Онъ разсказываетъ о своемъ прошломъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что мы въ баракѣ, гдѣ большинство раненыхъ французы. Какъ ни блѣдны и ни худощавы эти лица въ сравненіи съ тѣми, какія видѣли мы въ другихъ баракахъ, но тамъ было тихо и безмолвно, а здѣсь слышатся звуки флажолета, и кто-то поблизости насвистываетъ. Сыны подвижной, веселой, рѣдко унывающей націи, остались и здѣсь такими же, какими ихъ встрѣчаешь вездѣ.

Другой раненый французъ, съ черною бородою, и болѣе другихъ здоровый на видъ, заявляетъ, что при ле-Бурже, гдѣ онъ былъ раненъ, — было, „подобіе междоусобной войны", — дрались въ домахъ. Онъ недоволенъ тѣмъ, что пруссаки во французскомъ плѣну получаютъ жалованье, а плѣннымъ французамъ не даютъ ничего. Я увѣрилъ его въ противномъ.

— Какъ же, мы не получаемъ ничего... Вотъ уже три мѣсяца какъ я не вижу ни одного су. Намъ выдаютъ всего по двѣ сигары на день, а иногда и того нѣтъ, а я привыкъ курить въ день десять.

Я перевелъ моему спутнику рѣчь француза.

— То, что полагается плѣнникамъ изъ числа раненыхъ,

замѣтилъ онъ, идетъ на содержаніе госпиталя, на ихъ леченіе...

Я объяснилъ это французу. Тотъ, повидимому, вовсе не понималъ убѣдительности этого аргумента.

— Гм.! Двѣ капли масла, да тряпка, да теплый компрессъ — большіе расходы! Хоть бы копѣйка была въ карманѣ на кусокъ сыра, а то вѣчно приходится ѣсть все одно и тоже.

Французъ не зналъ, что даже своимъ больнымъ въ госпиталѣ прусское военное начальство выдаетъ только три пфенига (около копѣйки) въ день. Полагается, и не безъ основанія, что больнымъ незачто расходоваться, когда покупки съѣстнаго ему положительно запрещены, а что нужно, прописывается докторомъ. Сигары дозволяется постороннимъ давать находящимся въ госпиталѣ. Французъ, недовольный прусскою лазаретною системою, замѣтилъ, что и онъ случайно получалъ свою долю сигаръ отъ посѣтителей. Но не знаю, была ли бы дозволена ему покупка сыра, даже если бы у него были деньги въ карманѣ.

На обратномъ пути, по приглашенію докторскаго помощника, мы помѣстились въ санитарный вагонъ и въ этомъ громадномъ экипажѣ, съ краснымъ крестомъ на бѣломъ полѣ и со всѣхъ сторонъ завѣшенномъ кожею, въѣхали въ городъ, очень довольные, что не пришлось идти обратно по непроходимой грязи, въ темнотѣ и подъ дождемъ, такъ какъ не было ни малѣйшей возможности, по близости, найти дрожки, или что-либо подобное.

Обширный лазаретъ на Крейцбергѣ интересовалъ меня на столько, что одного визита было вовсе недостаточно. Я собрался снова туда. Надобно было взять билетъ на допускъ,

въ Лейпцигской улицѣ, № 15, гдѣ помѣщается главное лазаретное управленіе.

Замѣчу, что эти 50 бараковъ, къ югу отъ Берлина, содержатся на счетъ города и подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ его магистратуры.

Въ Лейпцигской улицѣ, № 15, помѣщается центральный берлинскій лазаретъ для лечимыхъ электричествомъ. Здѣсь, въ настоящее время, пользуются двадцать человѣкъ съ небольшимъ.

Отъ лицъ, завѣдующихъ лазаретомъ, я получилъ нѣкоторыя свѣденія о томъ, что было сдѣлано общественною благотворительностью вообще для санитарнаго быта прусской арміи въ послѣднюю войну.

Каждый, сколько нибудь значительный, городъ Пруссіи имѣетъ свой лазаретъ, содержимый на частныя пожертвованія. Въ Берлинѣ было пожертвовано на лазаретъ, до настоящаго времени, приблизительно полмилліона талеровъ. Изъ этого около $^2/_3$ пожертвовано было деньгами, а остальная $^1/_3$, главнымъ образомъ мясомъ и прочими жизненными припасами, въ томъ числѣ, предметами одежды.

— Праздникъ ли какой, или торжественный случай, купечество тотчасъ шлетъ намъ то того, то другаго — говорило мнѣ одно изъ лицъ лазаретнаго штата, впрочемъ, сознававшееся, что при всемъ томъ, лазареты еще сильно нуждаются въ поддержкѣ.

— Скажите, есть у васъ другія отдѣленія для пріема пожертвованій?

Мой собесѣдникъ только предъ тѣмъ замѣтилъ, что иные приносятъ вещи изъ домовъ, и хотя Берлинъ, для города съ 700,000 жителей, не очень великъ, но все таки мелкая благотворительность, особенно вещами домашняго употребле-

нія должна быть стѣснена, если есть только одно мѣсто пріема и нѣтъ отдѣленій по частямъ города.

— Нѣтъ, отдѣленій у насъ нѣтъ, но пожертвованія для насъ принимаютъ также König Wilhelm's Verein и Frauenverein.

— Существуетъ связь между лазаретомъ и этими двумя обществами?

Разъясненіе въ этомъ пунктѣ было тѣмъ необходимѣе, что у перваго общества (König Wilhelm's Verein) очень много отдѣленій по частямъ города, и глазъ очень нерѣдко останавливается на красномъ крестѣ на бѣломъ полѣ флага, развѣвающагося надъ какою нибудь овощною или табачною лавкою. Цѣль общества, какъ извѣстно, обезпечить вдовъ и сиротъ воиновъ, павшихъ въ войну.

— Особенной связи нѣтъ. Но если намъ нужно что нибудь изъ жизненныхъ припасовъ, напримѣръ, вино и т. д., мы обращаемся туда.

Получивъ допускной билетъ въ загородные бараки, я отправился на Крейцбергъ, но уже не тотъ болѣе Крейцбергъ, который, съ его виллою Вильгельмсгее, стоялъ еще такъ недавно островомъ среди прудовъ и лужъ. Яркое и теплое весеннее солнце уже высушило окрестность Берлина и мѣстность, сосѣднюю съ лазаретными бараками, наполняла толпа народа. Это одно изъ любимыхъ мѣстъ прогулки берлинцевъ, но многіе пришли сюда и для того, чтобы посѣтить или видѣть раненыхъ.

Два раза въ недѣлю допускаются въ бараки родные и знакомые паціентовъ, и то лишь на нѣсколько часовъ. Такъ гласитъ правило, но теперь, когда заключеніе мира порѣшило со многими предосторожностями, допускъ сталъ, очевидно, свободнѣе. Я нашелъ въ баракахъ массу посѣтителей, въ томъ

числѣ женщинъ и дѣтей, хотя было воскресенье—непріемный день. Посѣтители были и у кроватей французовъ. Вообще, видъ внутренности бараковъ, при солнечномъ освѣщеніи, чистомъ, свѣжемъ воздухѣ, врывавшемся въ открытыя двери черезъ раздвинутыя драпри, и при этой массѣ женщинъ и дѣтей у кроватей паціентовъ, говорилъ о чемъ-то домашнемъ, семейномъ.

Изъ 50-ти бараковъ на Крейцбергѣ только въ пяти находятся французы, и ихъ, какъ кажется, всего лишь нѣсколько десятковъ. Они надѣются отправиться во Францію не моремъ (объ этомъ способѣ перевозки идетъ рѣчь для части плѣнныхъ) а по желѣзной дорогѣ, и одинъ изъ нихъ высказалъ даже убѣжденіе, что ихъ отправятъ (конечно, тѣхъ, кто можетъ совершить переѣздъ безъ вреда для леченія) не далѣе будущей недѣли, хотя сосѣдъ его тотчасъ же высказалъ сомнѣніе въ возможности такой скорой отправки.

Я тоже ничего не могъ сообщить имъ о срокѣ отправки. Я зналъ только, что офицеры, живущіе на честномъ словѣ, иные уже получили позволеніе отправиться на родину, а другіе скоро получатъ и отправятся раньше солдатъ. Но очень вѣроятно, что Германія поторопится освободить лазареты для своихъ раненныхъ и отошлетъ, кого можно изъ раненыхъ французовъ, на родину, раньше плѣнниковъ размѣщенныхъ по крѣпостямъ.

Эльзасцы французской арміи — ихъ въ баракѣ № 1-го четыре человѣка—не то французы, не то нѣмцы. Посѣтителямъ дозволено давать паціентамъ сигары, апельсины и т. д. и мнѣ сообщили, что особенно сигары радуютъ паціентовъ. Паціентъ, съ чисто-нѣмецкимъ типомъ лица, поблагодарилъ за предложенную ему сигару по-нѣмецки—на хорошемъ нѣмецкомъ языкѣ; поэтому, я заговорилъ съ нимъ по-нѣмецки.

Надобно сказать, что въ баракѣ лежали одинаково нѣмцы и французы. Паціентъ (раненый на вылетъ въ плечо), повидимому, угадывалъ мое недоразумѣніе и поспѣшилъ разъяснить его.

— Я французъ — замѣтилъ онъ на томъ же чистомъ нѣмецкомъ языкѣ.

— Изъ Эльзаса?

— Да.

Французъ ли онъ теперь—бѣдняга не рѣшалъ. Уступка Эльзаса застала его еще безъ движенія, вслѣдствіе тяжкой раны въ плечѣ.

Многихъ паціентовъ можно было видѣть на дворѣ, въ прогулкѣ и сидящихъ на скамейкахъ около бараковъ. Кровати иныхъ больныхъ были вынесены на дворъ; около нихъ сидѣли кучки товарищей.

Весенняя, теплая, ясная погода видимо дѣйствовала на поправленіе здоровья раненыхъ. Съ кѣмъ изъ нихъ ни приходилось мнѣ говорить—всѣ въ одинъ голосъ заявляли, что съ тѣхъ поръ, какъ наступила хорошая погода и можно выходить гулять, — ранамъ гораздо лучше. Мнѣ особенно хотѣлось видѣть француза арміи Макъ-Магона, Леклерка, блѣдное, безцвѣтное лицо котораго, съ парою умныхъ черныхъ глазъ, на осунувшемся лицѣ, врѣзалось въ мой памяти съ прежняго посѣщенія. Вотъ онъ спускается съ лѣстницы капеллы, медленно дѣйствуя двумя костылями. Я гулялъ по двору съ сосѣдомъ его Пилле. Леклеркъ подошелъ къ намъ и я едва узналъ его. Онъ пополнѣлъ, ожилъ и въ лицѣ явилась краска. Въ три недѣли, пока я не видалъ его, произошла разительная перемѣна. Предо мною стоялъ совершенно другой человѣкъ. Онъ очень доволенъ уходомъ за ранеными въ прусскихъ лазаретахъ, но я ду-

маю, что многое нужно приписать и здоровому воздуху въ баракахъ въ сравненіи съ атмосферою городской больницы, откуда его привезли три недѣли назадъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какая поражающая разница между воздухомъ здѣсь, въ баракахъ, и хоть бы тѣмъ, какимъ дышалось въ комнатахъ центральнаго электро-лечебнаго госпиталя въ Лейпцигской улицѣ. Тамъ обычный лазаретный, госпитальный запахъ, иногда спертый воздухъ; тутъ воздухъ столь же чистый, какъ на дворѣ.

Въ ожиданіи Леклерка, слушавшаго въ капеллѣ католическую проповѣдь на нѣмецкомъ языкѣ, котораго онъ, по собственному признанію, вовсе не знаетъ и нисколько не изучилъ во время плѣна, — мы гуляли по двору съ его сосѣдомъ Пилле. Леклеркъ и Пилле — это два противоположные типа плѣнныхъ французовъ. Одинъ всѣмъ доволенъ, любезенъ, хотя высказываетъ убѣжденіе, что миръ очень не проченъ. Другой — мизантропъ, всѣмъ недоволенъ, ропщетъ, но очень радъ, что, наконецъ, заключили миръ, потому что миръ все же лучше войны, и можно скоро уѣхать отъ этихъ пруссаковъ.

Пилле принадлежитъ къ молодой французской арміи, но служилъ солдатомъ прежде. При оборонѣ Парижа онъ поступилъ въ баталіонъ „парижской прессы." Въ этомъ баталіонѣ было 800 человѣкъ; изъ этого $^2/_3$ людей старые солдаты офицерами были представители прессы. Баталіонъ былъ сформированъ и экипированъ парижскими журналистами, но затѣмъ поступилъ, подобно прочимъ войскамъ, на содержаніе и жалованье правительства. Солдаты въ немъ получали по 6 су въ день.

— А національные гвардейцы по $1^1/_2$ франка — замѣтилъ я.

— Да, но національные гвардейцы были на своемъ содержаніи, а мы все получали отъ казны и 6 су выдавалось только на табакъ и т. д.

Одѣли этотъ баталіонъ въ черныя кэпи, синіе панталоны, вообще, какъ выражался мой раненый, молодцами. При ле-Бурже пришлось этому баталіону помѣряться съ пруссаками. По словамъ Пилле, французы, отбивъ у пруссаковъ осадный ретраншаментъ, устроили изъ него баррикаду и въ теченіе пяти часовъ отбивали, въ числѣ 30 человѣкъ, всѣ приступы колонны пруссаковъ въ 1.200 человѣкъ. Пилле замѣтилъ, что если они теперь въ плѣну, то это лишь благодаря тому, что у раненыхъ при ле-Бурже французовъ, между которыми былъ и онъ, не было drapeau d'ambulance. Иначе раненые были бы оставлены на попеченіе своихъ.

Мы проходили съ Пилле по двору мимо ряда бараковъ. У одного барака сидѣла кучка раненыхъ пруссаковъ, въ мундирахъ и халатахъ. Наша французская рѣчь казалось неловко щекотала слухъ нѣмцевъ, еще не свыкшихся съ идеею о мирѣ.

Пилле видимо принималъ говоръ и смѣхъ на свой счетъ.

— Я всегда съ неудовольствіемъ прохожу мимо этой своры, замѣтилъ непримиримый плѣнникъ-нѣмцеѣдъ. Обойдемте вокругъ.

— Но вы живете въ ладахъ съ ранеными пруссаками?

— Да! Только, какъ и вездѣ, и тутъ между порядочными людьми есть негодяи. Что дѣлать! Я раненый! добавилъ въ заключеніе мой собесѣдникъ.

По его мнѣнію, сущность кампаніи заключалась въ томъ, что у французовъ было только 300,000 войска, а нѣмцы выставили противъ нихъ миліонъ.

Встрѣтивъ Леклерка, мы вернулись въ баракъ. Еще

прежде, изъ бесѣды съ ландверистомъ Шмитомъ, узналъ я, что двѣ русскія дамы исправно каждую недѣлю два раза посѣщаютъ бараки и пекутся о раненыхъ. Изъ бесѣды съ Леклеркомъ оказалось, что плѣнники-паціенты вообще довольно сносно знаютъ, что совершается въ политическомъ и военномъ мірѣ Европы, и, конечно, должны почерпать это знакомство не изъ тѣхъ романовъ и историческихъ сочиненій на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, которые находятся въ библіотекѣ госпиталя и выдаются паціентамъ для чтенія.

У многихъ паціентовъ, въ особенности немогущихъ оставить постели, можно было видѣть книгу въ рукахъ, но оказалось, что „Ind. Belge“, „Étoile Belge“ и другія нейтральныя газеты, также находятъ доступъ въ руки французовъ-паціентовъ. „Ind. Belge“ прежде получалась регулярно, но теперь французы видятъ ее лишь урывками, такъ какъ газета оказывается не всегда нейтральною въ извѣстіяхъ, и здѣсь заподозрѣваютъ точность иныхъ ея извѣстій.

Зашелъ разговоръ между прочимъ, и о благотворительной дѣятельности международныхъ комитетовъ, пекущихся о раненыхъ французахъ:

— Американскій комитетъ пожертвовалъ на каждаго раненаго француза въ Германіи по два доллара, замѣтилъ Леклеркъ.

— Вы получили эти два талера?

— Получилъ.

— А я ни гроша, замѣтилъ зло мизантропъ Пилле, не могущій простить судьбѣ, что онъ, съ декабря не видитъ ни одного зильбергроша, и что хотя онъ любитъ курить, но выдается всего двѣ сигары въ сутки на паціента. Этого слишкомъ мало. Пилле лучше готовъ не ѣсть, чѣмъ не курить. И отецъ его также не могъ быть безъ табаку.

Но тутъ же, какъ бы протестомъ противъ нападокъ Пилле, паціентамъ стали разносить шеколадъ — воскресное угощеніе. Вмѣстѣ съ большою кружкою шеколада, каждый паціентъ получалъ по очень солидному куску печенья и по два небольшихъ бѣлыхъ хлѣбца. Печенье Леклерка, неимѣвшаго на этотъ разъ аппетита, оставалось нетронутымъ. Рядомъ у постели другаго раненаго помѣщалась цѣлая семья, въ томъ числѣ нѣсколько дѣтей. Дѣвочка лѣтъ шести посматривала на пьющихъ шеколадъ.

Bitte! обратился къ ней Леклеркъ, подавая ей кусокъ своего печенья.

Маленькая нѣмка весело подбѣжала къ французу, обратившемуся къ ней съ однимъ изъ словъ своего необширнаго нѣмецкаго лексикона, и поблагодарила за очутившійся въ рукахъ ея кусокъ печенья въ четверть въ квадратѣ. Мать дѣвочки также любезно поклонилась французу.

Но надобно было оставить эту картину семейно-госпитальной жизни и вернуться въ городъ. Я оставилъ темпельгофскіе бараки, въ убѣжденіи, что берлинскіе аптекари, рѣшившіе, на общей сходкѣ, отпускать въ лазареты лекарства по половинной цѣнѣ, много сдѣлали для раненыхъ, но что еще больше услугъ оказали имъ ясная, весенняя погода и здоровый, свѣжій воздухъ бараковъ.

VIII.

Тяжелая дверь королевскаго цейгхауза медленно отворилась и я съ моимъ спутникомъ, унтеръ-офицеромъ артиллерійскаго депо, вошли на дворъ берлинской оружейной палаты.

Берлинскій цейгхаузъ одно изъ самыхъ видныхъ и красивыхъ зданій прусской столицы, въ которой вообще красивыхъ

зданій не мало. Начиная отъ замка, въ которомъ, живетъ принцъ Фридрихъ-Карлъ, вдоль по улицѣ Unter den Linden тянется рядъ сумрачно-сѣрыхъ, но грандіозныхъ зданій. Это дворцы, или публичныя зданія, и между ними цейгхаузъ всюду увѣнчанный статуями и воинственными изображеніями занимаетъ очень видное мѣсто.

Предъ зданіемъ военнаго министерства—громаднымъ, выходящимъ на три улицы четыреугольникомъ увѣнчаннымъ воинственными статуями можно остановиться, хотя промежуточный домъ (также часть этого зданія) и окрашенъ въ цвѣтъ частныхъ зданій, отчего незнающему—зданіе министерства не представляется во всей его громадности, но кому извѣстно, что это будто бы частное зданіе составляетъ лишь часть цѣлаго и что эта часть отведена подъ квартиры чиновниковъ того же военнаго министерства, для того громадный четыреугольникъ ничего не теряетъ въ своихъ размѣрахъ. Но зданіе цейгхауза красивѣе.

Трофеи прежнихъ годовъ въ порядкѣ, но цейгхаузъ далеко еще не успѣлъ привести въ порядокъ послѣднихъ пріобрѣтеній, и онѣ лежатъ, такъ сказать, чуть не въ кучахъ, какъ привезены съ театра войны.

На дворѣ цейгхауза стоитъ французская пушка—первое пріобрѣтеніе нѣмцевъ въ послѣдней войнѣ. Эта пушка взята была прусскимъ егеремъ при Вертѣ. На этой бронзовой пушкѣ какъ на прочихъ французскихъ орудіяхъ, стоитъ названіе ея—Le Douai.

Предъ тѣмъ я видѣлъ цѣлую баттарею французскихъ бронзовыхъ орудій на дворѣ Замка (Schloss). Всѣ носятъ названія—больше миѳологическія, на каждомъ означено гдѣ отлито (большая часть отлита недавно) и на каждомъ же стоитъ буква N (Наполеонъ) подъ императорскимъ гер-

бомъ. Всѣ эти орудія были заряжавшіяся спереди. На дворѣ же замка стоитъ одна митральеза. Ручка, приводящая въ движеніе механизмъ при стрѣльбѣ, исчезла. Военный, объяснявшій тутъ же способъ стрѣльбы изъ митральезы, сказалъ что берлинскіе мальчуганы долго не давали покоя этой митральезѣ до тѣхъ поръ, пока не оторвали ручку ея. Онъ объяснялъ стоявшей вокругъ публикѣ какъ посредствомъ боковаго механизма давать митральезѣ направленіе направо и налѣво. Что касается способа подъема и спуска дула орудія, то онъ какъ извѣстно, тотъ же какъ у орудій вообще.

Французы однако какъ видно не вполнѣ пользовались средствомъ расширенія горизонта стрѣльбы. Изъ митральезы въ битвахъ слали массу пуль по одному направленію. Мнѣ говорили объ одномъ раненномъ подъ Мецемъ 17 пулями изъ митральезы. Такимъ образомъ митральезы били на повалъ, но только не многихъ и вообще не заслужили уваженія въ глазахъ пруссаковъ. Но онѣ были большое диво для нѣмцевъ въ началѣ войны. Въ одномъ городкѣ митральезу можно было видѣть даже на промышленной выставкѣ, хотя она и не предметъ промышленности.

Le Douai — первое пребрѣтеніе нѣмцевъ въ войну 1870 г. досталась имъ далеко не въ цѣломъ видѣ. Орудіе какъ видно было спорнымъ предметомъ въ жаркой схваткѣ. Кусокъ колеса его, несмотря на полудюймовую толщину и чугунную обшивку отлетѣлъ, отъ удара ядромъ.

Но войдемъ за инспекторомъ цейгхауза въ самое зданье. Для военныхъ всѣхъ дружественныхъ націй Пруссіи цейгхаузъ открытъ и теперь, по изъ руских есть допускъ и не военнымъ.

— Для русскихъ мы дѣлаемъ исключеніе — любезно за-

мѣтилъ капитанъ артиллеріи, имѣющій общій надзоръ за цейгхаузомъ.

Пройдя рядъ трофеевъ войны 1813 -- 15 гг. мы остановились наконецъ предъ французскими орлами, взятыми въ послѣднюю войну.

По газетнымъ даннымъ въ цейгхаузѣ должно быть французскихъ орловъ 61; по замѣчанію инспектора ихъ что-то около 60. До взятія Парижа въ рукахъ нѣмцевъ насчитывали всего 112 французскихъ орловъ. Но нѣкоторые были посланы въ главные города южной Германіи и т. д.

Неудивительно когда почти вся французская армія въ плѣну. Что касается числа германскихъ плѣнныхъ въ рукахъ французовъ, то здѣсь опредѣляютъ его въ 6000. Если же во Франціи считаютъ 11,000, то вѣроятно присчитываютъ при этомъ экипажъ торговыхъ судовъ захваченыхъ французами въ теченіе войны.

Нѣмцы потеряли въ теченіе войны только одно знамя и шесть орудій; въ томъ числѣ три орудія подъ Парижемъ. Относительно другаго нѣмецкаго знамени существуетъ сомнѣніе — было возвѣщено, что батальонъ ландвера Унна потерялъ свое знамя при Шатильонѣ, но по извѣстіямъ изъ нѣмецкой главной квартиры это сообщенье не подтверждается (Post, № 57).

До сдачи Парижа, по офиціальнымъ даннымъ германская армія взяла 1193 орудій и 147 митральезъ. Извѣстно въ какой степени число взятыхъ орудій увеличилось съ паденіемъ Парижа. Насчитывали 1600 однихъ бронзовыхъ орудій въ Парижѣ и фортахъ. Чугунныхъ, кромѣ громадной La Valerie, которая будетъ поставлена, въ Каштановой рощѣ въ Берлинѣ, нѣмцы не намѣрены брать съ собою, такъ какъ нашли ихъ не стоющими перевозки. Орудія этого рода,

испорченныя взрывнымъ составомъ, уже были какъ извѣстно пущены въ продажу какъ чугунъ въ ломъ. Изъ печатныхъ извѣстій пока не видно только была ли куплена кѣмъ нибудъ эта масса желѣза по вызову генералъ-губернатора Эльзаса и Лотарингіи.

Я подошелъ къ шеренгѣ французскихъ орловъ въ берлинскомъ цейгхаузѣ съ естественымъ любопытствомъ. Они стояли рядомъ, сплошною массою. Прежде всего вниманіе мое обратилось на позолоченную птицу, висящую головую внизъ. Если это случай, то онъ вмѣстѣ и символъ. Это орлы поникли предъ непріятелемъ и въ плѣну. Но другіе еще гордо и прямо сидятъ на синихъ древкахъ и надъ свернутымъ шелкомъ то цѣлыхъ и новыхъ, то старыхъ, полинялыхъ и разорваныхъ знаменъ. Я насчиталъ во всемъ рядѣ 60 орловъ, въ томъ числѣ 9 со сломанымъ древкомъ.

Впереди другихъ въ шеренгѣ, когда подходишь къ ней, стоитъ совсѣмъ новое красивое знамя. Шелкъ его свѣтелъ и блеститъ яркими красками. Древко его обернуто бархатомъ. Дальше слѣдуютъ орлы съ синими древками. Иныя знамена очень древни и въ клочьяхъ. Синій шелкъ ихъ очень поблѣднѣлъ и мотается лоскутьями. На одномъ довольно хорошо сохранившемся знамени прочелъ я надпись „Императоръ Наполеонъ III 95-му линейному полку". Какою ироніею звучитъ эта надпись!

По мѣрѣ того какъ вы приближаетесь къ концу шеренги вы видите все болѣе пострадавшія знамена и въ заключеніе торчитъ только одинъ отломокъ синяго древка.

IX.

Уроженецъ Дюсельдорфа, Кюммена отслужилъ свои три

года въ гвардейскомъ полку императора Александра I, расположенномъ въ Берлинѣ, и затѣмъ, подобно прочимъ, поступилъ въ резервъ въ вѣдѣніе берлинскаго ландвернаго депо. Собственно въ Берлинѣ состоитъ всего одинъ баталіонъ ландвера, хотя, въ мирное время, въ столицѣ Пруссіи живетъ до 40,000 ландверистовъ изъ разныхъ частей государства. Въ случаѣ войны, берлинское бюро немедленно распоряжается объ отправленіи всѣхъ живущихъ въ столицѣ ландверистовъ въ провинціи, къ своимъ полкамъ. Люди, числящіеся въ резервѣ, подлежатъ тому же правилу. Во всѣхъ отношеніяхъ, резервъ и ландверъ одно и то же, кромѣ лишь того, что резервъ прежде призывается подъ знамена и служитъ къ пополненію полка до его военнаго состава.

Въ ротѣ, гдѣ служилъ Кюммена, числилось въ мирное время 173 человѣка. Въ военное время составъ ея долженъ былъ дойти до 250. Если, за дополненіемъ полковаго состава, остаются еще резервисты, то они находятся въ запасѣ для дальнѣйшаго укомплектованія при потеряхъ.

21-го іюля (нов. стил.) нашъ резервистъ былъ уже при своемъ полку. Нѣсколько дней употреблено на повтореніе служебныхъ занятій для тѣхъ, кто посреди мирныхъ трудовъ забылъ о военномъ дѣлѣ. Возобновленіе въ памяти забытаго достигается, впрочемъ, живо.

— Скоро вы могли во всемъ сравняться съ линейными войсками? спросилъ я моего собесѣдника.

— Очень скоро. Кто разъ прошелъ чрезъ военную школу въ теченіе трехъ лѣтъ, тотъ уже такъ свыкся со службою солдата, что довольно нѣсколькихъ дней, чтобы быть солдатомъ по прежнему.

21-го іюля, Кюммена присоединился къ своей ротѣ; до 27-го происходили ученія. Къ этому времени резервисты

были уже прежними солдатами и 28-го выступили въ походъ.

Какъ большинство прусскихъ войскъ, рота вмѣсто одного дня употребила на переѣздъ по Германіи три дня. Стеченіе военныхъ поѣздовъ не позволяло подвигаться скорѣе.

8-го августа рота перешла чрезъ французскую границу. Полкъ Александра I не принималъ участія въ первыхъ битвахъ. Онъ вступилъ въ дѣло только при Марсъ-ла-Турѣ.

16-е и 18-е августа были тремя днями усиленнаго марша. Въ эти дни армія получала скудное продовольствіе.

Провіантскія повозки не поспѣвали слѣдовать за арміею.

„17-го числа, говорилъ мой собесѣдникъ, „мы уже бросили свои ранцы. Въ этотъ день мы расчитывали вступить въ бой, но вступили не раньше 18-го числа. У многихъ не было даже хлѣба: доставлять было невозможно."

Спустя нѣсколько времени, я слышалъ разсказы о гравелотской битвѣ отъ цѣлаго десятка прусскихъ гвардейцевъ, поправлявшихъ другъ друга, если кто ошибался при воспоминаніяхъ прошлаго. Тутъ я узналъ, что, 17-го и 18-го августа, многіе прусскіе солдаты питались французскими сухарями, находившимися въ ранцахъ, разсѣянныхъ по мѣстности, гдѣ отступалъ Базенъ.

„У французовъ бѣлые сухари", замѣтилъ одинъ унтеръ-офицеръ, „а у насъ ржаные, черные". Кюммена объяснилъ, что сухари были нарѣзаны довольно большими четыреугольниками и чрезвычайно тверды. При ударѣ о землю они разлетались въ стороны осколками, какъ бомбы, но кусать ихъ было чрезвычайно трудно.

„17-го ждали битвы", говорилъ Кюммена; „предъ тѣмъ мы совершили долгій маршъ, причемъ три недѣли не приходилось инымъ снимать сапогъ, такъ какъ, съ самаго пе-

рехода чрезъ границу, полкъ постоянно ночевалъ въ открытомъ полѣ. У многихъ разболѣлись ноги".

Доставка припасовъ прекратилась, какъ мы видѣли, уже 16-го числа.

Утромъ, 18-го августа, была церковная служба и затѣмъ полкъ двинутъ въ битву.

Съ полудня, до трехъ часовъ, рота подвигалась между пригорками и лѣсами, не встрѣчаясь съ непріятелемъ. Но канонада и ружейный огонь все усиливались, и вотъ, наконецъ, полкъ подъ градомъ непріятельскихъ пуль.

Французскія пули сыпались, дѣйствительно, градомъ. Кюммена разсказывалъ, какъ онѣ взрывали землю вокругъ него и ложились одна возлѣ другой, чуть не въ вершкѣ разстоянія.

Полкъ шелъ впередъ. Надо было приблизиться къ непріятелю на выстрѣлъ игольчатаго ружья. Многіе шли не замѣчая легкихъ ранъ.

Рота, гдѣ служилъ Кюммена, изъ своего полнаго состава (250) потеряла 113 человѣкъ убитыми и ранеными, т. е. около 75%; это былъ приблизительный процентъ потерь гвардіи.

Но тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, прусаки вступали въ бой подъ непріятельскимъ огнемъ, не имѣя возможности, по дальности расположенія непріятеля, наносить ему вредъ изъ своихъ игольчатыхъ ружей; только приблизившись къ непріятелю шаговъ на триста, или около того, прусаки открывали огонь и стрѣляли мѣтко и хладнокровно.

Кюммена сначала былъ раненъ въ руку, потомъ въ ногу, но продолжалъ идти впередъ; когда новая пуля попала въ ту же ногу, Кюммена упалъ. Товарищи подвигались впередъ и вдали слышался гулъ сраженія. Кюммена лежалъ на полѣ битвы, вмѣстѣ съ другими ранеными.

Онъ не теряетъ сознанія. Его заряженное ружье при немъ и онъ не разстанется съ нимъ, зная, что такое гіены полей сраженія, рыскающія для обкрадыванія убитыхъ и раненыхъ.

Онъ помнитъ одну подобную исторію съ француженкою старухой. Прусскій артилеристъ, раненый въ ногу, лежалъ на полѣ сраженія, будучи лишенъ возможности подняться, но чувствуя, въ рукахъ и вообще, еще довольно силъ.

Ночная тишина. Вдругъ артилеристъ видитъ фигуру женщины, нагибающейся къ раненымъ.

Страшный крикъ раздается каждый разъ, какъ скоро фигура наклоняется къ раненому. Фигура приблизилась и къ артилеристу; онъ видитъ предъ собою француженку-старуху, съ ланцетомъ въ рукахъ. Эта женщина, въ своихъ поискахъ за имуществомъ, оставленнымъ на полѣ сраженія, и въ своей ненависти къ прусакамъ, выкалывала глаза несчастнымъ, немогшимъ оказать ей сопротивленія. Но артилеристъ чувствовалъ въ себѣ достаточно силы, и какъ только старуха приблизилась къ нему, схватилъ ее въ охапку... Быстро явился въ дѣло ранцевой ремень и сильныя руки артилериста (въ артилеристы выбираются въ прусской арміи самые широкоплечіе и здоровые люди) перевязали старуху по рукамъ и по ногамъ. Онъ остался лежать на землѣ; около него лежала связанная старуха.

Когда пришелъ обходъ, артилеристъ разсказалъ какъ было дѣло. Старуха была засѣчена до смерти на пушкѣ.

Помня этихъ гіенъ, Кюммена лежалъ съ заряженнымъ ружьемъ у бока. Вечеромъ проѣхалъ мимо служивый его роты, отыскивая своихъ. Съ нимъ были два котелка воды — жажда была удовлетворена; но ѣсть служивый не могъ ничего дать раненому, потому что у него самого ничего не было.

Потеря крови была значительная. До полудня слѣдующа-

го дня не было перевязки; раненый оставался гдѣ упалъ. Онъ не спалъ, но потеря крови произвела забытье; мысли мутились; напала слабость; однако глазъ присматривался, ухо прислушивалось къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Видѣлъ онъ въ темнотѣ двѣ-три тѣни, бродившія по полю сраженія, но онѣ къ нему не приближались, и онъ не можетъ сказать, были ли это обкрадыватели труповъ, или нѣтъ.

Раненый помнитъ себя, затѣмъ, на перевязочномъ пунктѣ, въ деревнѣ Сентъ-Мари-О-Шень, близъ Меца. Тутъ раненыхъ мучила жажда, а воды негдѣ было достать. Посылали за водою далеко, и хотя, какъ оказалось, колодезь былъ тутъ же, но французы скрыли его и сдѣлали невозможнымъ добывать воду въ достаточномъ количествѣ даже впослѣдствіи, когда колодезь былъ открытъ, такъ какъ черпальный снарядъ былъ поврежденъ.

Кюммена, съ ожесточеніемъ въ лицѣ, припоминалъ, какъ обращался съ нимъ, раненымъ, одинъ изъ мѣстныхъ французовъ. О если бы онъ теперь могъ добраться до этого молодца, то расчитался бы съ нимъ!

До 14-го ноября раненый, уже задолго до того перевезенный въ Германію, оставался въ трудномъ положеніи, вслѣдствіе потери крови. Потомъ онъ началъ поправляться. Теперь раненая нога остается въ полубезчувственномъ состояніи, но раненый, при пособіи небольшой палки, ходитъ довольно скоро и даже можетъ совершать дальныя прогулки. Это служитъ доказательствомъ, что даже двѣ пули шассно въ ногу не лишаютъ человѣка возможности, спустя три мѣсяца по полученіи раны, ходить довольно свободно.

Когда Кюммена пошелъ въ походъ, его жена и ребенокъ получали по $1\frac{1}{2}$ талера въ недѣлю пособія отъ казны. Они получаютъ его и теперь, когда инвалидъ вернулся домой и

живетъ своею семьею. Сверхъ того, онъ получаетъ обычное жалованье.

X.

Уставъ бродить по Шпандау, я съ моимъ спутникомъ зашелъ въ ресторанъ. Скромное кафе было довольно сносно для города, въ которомъ чуть не больше французскихъ плѣнныхъ, чѣмъ жителей.

Скоро сюда же явился прусскій унтеръ-офицеръ съ французскимъ капитаномъ, живущимъ на честномъ словѣ въ Шпандау. Такихъ офицеровъ въ маленькомъ городѣ жило, предъ заключеніемъ мира, 49 человѣкъ,

Унтеръ-офицера я встрѣтилъ разъ предъ тѣмъ, въ другомъ шпандаускомъ ресторанѣ. Тогда онъ сопровождалъ офицера подвижной гвардіи, взятаго въ плѣнъ въ Турѣ, а теперь явился какъ чичероне брюнета въ статскомъ платьѣ, помѣстившагося съ нами за однимъ столомъ. Унтеръ-офицеръ, о которомъ я говорю, былъ буржуа, взятый въ военную службу. По степени развитія и образованія, онъ не можетъ быть офицеромъ; по зажиточности и положенію въ обществѣ, онъ неровня простымъ солдатамъ. Это владѣлецъ одной изъ фабрикъ въ Ригѣ. Онъ бывалъ въ Смоленскѣ, жилъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ, и для нѣмца говорилъ не совсѣмъ непонятно по русски. Нѣкоторое знакомство съ французскимъ языкомъ сдѣлало изъ него чичероне французскихъ плѣнныхъ офицеровъ, изъ которыхъ, конечно, только самая ничтожная доля владѣетъ самостоятельно нѣмецкою рѣчью. Надзоръ это или услуга? Я думаю, что прикомандировка къ плѣннымъ унтеръ-офицеровъ, въ качествѣ чичероне, была услуга, и притомъ очень немаловажная со стороны прусскаго прави-

тельства. Идетъ-ли плѣнный офицеръ въ ресторанъ, нужно-ли ему отправиться въ Берлинъ (иные посѣщали берлинскую оперу), чичероне оказывалъ ему неоцѣненную услугу своимъ знаніемъ языковъ. Наконецъ онъ полезенъ былъ даже какъ нѣкоторая охрана личности плѣнниковъ. Прусскія военныя власти не только разрѣшали, но даже совѣтовали плѣннымъ офицерамъ ходить предпочтительно въ статскомъ платьѣ, такъ какъ даже и въ маленькомъ городкѣ разыгрывались народныя страсти, и плѣннымъ, въ ихъ мундирахъ, могло быть очень непріятно на шпандаускихъ улицахъ. Даже не обращая на себя, въ статскомъ платьѣ, ни чьихъ взоровъ, плѣнники, при ихъ полномъ незнаніи нѣмецкаго языка и нѣмецкой жизни, могли бы находиться подъ-часъ въ критическомъ положеніи, если бы не было услужливаго ментора изъ буржуа унтеръ-офицеровъ.

Господинъ въ статскомъ платьѣ, помѣстившійся рядомъ съ нами, оказался капитаномъ Бюттелемъ, изъ арміи Шанзи.

Онъ былъ очень любезенъ и тѣмъ болѣе разговорчивъ, что чувствовалъ здѣсь полное уединеніе. По нѣмецки онъ не знаетъ; отъ родныхъ, во все время плѣна съ декабря не получалъ ни строчки; французскихъ газетъ не видитъ. Прибавьте къ этому, что онъ, какъ капитанъ, получаетъ по своему рангу лишь 25 талеровъ въ мѣсяцъ содержанія отъ прусскаго правительства, и хотя англійское посольство въ Берлинѣ приплачиваетъ всѣмъ плѣннымъ офицерамъ нѣкоторую сумму къ жалованью (конечно, въ счетъ французскаго правительства), но эта прибавка капитану равняется только тремъ талерамъ въ мѣсяцъ, а поручикамъ (получающимъ по 12 талеровъ въ мѣсяцъ) по $2^1/_2$ талера. Такимъ образомъ плѣнные капитаны подвижной гвардіи получаютъ столько же, сколько прусскіе поручики, и у себя, во Франціи, капитанъ

еще какъ нибудь обошелся бы съ этою суммою, но въ нѣмецкомъ городѣ каждый, у кого есть свои средства, долженъ приплачиваться. Меня интересовало узнать объ армiи Шанзи отъ одного изъ ея дѣятелей. Мы вступили въ бесѣду.

Капитанъ приводилъ нѣкоторыя цифры, доказывающiя большiя потери на сторонѣ нѣмцевъ при штурмѣ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ позицiй.

Въ подобныхъ случаяхъ бесѣда должна быть откровенна. Я намекнулъ моему собесѣднику, что французскiе журналы много выдумываютъ.

— Но мы были тутъ же, и мэръ представилъ намъ списокъ убранныхъ тѣлъ,

Капитанъ оказался вовсе не хвастливаго характера. Онъ жилъ мирнымъ гражданиномъ, когда вспыхнула война, и былъ увѣренъ, что Пруссiя побѣдитъ, потому что Францiя не знала Пруссiи, а онъ капитанъ, зналъ какъ готова была къ войнѣ Францiя. Шанзи по его мнѣнiю, теперь лучшiй французскiй генералъ и можетъ со временемъ выработаться въ хорошаго стратегика. Бурбаки — храбрый солдатъ, но армiя невысокаго мнѣнiя о его способностяхъ какъ генерала. О Федербѣ капитанъ слышалъ мало; говорятъ, что онъ также хорошiй генералъ. Все несчастiе луарской армiи, по мнѣнiю капитана, заключалось въ томъ, что, не имѣя точныхъ свѣдѣнiй о времени вылазокъ изъ Парижа, армiя двинулась впередъ съ своей сильной позицiи на Луарѣ. Отсутствiе правильныхъ сношенiй луарской армiи съ Парижемъ выставлялось имъ главною причиною пораженiя.

— Мы къ Парижу... нѣтъ вылазки. Вылазка... насъ нѣтъ къ сроку на помощь. Вотъ разгадка нашихъ неудачъ. Силы нѣмцевъ прибывали по мѣрѣ надобности, и то подкрѣпляли осаждавшую армiю, то наступали на насъ.

— А что вы скажете о Гамбеттѣ?

— Если не говорить о его послѣднихъ странныхъ дѣйствіяхъ, то вообще, какъ организаторъ армій, онъ велъ дѣло энергически.

Изъ замѣчаній капитана оказывалось однако, что именно энергія-то иногда и оказывала больше вреда чѣмъ пользы. Такъ, кажется, не малая заслуга пріобрѣсти ружья шасспо для значительныхъ массъ войска, когда на лицо очень мало работавшихъ заводовъ; но шасспо-то и приносило больше вреда, чѣмъ пользы въ арміи новобранцевъ.

— Англійскія ружья были гораздо полезнѣе для насъ, говорилъ капитанъ: —съ ними проще обращеніе. Случалось, что баталіонъ кидалъ свои шасспо, потому что не зналъ что съ ними дѣлать. Солдаты были всѣ новобранцы, а нужны мѣсяцы учебныхъ занятій, чтобы шасспо было полезно въ рукахъ солдата.

— Какъ продовольствовалась армія Шапзи?

— Пока начальники частей получали деньги на продовольствіе солдатъ, все было хорошо: недостатка не чувствовали; но когда къ намъ опредѣлили интенданта, мы не стали получать ничего. Я самъ разъ былъ цѣлую недѣлю безъ хлѣба.

— А дисциплина?

— Какой же дисциплины и порядка можно ожидать отъ арміи собранной наскоро? Дисциплины почти не было...

Мало по малу разговоръ зашелъ о томъ, какъ капитанъ попалъ въ плѣнъ. Онъ былъ со своимъ баталіономъ впереди Тура. Непріятель наступалъ. Получается приказъ одного генерала баталіону отступить. Вслѣдъ затѣмъ, другой, генералъ Кюртенъ, шлетъ приказъ баталіону идти впередъ. Баталіонъ двинулся. Непріятель показывается въ большихъ

силахъ.... Одному баталіону тутъ ничего не сдѣлать.... Баталіонъ отступаетъ къ главнымъ силамъ; но тамъ, гдѣ были главныя силы вчера, ихъ сегодня уже нѣтъ. Онѣ отступили, а баталіонъ ничего не зналъ объ этомъ. Онъ одинъ среди непріятеля... Куда отступили главныя силы, никто не вѣдаетъ.

Что тутъ дѣлать? Прежде всего рѣшено развѣдать, какъ силенъ непріятель. Непріятельскіе пикеты уже въ виду. Взявъ небольшой отрядъ съ собою, капитанъ отправляется на рекогносцировку и занимаетъ домъ по дорогѣ. Вслѣдъ за одиночнымъ пикетомъ развертывается цѣпь непріятельскихъ стрѣлковъ, слѣдовательно — замѣтилъ капитанъ — идутъ большія силы.

Съ капитаномъ въ строеніи только десять человѣкъ. Не раздумывая долго, эта кучка людей бросается бѣжать.

— Свиньи! куда вы? кричитъ капитанъ.—Стой!... Никто не слушаетъ его приказовъ. Его собственный деньщикъ, со словами „видите сколько ихъ!“ ударился бѣжать.

Капитанъ остается одинъ. Онъ стрѣляетъ то изъ одного окна, то изъ другаго. Не зная какъ силенъ запершійся непріятель, нѣмцы наступаютъ осторожно. Скоро капитану ничего не остается, какъ самому спастись изъ строенія... еще нѣсколько минутъ, и оно будетъ окружено непріятелемъ.

Онъ бросился на дорогу, но пули летятъ уже въ перерѣзъ ему. Онъ остановился, и вотъ теперь въ плѣну у пруссаковъ.

— Вы такъ и употребили такое крѣпкое словцо въ обращеніи къ нашимъ солдатамъ? спросилъ я.

— Чего въ такую минуту не скажешь! Трусы бѣгутъ и оставляютъ меня одного среди непріятеля...

Пока мы говорили съ капитаномъ Бюттелемъ, наши ун-

теръ-офицеры уже исчезли по своимъ дѣламъ. Капитанъ кончилъ кофе, да и мнѣ пора было отправиться съ поѣздомъ въ Берлинъ.

Мы разстались.

XI.

Я поведу читателя въ область эстамповъ, портретовъ и карикатуръ, подставляющую народные взгляды на войну и значеніе ея едва ли не полнѣе, чѣмъ газетныя извѣстія.

Военный элементъ проникъ и на бумажныя фабрики. Вотъ, напримѣръ, красный платокъ, вывѣшенный на одной изъ магазинныхъ дверей въ Ландсбергской Улицѣ. Это нѣчто въ родѣ лубочныхъ произведеній Москвы. На красномъ фонѣ платка изображена сцена передачи шпаги Наполеономъ III королю Вильгельму. Подпись на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ передаетъ извѣстную фразу изъ письма Наполеона III къ королю Вильгельму, о томъ, что императору французовъ не удалось умереть на полѣ сраженія. Наполеонъ III представленъ въ полусогбенномъ состояніи, отдающимъ шпагу прусскому королю, стоящему гордо и прямо, точно такъ же, какъ гордо и прямо стоятъ окружающіе его: наслѣдный принцъ прусскій, принцъ Фридрихъ-Карлъ, Бисмаркъ и Мольтке. Какъ представлены лица — нечего и говорить: работа топорная, и едва узнаешь, кого рисунокъ долженъ былъ представить.

Между портретами, увѣковѣчивающими нынѣшнюю войну— нѣмцы вообще любятъ увѣковѣчивать своихъ героевъ—особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе портретъ короля Вильгельма. Его вы видите вездѣ и всюду, во всѣхъ формахъ и всѣхъ видахъ. Вотъ, напримѣръ, картина, представляю-

щая семейный бытъ короля. Онъ самъ сидитъ въ партикулярномъ платьѣ въ креслѣ. Лицо сѣдого короля глядитъ серьезно и сосредоточенно. Это лицо старца, на которомъ долгіе годы отозвались заботами. Въ этихъ чертахъ лица можно прочесть ту откровенность, которую сдѣлали историческими депеши короля къ королевѣ Аугустѣ. Но, вмѣстѣ, это такое лицо, которое заставляетъ васъ угадывать, что человѣкъ этотъ способенъ больше полагаться на волю провидѣнія, чѣмъ на самаго себя. Великій герцогъ баденскій, въ одной изъ своихъ рѣчей, назвалъ будущаго императора германскаго Вильгельмомъ-Побѣдоноснымъ. Не знаю, назоветъ, ли исторія Вельгельма такъ, какъ назвалъ его великій герцогъ - личность, сказать къ слову, по наружности обличающая возвышенныя чувства и способность увлекаться — или Вильгельмъ въ исторіи будетъ названъ Боголюбскимъ, только военное счастье, дѣйствительно, пока не покидаетъ войскъ стараго короля. Вотъ и королева Аугуста, имя которой стало извѣстно всему міру по историческимъ депешамъ. Она на фотографической картинѣ представлена стоящею за стуломъ своего короля-супруга. Добрые глаза ея обращены къ зрителю, и вы видите, что доброта, отпечатлѣвшаяся въ этихъ глазахъ, дѣлаетъ, пожилое лицо какъ бы нѣсколько моложавымъ. Не вѣрьте, чтобъ мужчины были здѣсь главными дѣятелями на поприщѣ попеченія о раненыхъ воинахъ. Эти добрые глаза порукою, что женщина заботится объ облегченіи участи сражающихся мужчинъ гораздо болѣе, чѣмъ они сами о себѣ. Рядомъ съ королемъ, противъ него, сидитъ принцеса Анна, супруга принца Фридриха-Карла. Это очень милая и привлекательная личность. Въ ней есть что-то романтично-поэтическое. Сзади супруги своей стоитъ принцъ Фридрихъ-Карлъ. Это — типъ, рѣзко отличающійся отъ дру-

гихъ въ королевской семьѣ. Въ его лицѣ, быстрыхъ глазахъ есть что-то молодецкое, смѣлое — это болѣе южный типъ: тутъ болѣе энергіи, чѣмъ въ сѣверныхъ жителяхъ.

Нѣсколько впереди принца Фридриха-Карла сидитъ старшая дочь королевы Викторіи, супруга наслѣднаго принца прусскаго. Полное, женственное лицо ея отлично отъ южнаго, огненнаго и выразительнаго лица принцесы Анны; но оно какъ разъ подходитъ, по типу, къ лицу сидящаго около наслѣдной принцесы прусской ея супруга. Наслѣдникъ короля Вильгельма останавливаетъ на себѣ вниманіе добродушнымъ выраженіемъ лица, и, притомъ, такимъ, гдѣ съ добротою осязательно соединено великодушіе. Такимъ, кажется, и должно быть это лицо, если взять все, что извѣстно объ образѣ мыслей и о поступкахъ этого принца. Въ этомъ лицѣ будущность Германіи и, скажу откровенно свѣтлая, хорошая будущность. Этотъ императоръ не въ состояніи будетъ погасить духъ истинной свободы въ Германіи, рожденной желѣзомъ и мечомъ.

Обстоятельства хотѣли, чтобъ нетолько воинственный принцъ Фридрихъ-Карлъ, но и наклонный къ мирнымъ мыслямъ и занятіямъ наслѣдный принцъ прусскій явились побѣдоносными фельдмаршалами прусскихъ войскъ. Но таковъ народно-военный бытъ Пруссіи. Народная армія сдѣлала въ ней народъ военнымъ, и мирный гражданинъ въ душѣ, человѣкъ кроткихъ и либеральныхъ наклонностей, принявшій участіе въ войнѣ съ отвращеніемъ, во всякомъ случаѣ, не полководецъ, и тѣмъ болѣе не замѣчательный полководецъ, наслѣдный принцъ прусскій явится въ исторіи побѣдоноснымъ предводителемъ армій! Чего только не дѣлаетъ судьба съ людьми! И старшій сынъ этого вовсе не войнолюбиваго принца представленъ въ военной формѣ, подобно крошкѣ-сыну принца Фридриха-Карла,

и воинственное направленіе нынѣшней Пруссіи подписало подъ портретами этихъ малютокъ: "самый младшій изъ прусскихъ офицеровъ", „самый юный прусскій рекрутъ".

Картина, представляющая прусское королевское семейство въ домашнемъ быту, именно потому и можетъ приковать къ себѣ вниманіе, что какъ бы изображаетъ собою нынѣшнюю Пруссію. Вглядитесь въ глаза королевы Аугусты, которой шлются громовыя депеши съ театра войны: въ нихъ преобладающая черта — доброта. Лицо стараго короля также просто, серьезно, но вовсе не особенно воинственно; въ глазахъ людей этого типа война — грѣхъ. Наслѣдный принцъ останавливаетъ на себѣ ваше вниманіе добрымъ и возвышеннымъ выраженіемъ лица. Это больше филантропъ, чѣмъ воинственный генералъ-фельдмаршалъ. Одинъ принцъ Фридрихъ-Карлъ, можетъ быть, въ душѣ не тяготится этою войною. Такова и нынѣшняя Пруссія. Масса въ ней не хотѣла и не хочетъ войны, но дерется.

Наполеону, конечно, достается, или, по крайней мѣрѣ, доставалось не мало. Еслибъ прусаки и питали надежду видѣть еще разъ героя Седана на престолѣ Франціи (кстати: въ области обшариванія исторіи для кухмистерскихъ цѣлей, я встрѣтилъ въ Берлинѣ пока всего только одинъ кафе „Седанъ"), и такъ, повторяю, еслибъ даже нѣмцамъ очень пріятно было видѣть во главѣ Франціи снова того, кто такъ долго лежалъ у ихъ ногъ, то, тѣмъ не менѣе, карикатуры на него еще очень распространены. Такъ, вы видите на одной Луи-Наполеона въ рукахъ черта. Чертъ очень доволенъ тѣмъ, что схватилъ своего пріятеля. „А, дружище, здорово!" восклицаетъ онъ. Внизу нѣсколько кощунствующая подпись: „Сей есть сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ". Эти слова приписаны сатанѣ, пришедшему въ па-

ѳосъ отъ восторга, что въ рукахъ его такая славная добыча. На жертвѣ, попавшейся въ лапы къ сатанѣ, написаны слова: „Гамъ, Мексика, Седанъ, св. Елена“. Это если не поучительно, то наглядно.

На другой карикатурѣ вы видите характеристику нынѣшней войны. Плотный, жирный нѣмецъ, нѣчто въ родѣ Дорфбарбира, стоитъ подбоченясь. У ногъ его течетъ Рейнъ, и отъ удара плотной ноги нѣмца, летитъ отъ Рейна кувыркомъ французъ. Подпись гласитъ: „все благополучно“. Особенно сильно достается въ карикатурахъ тюркосамъ: вы встрѣчаете цѣлыя эпопеи объ этихъ несчастныхъ. Печальна участь и того тюркоса, который представленъ въ группѣ другихъ воиновъ въ одномъ изъ магазиновъ Лейпцигской Улицы. У окна этого магазина вы видите немало глазѣющихъ патріотовъ, такъ какъ это своего рода театръ маріонетовъ. Солдаты представлены въ группахъ со всѣми подробностями. Это рядъ бюстовъ, сдѣланныхъ, притомъ, довольно искусно. Тутъ изображено, какъ тюркоса повалили и преисправно сѣкутъ. Вообще, какъ видно, нѣмцы всего болѣе вооружены противъ этихъ воиновъ Франціи. Тутъ же представлена сцена встрѣчи Наполеона и Бисмарка. Но Бисмарку приданы такая высокая грудь и такое самоувѣренное выраженіе, какихъ онъ не имѣлъ ни до, ни послѣ встрѣчи съ императоромъ французовъ.

Нѣмцы мастера восхвалять себя; но таковы и прочія націи. Только то различіе, кажется, есть, что прочія націи, восхваляя себя гласно, въ душѣ сознаютъ, что онѣ плоховаты, а нѣмцы и въ душѣ увѣрены, что они великолѣпны. Взглянемъ еще на памятникъ народнаго самодовольства: предъ нами рисунокъ, вѣроятно, пришедшійся по душѣ нѣмецкимъ людямъ, потому что вы видите его въ разныхъ размѣрахъ. Пер-

вая половина изображаетъ французовъ, регулярныя войска, и, конечно, несчастныхъ тюркосовъ, безъ которыхъ нѣмецкія карикатуры не обходятся. Французы идутъ и бѣгутъ съ восклицаніями и барабаннымъ боемъ; подпись: „So wollen wir nach Berlin". Другая половина картины представляетъ тѣхъ же французовъ, печально идущихъ кучкой впереди погоняющаго ихъ нѣмца въ каскѣ. Подпись: „So mussten wir nach Berlin" — коротко и ясно: французы хотѣли явиться въ Берлинъ тріумфаторами — ихъ ведутъ туда плѣнными.

Впрочемъ, надъ личностями, кромѣ Наполеона III, нѣмцы, кажется, не потѣшаются. Вы видите въ окнахъ эстамлиныхъ магазиновъ и старческое, но бодрое лицо Кремье (кстати вовсе ненапоминающее еврейскаго типа), и аскетически-серьезное лицо Жюля Фавра, и блѣдное, худощавое съ меланхолическо-мечтательнымъ оттѣнкомъ лицо Рошфора, и огненные глаза Гамбетты. Всѣ эти портреты выставлены въ Берлинѣ, какъ выставлены были бы въ Парижѣ, и карикатуръ на современныхъ французскихъ дѣятелей нѣтъ. Про одного только Наполеона III говорятъ: о немъ можно писать, что угодно. Однако, не скажу, чтобъ нѣмцы пользовались этимъ правомъ до излишества. Честь была въ томъ, чтобъ разбить идола, а бить крупные осколки на болѣе мелкіе не дѣлаетъ особенной чести.

Проходя по Шпандауской Улицѣ, я замѣтилъ еще одно произведеніе нѣмецкаго творческаго генія. На шелковомъ носовомъ платкѣ представлены портреты всѣхъ германскихъ императоровъ и въ самой срединѣ платка новый германскій императоръ: Вильгельмъ. Подпись гласитъ: Вильгельмъ-Побѣдоносный. Императоръ въ полномъ облаченіи, приличномъ его сану. Портретъ довольно сносный. Императорская корона очень велика на видъ и должна быть масивна въ дѣйстви-

тельности. По виду, эта корона вовсе не похожа на ту, которая, обыкновенно, представляется русскому воображенію. Она составлена какъ бы изъ лепестковъ, расходящихся концами вверху. Разумѣется, художникъ тутъ только копировалъ съ дѣйствительности. Но вообще, не можетъ не показаться странною мысль представлять историческихъ дѣятелей на носовыхъ платкахъ, особенно въ настоящую пору, когда чуть не половина берлинцевъ страдаетъ простудою, благодаря тому, что только новые дома строются здѣсь съ двойными рамами, а старые всѣ съ одними, что не совсѣмъ удобно при посѣтившей городъ довольно постоянной зимѣ. Носовыхъ платковъ должно, конечно, расходиться много, но не знаю, что художники увѣковѣчиваютъ болѣе своими историческими платками: войну ли 1870—1871 годовъ, или нынѣшнюю зиму и катарръ.

Когда я слышу на улицѣ сиплый крикъ: „Siegesdepesche“—я это понимаю; „побѣдная депеша“ принесетъ продавцу лишній зильбергрошъ въ сравненіи съ просто „новой депешей“; но порывъ ткацкихъ фабрикъ установить историческую терминологію — уже нѣчто болѣе серьезное, и съ „Вильгельмомъ-Побѣдоноснымъ“ можно было бы повременить, пока война скажетъ свое послѣднее слово.

XII.

Телеграмы сообщаютъ, что въ рукахъ Бисмарка трактатъ съ императрицею Евгеніею, скрѣпленный согласіемъ Наполеона III, а между тѣмъ, у насъ на глазахъ все тѣ же безчисленные эстампы, представляющіе Наполеона III просящимъ подаяніе и въ рубищѣ, и императрицу Евгенію, шествующую съ пожитками въ Англію, чтобъ, какъ гласитъ нѣмецкая

подпись подъ рисункомъ, „никогда не возвращаться.“ Но, положимъ, недавно отправляли императрицу Евгенію навсегда въ Англію, а потомъ сочли нужнымъ вернуть на континентъ. Времена мѣняются, и что было рѣшено два-три мѣсяца назадъ, могло перерѣшиться. Эстампы выставлены давно и, можетъ быть, ихъ скоро придется убрать. Но какъ же случилось, что въ тотъ же день 12-го (24-го) января, когда Вольфъ передалъ телеграму о трактатѣ, на здѣшнемъ луизенштадскомъ театрѣ императрица Евгенія была выведена предъ публикою въ канканѣ, а Луи Наполеонъ училъ свою Лулу стрѣлять изъ картечницы. Здѣсь такъ чутко чуютъ, что думаетъ и чего желаетъ Бисмаркъ, что, еслибъ свѣдѣнія газеты „Times“ о трактатѣ были вѣрны, то я не думаю, чтобъ нѣмцы рѣшились быть настолько упорными, чтобъ продолжать свое, чего бы тамъ Бисмарку ни желалось.

Нѣтъ, нѣмцы народъ казенный. Въ нихъ элементъ дисциплины и казеннаго сильно преобладаетъ, и я думаю, что вѣсть о трактатѣ — утка и миѳъ. Иначе Берлинъ тотчасъ бы снялъ всѣ эстампы и карикатуры противъ Бонапартовъ, а о канканѣ на публичномъ представленіи не было бы и рѣчи.

Очень можетъ быть, что я ошибаюсь, но таковъ выводъ мой изъ ближайшаго изученія нѣмцевъ. Элементъ казеннаго и полиціи здѣсь цвѣтетъ. Если Англія страна комфорта, Франція — моды, Италія — музыки, то Пруссія — страна полиціи. Здѣсь народныя манифестаціи кажутся неестественнымъ явленіемъ, если не имѣть въ виду, что есть пруская „королевская“ полиція. Нѣмецъ ничему не удивляется — это его природное, неотъемлемое свойство. Я даже не думаю, чтобъ человѣкъ, пьющій пиво въ такомъ количествѣ, какъ истый нѣмецъ, могъ чему-нибудь особенно удивиться или придти въ паѳосъ, хотя бы и патріотическій.

*

Вы, напримѣръ, сидите въ театрѣ, актеръ на сценѣ говоритъ о взошедшемъ солнцѣ счастливой Германіи. Вы думаете, что вотъ раздадутся аплодисменты. Ничуть не бывало. Все тихо. Одинъ какой-то господинъ захлопалъ, и тотъ сейчасъ же кончилъ. А между тѣмъ, этотъ театръ сильно аплодируетъ красивой пѣвицѣ, отпускающей какой-нибудь witz.

Alles eins, einerlei, gleich — вотъ сущность мнѣнія большинства нѣмцевъ. Кажется, достаточно выраженій, чтобъ сказать „все равно;“ но этимъ не удовлетворились, и весь Берлинъ перенялъ еще, сверхъ того, французское „égal.“ Слѣдовательно, равнодушіе на всѣхъ и на всемъ.

Сатирикъ могъ бы сказать, что нѣмцы потому лишь и побѣды одерживаютъ, что „такъ приказано.“ Увлеченія побѣдами здѣсь рѣшительно нѣтъ никакого. Я увѣренъ, что русскіе нѣмцы — раса, во всякомъ случаѣ болѣе впечатлительная — болѣе радуются нѣмецкимъ побѣдамъ во Франціи, чѣмъ нѣмцы въ Берлинѣ.

Въ странѣ, гдѣ учатся всѣ, потому что всѣмъ приказано учиться, гдѣ всѣ — воины, потому что всѣ обязаны быть воинами, гдѣ дисциплина проникла во всѣ слои общества и во всѣ роды дѣятельности — тамъ, по природѣ вещей, на первомъ планѣ становится категорія людей, передающихъ приказанія.

Вотъ гдѣ разгадка значенія „королевской“ полиціи въ Пруссіи.

Боже избави, чтобъ я возставалъ противъ любви нѣмцевъ къ исполненію предписаній! Если предписаніе толково, то почему же его и не исполнять, особенно если собственнаго почина нѣтъ и развитъ инстинктъ акуратности? Нѣмцы, впрочемъ, Молчалины только на половину. Они акуратны, но не услужливы. Услужливости нѣтъ въ ихъ характерѣ. Нѣмецъ

толкнетъ и не извинится, сшибетъ съ ногъ и не замѣтитъ этого. Это — натура сама для себя; до ближняго ей нѣтъ дѣла. Вникните въ это, чтобъ понять, что нѣмецкая армія можетъ разрушить все, чѣмъ гордится Парижъ, и не пожалѣетъ объ этомъ.

Нѣмцы акуратны—и только. Въ нихъ нѣтъ подчиненія изъ любви къ власти, изъ желанія преклоняться. Они и ожидаютъ предписаній отъ власти потому, что она „обязана" давать эти предписанія. Если надъ нѣмцами не будетъ команды, они найдутъ людей, которые исполнятъ свой долгъ и будутъ командовать. Бисмаркъ какъ разъ пришелся по душѣ нѣмцамъ.

Характеръ міровыхъ событій вытекаетъ изъ характера народовъ. Характеръ нѣмцевъ надобно изучить для правильной оцѣнки историческихъ событій 1870 — 71 г. и возможныхъ послѣдствій войны.

Посмотрите, съ какою акуратностью нѣмцы выпускаютъ въ Парижъ данное число гранатъ и бомбъ въ минуту, ни больше, ни меньше; какъ акуратно распредѣлены у нихъ роздыхи бомбардированія; какъ воздерживаются они тратить снаряды, когда туманъ мѣшаетъ вѣрности прицѣла; какъ акуратно держатся они своихъ первыхъ условій мира.

Съ такимъ методическимъ народомъ трудно управиться стрѣляющимъ куда попало французамъ. Что мудренаго, если въ послѣднее время французы стали выказывать удивленіе къ своимъ врагамъ! Въ газетахъ писали, что французы особенно поражены удивленіемъ предъ системою прусскаго шпіонства. Но, сыны Галліи, прежде чѣмъ вы будете мечтать о всѣхъ преимуществахъ вашего врага, усвойте себѣ этотъ духъ повиновенія предписаніямъ, который возвысилъ прусскую полицію на незыблемую высоту!

Такъ какъ полиція въ Пруссіи главный дѣятель, главная пружина (такъ, по крайней мѣрѣ, благоволит читатель дозволить мнѣ смотрѣть на дѣло), то, конечно. здѣсь этимъ стражамъ общественнаго порядка. этимъ виновникамъ правильной жизни общества, живется хорошо...

Глубокій снѣгъ на улицахъ Берлина. Нынѣшняя зима холоднѣе другихъ. Прежде, бывало, снѣгъ выпадетъ и исчезнетъ, и санки, въ родѣ чухонскихъ, сбитыя на скорую руку, были здѣсь рѣдкимъ явленіемъ. Нынѣшнюю зиму видишь ихъ сплошь и рядомъ. Холодно въ Берлинѣ; еще холоднѣе оттого, что французскіе корабли не пустили англійскаго каменнаго угля въ Германію. Уголь дорогъ. Но и деньги надобно беречь, потому что съ войною все вздорожало. И вотъ небогатый берлинецъ бѣжитъ, подпрыгивая по улицѣ. въ легкомъ платьѣ на сильномъ морозѣ. Берлинка, въ легкомъ бурнусѣ, то шибко идетъ. то бѣжить, иначе ногамъ будетъ не подъ силу вынести холодъ. Создалась даже особенная походка – то шагомъ, то бѣгомъ. Обычай отразился на языкѣ, и берлинецъ очень часто, вмѣсто gehen, говоритъ laufen. Да, не ходить, а бѣгать на такомъ морозѣ нужно легко одѣтому, вообще непривыкшему къ зимѣ берлинцу. „А каково-то тѣмъ, кто во Франціи!" слышишь очень часто. Да, въ самомъ дѣлѣ — каково? Но вотъ спокойно, мѣрно, важно прошелъ мимо васъ въ каскѣ сановитый человѣкъ. Онъ одѣтъ тепло и удобно. Длинное теплое пальто его оторочено громаднымъ чернымъ мѣховымъ воротникомъ. Руки его спрятаны въ такую же обшивку рукавовъ, колосальнаго размѣра, какъ въ муфту. Этотъ мѣхъ не медвѣдь. положимъ, но онъ длиненъ и тепелъ. Очень, очень комфортабельно! Но кто же это?

Развѣ вы не узнаете стража общественнаго порядка въ

Пруссіи? Да, этотъ тепло живущій человѣкъ — полицейскій стражъ, безъ него же невозможна правильная жизнь въ нѣмецкой землѣ.

Многое говоритъ въ Берлинѣ о комфортѣ. Видно, что этотъ городъ на полпути отъ Петербурга къ Лондону. Но ничто не наводитъ меня такъ на мысль о комфортѣ въ Берлинѣ, какъ мѣрно шагающій человѣкъ въ темно-синемъ длинномъ пальто съ бѣлыми свѣтлыми пуговицами, зарывшій лицо, прикрытое каскою, въ громадный черный мѣховой воротникъ и руки въ такую же муфту.

XIII.

Только-что я сѣлъ за рабочій столъ, вдругъ слышу на улицѣ „Парижъ сдался!". Въ наивномъ убѣжденіи, что берлинцы не могутъ подражать пастуху въ извѣстной сказкѣ о волкѣ, я заявилъ домашнимъ о важной новости.

— Ахъ, это только на улицѣ кричали? замѣтила моя квартирная хозяйка:—такъ это только такъ: мальчуганы заманиваютъ публику, чтобъ она покупала депеши.

— Посмотримъ, есть ли флагъ на ратушѣ! замѣтилъ хозяинъ.—Нѣтъ, флага нѣтъ. Помилуйте, еслибъ дошла вѣсть о капитуляціи Парижа, тутъ началась бы такая бѣготня по улицамъ, что Боже упаси. Сейчасъ бы вывѣшаны были флаги.

— Дà; но Парижъ еще въ первый разъ только сдается въ теченіи войны, такъ довольно трудно знать, какъ приметъ вѣсть о сдачѣ Берлинъ...

— Нѣтъ, это сейчасъ же было бы видно.

Довольно странный способъ заманивать покупателей депешъ. Знаю, что и наши петербургскіе разносчики газетъ

не прочь иногда изобрѣсти громкую побѣду, особенно французовъ надъ нѣмцами, въ угоду вкусу публики, или даже выдумать какого-нибудь французскаго маршала; но до такихъ грандіозныхъ спекулятивныхъ размѣровъ они не доходятъ.

Впрочемъ, здѣсь убѣждены, что Парижъ падетъ скоро; иначе, говорятъ здѣсь, король повременилъ бы принятіемъ императорскаго титула; а между тѣмъ, этотъ титулъ уже принятъ.

Да, вчера былъ едва ли не самый грязный день въ году въ Берлинѣ и едва ли не самый свѣтлый въ пруской исторіи: императорскій титулъ принятъ, и объ этомъ заявлено торжественно народу. Только что миновало впечатлѣніе, вызванное мальчуганомъ взявшимъ Парижъ, и я рѣшился болѣе не вѣрить крикамъ „волкъ“, даже если волкъ дѣйствительно покажется, какъ на улицѣ раздались еще болѣе громкіе крики. На этотъ разъ уже солидный мужской голосъ выкрикивалъ что-то очень длинное. Прислушиваюсь, Оказывается, что издана королевская прокламація къ народу. Продавецъ бѣгаетъ отъ человѣка къ человѣку, продавая листы. Это „чрезвычайное прибавленіе къ газетѣ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, сегодня же вечеромъ, сейчасъ же будетъ прибито къ столбамъ, выставлено въ окнахъ магазиновъ, появится въ газетахъ, но, несмотря на то, берлинцы охотно раскупаютъ листки. Общее оживленіе, толки. Смотрю: въ полицейскомъ управленіи, напротивъ моей квартиры Herr Hauptmann высунулся изъ окошка, чтобъ вывѣсить флагъ — это черный съ бѣлымъ, прускій флагъ. Herr Hauptmann хочетъ, чтобъ Германская Имперія была прусскою. Очень извинительное желаніе. Хорошо герцогу гауптману теперь! Пруская полиція носитъ названіе „королевской“; а будетъ ли полиція „императорской“, еще неизвѣстно. Ка-

кіе будутъ цвѣта флага соединенной Германіи также еще, какъ слышно, не рѣшено. На улицахъ, впрочемъ, вывѣшены флаги бѣло-черно-красные. Мальчуганы также ходятъ по улицамъ съ подобными флагами. Изъ оконъ одного дома вывѣшены флаги, хватающіе отъ пятаго этажа до перваго; но, право, теперь не припомню, какихъ цвѣтовъ эти флаги. Часа два спустя послѣ выкрикиванія о прокламаціи, мнѣ случилось быть Unter den Linden. Аристократическая часть Берлина кипѣла оживленіемъ. Нѣкоторыя зданія, больше казенныя, были илюминованы. Огненные орлы, точно снятые съ гербовой бумаги, горѣли довольно весело. Издалека неслись голосистые раскаты какой-то торжественной пѣсни: это кучка юныхъ существъ, не знаю, по собственному ли желанію, или исполняя чью-нибудь офиціальную миссію, собралась предъ дворцомъ и задаетъ серенаду новой императрицѣ.

— Что же? императрица выходила? спросилъ я, проходя мимо этой кучки, у степеннаго ландвермана, примкнувшаго съ толпою камрадовъ къ голосованію кучки юныхъ существъ.

— Нѣтъ! Это деретъ горло только кучка недорослей, отвѣчалъ ландверманъ. — Другое дѣло, напримѣръ, часъ спустя, когда, сюда соберется толпа народа, такъ что вся эта площадь покроется народомъ и негдѣ будетъ упасть яблоку.

Я не дождался того времени, когда яблоко очутится въ непріятномъ положеніи остаться на головѣ какого-нибудь голосящаго юноши и ушелъ, пока еще было довольно мѣста. Несмотря на крики „ура“ со стороны степенныхъ и басистыхъ ландверманов въ помощь тѣмъ, кто вызвалъ приведенное ироническое замѣчаніе ихъ собрата; несмотря на гулъ стоявшій предъ дворцомъ, когда кто-нибуть изъ среды народа возглашалъ „ура!“ *императрицѣ* Аугустѣ; даже

несмотря на тихое подпѣваніе со стороны тутъ же бывшихъ дамъ, когда раздавались звуки какого-нибудь народнаго гимна, я, идя отъ дворца, все почему-то думалъ о прусской „королевской“ полиціи. Я вполнѣ убѣжденъ, что ядро кучки народа, собравшейся предъ дворцомъ, были истые патріоты и никто не внушалъ имъ, какъ пѣть и что кричать, — въ это я вполнѣ вѣрю и рѣшительно не понимаю, почему у меня въ умѣ все вертится: „королевская полиція“...

170 лѣтъ назадъ, курфирстъ бранденбургскій впервые облекся въ званіе короля прусскаго. Годовщины этого торжественнаго событія ждали, чтобъ принять императорскій титулъ — вчера, 6-го (18-го) января, былъ этотъ день и онъ увѣнчалъ созданіе Германской Имперіи на началахъ, выработанныхъ Бисмаркомъ. Сегодня пришла уже *первая* депеша къ *императрицѣ* Августѣ, и для начала депеша весьма благопріятная: Вердеръ избавился отъ Бурбаки.

Флаговъ вывѣшено бездна, но сколько-нибудь замѣтной илюминаціи въ городѣ вчера вовсе не было. Берлинцы — народъ практическій; флагъ еще пригодится въ другой разъ, а газъ, и свѣчи денегъ стоютъ. Иные флаги висятъ очень давно, тѣмъ доказывая, что владѣльцы ихъ подвержены хроническому ликованію прускимъ побѣдамъ или желанію быть на виду.

Ликованія довольно. Но видѣлъ ли я также не мало траура, горя? Не скажу. Если горе прячется, то трауръ могъ бы быть болѣе замѣтенъ. Вообще, онъ не очень бросается въ глаза. Таково равномѣрное распредѣленіе потерь по странѣ всеобщею военною повинностью. Въ Берлинѣ я болѣе видѣлъ до сихъ поръ мальчиковъ, одѣтыхъ уланами, и дѣвочекъ съ школьными сумками на спинѣ, устроенными въ видѣ ранцевъ, чѣмъ дамъ, одѣтыхъ въ трауръ.

Я того мнѣнія, что все, даже самое сладостное можетъ надоѣсть, если принимается чрезъ мѣру, напримѣръ: „Wacht am Rhein“. Очень интересная народная пѣснь эта „Wacht am Rhein“. Я помню, какъ въ первое время, съ любопытствомъ прислушиваясь, порою къ залихватскимъ, и порою отчасти торжественнымъ нотамъ этой пѣсни въ устахъ здѣшней молодежи, даже я самъ иногда напѣвалъ про себя:

Lieb'Vaterland kannst ruhig sein
Die neusten Depeschen kommen herein.

Послѣдній стихъ, можетъ быть, поется и немножко не такъ, но германскіе патріоты согласятся, что слова могли легко перемѣшаться въ головѣ человѣка, въ ушахъ котораго десятокъ разъ въ день сливались переливы пѣсни „Wacht am Rhein“ съ неумолкаемымъ крикомъ „Siegesdepeschen“, „Neuste Depeschen“ и „Allerneuste Depeschen“.

Итакъ, повторяю, даже я отчасти сочувствовалъ германскому народному гимну, а между тѣмъ, я тутъ чужой человѣкъ, и имѣю о Рейнѣ географическое, но никакъ не патріотическое понятіе. Но представьте себѣ, что „Wacht am Rhein“, утромъ, предъ обѣдомъ, послѣ, вечеромъ, за кофе, во время обѣда и ужина, ночью — словомъ, всегда. Представьте себѣ даже, что эта пѣсня насвистывается какимъ-нибудь мальчуганомъ съ пронзительнымъ голосомъ на улицѣ. Какъ хотите! Я ничего не имѣю противъ оберегапія нѣмцами Рейна. Они даже оберегаютъ теперь больше трети Франціи. На здоровье! Но если одна и та же мелодія звучитъ въ вашихъ ушахъ безконечное число разъ, то это, наконецъ, уже слишкомъ... Ночь; монастырскіе часы отыграли какую-то молитву и, затѣмъ, колоколъ ударитъ два раза. Ночной сторожъ, завернувъ носъ въ теплое пальто, ходитъ

одинъ по пустынной улицѣ. Хочется спать, а тутъ вдругъ „Wacht!“ Ватага пивопійцъ идетъ съ новой пирушки и заявляетъ желаніе оберегать Рейнъ. Конечно, въ Берлинѣ стража на Рейнѣ не всегда можетъ ска ать, что она „steht fest“, иногда она даже покачивается, но... но поетъ тѣмъ громче. Я думаю, что побѣды сильно портятъ добрыхъ нѣмцевъ. Все дорого по случаю войны, потому что ушли здоровые работники, и конечно, больше народа ѣстъ, чѣмъ работаетъ. Каменный уголь возвысился, благодаря блокадѣ, такъ что на 16 талеровъ теперь, покупается столько же, сколько прежде на 11. Дрова дороже на 20%. А между тѣмъ, пиво пьется въ изобиліи, пошатываніе и разгульныя рѣчи, даже днемъ и въ людныхъ мѣстахъ здѣсь вовсе нерѣдкое явленіе. О вечерѣ же и говорить нечего: онъ долженъ быть проведенъ за пивомъ. Конечно, такъ было и прежде; нѣмцы пили пиво въ большомъ количествѣ всегда; но я увѣренъ, что самовосхваленіе по случаю побѣдъ значительно усилило процентъ выпиваемаго пива. Оттого и гулу на улицахъ прибавилось, и крики, и споры въ ресторанахъ и на улицахъ не рѣдкость.

Заключаютъ миръ, а то бы я, признаюсь отъ души, желалъ нѣмцамъ, и замѣтьте изъ расположенія къ нимъ, маленькаго пораженія. Все-таки, явилось бы какое-нибудь отрезвленіе. Сегодня ратушу илюминовали въ видѣ репетиціи. Надобно было узнать, хорошо ли илюминація будетъ горѣть при встрѣчѣ короля. Короля-императора ждали еще вчера, и даже въ газетахъ заявлялось объ этомъ, но, кажется, онъ не пріѣхалъ, потому что хотя пріѣздъ предвидѣлся неофиціально, но, конечно, о немъ всѣ тотчасъ бы узнали въ городѣ. Замѣтьте, что здѣсь, пока, не было еще никакого торжества. Только флаги развѣваются, да зажжена была плохая

илюминація въ воскресенье. Въ другихъ городахъ празднество было грандіозное. Дѣло въ томъ, что Берлинъ дѣлаетъ то, что властямъ угодно, а властямъ угодно, чтобъ торжество отложили до заключенія мира. Съ другой стороны, и того не надобно упускать изъ виду, что Берлинъ довольно поздно узналъ о событіяхъ, предшествовавшихъ капитуляціи Парижа. Здѣшнія газеты до глубины души были оскорблены тѣмъ, что первая вѣсть о капитуляціи получена была чрезъ Лондонъ. Неудовольствіе видно, но оно не заявляется рѣзко, потому что времена строгія. Баварская газета и очень скромное что-то привела изъ газеты „Times“ объ отношеніяхъ къ германскому императору прочихъ германскихъ потентатовъ. Арестъ. Цюрихская газета „Стражъ свободы“ не понравилась за свои мнѣнія „Стражамъ на Рейнѣ“ — запрещено эту газету получать въ Эльзасѣ. Въ самой Пруссіи ждутъ, вслѣдствіе возстановленія Германской Имперіи, амнистіи по процесамъ печати. Но эти процесы начинались иногда изъ за самыхъ ничтожныхъ вещей.

Итакъ, газеты не высказали открыто своего неудовольствія на то, что Бисмаркъ вѣщаетъ Европѣ чрезъ „Times“; но это неудовольствіе проскальзываетъ. И не хотятъ понять нѣмцы, что долгъ платежомъ красенъ. Бисмаркъ услужилъ „Times“, а та, въ услугу ему, изобрѣла несуществовавшій трактатъ между нимъ и Бонапартомъ, чтобъ построщать республиканское правительство и вынудить его на миръ. И услугу „Times“ оказать иногда значитъ то же, что выиграть побѣду. За что же нѣмецкимъ патріотамъ сердиться за выигрываемыя побѣды?

XIV.

Когда, въ началѣ осады Парижа, шли переговоры между Бисмаркомъ и Жюлемъ Фавромъ о мирныхъ условіяхъ, въ Берлинѣ явились въ продажѣ статуэтки короля Вильгельма изъ бульйона. Фабрикантъ, выпустившій въ продажу эти статуэтки, стоившія по семи съ половиною зильбергроша за (30 коп.), заявлялъ въ то же время, что затѣмъ явится статуэтка Бисмарка изъ того же плиточнаго бульйона, и первый экземпляръ отправленъ будетъ къ Жюлю Фавру, чтобъ у французскаго министра былъ, наконецъ, Бисмаркъ, котораго можно смягчить.

Еслибъ можно было смягчить настоящаго Бисмарка, то для французовъ это было бы полезно именно теперь. Восемь мильярдовъ контрибуціи, провозглашаемые телеграммою — сумма, которую легче выговорить, чѣмъ представить себѣ въ практически-опредѣленныхъ формахъ. Когда шла рѣчь только о четырехъ мильярдахъ франковъ (при переговорахъ съ Тьеромъ), въ Висбаденѣ разсчитали, что если эта сумма уплачена будетъ талерами, то для доставленія ея въ Берлинъ потребуется 60 желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, каждый въ 30 вагоновъ, могущихъ поднимать по 600 пудовъ груза. Теперь, если только дѣйствительно Бисмаркъ налагаетъ восемь мильярдовъ франковъ вознагражденія за военныя издержки, грузъ серебра въ пудахъ будетъ около двухъ мильйоновъ. Надобно еще поискать по Европѣ, прежде чѣмъ найти эти два мильйона пудовъ серебра.

Здѣшняя ратуша сдѣлала приготовленіе къ блестящей иллюминаціи. А что какъ Гамбетта вновь затянетъ войну? Тогда всѣ эти стропила и прочія прелюдіи къ иллюминація должны быть сломаны и низвергнуты. Но голосъ населенія здѣсь

въ пользу того мнѣнія, что Гамбетта только горячится, и притомъ, болѣе изъ теоретическихъ видовъ, чѣмъ изъ практическихъ; что изъ его прокламаціи ничего не выйдетъ, и миръ, все-таки, будетъ заключенъ. Какія отношенія начнутся, затѣмъ, между побѣдителями и побѣжденными? Преклонится ли Римъ вновь передъ Греціею? Надѣнутъ ли здѣшнія дамы опять шиньйоны, которые онѣ съ достохвальною рѣшимостью покинули при началѣ войны, такъ что теперь не видно въ Берлинѣ ни одного шиньйона? Будетъ ли берлинецъ еще болѣе мѣшать французскихъ словъ въ нѣмецкой рѣчи, тогда какъ и теперь, несмотря на войну, всѣ усилія д-ра Рорбаха и другихъ могучихъ патріотовъ не увѣнчались успѣхомъ и берлинская рѣчь продолжаетъ звучать массою французскихъ словъ, употребляемыхъ въ пору и не въ пору, а нерѣдко также въ такомъ смыслѣ, какого не призналъ бы за ними ни одинъ французъ?

Да, много вопросовъ поднимаетъ для Пруссіи и Германіи грядущій миръ.

Надобно замѣтить, что Германія всегда немножко преклонялась предъ Франціей. Дѣлала она это не очень открыто, иногда мимоходомъ, часто чтобъ никто не замѣтилъ — но дѣлала... Быть можетъ, однако, военные успѣхи произведутъ перемѣну въ этомъ отношеніи? Не думаю. Нѣмцы, опять-таки, народъ практическій и не на столько тупы, чтобъ вообразить, что кто сильнѣе, тотъ долженъ имѣть нравственный верхъ. Они разбили французовъ въ пухъ и прахъ, но не думаю, чтобъ отъ этого соціальное вліяніе Франціи на Германію въ будущемъ сколько-нибудь ослабѣло. За это ручается поведеніе нѣмцевъ въ теченіи войны.

Я говорилъ уже, что нѣмцы вовсе не относятся къ побѣжденной Франціи съ презрѣніемъ: они нападали на тюр-

косовъ, но это—не французы, а африканцы. Вы встрѣчаете, напримѣръ, заявленіе, что изъ французскихъ плѣнныхъ офицеровъ въ Кенигсбергѣ семнадцать при полученіи жалованья, не могли росписаться въ полученіи денегъ, не будучи въ состояніи написать своей фамиліи. Но это заявленіе дѣлается съ удивленіемъ, а не съ презрѣніемъ. Если нѣмцы относились къ кому съ презрѣніемъ, то это — къ герою Седана. Его они изваиваютъ изъ куска жира (подпись на бюстѣ: „поубавилось жиру“) и торжественно несутъ въ процесіи послѣ седанской капитуляціи. Ему нельзя было уѣхать изъ Меца въ вагонѣ IV класса, вмѣсто III-го, только потому, по ихъ мнѣнію, что въ IV-мъ классѣ нѣтъ скамеекъ, а „французы вообще стоять не могутъ“. Или вы хотите знать, для чего Наполеонъ III начиналъ войну? Онъ, видите ли, выступалъ на „поле чести“, потому что послѣ дѣлъ нуждался въ развлеченіи въ Abwechselung — нѣмецкое слово лучше выражаетъ сарказмъ...

Итакъ, на Наполеона III нѣмецкое общественное мнѣніе обрушилось всею силою и на его долю выпадаетъ презрѣніе даже теперь, когда онъ почти другъ и пріятель въ Вильгельмсгёе. Но я уже говорилъ, что къ своимъ нынѣшнимъ врагамъ во Франціи нѣмцы не обращаются съ презрѣніемъ. Правда, вы видите карикатуру, изображающую Гамбетту и Трошю. Гамбетта сидитъ на лошади верхомъ, задомъ напередъ. Трошю около него. Слава, представленная въ видѣ плачущей женщины въ колесницѣ, ѣдетъ отъ Гамбетты и Трошю и не хочетъ смотрѣть на нихъ. Ей протягиваетъ руку прусскій солдатъ. Вопервыхъ, эта карикатура нисколько нерасчитанна на осмѣяніе лицъ. Герои ея не представлены въ искаженномъ видѣ, въ томъ стилѣ, какой превращаетъ, напримѣръ, горбатый носъ Наполеона III въ цѣлую гору.

Нѣтъ, всмотритесь въ эту карикатуру ближе, вдумайтесь въ содержаніе ея, и въ умѣ у васъ явятся какъ разъ настоящія отношенія Германіи къ Франціи — къ Франціи побѣжденной но предъ которою побѣдитель все еще невольно преклоняется. „Слава" плачетъ, что она удаляется отъ представителей Франціи. Это одно уже много значитъ. Этотъ солдатъ въ каскѣ, протягивающій ей руку, чужой ей. Она не улыбается ему. Онъ протягиваетъ ей руку, но еще не видно, чтобъ рука эта была принята.

На кого же эта карикатура: на Францію, или на Пруссію? На Гамбетту, или на Бисмарка? Нѣмцы не сомнѣваются, что они — герои. Небольшой альбомъ съ складною колекціею портретовъ, озаглавленный „Нѣмецкіе герои", приводитъ очень много героевъ, и въ томъ числѣ Бисмарка, попавшаго въ число героевъ, вѣроятно, потому, что его часто рисуютъ въ кирасирской каскѣ, или потому, что его изъ полковниковъ ландвера недавно произвели въ генералъ-лейтенанты. Итакъ, нѣмцы убѣждены, что у нихъ очень много героевъ, но они какъ-то еще не освоились со своею славою и продолжаютъ отдавать решпектъ Франціи. Повидимому, побѣдители еще не успѣли свыкнуться съ новою ролью... Нѣтъ, причина кроется глубже, но о ней въ слѣдующемъ письмѣ.

XV.

101 выстрѣлъ для берлинца имѣетъ какое-то особенное обаяніе. На дняхъ, въ честь успѣховъ германскаго оружія, положено было произвести пальбу въ 4 часа пополудни, а между тѣмъ, уже за три часа до того времени стали собираться кучки народа близь Unter den Linden. „Victoria wird geschossen" — въ здѣшнемъ говорѣ. Для непривычнаго

русскаго уха, это, по меньшей мѣрѣ, своеобразный терминъ, а для англичанина даже нѣсколько странный; но пруссаковъ послѣдніе мѣсяцы приучили къ этому выраженію.

А что побѣды и пальба въ честь побѣдъ пріятны для нѣмецкаго самолюбія — это естественно. Вѣдь это побѣды надъ французами, а предъ французами, какъ я говорилъ въ прошломъ письмѣ, нѣмцы преклоняются и будутъ преклоняться, несмотря на всѣ свои лавры, на всю галлофобію Бисмарка и даже на собственное нежеланіе, чтобъ въ Европѣ знали объ этомъ преклоненіи. Вѣка значатъ много, и нравственные кумиры не такъ скоро разбиваются, какъ дѣла рукъ человѣческихъ. Притомъ, ничего не случилось такого, чтобъ разбить въ глазахъ нѣмцевъ кумиръ, которому они поклонялись. Военная слава Франціи пала; но не военная слава ея давала ей вліяніе на нѣмецкіе нравы и нѣмецкую рѣчь, и культъ галломаніи останется, пока не исчезнетъ французская культура.

А нѣмцы знаютъ, что еще ничего подобнаго не случилось. Авторъ брошюры „Wofür wir kämpfen“, докторъ Рорбахъ, говоритъ, что для Франціи необходимо военное униженіе для развитія ея внутреннихъ силъ, какъ это было въ 1806 г. съ Пруссіею и въ 1866 г. съ Австріею (стр. 8). Слѣдовательно, и нѣмцы провидятъ, что изъ нынѣшнихъ военныхъ несчастій Франціи воздвигнется для нея полное надежды будущее, и такъ паденія нравственнаго кумира быть не должно. Пусть Германія, благодаря Богу и Отто Бисмарку — какъ съ паѳосомъ выражается д-ръ Рорбахъ (стр. 5) — объединилась и сдѣлалась сильной. Посмотримъ еще, въ прокъ ли пойдетъ ей сила и не будетъ ли она еще болѣе прежняго нуждаться въ руководствѣ на пути культуры. Пруссіи или Германіи руководиться на пути культуры и кѣмъ же — Фран-

ціею! Повидимому, странно. Военный блескъ въ сторону, но Германія гордится своею народною школою, а во Франціи грамотность развита далеко не въ такой степени. Да̀, еслибъ грамотность исчерпывала все, съ Германіей на пути культуры никто не могъ бы потягаться. Но не нужно забывать, что въ Китаѣ существуетъ также всеобщая грамотность. Срединное государство Европы, пріобрѣтая громадную военную репутацію, должно заботиться ни объ одной книжной, но и о соціальной, общественной культурѣ.

Чтобъ показать, какъ нелѣпы разсужденія такихъ патріотовъ, какъ д-ръ Рорбахъ и д-ръ Бега (Das Neue Deutsche Reich, Leipzig und Heidelberg, 1871) о томъ, что въ побѣдѣ тевтонской расы надъ романскою лежитъ залогъ побѣды свободомыслія надъ забитостью („Wofür wir kämpfen", стр. 3.) или относительно миссіи Пруссія распространять цивилизацію въ Европѣ и устранить Россію отъ вліянія на Европу („Das Neue Deutsche Reich", стр. 61), довольно остановиться на нѣсколькихъ фактахъ. Гуманность — предметъ, непреподающійся въ школахъ. Нѣмцы могутъ привести достаточное основаніе, почему предметъ этотъ имъ мало знакомъ. А знакомъ онъ имъ дѣйствительно немного. Для примѣра, привожу два мѣста изъ очень распространенной здѣсь юмористической брошюры „Юморъ на полѣ сраженія" („Humor im Felde"). Первый выпускъ этой брошюры вышелъ уже пятымъ изданіемъ и кишитъ примѣрами, доказывающими превосходство нѣмцевъ надъ французами. Посмотримъ, однако, что это за превосходство въ иныхъ случаяхъ. Беру два мѣста, находящіяся бокъ-о-бокъ въ брошюрѣ (стр. 545—46).

Прусскій генералъ съ сѣдою бородою обращается къ двумъ плѣннымъ французскимъ офицерамъ съ любезною рѣчью. Понимали или нѣтъ французскіе офицеры, что имъ говори-

лось, только они слушали говорившаго сидя. Бывшій тутъ же прусскій унтер-офицеръ колосальнаго роста схватываетъ французскаго офицера за воротъ и поднимаетъ на ноги, со словами: „Эй, вы, polissons (это слово зналъ прусскій унтерофицеръ); когда прусскій генералъ дѣлаетъ вамъ честь тѣмъ, что обращается къ вамъ съ нѣсколькими словами, вы должны стоять!“ При этомъ приводится, что всѣ сидѣвшіе офицеры мигомъ вскочили.

Эта сцена поучительна. Замѣтьте, что офицеры нетолько могли не понимать, что имъ говорится, но и не знать, что съ ними говоритъ генералъ. Погоны прусскихъ офицерскихъ и генеральскихъ мундировъ—а по погонамъ только ихъ и можно различить въ иныхъ случаяхъ—вещь очень мудреная для изученія и ускользаетъ отъ глазъ; иностранцу же тѣмъ легче запутаться въ этой лѣствицѣ отличій.

И такъ, еслибъ офицеры и захотѣли исполнить долгъ дисциплины въ отношеніи къ иностранному генералу, то могли быть въ недоразумѣніи. Это недоразумѣніе разрѣшается мускулистою рукою нижняго чина арміи, гордящейся своею дисциплиною. О прусскихъ военныхъ чинахъ извѣстно, что у нихъ „чинъ чина почитай“ развито до того, что прусскій лейтенантъ смотритъ на капитана иностранной арміи, какъ на старшаго. Если въ отношеніи къ плѣннымъ не хотѣли примѣнять того же правила, то, по крайней мѣрѣ, дозволили бы и плѣнникамъ забыть, что офицеръ не можетъ иначе говорить съ постороннимъ человѣкомъ, даже если этотъ посторонній—генералъ, какъ привскочивъ со стула. Можно и стоя наговорить грубостей—что доказалъ прусскій унтер-офицеръ—и сидя, какъ принято въ обществѣ, отвѣчать на вопросы съ любезностію и вниманіемъ. Но болѣе всего потѣшила нѣмцевъ, поспѣшность, съ какою вскочили прочіе

юноши-плѣнные офицеры, вслѣдъ затѣмъ, какъ за шиворотъ подняли ихъ товарища. Не правда ли, какъ тутъ много потѣшнаго? Иностранцы — офицеры, не желая, чтобъ ихъ коснулась таже грубая рука — потому что каждое возмездіе со стороны оскорбленныхъ плѣнныхъ могло обойтись имъ дорого—сами встаютъ съ своихъ мѣстъ. Какъ много тутъ утѣшительнаго для нѣмецкаго самолюбія! Плѣнные проучены и вѣрно не забудутъ науки. Вглядитесь въ нравственную сторону этой сцены. Дюжая фигура унтер - офицера, чтобъ подслужиться начальству, поддерживаетъ во французахъ прусскую дисциплину. Тутъ и ума мало, а о гуманности въ отношеніи къ плѣннымъ нѣтъ и помина.

Это — Пруссія побѣждающая, слѣдовательно, имѣющая полную возможность быть великодушною.

Теперь посмотримъ, какъ относится къ дѣлу гуманности побѣжденная Франція.

Французы презираютъ нѣмцевъ, и Гамбетта, назвавшій побѣдоносную армію подъ Парижемъ варварскою, былъ лишь эхо массъ. Пруссія ими ненавидима изъ глубины души.

24 августа, въ осажденномъ Мецѣ, судья, за брань „пруссакомъ“, присудилъ бранившаго къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, 500 франковъ вознагражденія истцу, 50 фран. пени и къ уплатѣ издержекъ.

Въ тотъ же самый Мецъ приводятъ 15 человѣкъ плѣнныхъ пруссаковъ, еще 30 человѣкъ ожидается. Когда плѣнные, сопровождаемые жандармами, поравнялись съ кафе Turc, стоявшій тутъ же на площади французъ-извощикъ, сильный малый лѣтъ 30, пробился сквозь толпу и, хлопнувъ по фуражкѣ одного изъ плѣнныхъ, обратился къ нему съ словами: „Здорово, Бисмаркъ!“ Пруссакъ живо оборачивается и даетъ привѣтствующему такого пинка ногою, что тотъ отска-

киваетъ. Толпа вокругъ кричитъ: „Браво пруссакъ!“; но получившій пинокъ хочетъ возмездія и наскакиваетъ на пруссака; въ ту же минуту его схватываетъ французскій гвардеецъ со словами: „Ты — трусъ! Нападать на плѣннаго!“ Толпа аплодируетъ гвардейцу, и нападавшаго полицейскій съ солдатами отводитъ въ полицію.

Это Пруссія и Франція. Кому у кого нужно учиться?

Теплый весенній день. Толпа народа на улицахъ читаетъ послѣднюю депешу императора короля о подписаніи мирныхъ условій; рабочіе на громадномъ красномъ зданіи ратуши взобрались на каланчу, чтобъ окончательно приготовить все къ илюминаціи. Кажется, илюминація ратуши должна быть не дурна, если принять въ разсчетъ, что уже теперь затрачено на подготовку ея(я говорю объ одномъ зданіи ратуши) болѣе 3,000 талеровъ. Мальчуганы, продающіе депешу, кричатъ уже не Krieges-или Sieges-, а Friedens-Depeschen. Вокругъ депешъ зеленый лавровый вѣнокъ. Это первый лавровый вѣнокъ, охватывающій депешу съ театра войны; онъ предназначенъ былъ окаймить депешу, вѣщающую о мирѣ, и что давно нѣмцы ждали этого вѣщаго гласа о мирѣ можно видѣть изъ того, что, какъ я навѣрно знаю, этотъ зеленый лавровый вѣнокъ вокругъ чернаго шрифта депеши былъ готовъ уже два мѣсяца назадъ, и съ тѣхъ поръ, благодаря упрямству французовъ, хранился подъ спудомъ.

Самая депеша, когда я остановился предъ желтымъ листомъ на уличной афишной колоннѣ, чтобъ прочесть ее, показалась мнѣ, по началу, предвѣщающей возобновленіе военныхъ дѣйствій. „Съ глубоковзволнованнымъ сердцемъ....“ Такъ начинается она, и, признаюсь, я подумалъ, что надежды рушились и снова начаты военныя дѣйствія; но, по счастью, дальнѣйшій текстъ депешъ не оставлялъ сомнѣнія.

По видимому, даже полицейское управленіе, печатающее телеграммы, сознавало возможность сомнѣнія въ первую минуту, такъ какъ оно постаралось напечатать дальнѣйшую сущность депеши громадными буквами, чтобъ на нее прежде всего обратить вниманіе. Депеша адресована императрицѣ-королевѣ; имени Аугусты уже больше не встрѣчается. Иные изъ читателей спросятъ, можетъ быть, почему, со времени принятія императорскаго титула, имя Аугусты, сдѣлавшееся историческимъ, не упоминается болѣе? Дѣло очень просто. Здѣсь живутъ двѣ королевы—супруга покойнаго короля, Елисавета и нынѣшняго—Аугуста. А императрица-королева только одна. Пока королева Аугуста не была императрицею, нужно было обозначать, къ какой именно королевѣ обращена депеша. Теперь можно адресовать просто: „императрицѣ-королевѣ.“

Все приготовлено давно къ торжеству ожидаемаго мира. Посмотримъ, что̀ это будетъ за празднество.

XVI.

Не люблю я Берлина, когда онъ грязенъ, или въ сугробахъ снѣга, когда по этой грязи, или по этому снѣгу, тащится, чуть не давясь въ упряжи и тяжело надсѣдаясь, собака, запряженная въ тележку, впереди которой тутъ же, безучастно, идетъ погонщикъ, какъ будто не его дѣло помогать надрывающемуся животному.

Не люблю я Берлина, когда, зайдя въ ресторанъ-театръ, я вижу отцовъ семейства, поящихъ своихъ четырехлѣтнихъ дѣтей пивомъ изъ сосудовъ, напоминающихъ болѣе ведра, чѣмъ стаканы, и когда кельнеръ безъ спроса принеся пиво, безсмысленно смотритъ въ глаза, не понимая, какъ можно ужинать, не опорожнивъ одного, двухъ стакановъ пива, и,

всетаки, оставляетъ кружку тутъ же, думая что ухо его ошиблось.

Не люблю я Берлина, когда изъ ресторановъ его въ часъ, два ночи выходятъ, шатаясь, съ пѣніями и хаканьемъ упившіеся пива гости и тутъ же на улицѣ шумною толпою отдаютъ всевозможные долги природѣ.

Но хорошъ Берлинъ былъ вчера, подъ яркимъ и теплымъ лучомъ весенняго солнца. Берлинъ вычищенный, если не рабочими, то вѣтромъ и солнцемъ, и одѣвшійся во всѣ лучшіе наряды по поводу возвѣщеннаго народнаго торжества — заключенія мира.

Масса публики запрудила улицу предъ ратушею. Флагамъ нѣсть конца: ихъ надобно считать тысячами. Вы, напримѣръ, видите, что многіе въ толпѣ глазѣютъ вверхъ на ратушу, когда кажется, можно было бы слышать акорды „Wacht am Rein,“ разыгрываемые оркестромъ въ зданіи ратуши, и не поднимая глаза въ такой степени горѣ. Не дивитесь! И вы, читатель, остановясь предъ громаднымъ зданіемъ берлинской ратуши вчера, также подняли бы ваши взоры, еслибъ хотѣли видѣть обстоятельнѣе, къ чему способенъ патріотизмъ представителей берлинскаго купечества. На одномъ зданіи ратуши я насчиталъ 72 большіе и малые флага. Судите, какъ все это было пестро и какъ вообще пестро глядѣлъ Берлинъ. Въ книжной лавкѣ Шпета, противъ ратуши, бюстъ короля Вильгельма — бѣлый гипсовый, съ надписью, что онъ стóитъ 8 талеровъ, стоялъ уже давно. Вчера на него надѣли лавровый вѣнокъ. Послѣ я видѣлъ бюсты короля-императора въ окнахъ съ лавровымъ вѣнкомъ и чрезъ плечо. Къ флагамъ на домахъ присоединились портреты короля и его сподвижниковъ, въ огромномъ форматѣ также изображенія желѣзнаго креста.

Замѣтьте, что съ этимъ днемъ торжества совпали выборы въ Берлинѣ въ первый имперскій сеймъ. Выборы происходили въ ратушѣ. Кажется масса берлинцевъ подастъ голосъ въ пользу доктора Якоби.

— Вы за кого подаете голосъ? спросилъ я одного избирателя, вовсе не особенно радикальныхъ взглядовъ.

— За Якоби. Надобно, чтобъ не было раздѣленія партіи, а то консерваторамъ это будетъ какъ разъ на руку.

Вообще Берлинъ имѣетъ то сходство съ Парижемъ, что онъ въ монархической странѣ выбираетъ постоянно радикальныхъ членовъ парламента.

Не знаю въ какой степени вчерашнее торжество съ громаднымъ лавровымъ вѣнкомъ на офиціальной телегѣ короля-императора, съ пальбою изъ орудій и колокольнымъ звономъ (котораго я не слыхалъ, такъ какъ церквей здѣсь мало и звонятъ онѣ по протестантски — тихо), не знаю, какъ вся эта обстановка торжества, разсчитанная на возбужденіе патріотизма, подѣйствуетъ на настроеніе избирателей; а очень можетъ быть, что на все это разсчитываютъ.

Еслибъ счесть флаги, вывѣшенные вчера на всѣхъ улицахъ Берлина (у одного довольно убогаго зданія въ улицѣ Neu Ross было убранство по крайней мѣрѣ, изъ 30 флаговъ) и вмѣстѣ подвести цифры цвѣтовъ, изъ какихъ эти флаги состояли, то можно было бы получить довольно приблизительное понятіе о политическомъ настроеніи жителей города Берлина, потому что, при одномъ взглядѣ на группировку флаговъ, глазъ открывалъ въ подборѣ цвѣтовъ не случайность, а намѣренное заявленіе идей и убѣжденій.

Въ Лондонѣ полисмены считаютъ, по какому мосту сколько проѣхало экипажей и прошло народа, что очень важно для городской статистики. Въ Берлинѣ вчера можно было

бы шуцманамъ сосчитать флаги на улицахъ по цвѣтамъ, тѣмъ болѣе, что и время для этого было, такъ какъ, по замѣчанію берлинцевъ, вообще очень дѣятельные стражи общественнаго порядка обыкновенно нужны бываютъ при дѣйствительныхъ безпорядкахъ, а при вчерашнемъ торжествѣ, конечно, безъ безпорядковъ не могло обойтись.

Что сказать о вчерашней илюминаціи? Она была блестяща. Я видѣлъ большія илюминаціи Петербурга и Москвы — берлинская превзошла ихъ. Нѣмцы несомнѣнно торжествуютъ. Особенно часто на улицѣ слышалось вчера слово „мильярдъ." Очевидно дѣло шло о французскихъ пяти мильярдахъ франковъ вознагражденія. Нѣмцы люди практическіе и вопросы кармана у нихъ на первой очереди. Сначала можно поторжестовать, а послѣ торжества надѣть трауръ.

Говорятъ о шестинедѣльчомъ траурѣ по павшимъ воинамъ. Въ теченіи этого времени, кажется, не будетъ никакихъ общественныхъ увеселеній. Странными кажутся эти смѣны кулисъ общественной жизни. Сегодня торжество, закрыты промышленныя заведенія, потому что рабачіе пьютъ отъ энтузіазма; городъ залитъ огнемъ свѣта, экипажи давятъ людей, люди давятъ экипажи; стаи мальчугановъ съ флагами, фонарями и пѣснями ходятъ по улицамъ; громкое «ура» звучитъ въ толпахъ народа; просьба здѣшняго бургомистра не палить изъ ружей на улицахъ, вовсе не исполняется; требованіе того же бургомистра, держаться, при гуляньи по илюминованнымъ улицамъ, правой стороны, исполняется на половину и то потому, что быть задавленнымъ въ толпѣ народа не совсѣмъ пріятно.

А завтра — эта толпа надѣваетъ трауръ и съ поникшею

головою идетъ пить пиво только въ рестораны и пивныя, потому что рестораны-театры закрыты.

Сегодня экстазъ смѣха, ликованіе; завтра, по той же причинѣ и вслѣдствіе того же обстоятельства, трауръ и безмолвіе.

А что, еслибъ начать прямо съ траура и оставить ликованіе, такъ какъ ликовать, право, нечего, что врагъ лежитъ у нашихъ ногъ, на могилахъ, скрывшихъ трупы многихъ нашихъ братій? Но это сентиментальность. Жизнь не любитъ сентиментальности. Итакъ, оставимъ ее въ сторонѣ и еще разъ обратимся къ вчерашнему торжеству, тѣмъ болѣе, что трауръ будетъ, кажется, больше формальностью и мѣста увеселенія едва ли закроются. Раны и могилы забываются, и теперь, на первомъ планѣ, рѣшительный успѣхъ и пять мильярдовъ.

Въ семь часовъ вечера жители Берлина стали зажигать свѣчи въ окнахъ. Взглянувъ напротивъ, я увидѣлъ, что второй этажъ дома, прямо напротивъ моего окна, весь освѣщонъ, нижній почти весь, верхняго — половина. Живя въ странѣ практическихъ нѣмцевъ, я тотчасъ же прикинулъ весь этотъ блескъ на счеты. Оказалось, что домъ напротивъ моей квартиры освѣщонъ на 5 — 6 талеровъ. Сколько я видѣлъ илюминацію — а я имѣлъ терпѣніе исходить множество улицъ вчера вечеромъ — думаю, что Берлинъ истратилъ вчера на илюминаціи 200 — 300 тысячъ талеровъ. Но вѣдь двадцать такихъ илюминацій стоютъ только мильярдъ сантимовъ, а не франковъ и не талеровъ.

Ратуша, несмотря на 3,000 затраченныхъ талеровъ, была блистательно освѣщена только на одной восьмой части своего громаднаго фасада. Каланча ея освѣщалась поперемѣнно то краснымъ, то зеленымъ бенгальскими огнями и

освѣщеніе выходило весьма эфектно. Шлоссъ, берлинскій главный дворецъ, въ которомъ изъ королевской фамиліи живетъ, впрочемъ, только одинъ генералъ-фельдмаршалъ принцъ Фридрихъ-Карлъ, былъ освѣщонъ свѣчами въ окнахъ. Это скромный и пріятный для глазъ родъ иллюминаціи. Такимъ же образомъ освѣщены были домà англійскаго и бельгійскаго посольствъ. Какъ иллюминовано было зданіе нашего посольства — я не видалъ, но, говорятъ, очень изящно.

Всевозможныя фигуры и разныя надписи изъ горящаго газа; въ иныхъ мѣстахъ газъ, горящій снопомъ свѣта, на мѣстѣ временно снятаго фонаря; во многихъ окнахъ эфектно освѣщенные и драпированные бюсты короля и членовъ его семейства, бенгальскіе огни тутъ и тамъ по улицамъ — все это, конечно, дастъ лишь приблизительное понятіе объ иллюминаціи.

Но войдемте, читатель, въ эту толпу на Королевской Улицѣ. Что за давка! Народу несметное множество. Возьмите только, сколько должно было пріѣхать въ Берлинъ изъ окрестностей по желѣзнымъ дорогамъ взглянуть на иллюминацію, подобной которой еще не видали Германія и Пруссія.

Крикъ женщинъ и плачъ дѣтей въ сжатой толпѣ. Своры загадочно глядящихъ и въ замасляныхъ костюмахъ личностей, которыхъ обыкновенно не видно въ Берлинѣ, но которымъ теперь будетъ пожива, намѣренно сильно проталкиваются впередъ, не оставляя, какъ надобно полагать, безъ вниманія и карманы ближнихъ. Но вотъ остановка. Двинуться дальше рѣшительно нельзя, потому что колонна поющихъ патріотическія пѣсни мальчугановъ съ флагомъ и вооруженная какимъ-то дрекольемъ, идетъ сплошною массою по улицѣ. Толпа напираетъ, двинутся впередъ невозможно...

Но, наконецъ-то, площадь дворца. Тутъ, по крайней мѣрѣ, есть гдѣ шевельнуться.

Unter den Linden было, конечно, освѣщено не въ примѣръ лучше другихъ улицъ и притомъ, со вкусомъ. У дворца королевы звонилъ, неизвѣстно гдѣ и откуда, рядъ колокольчиковъ. Фуры съ военными проскакали по направленію къ бранденбургскимъ воротамъ (въ Берлинѣ есть, какъ въ Москвѣ, ворота, т. е. площади безъ всякихъ воротъ; но брандербургскіе, дѣйствительно, „ворота"—родъ колонады). Раздался громкимъ раскатомъ ружейный выстрѣлъ. Толпа съ крикомъ „ура!" бѣжитъ за фурою военныхъ и на выстрѣлъ.

Вильгельмова улица была также очень презентабельно освѣщена – не мудрено, это улица дворцовъ. Лейпцигская изъ остальныхъ блестѣла также очень замѣтно.

— Каковъ патріотизмъ! замѣтилъ случайно встрѣтившійся мнѣ знакомый военный.

Онъ съ гордостью смотрѣлъ вокругъ себя.

Не отвергаю, что между берлинцами есть не мало патріотовъ, но признаюсь, я при этомъ подумалъ, что еслибъ потушить огни у всѣхъ казенныхъ зданій или у такихъ, судьбы которыхъ, такъ или иначе, связаны съ казною, то илюминація вышла бы далеко не такъ блистательна.

Напримѣръ, зданіе военнаго министерства въ Лейпцигской улицѣ. Какая масса огня, хотя и безвкусно размѣщенная! Но кому же было и зажечь массу огней прежде другихъ, какъ не прусскому военному министерству.

Вовсе не отвергая, что чиновники и поставщики казны могутъ и должны выражать свой патріотизмъ, я хочу только сказать, что вездѣ надобно различать мотивы и всему назначать свое мѣсто, въ особенности же не питать своего вну-

тренняго тщеславія отсутствіемъ критическаго взгляда и анализа.

Громкая пѣсня раздается по Лейпцигской улицѣ; но откуда набранъ этотъ поющій народъ? Прохожіе останавливаются и въ удивленіи, и съ усмѣшкою, созерцаютъ это шествіе. Поющіе всѣ взрослые и всѣ одѣты въ замасленное старье, очень, очень рѣдко попадающееся на улицахъ Берлина. Впередъ идетъ, какъ дирижоръ съ палочкой, запѣвало.

Кто это? По своей ли охотѣ идутъ это голодные и холодные люди ровнымъ строемъ и съ пѣснями по иллюминованнымъ улицамъ? Не думаю. Но если имъ дали дневную пищу за это пѣніе, я понимаю это.

Уже было поздно, когда на обратномъ пути я проходилъ мимо ратуши. Всѣ огни погасли. Но что же это за толпа съ шумомъ стоитъ около куска старой берлинской ратуши сохраняемой во всей средневѣковой красѣ ея обрушившихся кирпичей, какъ антикъ?

— Штурмуютъ ратушу, кто-то замѣтилъ мнѣ.

Два полицейскіе прошли мимо улыбаясь. Очевидно, опасности для государства не было, хотя старую ратушу дѣйствительно можетъ быть штурмовали, потому что былъ часъ, когда смирные нѣмцы, подъ вліяніемъ пива, способны на все.

XVII.

Всякая картина выигрываетъ отъ надлежащаго освѣщенія. Германія, послѣ недавнихъ побѣдъ, приняла такую величественную позу, что само освѣщеніе явилось для нея необходимостью. На илюминаціи тратятся большія деньги. Не знаю, включены ли расходы на илюминаціи въ счетъ при требованіи отъ Франціи контрибуціи. Это — статья очень расход-

ная. Вчера была новая блистательная илюминація по поводу возвращенія короля въ столицу.

Въ гимнѣ, сочиненномъ по поводу возвращенія короля, говорится, что теперь вся Европа дрожитъ... Не знаю, какъ вся Европа, но въ Берлинѣ, кто, надѣясь на начавшееся тепло, выходилъ вчера легко одѣтымъ на улицу, долженъ былъ дрожать отъ холода, потому что дулъ довольно пронзительный сѣверный вѣтеръ. Несмотря на то, толпа была на улицахъ большая, даже днемъ, когда можно было видѣть только приготовленія къ илюминаціи.

Въ послѣдніе дни на первый планъ въ Берлинѣ выступали стропила. Близь королевскаго суда можно было видѣть людей, участвовавшихъ при важныхъ преніяхъ о красныхъ и зеленыхъ шкаликахъ. Около лучшихъ берлинскихъ лавокъ, по Королевской улицѣ, носился денно и нощно запахъ жженой смолы, потому что дума занята была спѣшнымъ дѣломъ—снесеніемъ части стариннаго зданія магистрата ко дню илюминаціи: нужно было снести цѣлое старинное каменное строеніе, очень прочное; работали нѣсколько дней и потомъ работали ночью съ факелами. По счастью, это была единственная факельная процесія, какую видѣлъ Берлинъ, но и то удушающаго запаха было довольно. Приготовленія къ илюминаціи, попрежнему, были особенно великолѣпны у правительственныхъ зданій. Дворецъ наслѣднаго принца (въ ожиданіи его) убранъ огромными зелеными вѣнками и колонны зданія обвиты зелеными гирляндами. Днемъ дворецъ вообще представлялъ болѣе интересное зрѣлище, чѣмъ послѣ, вечеромъ.

Король пріѣхалъ въ четыре часа съ чѣмъ-то. По газетнымъ извѣстіямъ, его ждали между пятью и шестью часами

вечера, и потому многіе были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ увидѣть въѣздъ.

Послѣдніе недуги, вѣроятно, нѣсколько измѣнили лицо престарѣлаго короля, и, можетъ быть, клики привѣта соединились бы съ замѣчаніями о состояніи его здоровья. Тѣмъ не менѣе, напрасно было бы рѣшать, случился ли въѣздъ преждевременно съ намѣреніемъ, или по обстоятельствамъ.

Ратуша зажгла свою иллюминацію, кажется прямо по въѣздѣ короля, когда еще было совершенно свѣтло на улицахъ.

Иду я по Королевской улицѣ. Вдругъ привычное нѣмецкое восклицаніе „ахъ!" и двѣ дамы бросились на противоположный тротуаръ улицы за толпою. Что такое случилось? Толпа дѣйствительно густая. Что же оказалось? толпа слѣдовала за французомъ въ красномъ кепи и полной военной формѣ. Крики мальчугановъ: „французъ! французъ!" и общее бѣгство за диковинкою, хотя, кажется, тюркосы, въ красныхъ шапочкахъ, глядѣвшіе изъ лазаретовъ на берлинскія улицы въ открытыя окна, уже должны были бы отчасти пріучить здѣшнее населеніе къ лицезрѣнію французскихъ военныхъ.

На илюминацію надобно было взглянуть хотя бы для того, чтобъ видѣть, какъ на этотъ разъ проявится духъ націи. Шкалики и горящій газъ также своего рода слова, въ которыхъ читаешь настроеніе населенія. Какъ черные съ бѣлымъ флаги, громадныхъ размѣровъ, надъ громаднымъ зданіемъ въ Александровской улицѣ наглядно говорили, что это казарма и прусскимъ военнымъ никакого дѣла нѣтъ ни до какихъ другихъ цвѣтовъ, кромѣ прусскихъ, такъ и огни у разныхъ зданій и украшенія для илюминацій имѣли свой смыслъ. Ратуша была дорого освѣщена и буржуазно недурно. Цейгхаузъ представлялъ великолѣпную картину, смысла

которой, однако, нельзя было легко понять: видно, что распорядители привыкли отуманивать глаза внѣшнимъ блескомъ, но о смыслѣ никто особенно не подумалъ. Огромное зданіе военнаго министерства было илюминовано кругомъ, но аляповато, а картина по срединѣ (Германія, вѣнчающая императора, у ногъ котораго упала израненная Франція) заставляла желать побольше освѣщенія и великодушія. Зданіе англійскаго посольства какъ будто хотѣли илюминовать, но не докончили приготовленій; видно было, что посольство подумало: „Полно, дѣлать ли приготовленія? Чего же намъ то радоваться, что наше войско нужно удвоить и утроить, и издерживать на 8 миліоновъ фунтовъ стерлинговъ болѣе въ годъ на военное дѣло?“ подумало и, всетаки, зажгло кое-какую илюминацію. Одинъ домъ, въ Вильгельмовой улицѣ, былъ изящно украшенъ разными мечами, крестами, здѣздами и другими символами изъ огня—видно было, что находишься въ аристократической части города и что владѣлецъ зданія поручилъ живописцу нарисовать огненные штрихи, чтобъ придать нелѣпости возможно красивый видъ. Взглянувъ на другой домъ въ той же улицѣ, вы сказали бы, что, судя по украшеніямъ втораго этажа, тутъ живетъ личность въ высшей степени своеобразная; это — домъ Бисмарка, вернувшагося сюда нѣсколько дней назадъ. Граждане, неизощрявшіе своихъ способностей на изобрѣтеніе и нераскрывавшіе своего кармана на большіе расходы, зажгли свѣчи въ окнахъ. Это болѣе были, кажется, огни изъ приличія.

— Вы зажжете сегодня илюминацію въ своихъ окнахъ? спросила меня вчера утромъ квартирная хозяйка.

— Вы предполагаете, вѣроятно, во мнѣ нѣмецкія патріотическія чувства?

— Я и сама охотно не зажгла бы. Но какъ-то странно будетъ, если всюду будутъ огни, а у насъ нѣтъ.

— Но въ прошлую илюминацію были огни далеко не всюду.

И такъ, вотъ одинъ изъ источниковъ зажиганія илюминаціи. Что подумаютъ прохожіе и знакомые, если мы не зажжемъ по фунту свѣчей въ окнахъ? Я думаю, что подобная илюминація вообще — больше соблюденіе приличія, или реклама.

Особенно рекламировало купечество илюминаціею своихъ лавокъ. Въ Лейпцигской улицѣ можно было видѣть фигуры Наполеона III-го и прусскаго солдата. Острота состояла въ томъ, что фигуры качали головою, какъ гипсовые зайцы. Наполеонъ III качалъ голову внизъ, прусскій солдатъ въ стороны—это могло означать, если хотите, что Наполеонъ III, просится чтобъ его пустили, а его не пускаютъ. Толпа народа у окна была страшная. Очень пришлась ей по душѣ эта нехитрая картина.

Впрочемъ, вообще илюминація, кажется, была плоше послѣдней, хотя отдѣльно тѣ и другія зданія были лучше илюминованы.

Крошечный мальчуганъ подходитъ продать листокъ съ новѣйшими патріотическими стихами. На немъ военная фуражка. Какъ въ Парижѣ въ настоящее время, всѣ воры и мошенники являются въ судъ въ кепи, такъ чуть ли не всѣ берлинскіе мальчишки надѣли военныя фуражки и чуть ли не всѣ дѣвочки носятъ сумки за спиною на образецъ офицерскаго ранца. Мой юный военный продавалъ листки патріотическихъ стиховъ по одному дрейеру (копейка); листокъ представлялъ восемь страницъ, и большая часть стиховъ его, очевидно, была сочинена еще до окончанія войны,

потому что на послѣдней страницѣ Парижу было придано такое названіе, что цензура мирныхъ условій должна была затушевать это слово черною чертою.

Патріотическіе стихи и куплеты пущены здѣсь въ обращеніе въ большомъ количествѣ. Они проникли даже въ столовую газету („Tisch Zeitung"), особенное прибавленіе къ которой (Extra-Blatt) лежитъ предо мною каждый день въ ресторанѣ, какъ обыкновенная столовая карта, отъ которой „особое прибавленіе" къ столовой газетѣ отличается только столбцами объявленій. Если столовая газета помѣщаетъ стихи о войнѣ, то едва ли нужно прибавлять, что явилась масса отдѣльныхъ изданій — пѣсенниковъ и т. д. Во главѣ пѣсенниковъ стоитъ протежируемый официознымъ органомъ Бисмарка, и вообще, я думаю, что хитрый канцлеръ, хорошо знающій силу слова, сильно участвуетъ въ этомъ литературномъ движеніи.

XVIII.

Одинъ прусскій мушкатеръ задолжалъ много, и при приличной распеканціи отъ начальника, былъ названъ не совсѣмъ приличнымъ словомъ „Schweinkerl". Мушкатеръ вынесъ бурю спокойно—говоритъ кореспондентъ „Gartenlaube", но когда начальникъ отвернулся —обратился къ товарищамъ и стоически замѣтилъ: „Странное дѣло! Вчера еще я читалъ, что всѣ мы герои, а сегодня я—свинья!"

Да, почтенный мушкатеръ — таковъ этотъ міръ контрастовъ. Контрастамъ послѣдней войны я позволю себѣ посвятить это письмо

„Былъ у насъ король, а теперь король и императоръ — два человѣка изъ одного. За то изъ сколькихъ тысячъ человѣкъ не осталось ни одного!"

*

Это замѣчаніе слышалъ я мимоходомъ, идя по берлинской улицѣ, отъ личности изъ простаго класса, слышалъ довольно давно, больше мѣсяца назадъ, но оно засѣло въ моей головѣ. Да! Изъ одного человѣка — два; изъ многихъ тысячъ — ни одного.

Еще контрастъ. Пруссія гордится своими офицерами и приписываетъ ихъ образованности въ значительной степени славу кампаніи. Въ январѣ, въ Версали изданъ былъ королевскій декретъ, которымъ всѣ браки офицеровъ, совершенные въ началѣ кампаніи безъ королевскаго разрѣшенія, объявлялись недѣйствительными. Такихъ браковъ оказывалось не мало. Представьте себѣ ужасъ и отчаяніе повѣнчавшихся, нечаявшихъ такой грозы. Въ журналахъ и газетахъ, конечно, вопросъ этотъ началъ разбираться со всѣхъ сторонъ. Не знаю, чѣмъ все это кончится. По всей вѣроятности, женившіеся будутъ просить разрѣшенія и получать его, потому что хотя буква закона и нарушена, но не вѣрится, чтобъ люди, только что вынесшіе на плечахъ бремя тяжелой борьбы за родину, могли быть оторованы, въ силу этой буквы закона, отъ близкихъ сердцу, потому лишь, что сердце не спросилось начальства.

Тѣмъ не менѣе, фактъ существуетъ. Общественное мнѣніе было поражено, и не мудрено, что вслѣдъ за войною, стало высказываться здѣсь особенно энергическое желаніе порѣшить съ несообразностями системы внутренняго управленія. Посмотримъ, разыграется ли это стремленіе одними платоническими пожеланіями, или дѣйствительно что нибудь будетъ сдѣлано.

Нѣмцы празднуютъ миръ. Обратимся къ другой сторонѣ медали. Нынѣшній миръ скорѣе едва ли не перемиріе. Бис

марку приписывается многозначительный отвѣтъ на слова Тьера.

Тьеръ замѣтилъ, что тяжелыя условія мира возбудятъ страшную ненависть къ нѣмцамъ въ сердцѣ каждаго француза.

— Я не скрываю отъ себя, замѣтилъ Бисмаркъ: что нынѣшній миръ скорѣе лишь перемиріе.

Такого же мнѣнія французскіе раненые и нераненые плѣнники здѣсь, съ которыми мнѣ приводилось говорить. На сколько мнѣ извѣстно, кажется, таково мнѣніе и въ нѣмецкихъ офицерскихъ кружкахъ.

Нѣмцы хвалятся своимъ патріотизмомъ. Для контраста, замѣчу, что имъ не слѣдовало бы, однако, бомбардировать каменьями домъ того жителя маленькаго городка, который, при общихъ ликованіяхъ по поводу первыхъ побѣдъ, вывѣсилъ изъ своего окна, вмѣсто флага, мучной куль. Можетъ быть, подъ руками этого гражданина не было никакой другой символической матеріи для выраженія своей внутренней радости, кромѣ мучнаго куля. И я не вижу, почему холстъ куля хуже полотна другихъ флаговъ. Не бомбардируютъ же зрители въ вальнеровомъ театрѣ актеровъ, когда на сценѣ являются негръ, дѣвица въ бѣломъ платьѣ и джентльменъ въ красномъ пиджакѣ. Вѣдь никому же въ голову не приходитъ, что негръ — насмѣшка надъ прусскимъ чернымъ цвѣтомъ, когда актеръ во всеуслышаніе объявляетъ, что предъ зрителями — цвѣта обновленной Германіи! За что же было бомбардировать съ 8 часовъ вечера до часу ночи домъ несчастнаго, Финнефро, въ городкѣ Флото, за его мучной куль?

Даже еслибъ Финнефро дѣйствительно посмѣялся своимъ кулемъ надъ патріотическими оваціями, то и тутъ не слѣдовало бы бомбардировать оконъ каменьями, потому что тер-

роръ хотя бы патріотическій, все же терроръ, и послѣ этого не знаешь, гдѣ дѣйствительное проявленіе патріотизма, а гдѣ маска, чтобъ только каменьями не забросали.

Нѣмцы—народъ акуратный: они собрали все, что могли, отъ казны и отъ частныхъ людей въ пользу войскъ. Но для контраста явились абсурды: собирали отовсюду добровольныя приношенія и не отправляли солдатамъ того, что посылали ихъ родные, если посылка немного превышала указанный вѣсъ.

Конечно, явились насмѣшки надъ этою чрезмѣрною акуратностью. Аврора Мукенихъ писала своему мужу въ армію, что отправляетъ ему одну половину кальсоновъ, затѣмъ, пуговицы и послѣ вышлетъ другую половину, такъ какъ заразъ отправить нельзя—кальсоны вѣсятъ больше указныхъ 15 лотовъ. Когда будетъ покоренъ Мецъ, мужъ можетъ найти портниху, которая все это ему сошьетъ, и кальсоны какъ разъ будутъ готовы къ возвращенію изъ похода домой. Въ письмѣ прибавлялось, что, въ то же время, въ Вильгельмсгёе имѣются экипажи, вино и повара, хотя все это тяжеле 15 лотовъ. Письмо это отправляла жена къ мужу съ тяжелымъ сердцемъ, но и то только потому, что сердце не взвѣшивается почтою.

Письмо это явилось въ газетѣ "Berliner Wespen" очень печальномъ подражаніи „Кладерадачу"; слѣдовательно, это колкая насмѣшка; но смѣшно бываетъ именно чаще всего то, что серьезно, если поглядѣть на дѣло съ другой стороны.

Но пока довольно о контрастахъ войны.

Берлинъ утонулъ въ торжествахъ и по уши погрузился въ празднества; иллюминаціи, то настоящія, то пробныя, слѣдуютъ одна за другой каждый день. Вчера, напримѣръ, небольшой дворецъ короля голландскаго, рядомъ со дворцомъ

королевы Аугусты, былъ великолѣпно илюминованъ, но только на полчаса — въ видѣ пробы къ нынѣшнему дню (день рожденія императора-короля). Подобныя же кратковременныя, но блестящія илюминаціи горѣли вчера и въ другихъ мѣстахъ. Это все были репетиціи.

Для того ли Прометей добылъ огонь, чтобъ изъ него дѣлать затѣйливыя фигуры при празднествахъ — я не берусь рѣшить, но съ илюминаціями то же, что съ пѣсnью „Wacht am Rhein“: онѣ начинаютъ прiѣдаться, и вы услышите отъ многихъ берлинцевъ, что довольно уже было бы разныхъ празднествъ — пора приниматься за дѣло.

Вчера одинъ знакомый назвалъ мнѣ Берлинъ городомъ революціоннымъ. Я не этого мнѣнія. Живу я здѣсь, вглядываюсь въ берлинцевъ и не понимаю, какъ въ мартѣ 1848 года, въ Берлинѣ могли воздвигаться барикады. Фактъ уже принадлежитъ исторіи, а для меня онъ все еще положительно непонятенъ. Подумать нельзя, чтобъ эти спокойные, флегматичные нѣмцы могли быть когда-нибудть врагами порядка и защитниками барикадъ. Вчера, какъ извѣстно, было открытіе перваго имперскаго сейма. Мнѣ случайно привелось видѣть процесію слѣдованія къ замку высокопоставленныхъ лицъ, потентатовъ, министровъ и вообще сильныхъ міра, ѣхавшихъ на открытіе сейма.

Конечно, берлинцы устроили при этомъ рядъ овацій. Довольно было показаться экипажу съ облитыми серебромъ лакеями, какъ тутъ и тамъ уже слышалось трусливое или смѣлое „ура“. Это Мольтке — раздалось въ рядахъ зрителей около меня. Маленькое лицо генерала выглянуло изъ окна кареты. Онъ не могъ не слышать, что его называли по имени и кланялся привѣтствовавшему его народу. Король сидѣлъ глубоко въ каретѣ, и его не было видно. „Какъ

простъ экипажъ короля!“ раздалось въ толпѣ, привѣтствовавшей предъ тѣмъ королевскій экипажъ довольно громкимъ „ура“ и размахиваніемъ шляпъ въ воздухѣ. Ждали Бисмарка, но тотъ проѣхалъ прежде.

Одними изъ первыхъ петицій, предложенныхъ рейстагу, будутъ петиціи объ отмѣнѣ газетнаго штемпеля и о судѣ присяжныхъ по дѣламъ печати. До сихъ поръ по дѣламъ печати вопросы судебнымъ порядкомъ рѣшались президентомъ и двумя вице-президентами безъ присяжныхъ. Можетъ быть, благодаря сильному возбужденію патріотизма, петиціи эти и удостоятся вниманія. Но вообще дѣла печати здѣсь какъ-то очень ненормальны. Я вчера купилъ депешу на улицѣ въ увѣренности, что это послѣднія новости изъ Парижа. Оказалось, однако, что это была лишь тронная рѣчь короля, ничего особенно новаго немогшая представить. Но мнѣ замѣтили послѣ, что депеши о парижскихъ событіяхъ теперь нельзя ожидать, такъ какъ только во время побѣдоносной войны мирволили уличной продажѣ политическихъ депешъ. Если это правда, то петиціи по дѣламъ печати, подписывавшіяся въ эти дни, вѣроятно, будутъ не послѣднія. На долго ли спасетъ Бисмарка его щитъ славы — неизвѣстно.

Если, впрочемъ, въ Россіи полагаютъ, что на долю Бисмарка выпадаетъ здѣсь всего болѣе овацій, то это ошибка. Правда, ему на одной изъ станцій, при возвращеніи сюда, двѣ дѣвочки хотѣли поднести цвѣты, но графъ благоразумно не замѣтилъ ихъ, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, малютки не были достаточно наставлены родителями въ этомъ трудномъ для дѣтской откровенности дѣлѣ поднесенія букетовъ, и повели дѣло неловко. Вообще же восхваленій Бисмарка не слышно; за то нельзя не замѣтить, что король здѣсь очень популяренъ. Само собою понятно, что я не вывожу

этого заключенія изъ того, что зданіе ратуши до сихъ поръ представляетъ взорамъ публики бюстъ короля-императора, окруженный лаврами изъ золота и другими символами. Не вывожу я этого заключенія и изъ другихъ бюстовъ, разставленныхъ у домовъ аристократіи и въ окнахъ буржуазіи. Все это, равно какъ илюминація публичныхъ зданій—вещь обыкновенная и никакъ не мѣрило популярности. Болѣе солидные признаки ея заключаются въ другихъ явленіяхъ жизни. Такъ, вы видите, напримѣръ, портреты наслѣднаго принца на шторахъ трактировъ. На платкахъ изображаются также лица и сцены, начертанныя рукою патріота. Въ газетахъ встрѣчаете объявленіе: „король, какъ спичечница“, или „наслѣдный принцъ—какъ спичечница“. Все это довольно комичныя проявленія патріотизма, но они уже болѣе говорятъ о популярности. Еще болѣе говоритъ о ней раскупаніе портретовъ. Случайно попалъ я на здѣшній предпасхальный базаръ (и здѣсь вербы и пасхальныя яйца составляютъ теперь обычное дополненіе уличной картины). Предъ торговцемъ фотографическими карточками лежала груда портретовъ. Сколько можно было замѣтить въ этой грудѣ карточекъ (по 2 коп. штука), покупатели особенно дѣятельно выбирали карточку короля. Маленькая дѣвочка очень усердно трудилась, чтобъ выбрать за свой зексеръ (6 пфениговъ, около двухъ копѣекъ) удачный портретъ короля.

— Если вамъ нуженъ король, апатично замѣтилъ торговецъ, относившійся къ дѣлу, очевидно, болѣе съ комерческой, чѣмъ съ патріотической точки зрѣнія:—то выбирайте который потемнѣе.

И дѣвочка выбрала болѣе темнаго короля. Юность довѣрчива.

Вы спросите: начинаютъ ли здѣсь исчезать слѣды войны

и воинственности? Вѣяніе мира даетъ себя знать намъ на первый разъ тѣмъ, что берлинскіе фаты и модницы начинаютъ вновь прибѣгать къ французскому языку тамъ, гдѣ особенно легко было бы обойтись съ нѣмецкимъ; въ ресторанахъ, кафе и т. д. начинаетъ слышаться подборъ—часто очень незвучный и многотрудно вынесенный наружу — французскихъ фразъ. Затѣмъ, шиньоны опять стали появляться въ значительномъ числѣ и пышнѣе кое-гдѣ таившихся во время войны. Прочелъ я также вывѣску: „Фабрика кринолиновъ", хотя часто прежде ходилъ тамъ же, а этой вывѣски не замѣчалъ. Война здѣсь подѣйствовала и на вывѣски, такъ что въ этомъ отношеніи также надобно ожидать реставраціи. Ресторанъ, гдѣ я обѣдаю, назывался прежде „Café Français". Теперь онъ носитъ очень длинное нѣмецкое названіе, очевидно, принятое только на время.

Воинственнаго вида на улицахъ, если хотите, даже больше, чѣмъ прежде. Вернулось офицерство изъ Франціи. На Unter den Linden бездна желѣзныхъ крестовъ попадается на каждомъ шагу. Здоровые, вполнѣ уцѣлѣвшіе сыны Марса, бодро щеголяютъ въ сюртукахъ, увѣшанныхъ крестами. Раненые плетутся тутъ же, одѣтые также въ возможно новые мундиры. Кое-гдѣ виднѣются колясочки съ сидящими въ нихъ ранеными, вывезенными на прогулку. Около такой ручной колясочки часто идутъ жена, дѣти. Все это довольно грустно. Но еще грустнѣе было видѣть, при приготовленіяхъ къ послѣдней роскошной илюминаціи, семью, шедшую по Unter den Linden: мать, окруженную четырьмя дочерьми-подростками, всѣ съ ногъ до головы въ черномъ крепѣ. А вокругъ стояла толпа, глазѣвшая на символъ славы, вѣнчавшій зданіе цейгхауза.

Изучающій послѣднюю войну съ соціальной точки зрѣнія,

долженъ былъ бы обратить вниманіе на то, какъ промышленность отнеслась къ войнѣ, или воспользовалась ею. Это своего рода поле для обширнаго изслѣдованія. Тутъ, во многихъ случаяхъ, можно прочесть духъ и настроеніе націи.

Одни платки (8—10 зильбергрошей за штуку) съ изображеніемъ на нихъ героевъ и сценъ войны стоили бы вниманія. Ихъ бездна. Затѣмъ, тутъ вы видите Бисмарка на четвертушкѣ бумаги, увѣнчаннаго или, точнѣе, окруженнаго огромнымъ зеленымъ вѣнкомъ, предполагается лавровымъ. Тамъ, въ магазинѣ бумаги останавливаетъ вашъ взоръ гигантскій портретъ короля, также исполненный лубочно на бумагѣ. Содержатель панорамы зазываетъ всевозможныхъ Herrschaften взглянуть на поля битвы, и чтобъ панорама замѣтнѣе выдавалась среди уличной обстановки, въ окнѣ вывѣшенъ страшно уродливо сдѣланный портретъ короля на кускѣ холстины. Противъ дворца публика стоитъ предъ портретами Бисмарка и Мольтке, написанными масляными красками; словомъ, гдѣ только можно, промышленность эксплуатируетъ войну и патріотизмъ.

По улицамъ, тутъ и тамъ, остаются различныя украшенія въ ожиданіи новой иллюминаціи. Въ газетахъ встрѣчаются побѣдные гимны. Театры, по заключеніи мира, представили рядъ живыхъ картинъ, имѣющихъ изобразить апоѳеозъ Германіи. Эти живыя картины выводили личностей изъ гробовъ; такъ, напримѣръ, Фридрихъ Барбаросса говорилъ рядъ очень замысловатыхъ нелѣпостей, но затѣмъ, воздавъ должное нынѣшней Германіи, благополучно сходилъ со сцены и, затѣмъ, взорамъ зрителей представлялась картина блаженнаго состоянія Германіи по заключеніи мира. Съ артистической точки зрѣнія все это было довольно сносно, но не знаю, можно ли то же сказать съ исторической. Являлись разныя феи

мира, Германія, въ видѣ дѣвы внушительнаго вида, и Арминій, одѣтый какимъ-то тирольцемъ. Если на иныхъ дешевыхъ театрахъ феи были нѣсколько толсты, то патріотичическому воображенію зрителей предоставлялось уменьшить размѣръ. Теперь на театральной сценѣ эпоха побѣдныхъ празднествъ, но и воинственныя пьесы еще не исчезли съ репертуара, хотя, мало по малу, начинаетъ уже водворяться періодъ мирнаго времени и на театрѣ. Впрочемъ, объ отношеніи театра къ войнѣ рѣчь впереди. Съ тѣхъ поръ, какъ я замѣтилъ, что здѣшніе народные театры — ни что иное, какъ школы патріотизма, созданныя для вліянія на публику, я сдѣлалъ ихъ предметомъ спеціальнаго изученія и подѣлюсь моими наблюденіями съ читателями въ слѣдующемъ письмѣ.

XIX.

Это письмо посвящается берлинскимъ театрамъ по отношенію къ послѣдней войнѣ.

Народные театры здѣсь оказались, на сколько я присмотрѣлся къ нимъ, школами публичнаго преподаванія патріотизма. Это преподаваніе не даровое. Но если за мѣсто платится 10 копѣекъ и за эти деньги бюргеръ или его супруга могутъ сидѣть спокойно, слушать музыку и смотрѣть представленіе въ теченіи трехъ-четырехъ часовъ, то согласитесь, что это почти даромъ.

Даже мѣсто въ первомъ ряду въ подобныхъ театрахъ стоитъ 18 - 35 копѣекъ. Прибавьте къ этому, что обстановка очень недурна и оркестръ иногда очень сносенъ, да тутъ же предъ бюргеромъ, или около него стоитъ столикъ, на которомъ кельнеръ поставитъ кружку пива. Согласитесь, что большаго для препровожденія времени бюргеру и желать не-

чего. И вотъ онъ сидитъ за пивомъ; жена его шьетъ или вяжетъ въ антрактахъ, а если антрактъ длиненъ и въ театрѣ жарко, то чета отправляется въ туннель (ресторанъ въ нижнемъ этажѣ), гдѣ можно покурить, поужинать и погулять, измѣрить свою силу, взять билетъ въ лотерею-алегри метнуть косточками и даже взглянуть на электрическую батарею.

Народныхъ театровъ здѣсь много: 8—10, не считая разныхъ ресторановъ, гдѣ также отчасти даются театральныя представленія. Обыкновенно пьеса дается много разъ сряду, и если принять въ разсчетъ, что постановка бываетъ иногда очень недурна и стоитъ большихъ затратъ, то это необходимо съ экономической стороны. Впрочемъ, такъ какъ въ театрѣ-ресторанѣ представленіе составляетъ иногда болѣе лишь дополненіе, а сущность заключается въ кружкѣ пива на столикѣ подъ рукою, то не мало посѣтителей спокойно, а иногда и съ удовольствіемъ смотрятъ пьесу въ пятый, а можетъ быть и въ десятый разъ. Такіе постоянные посѣтители хорошо знаютъ, какое мѣсто особенно выдается въ пьесѣ, какой актеръ гдѣ выказываетъ особенную силу таланта, и около такого посѣтителя сидишь, какъ около своего рода барометра, напередъ зная состояніе погоды. Можетъ быть, отсюда отсутствіе энтузіазма и вспышекъ въ публикѣ, которое поражаетъ васъ въ нѣмецкомъ театрѣ. Вызывовъ здѣсь нѣтъ, крики „браво" не раздаются. Много-много, если раздастся аплодисментъ, очень нешумный и скоро прекращающійся, за то будьте увѣрены, что и самая плохая игра съ неукоснительно незавиднымъ содержаніемъ пьесы будетъ принята здѣсь очень снисходительно.

На вольтерсдорфскомъ театрѣ, существующемъ (судя по цѣнамъ) для буржуазіи средней руки, давали и даютъ еще

теперь пьесу подъ заглавіемъ: „Мы, варвары“. Заглавіе пьесы отзывается какъ бы государственною измѣною и, за одно съ парижскими клубами, обзываетъ нѣмцевъ варварами; но это—лишь иронія, и пьеса, какъ всѣ прочія, можетъ быть, лишь немного поменѣе патріотична.

Военнополитическаго въ этой пьесѣ немного. Старикъ-музыкантъ, волонтеръ въ нѣмецкой арміи, связкою колбасъ разгоняетъ массу французскихъ солдатъ, но больше въ шутку, чѣмъ серьезно. Фрицъ Вейнладъ женится на эльзасской баронесѣ, брату которой онъ спасъ жизнь. Соль пьесы заключается въ разговорахъ между баварскимъ, саксонскимъ и прусскимъ солдатами. На берлинскихъ театрахъ баварецъ вообще выводится тучнымъ, или рослымъ, пожилымъ малымъ; саксонецъ, напротивъ, вѣтреникомъ и молокососомъ, мишенью для подтруниванья и насмѣшекъ.

Надъ баварцемъ смѣются также, но нѣсколько иначе. Въ названной пьесѣ баварецъ необыкновенно толстъ и пивоваръ. Замѣтки о пивѣ, конечно, не разъ дѣлаются прусскимъ музыкантомъ баварцу.

Плотный животъ баварца вызываетъ на шутку болѣе надъ французскимъ языкомъ, чѣмъ надъ Баваріей. „Не правда ли, жиренъ?“ спрашиваетъ пруссакъ, ударяя баварца по животу и, затѣмъ, прибавляетъ: «Fait (Fett—жиръ) accompli» Теперь, когда Баварія вошла въ составъ прусской Германіи (и это тоже—fait accompli) жиръ ея, надобно надѣяться, не будетъ болѣе колоть глаза пруссакамъ и вызывать ихъ остроты.

Но особенно достается въ пьесѣ саксонцу. Саксонецъ разсказываетъ, какія священныя войны вело его отечество въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ 1813 году воевало оно съ Наполеономъ противъ Пруссіи, въ 1866 году съ Австріею про-

тивъ Пруссіи; въ 1870 году съ Пруссіею противъ Франціи. Конечно даже хладнокровные нѣмецкіе зрители смѣются.

Баварецъ, выведенный въ пьесѣ „1870 годъ“, идущей на сценѣ луизенштадтскаго театра, нѣсколько степеннѣе и меньше служитъ мишенью для юмора. Но и онъ, очевидно, предназначенъ выказать въ лучшемъ свѣтѣ все прусское по сравненію. Саксонцу же и въ этой пьесѣ сильно достается. Въ первой пьесѣ баварцу очень не везетъ въ его ухаживаньяхъ за хорошенькою маркитанткой, во второй — неудачи сердца саксонца предназначены для осмѣянія его.

Это все еще остатки германскаго неединства и взаимной розни. Но это—болѣе иронія и шутка, такъ сказать, муниципальнаго характера, какъ насмѣшки надъ потсдамцемъ, или жителемъ Цвикау—въ Берлинѣ.

Очень уморителенъ былъ мэръ, выведенный на сценѣ тонгалльскаго театра. Онъ страшно боится прусскаго военнаго мундира, глубочайшимъ поклономъ встрѣчаетъ его, кланяется много разъ когда уже мундиръ давно за дверьми. Но за то, какъ скоро низко кланявшійся мэръ увидѣлъ, что мундиръ исчезъ, этотъ толстый господинъ выпрямляется, входитъ въ свою колею и обдумываетъ какъ бы избавиться отъ контрибуціи. Для этой цѣли онъ не прочь употребить въ пользу услуги своей племянницы; но такъ случилось, что племянница узнаетъ въ прусскомъ маіорѣ своего прежняго возлюбленнаго, котораго она считала давно погибшимъ. Конечно, прусскій офицеръ, несмотря на всѣ просьбы мэра, не уступаетъ ни франка изъ контрибуціи, но за то въ Германіи онъ успѣлъ пріобрѣсти имѣніе, которое пойдетъ на уплату контрибуціи, потому что племянница мэра ему какъ разъ невѣста.

Все это очень обычно-театрально и естественно-нелѣпо, если можно такъ выразиться, но смотрится съ интересомъ.

Въ пьесѣ „Взглядъ назадъ“ (Rückblicke)—на королевскомъ театрѣ—является другой мэръ. Этотъ умѣетъ точно также хорошо въ сторону бранить пруссака, какъ и пруссакъ его. Пруссакъ тутъ грубъ съ французомъ.

— Кто вы? спрашиваетъ пруссакъ.

— Мэръ.

— Nichts mehr? A!

Острота и каламбуръ въ нѣмецкомъ вкусѣ военно-патріотическаго времени.

Добродушнѣе и юмористичнѣе замѣтка одного изъ здѣшнихъ илюстрированныхъ листковъ. „Странно!“ замѣчаетъ прусскій служака, представленный на рисункѣ: „здѣсь, что ни бургомистръ, то — Майеръ, а не одинъ по нѣмецки не понимаетъ“.

Воинственности на сценѣ сколько угодно. Тутъ вы видите цѣлые отряды солдатъ, марширующихъ, барабанящихъ и бесѣдующихъ. Всѣ они одѣты въ точный костюмъ прусскихъ или французскихъ солдатъ: у всѣхъ ружья—и, какъ кажется, мундиры и игольчатыя ружья берутся на прокатъ у здѣшнихъ полковъ. Этимъ объясняется, почему, напримѣръ, въ тунелѣ одного изъ театровъ вы могли видѣть стойку для ружей, устроенную, какъ въ казармахъ—съ ружьями въ ней.

Дамы также переодѣваются въ мундиры, маршируютъ и барабанятъ. Маркитантки, во образѣ полу-военныхъ и привлекательныхъ фей, составляютъ обычную принадлежность здѣшнихъ воинственныхъ пьесъ. Бомбы разрываются на сценѣ въ большомъ обиліи.

Англичанинъ туристъ, лордъ, выведенный въ пьесѣ „Rückblicke“, хладнокровно ходитъ и записываетъ что-то въ книж-

ку, подъ грохотъ ружейныхъ выстрѣловъ и трескъ оружія, раздающіеся около дома, обозрѣваемаго англичаниномъ. Въ разгаръ сраженія, бомба влетаетъ въ залу, осматриваемую англичаниномъ, разбиваетъ многое, пробиваетъ, между прочимъ, шляпу самого англичанина. Все это хладнокровный господинъ въ допотопномъ пледѣ осматриваетъ внимательно — бомбу, слѣды разрушенія, свою пробитую шляпу — и дѣятельно заноситъ свои наблюденія въ записную книжку. Это — дань берлинскаго театра англійскимъ кореспондентамъ и туристамъ въ теченіе войны.

Француженки выводятся на сценѣ не разъ. Конечно, онѣ и по внѣшности должны уступать нѣмкамъ. Для усиленія антипатіи къ француженкамъ, является канканъ съ невѣроятнымъ поднятіемъ ногъ и показываніемъ бѣлья.

Въ пьесѣ „Мы, варвары“ является на сценѣ Кучке, извѣстный стихотворецъ 40 полка, конечно, не самъ, а представленный актеромъ. Поется извѣстная пѣснь Кучке: „Кто прячется тамъ въ кусту? Я думаю, это Наполеонъ“; пѣсня съ дополненіемъ положена на музыку и исполняется самимъ Кучке и цѣлою группою актеровъ и актрисъ съ приличнымъ маршемъ, ружейными пріемами и т. д.

Посвятивъ вечеръ фридрих - вильгельмштадтскому театру (для буржуа высшаго разряда), я видѣлъ пьесы: „Побѣдное празднество Германіи“ (Германія, Барбаросса, Арминій); алегорическую картину, изображающую апоѳеозъ Германіи; жанръ: „Прусскіе уланы“ и такой же жанръ „Часовые передъ Парижемъ“. Объ апоѳеозахъ я уже говорилъ. Что касается послѣднихъ двухъ пьесъ, то первая представляетъ прусскихъ уланъ защитниками собственности и чести поселянъ въ Эльзасѣ. Тутъ два прусскіе улана разбиваютъ чуть ли не цѣлый отрядъ французовъ, причемъ берется много плѣнныхъ.

Съ плѣнниками обходятся, однако, очень хорошо. Плѣнный тюркосъ не разъ хватаетъ за щеку молодаго прусскаго военнаго, но ни разу ни выводитъ его изъ терпѣнія. Во второй пьесѣ уморителенъ Кронельсонъ, привезшій изъ Пруссіи приношенія и пожертвованія для солдатъ (Liebesgaben). Это—берлинецъ, немножко плутъ, подъ личиной патріотизма, и прибылъ подъ Парижъ, чтобъ вступить въ него со своими и взглянуть на французскую столицу; но отъ нѣмецкаго журнальнаго кореспондента узнаетъ онъ, что въ Парижѣ еще 6,000 дойныхъ коровъ и недостатка нѣтъ, такъ что ему приходится лишь присутствовать при томъ, какъ въ оставленныхъ домахъ нѣмецкіе солдаты, дрожащіе отъ холода, подтапливаютъ камины оставленною владѣльцами мебелью.

Наполеону III, императрицѣ Евгеніи и Лулу въ особенности сильно достается въ пьесѣ „1870 годъ“ на луизенштадтскомъ театрѣ. Хороши живыя картины, изображающія Наполеона III и Лулу. Тутъ изображенъ походъ на Рейнъ, Саарбрюкенъ, какъ Лулу учатъ стрѣлять изъ орудія, какъ Фросаръ наставляетъ своего питомца; затѣмъ, фіаско и, наконецъ, Наполеонъ III, сидящій на громадной прусской каскѣ, на которой написано „Вильгельмсгёе“. При представленіи картинъ—одной за другою — однимъ актеромъ, ясно и отчетливо, поются соотвѣтственные куплеты, а своеобразная музыка, акомпанирующая этимъ куплетамъ, до сихъ поръ звучитъ въ моихъ ушахъ полужалостливыми и полуигривыми нотами.

XX.

Лавровые вѣнки на лоткѣ рыночной торговки —не правда ли, смѣшно? А между тѣмъ, не далѣе, какъ нѣсколько дней назадъ, проходя по Шенгаузер-Аллэ, я видѣлъ цѣлую кучу

лавровыхъ вѣнковъ на подобномъ лоткѣ, и не сомнѣваюсь, что въ базарные дни въ другихъ частяхъ Берлина лавровые вѣнки также идутъ въ состязаніе съ апельсинами и яблоками.

О слава! какъ ты дешева въ Германіи! Въ окнахъ мелкихъ магазиновъ можно и теперь еще видѣть много такихъ лавровыхъ вѣнковъ, наклеенныхъ на бумагу и окружающихъ стихъ какого нибудь домашняго поэта съ возвышенными стремленіями и ограниченными денежными средствами. Поэтъ привѣтствуетъ возвращающагося героя (какого—все равно) благими пожеланіями. Благія пожеланія, лавровый вѣнокъ, бумага—все стоитъ навѣрно не болѣе грошена (4 копеекъ), и предназначено быть пасхальнымъ подаркомъ для возвращающихся воиновъ.

Конечно, лавровые вѣнки не изъ настоящаго лавра. Германія нажила столько героевъ, что еслибъ каждому сплести вѣнокъ изъ настоящаго лавра, то все лавровыя деревья Европы и даже цѣлаго міра надобно было бы, подвергнуть такой реквизиціи, что не осталось бы пожалуй, ни одного лавроваго листа для будущихъ героевъ. Если вѣрить автору недавно вышедшей здѣсь брошюры „Russland und Deutschland“, столкновеніе между славянизмомъ и германизмомъ предстоитъ лишь только въ отдаленномъ будущемъ; но, кромѣ этого столкновенія, въ отдаленной перспективѣ есть немало возможныхъ европейскихъ столкновеній въ болѣе близкомъ будущемъ; слѣдовательно, опять будутъ герои и опять потребуются лавровые вѣнки.

Повторяю: здѣсь слава теперь очень дешева. Одно изъ двухъ: всѣ нѣмцы, безъ исключенія, возвысились до славы, или слава снизошла до всѣхъ нѣмцевъ. Въ послѣднемъ случаѣ, эта слава граничитъ уже съ самовосхваленіемъ въ пив-

ной. Вообще, германскій энтузіазмъ, по крайней мѣрѣ, насколько онъ проявляется въ отраженіи военныхъ событій на торговлѣ и промышленности, представляетъ немало курьезнаго. Вы заходите въ кандитерскую: вамъ нужно купить пасхальное яйцо. Что это? Яйцо, съ изображеніемъ Кучке. Фузилеръ Кучке прославился своимъ стихомъ:

Кто прячется тамъ, за кустомъ?
Я думаю, Наполео*мъ*

Если тутъ Наполео*мъ*, вмѣсто Наполеонъ, то лишь тѣмъ болѣе вѣрное подражаніе германскому военному пѣвцу, который долженъ былъ превратить Napoleon въ Napolium, чтобъ экс-императоръ какъ-нибудь умѣстился въ нѣмецкій стихъ. Поэзія вообще допускаетъ вольности, и военная дѣятельность — не призвана отучать отъ нихъ. Стихъ Кучке прославили какъ высоко поэтическій. Явились массы подражаній. Ученые стали доискиваться источниковъ поэзіи Кучке въ санскритской и іероглифической древности. Все это читатель можетъ принять за шутку; но въ такомъ случаѣ рекомендую ему купить брошюру „Das Kutschkelied", гдѣ іероглифы призваны для объясненія неподражаемой поэзіи фузилера 40-го полка прусской арміи.

И такъ, Кучке — народный пѣвецъ германской арміи и германскаго народа; но я еще не вижу въ этомъ повода къ тому, чтобъ изображеніе его — въ синемъ мундирѣ и фуражкѣ съ красныиъ околошемъ — явилось на пасхальномъ яйцѣ. Вы видите на здѣшнихъ пасхальныхъ яйцахъ изображеніе желѣзнаго креста. Это еще можно объяснить даже съ ортодоксальной точки зрѣнія. Но прусскій орелъ на такомъ яйцѣ — насмѣшка надъ пасхальнымъ символомъ, который призванъ напоминать Марію Магдалину и возрожденіе человѣка, а не побѣды Мольтке и возрожденіе Германской Имперіи. Что же

касается фигуры Кучке въ прусскомъ мундирѣ, высящейся надъ пасхальнымъ яйцомъ, то это—уже пародія на пасхальный подарокъ, и отъ религіозныхъ нѣмцевъ нельзя было ожидать этого. Но Европа еще не разъ вспомянетъ, что слава измѣнила нѣмцевъ, сдѣлала ихъ другими людьми.

Да; нѣмцы—народъ религіозный. Это я вывожу изъ того, что торговцы вербами были на улицахъ въ теченіи всего поста, изъ того, что торговки копчеными селедками попадались необыкновенно часто предъ праздникомъ пасхи, изъ того, что у нѣмцевъ есть также день, когда они ничего не ѣдятъ до вечера, и изъ другихъ не менѣе важныхъ данныхъ. И здѣсь пасха празднуется нѣсколько дней, и здѣсь есть кое какія церемоніи.

Но если берлинскіе нѣмцы - народъ еще неразставшійся съ набожностью, то что значатъ всѣ эти продѣлки ихъ съ желѣзнымъ крестомъ? Вы видите желѣзный крестъ на книжныхъ обертках, сдѣланный изъ сахара въ кандитерской, въ мылѣ, на лавкѣ продавца игрушекъ. Тутъ нѣтъ тѣни ироніи—все искренне, все—настоящее увлеченіе, но все крайне смѣшно.

Если шампанскіе бисквиты называются бисквитами Бисмарка, то это естественно и даже можетъ найти логическое истолкованіе: не будь Бисмарка —не занимать бы нѣмцамъ Шампани. Бюстъ Бисмарка, красующійся въ окнѣ магазина и сдѣланный съ тѣмъ искуствомъ, съ какимъ лѣпятъ мотающихъ головками кроликовъ — также естественное явленіе. Но хлопоты съ желѣзнымъ крестомъ сильно пересаливаютъ. Желѣзныхъ крестовъ довольно попадается на улицѣ, а тутъ еще вы видите ихъ всюду въ какую лавку ни войдете. Желѣзныхъ крестовъ на вернувшихся офицерахъ и солдатахъ такъ

много, что карикатура въ „Берлинскихъ Осахъ" дѣйствительно забавна.

— Мама! кричитъ крошечная дѣвочка матери на улицѣ: — мама! посмотри: офицеръ безъ желѣзнаго креста!

Такая диковина здѣсь офицеръ безъ желѣзнаго креста!

Подражать нѣмцамъ можно кое въ чемъ. Отчего, напримѣръ, не заимствовать этой акуратности, которая, вмѣсто докучливаго стиранія воды съ оконъ, употребляетъ въ дѣло крошечную кружку подъ подоконникомъ, или закрываетъ печку, вмѣсто двухъ дюжихъ желѣзныхъ, марающихъ руки и полъ, круговъ, поворотомъ желѣзнаго кольца на полдюйма. Но да избавитъ Провидѣніе отъ неумѣреннаго подражанія всему нѣмецкому во многихъ другихъ отношеніяхъ! Самопрославленіе нѣмцевъ не знаетъ предѣла; ихъ увлеченіе военною славою доходитъ до смѣшнаго.

Знаю, что у нихъ есть кое-что хорошее въ военномъ отношеніи, но не забывайте, что игольчатое ружье найдено уступающимъ шасспо; что прусскіе армейскіе синіе мундиры никуда не годились послѣ трехъ мѣсяцевъ кампаніи, между тѣмъ, какъ брауншвейгскіе черные глядѣли, сравнительно, еще почти новыми; что прусская каска (helm), найдена была неудобною въ походѣ и остается неотмѣненною лишь потому, что, какъ говорятъ нѣмцы Wilhelm — helm will: король хочетъ сохранить каску.

Что же касается нѣмецкаго увлеченія своими лаврами, то его комизмъ навѣрно вполнѣ отклонитъ отъ подражанія ему.

XXI.

Общеизвѣстно, что въ нѣмцѣ можно утонуть — такъ онъ глубокомысленъ. Но это говорятъ люди, которые изучали

Германію лишь днемъ. Германія въ 11 часовъ утра—не то, что Германія въ 11 часовъ ночи. Послѣдняя тонетъ въ пивѣ, и въ ея глубокомысленности не утонешь.

Я не изучалъ Германіи въ 11 часовъ ночи уже потому, что не пью пива. Кто можетъ, подобно любому нѣмцу, просидѣть три-четыре часа вечеромъ за тремя-четырьмя кружками пива, тотъ изучитъ лучше Германію въ 11 часовъ ночи. Не изучивъ Германію послѣ пива и зная объ этой эпохѣ германскаго существованія только по разгульнымъ пѣснямъ и буйному гулу на улицахъ ночью, я буду говорить только о глубокомысленной Германіи.

Въ глубокомысленности нѣмца можно утонуть, и я въ настоящее время тону въ ней. Извѣстно, что предположена раздача лицамъ, принимавшимъ участіе въ войнѣ, денежныхъ пособій. Это денежное пособіе выдается въ вознагражденіе за тѣ неизбѣжныя потери, которыя понесли эти лица. Все это прекрасно. Потери понесены, труды принесены на алтарь отечества, и отечество, получивъ кредитивъ на пять мильярдовъ франковъ, можетъ вознаградить своихъ сыновъ, добывшихъ эти пять мильярдовъ. Но нужно, чтобъ при раздачѣ были соблюдены правильность и справедливость. Вотъ до этой-то справедливости я никакъ и не додумаюсь при чтеніи глубокомысленнаго распоряженія о выдачѣ вознагражденій. Тонешь въ глубокомысленности нѣмецкихъ военныхъ бюрократовъ—и ни одной соломенки, за которую можно было бы схватиться! Какъ и почему сдѣланы эти замѣчательныя распоряженія? Генераламъ назначено по 5,000, по 3,000 талеровъ и т. д., смотря по рангу, а секунд-лейтенанту приходится лишь 75 талеровъ. Кто говоритъ! Война всѣмъ принесла непріятности или лишенія; но вопросъ въ томъ, кто пострадалъ больше? Тому, конечно, нужно и дать больше

вознагражденія. Тягости войны, strapazzen (очень любятъ нѣмцы это слово въ послѣднее время) легли, болѣе или менѣе, на всѣхъ. Назначая вознагражденіе, выберите тѣхъ ,кто дѣйствительно понесъ, вслѣдствіе войны, наибольшія утраты. Само собою понятно, что и графу Бисмарку было непріятно, надобно полагать, ѣхать во Францію. Онъ—отецъ двухъ сыновей, которымъ грозила смерть съ открытіемъ войны (слегка раненый сынъ его уже выздоровѣлъ и возвращается сюда); онъ—отецъ 22-хъ-лѣтней дочери-дѣвицы, толки о замужествѣ которой съ гр. Денгофомъ должны были пріостановиться съ открытіемъ кампаніи. Что за коммиссія, Создатель, ѣхать при такихъ обстоятельствахъ за арміею во Францію, бросать домъ и семью? Но хотя это и такъ, никто, однако, не станетъ утверждать, что князю Бисмарку надобно выдать за strapazzen, понесенные графомъ Бисмаркомъ, солидную сумму денегъ, тогда какъ фотографъ, пошедшій въ ряды и кинувшій свои занятія, слѣдовательно, потерпѣвшій въ денежномъ отношеніи, несомнѣнно нуждается въ вспомоществованіи отъ благодарнаго отечества. Офицеръ, дѣйствительно понесшій труды и потери въ походѣ, въ который онъ долженъ былъ отправиться, кинувъ выгодныя занятія въ отечествѣ, можетъ имѣть право на государственную помощь, но генералъ, который несъ бы почти тѣ же обязанности и въ мирное время на родинѣ, уже получилъ свое должное въ жалованьи. Если хотѣли вознаградить его, то тѣмъ паче нужно было вознаградить секунд-лейтенанта. А между тѣмъ—5,000 и 75 талеровъ! Если принять, что солдатъ стоитъ въ такомъ же отдаленіи отъ секундъ-лейтенанта, въ какомъ послѣдній отъ генерала, то солдату, по этой пропорціи, нужно выдать талеръ съ чѣмъ-нибудь, что будетъ какъ разъ достаточно, чтобъ нанять фіакръ для въѣзда въ Берлинъ, вмѣсто того, чтобъ

входить пѣшкомъ при торжественномъ вступленіи въ столицу возвращающихся побѣдителей, да еще останется кое-что на обѣдъ въ ресторанѣ, если обѣдъ отъ имени города данъ будетъ только однимъ офицерамъ. Ауэрбахъ говоритъ, что южно-германская живость ума должна смягчить прусскую бюрократію и юнкерство. Такъ смягчайте поскорѣе!

Въ той мѣстности Берлина, гдѣ сгрупировались напоминающія 1813—15 годы александровскія казармы, Александровская Площадь, Алексадровская Улица, Малая Александровская Улица, (здѣсь есть еще Александрининская Улица, но въ другой части города) и т. д., привелось мнѣ встрѣтить возлѣ объявленія одного калиграфа сугубо правдивую цитату: „Чтобъ быть писателемъ, нужно имъ родиться; чтобъ быть признаннымъ писателемъ — нужно прежде умереть.“ Очень можетъ быть, что калиграфъ прилагаетъ это изреченіе къ своему непризнанному современниками таланту; но, во всякомъ случаѣ, изреченіе довольно правдивое. Это изреченіе только неприложимо къ Вольфангу Менцелю. Вольфангъ Менцель еще живъ, но признанъ, какъ одинъ изъ славныхъ сыновъ Германіи. Менцель написалъ много историческихъ сочиненій, преимущественно относящихся къ нынѣшнему столѣтію, и въ свое время принесъ долю пользы въ борьбѣ противъ обскурантизма глухой поры Меттерниховъ, Стурдзъ и другихъ героевъ священнаго союза.

Менцель уже старецъ, и когда книгопродавецъ подаетъ вамъ его сочиненіе, то спѣшитъ добавить, что оно принадлежитъ перу славнаго Менцеля.

Итакъ, Менцель—одинъ изъ корифеевъ современной литературной Германіи. Понятно, что я взялся за вышедшіе выпуски его исторіи послѣдней войны въ ожиданіи, что это не будетъ полуофиціальная гиль разныхъ исторій, явившихся въ

очень внушающемъ числѣ, но вовсе невнушающихъ къ себѣ довѣрія.

Менцель—думалъ я—не будетъ смотрѣть на все съ узко-патріотической или бисмарковской точки зрѣнія, онъ отнесется къ дѣлу какъ историкъ.

Но, нѣтъ! О сила общаго потока!

И славный старецъ пишетъ, точь въ точь, какъ Винтерфельдъ. И у него Пруссія разыгрываетъ роль незлобиваго агнца. Она не желала и не предвидѣла войны и была застигнута врасплохъ хитросплетеніями Наполеона III, Оливье, Грамона, Бенедетти и иныхъ. Гогенцоллернская кандидатура упала на Бисмарка не какъ галушка въ ротъ счастливца, а какъ шишка на бѣднаго Макара. Но Менцель идетъ дальше. Онъ даетъ понять читателю, ни болѣе, ни менѣе, что Примъ, провозглашая гогенцоллернскую кандидатуру, былъ въ заговорѣ съ Франціею противъ Пруссіи, что въ Мадридѣ и Парижѣ было условлено пустить въ ходъ эту штуку для того, чтобъ вынудить Пруссію на войну. Дальше этого нельзя идти въ софистикѣ, читатель, и я долженъ былъ уклониться отъ чтенія труда Менцеля. Я не безъ намѣренія остановился на Менцелѣ. Если такой писатель увлекся общимъ потокомъ и пишетъ какъ по сигналу, то чего же ждать отъ массы другихъ? Обстоятельство очень важное, и чѣмъ вы больше будете изучать нынѣшнюю Германію, тѣмъ болѣе убѣдитесь, что она удивительно дисциплинирована и умѣетъ даже въ лицѣ наиболѣе свободно мыслящихъ своихъ сыновъ акомпанировать вполнѣ точно звукамъ офиціальной флейты. Эта дисциплина меня поражаетъ, и поражаетъ до утомленія. Напередъ знаешь, чтò скажутъ и чтò сдѣлаютъ. Одну книгу читаешь, какъ другую. Можетъ быть, во Франціи

эта дисциплина оказала чудеса. Въ Германіи она наводитъ сонъ.

Объявите завтра войну Парагваю, и завтра же появится рядъ газетныхъ статей, а чрезъ недѣлю масса книгъ о томъ, что Парагвай давно уже относился враждебно къ Пруссіи, что должна быть мѣра всякому терпѣнію, и если Пруссія постарается обезпечить за собою участокъ земли на берегу Лаплаты, то это будетъ исключительно въ видахъ самоохраненія противъ надоѣдливаго врага и чтобъ отнять у него поводъ къ новымъ оскорбленіямъ. Затѣмъ, если чрезъ недѣлю Бисмаркъ передумаетъ и заключитъ миръ съ Парагваемъ, нѣмцы станутъ писать, что германская нація настолько цивилизована, что не можетъ питать чувства мести къ государству, съ которымъ заключила миръ, и что отношенія между двумя націями могутъ быть только самыя дружественныя. Я уже касался общественнаго мнѣнія въ Германіи. По отношенію къ Россіи, здѣшняя печать говоритъ почти то же, что французская печать о Пруссіи. Какъ для Франціи пруссаки варвары, такъ для Прусіи—русскіе. Варварство больше заключается въ томъ, что здѣшніе буржуа копируютъ французскихъ и становятся, въ этомъ отношеніи, въ подчиненное отношеніе, а русскіе копируютъ нѣмцевъ и дѣлаютъ ихъ своими начальниками. Здѣсь есть курьезная поговорка: „нетолько я, даже русскій не сказалъ бы этого.“ Вотъ вамъ квинт-эссенція благодарности за точное копированіе нѣмцевъ, за раздачу имъ теплыхъ мѣстъ внутри холодной Россіи. Эта поговорка въ устахъ лицъ, даже незнающихъ, что̀ такое Россія и русскіе — даетъ понятіе о давно сложившемся и утвердившемся воззрѣніи.

Обмѣнъ дружескихъ писемъ въ офиціальныхъ сферахъ и благодарность Пруссіи за помощь, оказанную ей Россіею въ

теченіи послѣдней войны, составляютъ фактъ. Вѣрно и то, что въ „Кладдерадачѣ“ вы читаете въ перечнѣ жертвователей въ пользу прусскихъ вдовъ и сиротъ имена дѣтей: Николай, Сергѣй, Ольга.

Все это, несомнѣнно русскія имена (имя Ольга, впрочемъ, носятъ и многія здѣшнія нѣмки) и не нужно было бы даже читать дальше: „изъ Москвы,“ чтобъ понять, что пожертвованія пришли изъ Россіи. Но все это доказываетъ очень мало. И еслибъ вниманіе Бисмарка обратилось къ востоку и туда былъ бы устремленъ воинственный взглядъ, то, я думаю, что весь германскій оркестръ разомъ сталъ бы вторить акорду офиціальной первой скрипки.

Практическій выводъ тотъ: нѣмцы народъ хорошій, добрый, незлобливый и прежде всего прекрасно дисциплинированный. Сегодня они братаются съ французскими крестьянами и мирно раскупаютъ вещи на аукціонѣ въ домѣ графа Бенедетти, забывъ о роли, какую игралъ этотъ дипломатъ прошлымъ лѣтомъ. Но пусть раздастся офиціальный сигналъ и какъ во Франціи крестьяне превратятся въ глазахъ пруссаковъ во враговъ, такъ въ Берлинѣ и во всей Германіи снова появятся карикатуры на Бенедетти.

Что думаетъ дисциплинированный народъ — до этого его сосѣдямъ дѣла мало. О Россіи думаетъ нѣмецкій человѣкъ несомнѣнно нелюбезно и неутѣшительно; но можно эту думу оставить при немъ: она Россіи нисколько не повредитъ, пока въ офиціальныхъ сферахъ будутъ, вмѣсто воинственныхъ, бросать взоры любви и сочувствія.

Но въ Россіи знаютъ, какъ и вездѣ, что любовь и сочувствіе въ этомъ мірѣ вражды и зависти, хитрости и недоразумѣній, въ этомъ мірѣ игольчатыхъ ружей и ружей Кренка, балтійскихъ провинцій и Константинополей — непроч-

ны. Чувства должны быть поддерживаемы, чтобъ они не изсякли. Современная филантропія недалеко ушла отъ Рима съ его si vis pacem, и поддерживаетъ чувство любви и дружбы ружьями и пушками. Желѣзо, сталь, мѣдь — что можетъ быть крѣпче подобныхъ опоръ? И если таковъ вѣкъ что, при всей невѣсомости братскихъ чувствъ, они — тяжолое бремя для человѣчества, то и опоры, конечно, должны быть соразмѣрно крѣпки.

XXII.

Не всегда песимизмъ руководитъ перомъ при групировкѣ темныхъ сторонъ; иногда этой групировки требуетъ справедливость. Свѣтлыя стороны послѣдней войны для Пруссіи такъ подробно описаны, что, ради требованій безпристрастія и правды, надобно заняться и групировкою темныхъ сторонъ.

Особенно настоятельно чувствуется потребность въ этомъ здѣсь, среди потока самовосхваленія. Сюжетъ для настоящаго письма подготовлялся каждый разъ, когда вниманіе мое обращала на себя надпись „Седанъ“, украшавшая пакетъ въ окнѣ магазина; когда глазъ останавливался на объявленіи о „кафе Бисмаркъ“; когда „Кладдерадатчъ“, тонко льстя прусскому премьеру, представлялъ его въ рисункахъ какимъ-то типомъ геройской красоты; наконецъ, когда у лавроваго вѣнка въ окнѣ табачной лавки надпись гласила: „привѣтъ нашимъ германскимъ героямъ“, на дамскомъ воротникѣ являлся желѣзный крестъ или оборку женской юбки украшала надпись: „Гамбетта — воздушный шаръ“.

Каждое увлеченіе нуждается въ отрезвленіи. Особенно опасно увлекаться въ области политическихъ и историческихъ

выводовъ. Нетолько сама Пруссія восхваляла все безусловно у себя: ее восхваляли и другіе. Девятнадцатый вѣкъ недалеко ушелъ отъ своихъ предшественниковъ, и слава, добытая на полѣ сраженія, еще ослѣпляетъ его глаза и заставляетъ преклониться предъ всѣмъ, что освѣщается ею.

Мои темныя краски я беру не у враговъ, а у друзей Пруссіи. Я не заимствую ихъ у французовъ, за однимъ исключеніемъ. Но баронъ Штоффель, бывшій военный уполномоченный Франціи въ Берлинѣ, не столько французъ, сколько, по складу ума и, очевидно, по происхожденію, нѣмецъ. Во всякомъ случаѣ, онъ другъ всего прусскаго и германскаго, и еслибъ Франція своевременно послѣдовала его совѣтамъ, она, вѣроятно, не испытала бы прошлогоднихъ катастрофъ. Затѣмъ, остальныя краски мои почерпаются у рьяныхъ друзей и защитниковъ прусской Германіи.

Баронъ Штоффель хорошо изучилъ Пруссію. Съ этимъ согласится каждый, кто прочолъ его донесенія, напечатанныя по подлинникамъ, найденнымъ между секретными бумагами тюльерійскаго двора. Эти донесенія явились здѣсь въ нѣмецкомъ переводѣ, подъ заглавіемъ „Донесенія бывшаго французскаго военнаго уполномоченнаго въ Берлинѣ, полковника барона фон-Штоффеля, о прусскомъ войскѣ и народѣ“. Какъ историческій матеріалъ, эти донесенія имѣютъ громадную важность. Правительство Нополеона III имѣло полную возможность, начиная войну съ Пруссіею, знать, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло.

Я не касаюсь здѣсь подробностей донесеній Штоффеля. Я хотѣлъ лишь привести, что Штоффель, являясь рьянымъ сторонникомъ прусскихъ военныхъ порядковъ и преклоняясь предъ ними, отдавая также дань достоинствамъ прусака, въ то же время признаетъ въ прусскомъ нѣмцѣ суровость, вы-

сокомѣріе и полное отсутствіе великодушія (стр. 19-я). Штоффель признаетъ за прусакомъ серьезность, твердость, силу, но при этомъ полное отсутствіе нѣжныхъ и благородныхъ чувствъ всего, что „привлекаетъ". Но онъ охотно признаетъ при этомъ за нѣмцами любовь къ труду и научнымъ занятіямъ, прилежаніе, любовь къ порядку, бережливость, патріотизмъ, чувство долга и сознаніе собственнаго достоинства, соединенное съ уваженіемъ къ власти и съ подчиненіемъ законамъ (25). Взвѣсивъ все это, окажется, что такая нація существуетъ исключительно только для себя. Окажите ей тысячу услугъ, и она завтра же отвѣтитъ вамъ черною неблагодарностью.

Печать въ Германіи вполнѣ дисциплинирована. Штоффель, въ своихъ донесеніяхъ, приводитъ, что прусская печать, за нѣсколько лѣтъ до открытія войны, нападала на Францію всевозможными способами и возбуждала общественное мнѣніе Германіи противъ этой страны, не отступая ни предъ какими эпитетами и клеветами (24). Французскій уполномоченный приводитъ это, чтобъ показать, что вотъ, дескать, въ то время, какъ германская печать такъ дѣятельно помогала прусскому правительству, французская не дѣлала того же противъ Германіи. Не очень понятно, насколько выдумки и клеветы противъ Германіи возвысили бы Францію нравственно; но что баронъ Штоффель набрасываетъ вѣрную картину ратованія прусской дисциплинированной печати — это вполнѣ вѣрно. Итакъ, обращусь къ представителямъ дисциплинированной печати и позаимствуюсь у нихъ данными о послѣдней войнѣ.

Ауербахъ (Wieder Unser, 51) замѣчаетъ, что состояніе здоровья Наполеона III не могло долго вліять на состояніе Европы. Государства должны были изучать патологію. Это

скучно, и потому Германія рѣшилась, наконецъ, сломить Французскую Имперію. Но вообще нѣмецкіе авторы дружно держатся пароля, что Франція всему причиною, а Пруссія — агнецъ.

Агнецъ завоевалъ Эльзасъ и начинаетъ съ того, что германскіе шульмейстеры поднимаютъ споръ о томъ, какъ писать: das Elsass, или der Elsass? Согласитесь, что не совсѣмъ пріятное предзнаменованіе для эльзасцевъ.

Ауербахъ не скрываетъ, что и безъ того сильный и суровый голосъ сѣверныхъ нѣмцевъ, послѣ блестящихъ прусскихъ успѣховъ, пріобрѣлъ еще болѣе рѣзкія и повелительныя ноты (131). Вторая французская имперія обставила себя чиновниками, которые, при опредѣленіи на службу, представляли одновременно и просьбу объ отставкѣ, безъ обозначенія числа, такъ что неугодившій чиновникъ могъ тотчасъ же, безъ дальнѣйшихъ околичностей, быть смѣненъ правительствомъ. Понятно, что душа эльзасцевъ не лежала къ такому правительству. Но они не хотѣли принадлежать и Германіи. Изъ нихъ не явилось ни одного шпіона для нѣмцевъ (о шпіонствѣ нѣмецкіе авторы говорятъ совершенно спокойно, какъ о необходимой принадлежности войны), какъ ни одинъ французскій чиновникъ не примкнулъ къ вступавшимъ во французскія области нѣмцамъ.

Гдѣ причина этого? спрашиваетъ Ауербахъ. Германскій романистъ ищетъ эту причину въ томъ, что нѣмцы не обладаютъ достаточною дозою самоуваженія, что иные изъ нихъ не умѣли читать на своемъ родномъ языкѣ, а умѣли на чужомъ (134), что въ Германіи извѣстно слово Deutschthumerei (германщина), тогда какъ Франція полна уваженія къ своему національному достоинству. Но романистъ переходитъ въ роль историка, когда указываетъ другую, болѣе существен-

ную причину. Онъ совѣтуетъ соотчичамъ принять къ свѣдѣнію, что въ Эльзасѣ, какъ во Франціи вообще, чиновничій міръ не относится съ такимъ пренебреженіемъ къ частнымъ лицамъ, какъ въ Германіи, что тамъ больше уважаются человѣческія права (188).

Все это я заимствовалъ у Ауербаха, а Ауербахъ былъ полуофиціально приглашенъ присутствовать корреспондентомъ при осадѣ Страсбурга, подъ вліяніемъ намека герцога баденскаго написалъ патріотическую пѣсню и самъ говоритъ, что оттиски этой пѣсни были розданы войскамъ осаждавшаго корпуса при раздачѣ жалованья (82).

Герштекеръ явился болѣе независимымъ путешественникомъ по театру войны, хотя и онъ переговаривается со знакомымъ принцемъ и, любезно всюду принятый, долженъ отвѣчать любезностями. Изъ его Kriegsbilder мы узнаемъ, что съѣстные припасы на сотни тысячъ талеровъ сгнили около Меца, что загнившій хлѣбъ жгли, чтобъ міазмы, отдѣлявшіеся отъ него, не заражали воздухъ (15). И это не потому, чтобъ нехватало перевозочныхъ средствъ для снабженія частей арміи, терпѣвшихъ нужду, а благодаря особенностямъ нѣмецкаго интендантства. Одинъ чиновникъ долженъ былъ отдать приказаніе, другой контрасигновать, третій дать свое согласіе. Въ результатѣ были — потеря времени и гніеніе продуктовъ въ кучахъ подъ дождемъ. А между тѣмъ, Бисмаркъ отзывался въ бесѣдахъ съ барономъ Штоффелемъ о нѣмецкомъ чиновничествѣ, какъ о столпѣ германскаго государственнаго зданія (Stoffel's Berichte, 6). Дары въ пользу нѣмецкой арміи отъ населенія, безспорно, шли во многихъ случаяхъ отъ чистаго сердца, какъ это и не можетъ быть иначе при народной арміи въ странѣ. Но были и пожертвованія въ родѣ спекуляціи. Жертвователь являлся благодѣ-

телемъ, а посылалъ въ армію сигары, отъ которыхъ здоровый могъ заболѣть (Герштекеръ, 38).

Волонтеры, принимавшіе на себя заботы о раненыхъ, иногда были лишь тунеядцами при арміи и получили прозваніе Schlachtenbummler'овъ, то же прозваніе, какое придавалось ночнымъ грабителямъ на поляхъ сраженій.

Раненые въ госпиталяхъ были очень рады, когда имъ въ руки попадали иллюстрированныя изданія родины. Потребность въ чтеніи была сильна. Мисіонерское общество посылаетъ для госпиталей три вида брошюръ (46—47). Но какого содержанія? Напримѣръ, о больномъ грѣшникѣ, умирающемъ въ тяжкихъ мукахъ, описанныхъ подробно, какъ могутъ описывать только эксплуататоры довѣрчивости ближнихъ въ области грѣха. Очень пріятное чтеніе для раненыхъ! Это въ родѣ сигаръ, отъ которыхъ могъ заболѣть и здоровый.

Герштекеръ, подобно Піетчкеру (автору „На побѣдномъ пути отъ Берлина къ Парижу"), сваливаетъ случаи отнятія собственности у жителей на грубые элементы арміи и подъ ними разумѣетъ преимущественно поляковъ (58). Но эти прусскіе офицеры, которые шпорами разорвали француженку старуху 70 лѣтъ, выколовшую глаза раненому прусскому капитану — были они также грубые элементы и поляки? Какъ ни мерзокъ былъ поступокъ старухи, но представители образованной арміи могли обойдтись безъ возмездія такимъ звѣрствомъ за звѣрство. Прусскіе же почтамтскіе чиновники по сосѣдству не хотѣли вѣрить въ дѣйствительность этого происшествія и изъ любопытства вырыли трупъ разорванной сапогами и шпорами старухи. Сомнѣваться долѣе было нельзя (19). Другую женщину, хотѣвшую отрѣзать палецъ, чтобы снять

кольцо, привязали къ телегѣ и исколотили по дорогѣ до смерти, пустясь въ карьеръ (Герштекеръ, 19).

Изъ записокъ Штродтмана, бывшаго почти официальнымъ кореспондентомъ при третьей пруской арміи (Alldeutschland in Frankreich hinein), мы видимъ, что, начиная съ Лотарингіи, реквизиція очень часто походила на отнятіе собственности. Солдаты отпихивали непонимавшихъ нѣмецкой рѣчи лавочниковъ отъ прилавковъ и брали что нужно (49).

Вообще, судя по извѣстіямъ почти официальнаго кореспондента, нѣмецкая армія не представляла особенно строгой дисциплины въ сравненіи съ прочими арміями. И въ ней голодные солдаты бросались на провіантъ и расхватывали его, не слушая приказаній офицеровъ, между тѣмъ какъ плѣнные французы, протягивавшіе руку къ съѣстному, отпихивались штыками (30). Нѣмецкіе солдаты бранили статскихъ французовъ, взятыхъ по подозрѣнію въ стрѣльбѣ по нѣмецкимъ войскамъ, плевали имъ въ лицо, а послѣ оказалось, что эти статскіе вовсе и не стрѣляли (24).

Въ дѣйствіяхъ начальства также не проявлялось особеннаго единства. Въ то время, какъ на вагонахъ военныхъ поѣздовъ допускались надписи: „смерть императору французовъ,“ „Наполеонъ долженъ умереть“ (9) — полицейскій снималъ во Франкфуртѣ знамя съ несравненно менѣе характернымъ и болѣе юмористическимъ заявленіемъ. Одни желѣзнодорожные чиновники давали резервистамъ свободный проѣздъ въ армію, другіе — нѣтъ. Одни потентанты Германіи приглашали кореспондентовъ въ свои квартиры, а въ главной квартирѣ прусскаго короля было объявлено, что будутъ допущены только официальные кореспонденты (13).

Что касается соблюденія дисциплины, то не надобно забывать, что армія, одерживающая успѣхи, всегда болѣе или

менѣе въ состояніи соблюсти дисциплину. Въ началѣ похода, пруссаки жгли деревню, если житель ея стрѣлялъ по нѣмцамъ. Впослѣдствіи за тяжело раненаго пруссака жители французскаго города должны были, согласно добродушному требованію побѣдителей, поставить оскорбленному полку 2,000 бутылокъ шампанскаго (107). Не держась мнѣнія Гюстава Яна (Jahn, der Krieg von 1870), что Пруссія явилась въ послѣдней войнѣ орудіемъ провидѣнія, я собралъ несовсѣмъ свѣтлыя краски для своей картины, но никто не можетъ сказать, что я почерпнулъ ихъ у враговъ Пруссіи.

Срединная имперія славится любовью къ порядку своихъ трудолюбивыхъ гражданъ и своею всеобщею грамотностью. Но любовь къ порядку идетъ въ ней рука объ руку съ выливаніемъ нечистотъ на улицу и всеобщая грамотность, непереходящая во всеобщее образованіе, привила дисциплину школы къ жизни и обусловила гражданскій застой.

Читатель думаетъ, можетъ быть, что я говорю о Китаѣ. Нѣтъ, я имѣю въ виду срединную имперію Европы—Германію. При извѣстной чистоплотности нѣмцевъ, васъ поражаетъ зловоніе иныхъ берлинскихъ улицъ, такъ какъ помои и нечистоты выливаются въ открытыя канавки на улицахъ. При начинающейся здѣсь холерѣ (отдѣльные случаи ея уже были) и при существующей уже въ городѣ довольно сильно развитой оспѣ можно ожидать, что берлинскіе уличные клоаки значительно помогутъ развитію эпидемій въ наступающее лѣто. Съ другой стороны, хваленая нѣмецкая дисциплина—очень большая помощь Германіи въ военномъ отношеніи, но только въ военномъ.

Школьная дисциплина Германіи произвела военную дисциплину. Это сдѣлало изъ Германіи военнаго колосса. Но это лишь военный колоссъ. Пруская грамотность, повторяю, не

есть образованіе, и образованныхъ личностей здѣсь такъ же мало, какъ и вездѣ.

И въ Китаѣ развита всеобщая грамотность, и тамъ жители привержены къ порядку и воспитываются въ строгой дисциплинѣ. Тамъ это какъ разъ привело къ застою.

Германія и Китай—двѣ срединныя имперіи двухъ частей свѣта. Повидимому, какая противоположность и, въ сущности, какъ воинственная Германія похожа на мирный Китай.

Дисциплина создаетъ военныхъ колоссовъ, силу. Но доведенная до крайности, она отупляетъ народы и приводитъ ихъ къ оцѣпененію.

Экстазъ и порывы могутъ довести до сумасшествія, дисциплина въ своемъ апогеѣ—до тупости.

Къ примѣру. Янъ издаетъ книжку о войнѣ для народа. Онъ говоритъ, что война возгорѣлась за то, что европейскія государства признали императоромъ человѣка, вопреки присягѣ, прошедшаго по семи тысячамъ убитыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей къ трону. Господь наказалъ за то Европу войною.

Забавно, но, по крайней мѣрѣ, нравственно. Когда, однако, г. Янъ говоритъ, что читатель, подобно Моисею предъ священнымъ кустомъ, долженъ снять сапоги, приближаясь къ исторіи этой священной войны, то я сапоговъ не снимаю и въ сапогахъ — не читаю книги Яна, тѣмъ болѣе, что хотя здѣсь принято считать аксіомою, что германское единство— предметъ священный, ни одинъ нѣмецъ не объяснитъ, почему это такъ и почему Германія, сплоченная въ одно, будетъ жить лучше въ гражданскомъ и соціальномъ отношеніи, чѣмъ политически разъединенная. А я и подавно не въ состояніи объяснить этого.

Когда я вижу книгу, носящую названіе „Геройская борь-

ба Германіи“, я прихожу къ заключенію, что дисциплинированный патріотизмъ можетъ переливать черезъ край и доходить до тупости.

Когда я вижу на сценѣ Наполеона III, показывающаго золотое ядро, которое не могло найти его, хотя онъ его такъ искалъ подъ Седаномъ, я нахожу это остроумнымъ. Когда сумасшедшая принцеса на сценѣ на слова отца: „я король“ замѣчаетъ „ахъ, только-то! Das kann in zwei“, я нахожу это очень недурнымъ каламбуромъ (намекъ на то, что изъ короля явились „король“ и „императоръ“, но понѣмецки in zwei значитъ вмѣстѣ разорваться). Но когда, затѣмъ, принцъ Викторъ приноситъ принцесѣ, руки которой онъ ищетъ, въ даръ „желѣзный крестъ“ и говоритъ, что дороже этого ничего нѣтъ на свѣтѣ, я нахожу, что это до крайности тупо. Эти противоположности характеризуютъ нынѣшнюю прусскую Германію. Одною стороною ея не надобно увлекаться. Надобно взвѣшивать всѣ. Я не скрываю отъ себя и отъ другихъ громадной военной силы Германіи и приложилъ все стараніе, чтобъ изучить эту гигантскую силу, которой въ будущемъ предстоитъ двигать Европу. Но, отдавая дань военному могуществу Германіи, я могу лишь повторить съ Ауербахомъ, что міръ все же не плац-парадъ, и человѣкъ родится не для того только, чтобъ быть солдатомъ. Увлеченіе всѣмъ прусскимъ, безъ исключенія, можетъ довести Европу до горькаго разочарованія.

III. РОССІЯ И ПРУССІЯ.

РОССІЯ И ВОЙНА.

Поѣздка императора Александра Николаевича въ Эмсъ для свиданія съ прусскимъ королемъ почти непосредственно предшествовала объявленію войны. Кн. Горчаковъ также былъ въ то время въ Германіи. Какой случай вывести смѣлость Бисмарка въ отношеніи Франціи изъ обнадеженья его со стороны Россіи? Этому обстоятельству надобно приписать значительную долю рѣшительности, съ какою впослѣдствіи прусская пресса настаивала на тайныхъ условіяхъ, заключенныхъ будто бы между Пруссіею и Россіею относительно ожидавшихся событій, хотя Россія во всеуслышаніе заявляла, что будетъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ События должны были уяснить вообще запутанныя и мистическія отношенія между многими государствами Европы. Россія не могла не знать, что Австрія и Италія не прочь при случаѣ стать за Францію, что Данія и Швеція колеблются и также не прочь воспользоваться случаемъ показать германскому элементу, что скандинавскій еще постоитъ за себя. Въ виду этой готовившейся коалиціи роль Россіи была очевидна. Обстоятельства ставили ее съ самаго начала, въ готовившейся войнѣ, въ положеніе рѣшающей державы. Ключь къ поло-

женію дѣлъ былъ въ рукахъ Россіи. Пруссія могла быть раздавлена, оставаясь вполнѣ безъ союзниковъ. Германская раса должна была выдержать борьбу одновременно съ романской и скандинавской. Испанія если бы и пошла за Пруссію могла сдѣлать немного. Бисмаркъ дѣлалъ чудеса, но и его рессурсамъ по видимому задача была не подъ силу. Впослѣдствіи заявляли, что алжирскимъ арабамъ посланы были прусскія ружья и прусскія талеры для побужденія ихъ къ возстанію. Гр. Арнимъ долженъ былъ отъ имени Бисмарка повести переговоры съ Гарибальди, чтобы тотъ и его партія дѣйствія явились противовѣсомъ склонявшемуся къ союзу съ Франціею итальянскому правительству. Изъ Бухареста неслись вѣсти, что Бисмаркъ гарантировалъ румынскому Гогенцоллерну заемъ въ четыре мильона талеровъ на расходы, которые конечно надобно было сдѣлать въ видахъ Пруссіи. Даже доходили до увѣреній, что политика Бисмарка старалась китайцевъ въ Пекинѣ возстановить противъ французовъ и что послѣдовавшая рѣзня французскихъ поселенцевъ подданными богдыхана была дѣломъ коварной прусской политики. Бисмарку приписывались словомъ такія злоухищренія, какія можетъ быть ему и въ голову не приходили, но вмѣстѣ съ тѣмъ подъ преувеличеніями скрывалось много и правды. Если нужно было вести тайную политическую мину, то это надобно было предоставить прусскому премьеру; онъ оказывался мастеромъ на такого рода дѣла. Въ то время когда Роонъ и Мольтке готовили прусскую армію къ будущему, Бисмаркъ копалъ всевозможныя мины и дѣлалъ это искусно, такъ что все было шито и крыто до поры до времени. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, всего сдѣлать Бисмарку было невозможно и Пруссія, которая только четыре года назадъ выдержала кровопролитную войну, могла быть раз-

давлена собиравшеюся противъ нея лигою. Скандинавскій сѣверъ давно точилъ зубы на германскаго сосѣда и датско-шведскій флотъ, особенно въ соединеніи съ французскимъ, могъ причинить неисчислимый вредъ береговой полосѣ Пруссіи. Италія была бы въ силахъ сдержать Испанію, если бы та увлеклась потсдамскими симпатіями Прима и поняла бы наконецъ что такое Гогенцоллернъ, котораго ей предлагали въ короли. Австрія и Франція должны были раздѣлаться съ Пруссіею въ полѣ. Такой планъ былъ по крайней мѣрѣ въ головѣ императора французовъ и этотъ почтенный властитель, всегда увлекавшійся идеями, на этотъ разъ до того увлекся ими, что былъ серьезно убѣжденъ въ опасности грозящей со стороны Пруссіи какъ Парижу, такъ Вѣнѣ и Флоренціи. По крайней мѣрѣ въ этомъ нужно было убѣдить Наполеону III флорентинскій и вѣнскій дворы. Увѣренный, что за скандинавскимъ сѣверомъ дѣло не станетъ, императоръ французовъ сталъ украшать свою грудь въ торжественныхъ случаяхъ датскими и шведскими орденами.

Противъ Пруссіи собиралась гроза, которую трудно было отвратить всѣми громоотводами Бисмарка и Мольтке.

Должно ли было оставить Пруссію погибнуть въ неравной борьбѣ? Должна ли была допустить это Россія? Вспомнимъ, что побѣдивъ Пруссію Франція и Австрія непремѣнно подняли бы польскій вопросъ. Возникла бы рѣчь о Царствѣ Польскомъ. Гдѣ оно? Франція и Австро-Венгрія, оставшись побѣдителями, тотчасъ бы навели справки на этотъ счетъ. Политики Парижа, Вѣны, Пешта и Львова тотчасъ бы заговорили о вѣнскомъ трактатѣ. Ничего что этотъ трактатъ рвали въ клочки эти самые политики; клочки собрали бы какъ скоро это оказалось бы нужнымъ. И такъ неуспѣхъ Пруссіи могъ прямо отозваться иностранными вмѣшательства-

ми въ русскія внутреннія дѣла. Была причина не допускать Пруссію до паденія. Но союзъ съ Пруссіей представлялъ и другія выгоды. Россія еще чувствуетъ тяжесть парижскаго трактата. На этотъ счетъ также можно было кой о чемъ условиться съ Пруссіей. Нельзя было упускать изъ виду и положенія дѣлъ въ Галиціи. Если Пруссіи помочь на Одерѣ и Рейнѣ она можетъ помочь на Дунаѣ и на Вислѣ.

И такъ союзъ съ Пруссіею былъ въ прямыхъ интересахъ Россіи. Но этотъ союзъ могъ быть только тайнымъ. Явный союзъ Россіи могъ бы обратиться пожалуй даже во вредъ Пруссіи. Есть основаніе полагать, что Данія и Швеція открыто высказались бы за Францію и Австрія сочла бы долгомъ рискнуть послѣдними силами, чтобы противостать Россіи. Франція, ожидая упорной борьбы съ Пруссіею и Россіею, употребила бы всѣ усилія для привлеченія Италіи къ открытому участію въ войнѣ. Положеніе дѣлъ могло оказаться невыгоднымъ для Россіи и Пруссіи вмѣстѣ. Галльскій пѣтухъ запасся бы такимъ числомъ союзниковъ, что прусскій и русскій орлы не знали бы въ какую сторону клевать обѣими головами, да еще неизвѣстно что прорычалъ бы и британскій левъ. Надобно было дѣйствовать искусно. Въ Берлинѣ и Эмсѣ дѣло обсуживалось конечно со всѣхъ сторонъ когда рѣшали вызвать Францію на бой. Нейтралитетъ—вотъ о чемъ должна была просить Россію Пруссія ради собственнаго блага;—нейтралитетъ Россіи и локализація войны было насущною потребностью для Пруссіи. Не надобно было забывать, что если дѣло пойдетъ объ общей войнѣ, то Англія останется нейтральною зрительницею ея и даже очень можетъ быть кинетъ въ послѣднюю минуту рѣшающее слово противъ Пруссіи и Россіи. Напротивъ поставивъ лозунгомъ нейтралитетъ всѣхъ державъ кромѣ прямо заинтересованныхъ въ

борьбѣ можно было привлечь Англію на свою сторону, а голосъ ея рѣшалъ дѣло. Австрія можетъ быть и поддалась бы желанію воспротивиться, если бы одна Россія приглашала ее сохранить нейтралитетъ, но Россія съ Англіей были такіе совѣтники, которыхъ нельзя ослушаться. Еще рѣшительнѣе должно было подѣйствовать на Данію и Швецію англо-русское приглашеніе воздержаться отъ войны. Даніи притомъ можно было дать понять, что ей и безъ войны и посредничества Франціи уступятъ датскую часть Шлезвига, обѣщанную пятою статьею пражскаго трактата.

Дружба Россіи и равнодушіе Англіи обезопасили Пруссію. Она получила возможность потягаться съ одною Франціею. Какова была роль Россіи затѣмъ?

Принявъ на себя наблюденіе за Австріею Россія дала возможность силезскимъ корпусамъ, выставленнымъ было Пруссіею изъ опасенія Австріи, двинуться къ французской границѣ. Носились даже слухи, что это движеніе силезской арміи на Рейнѣ было результатомъ депеши изъ Петербурга къ королю Вильгельму, сообщавшей, что Пруссія можетъ не опасаться Австріи; какъ какъ за послѣднюю ручается Россія. Нейтралитетомъ Даніи Пруссія также была обязана, по общераспространеннымъ толкамъ, всего больше Россіи. Нарушила ли Россія всѣмъ этимъ нейтралитетъ? Конечно нѣтъ! Англія также повліяла на сохраненіе нейтралитета невоюющими державами, а ее нальзя было заподозрить въ тайномъ союзѣ съ Пруссіею.

Впослѣдствіи король Вильгельмъ получалъ изъ Россіи поздравленія съ побѣдами. Но развѣ не дѣлала того же королева Викторія? Это было лишь проявленіе родственнаго чувства и дружбы, не имѣвшее ничего общаго съ политикой. У королевы Викторіи единственный братъ ея покойна-

го мужа и оба зятья, мужья ея дочерей, находились въ нѣмецкой арміи — какъ же ей было не слѣдить съ тревогой за ходомъ битвы и не радоваться, что военное счастіе спасало ея близкихъ. Точно также много владѣтельныхъ родственниковъ въ нѣмецкой арміи и у русскаго царскаго дома. Что касается поздравительной телеграммы отъ русскаго полка, шефомъ котораго состоитъ король прусскій, то полкъ могъ поздравить своего шефа и получить отъ него почти товарищески-дружественную телеграмму о томъ, что онъ продолжаетъ бить французовъ, относясь ко всему этому такъ сказать служебнымъ, или даже пожалуй семейнымъ образомъ, а вовсе не политическимъ.

Словомъ Россія держала свой нейтралитетъ и просила держать другихъ.

А между тѣмъ Пруссія, выйдя на единоборство съ Франціей, нанесла ей рядъ ударовъ быстрыхъ и неожиданныхъ. Жертва въ недавнемъ ожиданіи — становилась тираномъ. Равносильный противникъ Франціи даже по сознанію пруссофиловъ, Пруссія вдругъ выказала чрезмѣрный перевѣсъ силъ надъ Франціей. Пруссія выросла въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ Европы. Недавно ее оберегали, теперь — казалось многимъ, пришла пора поберечь отъ нея другихъ.

Въ русской прессѣ произошелъ переворотъ мнѣній по мѣрѣ хода военныхъ дѣлъ и возрастанія успѣховъ прусской арміи. Часть русской журналистики разомъ перемѣнила фронтъ. Прежде благоволили къ Пруссіи почти всѣ русскіе органы печати. Теперь въ Москвѣ и отчасти въ Петербургѣ часть прессы занялась съ такимъ же стараніемъ превращеніемъ прусскихъ побѣдъ въ пораженія для пруссаковъ, съ какимъ этимъ дѣломъ занимался во Франціи одновременно гр. Па-

ликао. Но у гр. Паликао была по крайней мѣрѣ цѣль; онъ пускалъ въ ходъ измышленія какъ дипломатъ, для возбужденія патріотизма въ согражданахъ. Онъ слѣдовалъ правилу политическаго человѣка, сказавшаго, что „языкъ данъ чтобы скрывать мысли." Но какая цѣль была на этотъ разъ говорить, чтобы скрывать мысли въ Москвѣ и въ Петербургѣ? Вопросъ нѣсколько мудреный; по счастью патріотизмъ такого рода понятіе, которое можно приладить самымъ разнообразнымъ образомъ. И въ Россіи зачисленіе французскихъ пораженій въ побѣды явилось дѣломъ патріотическимъ. Патріоты Страстнаго бульвара и Большой Морской прониклись убѣжденіемъ, что военная слава Пруссіи грозитъ неисчислимыми опасностями Россіи. На защиту Россіи явились тотчасъ услужливыя перья. Во Франціи еще недавно существовало, благодаря Олливье, министерство литературы, и способность дѣлать въ печати бѣлое чернымъ достигла тамъ высшаго развитія. Печать — служба, вела естественно къ тому, что во Франціи разучились обращаться съ печатнымъ словомъ честно и говорить обо всемъ безпристрастно. Къ этому такъ даже привыкли въ Парижѣ, это сдѣлалось тамъ столь обыкновеннымъ, что извращенія Паликао и его товарищей слушали безъ тошноты, хотя конечно при самой малой долѣ здраваго смысла нельзя было повѣрить, чтобы Базенъ, разбивъ пруссаковъ, добровольно остался въ Мецѣ, или что Макъ-Магонъ, идя изъ Реймса къ Мецу, намѣренно завлекалъ пруссаковъ въ противную сторону къ Седану.

Подражать французамъ въ обращеніи съ печатнымъ словомъ вовсе не приходилось. Хвастовство и обманы французскихъ депешъ до того были признаны всѣми, что странно, какъ еще не вошло въ поговорку „вретъ какъ Паликао", а въ Англіи никто даже не обращалъ вниманія на француз-

скія телеграммы, зная напередъ, что все въ нихъ ложь. Напротивъ прусскія телеграммы отзывались постоянно почти пуританскою правотою. Бывали случаи, что они умалчивали, но если говорили, то говорили правду. Да если бы какой нибудь чиновникъ или сапожникъ захотѣлъ прихвастнуть въ прусской телеграммѣ, то самъ король Вильгельмъ, этотъ прямой и не шутящій своимъ словомъ старикъ—остановилъ бы эту попытку во французскомъ духѣ. Прусскимъ депешамъ поэтому вѣрили, и на нихъ основывали оцѣнку войны, между тѣмъ какъ мишурная французская имперія до послѣдняго издыханія своего выдавала мѣдь за золото.

Русскій патріотизмъ хорошо что онъ раздѣлялся въ этомъ случаѣ немногими —вообразилъ, что заставляя пруссаковъ быть битыми на бумагѣ, можно увѣрить, что они не побѣждали и на полѣ сраженія. Замѣчательная логика! „Остзейскіе нѣмцы ликуютъ успѣхамъ своихъ германскихъ собратій—такъ вотъ же имъ: неодержали пруссаки побѣды, а были разбиты. Пруссаки должны проигрывать во Франціи сраженія, потому что въ балтійскомъ краѣ замѣтны сепаратистскія тенденціи... Повторяемъ, хорошо что этимъ своего рода патріотизмомъ увлеклись немногіе; иначе пруссаки остались бы по прежнему цѣлы, но русской политической нравственности грозила опасность.

Положимъ выросла опасность для Россіи со стороны Пруссіи —зачѣмъ не глядѣть ей прямо въ глаза? Зачѣмъ говорить небылицы съ дипломатическими цѣлями, когда патріотическій долгъ призывалъ къ указанію опасности во всѣхъ ея размѣрахъ, если эта опасность была, а не къ скрыванію успѣховъ неожиданно выросшаго изъ земли противника. Но дѣло въ томъ, что опасности для Россіи изъ успѣховъ Пруссіи не могло выйти никакой.

Въ самомъ дѣлѣ, отдавая должную дань обыкновеннымъ вступительнымъ фразамъ, что война—несчастіе человѣчества и что долгъ каждой державы предотвращать кровопролитіе между другими, нельзя не сознаться, что война между Франціею и Пруссіею политически могла клониться только къ возвышенію Россіи. Эта война должна была вестись съ ожесточеніемъ, съ напряженіемъ всѣхъ силъ почти равными противниками, потому что имперіализмъ хотя и обезсилилъ Францію, но все она еще не была такимъ жалкимъ врагомъ, какъ напримѣръ хотя бы Австрія 1866 г. и если должна была достаться надъ нею побѣда, то цѣною потоковъ крови, какихъ уже давно не знала Европа. Даже побѣдивъ Францію Пруссія должна была обезсилѣть, быть на время не въ состояніи заявлять новыя требованія. Наконецъ если бы Пруссія не окончательно обезсилѣла, если бы побѣда ей досталась легче чѣмъ предполагалось, то въ рукахъ Россіи всегда была возможность парализовать избытокъ прусскихъ силъ своимъ вліяніемъ, тѣмъ болѣе рѣшительнымъ, что пока Пруссія вела войны съ Даніею, Австріею и Франціею—Россія собирала силы. Побѣда Франціи, особенно при содѣйствіи коалиціи, въ которую входила Австрія, могла грозить Россіи серьезными опасностями. Побѣда Пруссіи низводила изъ ряда первостепенныхъ государствъ Францію, какъ война 1866 г. низвела Австрію, и обезсиливала Пруссію, потому что Франція могла пасть только вполнѣ истощенная, слѣдовательно истощивъ и противницу. Австрійско-нѣмецкая флегма позволила заключить миръ послѣ Садовой, не доводя войны до крайности; французскій энтузіазмъ или побѣждаетъ, или теряетъ все, а не останавливается на половинѣ. При слабости Австріи, паденіи Франціи, ослабленіи Пруссіи—Россія и Англія являлись однѣ рѣшительницами европейскихъ судебъ—

по крайней мѣрѣ на время. А такъ какъ Англія давно заключилась въ выгодной для торговаго міра политикѣ невмѣшательства въ дѣла континента, если ее не задѣвали уже черезъ-чуръ за живое, то война на Рейнѣ ставила Россію, безъ всякихъ хлопотъ съ ея стороны о преобладаніи, на первое мѣсто между державами Европы. Правда, возникалъ вопросъ: на долго ли она удержитъ за собою это мѣсто, не займетъ ли его скоро Германія, новая Германская имперія? Но уже не говоря о томъ, что отъ Россіи зависитъ сдержать Германію въ самомъ зародышѣ, если бы она начала стремится къ гегемоніи въ Европѣ въ ущербъ русскимъ интересамъ—мы сейчасъ коснемся вопроса о возможномъ соперничествѣ въ будущемъ двухъ имперій — германской и славянской — и постараемся доказать, что возвышеніе Пруссіи и Германіи вовсе не могло обратиться ко вреду Россіи, тогда какъ первенство Франціи въ дѣлахъ Европы постоянно грозило намъ опасностями и недоразумѣніями, а при союзѣ Наполеонидовъ съ Англіею европейское положеніе Россіи тѣмъ болѣе было шатко.

Намъ говорятъ: „а остзейскіе нѣмцы! Когда явится сильная германская имперія и нѣмецкая армія будетъ переполнена гордою увѣренностью, что нѣтъ ей равной въ мірѣ—не ясно развѣ, что остзейцы будутъ льнуть къ германскому отечеству, а германское отечество въ сознаніи своей силы и въ привычномъ забвеніи услугъ, оказанныхъ прежде, захочетъ попробовать свои игольчатыя ружья на своихъ русскихъ сосѣдяхъ?

Коснемся этого вопроса обстоятельно. Онъ очень важенъ для будущихъ судебъ Россіи и Европы.

Что Германія можетъ пожелать пріобрѣсти балтійское прибрежье, гдѣ между эстами и латышами цивилизующимъ эле-

ментомъ являются нѣмцы—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, хотя конечно высказываясь такъ мы основываемся вовсе не на картѣ Германской имперіи, вышедшей въ Берлинѣ въ разгаръ войны съ Франціею и гдѣ остзейскія губерніи были окрашены тою же же краскою какъ германское отечество. Если Германія пожелала вновь усыновить такихъ блудныхъ дѣтей какъ Эльзасъ и Лотарингія, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что и потомки меченосцевъ въ трехъ балтійскихъ губерніяхъ могутъ возбудить германскій апетитъ. Но что же затѣмъ? Война? Германія должна будетъ знать, что она предпринимаетъ. Балтійскія провинціи гораздо болѣе необходимы для Россіи, чѣмъ Дунай и даже Висла. Пріобрѣтеніе балтійскаго прибрежья и война изъ за нихъ съ Швеціею не были мономаніею Петра I. Россія въ теченіе полутора вѣка—съ Ивана IV—неослабно хотѣла утвердиться на балтійскомъ прибрежьи. Оно было нужно для нея потому, что только владѣя имъ она могла имѣть правильныя торговыя и политическія сношенія съ Европою. Безъ балтійскаго прибрежья Россія была частью азіатской равнины и правители ея знали, что она останется такою пока не пріобрететъ доступа къ Балтійскому морю. Уступитъ ли Россія теперь западу ту часть своихъ владѣній, которыя такъ много содѣйствовала превращенію ея изъ Азіи въ Европу? Можемъ ли мы упускать изъ вида, что чрезъ Петербургъ идетъ половина всѣхъ грузовъ, которые Россія въ сложности шлетъ за границу, а Петербургу несомнѣнно будетъ грозить опасность также современемъ превратиться въ нѣмецкій городъ не по одному имени, если нѣмцы заберутъ Митаву, Ригу и Ревель. И такъ, Россія употребитъ всѣ усилія, чтобы отстоятъ прибалтійскій край. Это для нея вопросъ жизни и смерти: возвращенія въ Азію, или продолженія сношеній съ Европой.

Балтійскія губерніи для нея не то, что Эльзасъ и Лотарингія для Франціи. Въ Эльзасѣ и Лотарингіи Франція теряетъ двѣ провинціи; потерявъ балтійское прибрежье Россія лишилась бы главной мѣновой дороги въ Европу; у Франціи отнимаютъ уголъ дома; у Россіи забили бы дверь. Франція дѣлается слабѣе; положеніе Россіи было бы безвыходно. Разница существенная. И такъ, соперничество изъ-за балтійскаго края для Германіи не шутка, не забава. Германія дожна приготовиться выдержать изъ-за этой береговой полосы борьбу не на жизнь, а на смерть.

Возможна ли эта борьба, если взглянемъ на дѣло съ безпристрастной точки зрѣнія? Что пріобрѣтетъ Германія въ балтійскомъ краѣ? Клочекъ земли, какихъ у нея не мало, клочекъ земли, благоденствующій исключительно, благодаря движенію чрезъ него товаровъ сосѣднихъ русскихъ губерній за границу, и который очень скоро лишится значительной доли своето благоденствія, когда порвется связь между нимъ и сосѣднею русскою мѣстностью. Нѣмцы балтійскаго края могутъ сколько угодно кричать о германскомъ отечествѣ, но безъ торговаго движенія изъ-внутри Россіи не очень-то громко раздавались бы ихъ сытые голоса. Если бы прибрежье у Риги и другихъ торговыхъ центровъ балтійскаго края было оцѣплено рядомъ русскихъ таможенъ — нѣмцы этого края скоро увидали бы что Германія имъ ничего не дастъ, а отдѣлясь отъ Россіи они лишились многаго. И такъ допустимъ, что остзейскіе нѣмцы даже болѣе нѣмцы чѣмъ истые, кровные германцы — все-таки они скоро увидали бы, что довольство ихъ края зависитъ отъ того. что онъ — окраина огромной русской равнины и долженъ жить ею и благодаря ей. Балтійскій край только дверь русской комнаты. Скажите пожалуйста, какая необходимость Германіи въ

двери отъ чужаго дома? А между тѣмъ для Россіи дверь эта очень нужна. Еслибы у Германіи явилась охота позабавиться, она могла бы запереть эту дверь, чтобы видѣть какъ ее тотчасъ же вышибутъ, но серьезно думать запереть Россію и не давать ей выхода — нелѣпость, и германскимъ нѣмцамъ никогда не придетъ подобная безцѣльная для нихъ мысль въ голову.

Для Германіи пріобрѣтеніе балтійскаго края — удовлетвореніе національной гордости — допустимъ. Но для Россіи уступка или неуступка его Германіи — жизненный вопросъ. Тамъ удовлетвореніе самохвальству: тутъ критическій моментъ въ историческій жизни. Тамъ попытка изъ-за удовлетворенія самолюбія; тутъ борьба за существованіе. Тамъ шутка; тутъ роковая минута. Кажется не трудно рѣшить, возможна ли борьба въ подобномъ случаѣ? Борьба ведется изъ-за насущныхъ потребностей обоихъ противниковъ. Борьба невозможна, когда съ одной стороны является хвастливая попытка на авось, а съ другой вопросъ: быть или не быть. А Россіи, по крайней мѣрѣ европейской Россіи не будетъ, если она лишится балтійской береговой полосы. Тогда остается вернуться къ Азіи. Мы полагаемъ, что со стороны Германіи желать присоединенія русскаго балтійскаго края было бы безразсудствомъ—во-первыхъ потому, что этого не требуютъ вовсе ея политическіе интересы, во-вторыхъ потому, что Россія будетъ защищать этотъ клочекъ земли не на жизнь, а на смерть. Но допустимъ, что Германія сдѣлаетъ попытку — что тогда будетъ? Смѣемъ думать, что ничего особенно хорошаго для Германіи. Розсмотримъ возможность такой случайности въ подробности.

Германія объявляетъ намъ войну. Мы двигаемъ нашу армію изъ Царства Польскаго прямо въ Познань — на Бер-

линъ. Если мы одержали побѣду – Берлинъ скоро можетъ быть занятъ, а затѣмъ и войнѣ скорый конецъ. Но положимъ — неудача. Наши разбиты и пруссаки преслѣдуютъ насъ. Русскій главнокомандующій, если онъ только не совершенно бездарная личность, потерпѣвъ разъ пораженіе, долженъ немедленно избрать систему борьбы, которой слѣдовали Кутузовъ и Барклай-де-Толли—отступать, завлекать въ глубь страны непріятеля, беречь солдатъ и выжидать. Еслибы наша армія оказалась лучше германской — намъ до Берлина добраться легко, и легко заключить выгодный миръ. Но допустимъ, что наша армія хуже и что пруссаки нанесутъ ей пораженіе въ генеральной битвѣ — пусть ихъ затѣмъ добираются до одной изъ нашихъ столицъ. Мы будемъ отступать и вести ихъ по бѣдной, мало населенной сравнительно съ ихъ родиной, странѣ, по мѣстностямъ, гдѣ нами будутъ забраны всѣ запасы продовольствія и гдѣ привыкшій къ комфорту прусскій солдатъ будетъ на каждомъ шагу чувствовать лишенія. Куда направиться нѣмцамъ чтобы предписать намъ миръ — къ Петербургу или къ Москвѣ? Этого никто изъ нихъ, и ни одинъ историкъ, ни одинъ русскій не въ состояніи имъ сказать. А время между тѣмъ будетъ идти, а промедленія, долгій срокъ войны—явный вредъ для Германіи. По прусской военной системѣ—въ германской арміи будетъ цвѣтъ населенія Германіи, ея молодость, сила, умъ. Такая армія безспорно первая въ мірѣ. Съ такой арміей джентльменовъ Германія можетъ совершить чудеса, но только въ возможно-короткій срокъ времени. Всякое чудо, если ему посвятить побольше времени, остановиться на немъ — рискуетъ оказаться чѣмъ нибудь очень обыкновеннымъ. Въ мѣсячную и двухмѣсячную кампанію Германія съ ея арміею молодыхъ представителей всѣхъ классовъ народа въ состоя-

ніи удивить свѣтъ. Но замедлите войну, протяните ее на годъ, на два и Германія узнаетъ что значитъ отвлечь на на такой срокъ, на поле битвы ея юристовъ, купцовъ, ученыхъ и т. д. Весь государственный механизмъ ея рискуетъ остановиться. Государства, посылающія противъ непріятеля крестьянъ въ мундирахъ, надъ которыми только поставлено немного офицеровъ изъ образованныхъ сословій, могутъ годы вести войну и механизмъ ихъ будетъ все тотъ же. Пока крестьяне въ мундирахъ дерутся, предводимые немногими образованными людьми, остальная масса образованныхъ классовъ дѣлаетъ свое дѣло, управленіе государства идетъ своимъ чередомъ, гражданская и общественная жизнь не парализованы. Не то съ Пруссіей. Пусть протянется военное время, и тотчасъ почувствуется, что люди нужные дома ушли на поле сраженія. Пока эти дѣловые люди разыгрываютъ роль солдатъ, ихъ настоящія занятія страждутъ, общественная дѣятельность парализована, администрація отправляется съ грѣхомъ пополамъ. Погибнетъ часть этой арміи на войнѣ — страшная потеря для государства. Масса знанья, учености, полезной гражданской дѣятельности, погибнетъ съ этою арміей. Потери армій другихъ державъ не принесутъ того же съ собою. Вотъ почему хотя пруссаки, вообще говоря, теряли въ недавнихъ битвахъ меньше людей чѣмъ французы, они теряли больше, потому что ихъ армія была не чета французской по индивидуальному составу. Представимъ себѣ только, что война замедлена, что прусская молодежь отвлечена отъ своихъ дѣловыхъ домашнихъ занятій на неопредѣленное время, тѣмъ болѣе представимъ, что она гибнетъ отъ болѣзней въ малолюдной, бѣдной, безконечно обширной странѣ, что тогда скажутъ Пруссія и вся Германія? Пруссаки очень хорошо знаютъ все это и потому употребили всѣ ста-

рапья, чтобы въ австрійскую войну 1866 г. и въ послѣднюю французскую покончить съ непріятелемъ разомъ, рядомъ быстрыхъ и рѣшительныхъ ударовъ. Но такъ имъ можно было поступить съ Франціею и Австріею, до сердца которыхъ въ случаѣ удачи добраться не трудно. Но пусть доберутся они также легко въ случаѣ успѣха до сердца Россіи. Очевидно, слова Фридриха II, что Пруссіи всего болѣе надобно бояться сѣверныхъ варваровъ, еще не отжили свой вѣкъ. Какіе шаги ни сдѣлала въ военномъ отношеніи Пруссія она принуждена будетъ жить въ мирѣ съ восточнымъ сосѣдомъ, по завѣщанію мудрѣйшаго изъ своихъ королей, который хорошо понималъ, что если счастье будетъ противъ Пруссіи, то одни казаки опустошатъ страну, и Берлину не будетъ пощады, тогда какъ ни при какомъ счастьи пруссаковъ нельзя проникнуть вглубь безконечной Россіи, да и опустошать-то безъ того небогатую и малолюдную страну особенно нечего.

Но скажутъ намъ—зачѣмъ же нѣмцамъ идти по пятамъ русскихъ кунктаторовъ и давать себя завлечь отступленіемъ. Пруссаки займутъ Царство Польское, пожалуй прибалтійскій край и дальше не пойдутъ.

Но этого только и нужно. Не боясь ни за Петербургъ, ни за Москву, не опасаясь дальнѣйшаго непріятельскаго нашествія, наше правительство выставитъ обсерваціонныя арміи, готовыя дѣйствовать при первомъ удобномъ случаѣ и затянетъ войну. Захотятъ пруссаки преслѣдовать—мы будемъ отступать. Вернутся они на свои квартиры, чтобы не быть завлеченными, мы опять выдвинемъ свои корпуса. Словомъ не будетъ войны кровавой, но война казацкая, партизанская будетъ во всемъ ходу. Война затянется, а это какъ мы видѣли вовсе не въ видахъ Пруссіи, и въ концѣ концовъ ее

ждетъ остановка всего государственнаго механизма отъ отлива нужныхъ странѣ общественныхъ дѣятелей въ ряды арміи. А мы между тѣмъ вовсе не потерпимъ отъ того, что солдаты наши, въ мирное время стоящіе въ казармахъ и на квартирахъ безъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, будутъ упражняться не на маневрахъ и ученьяхъ, а на настоящей, не очень кровопролитной войнѣ.

Что же произойдетъ? То, что мало-по-малу германская армія станетъ походить на прочія арміи по личному составу людей, что въ ней цвѣтъ населенія начнетъ замѣнятся резервами, людьми на случай крайности, кѣмъ нибудь, тогда какъ наоборотъ въ рядахъ противной арміи нужды государства все болѣе и болѣе будутъ заставлять являться представителей образованныхъ и достаточныхъ классовъ, почти нетронутыхъ войною. Результатъ очевиденъ: Германія окажется истощенною, между тѣмъ, какъ Россія только начнетъ глядѣть на войну съ настоящей точки зрѣнія.

Мы допускали, что первый натискъ германскихъ армій будетъ имѣть несчастный для насъ результатъ. Но это еще вопросъ: такъ ли будетъ несчастна для насъ первая битва съ пруссаками, какъ была несчастна она для Австріи и Франціи? Германскій солдатъ развитъ, часто образованъ, полонъ сознанія долга, мелоченъ въ дѣлѣ соблюденія дисциплины, джентльменъ въ обращеніи въ значительной части случаевъ. Русскій стоекъ, доволенъ малымъ, выносчивъ. Общее мнѣніе ставитъ нашу армію выше австрійской. Ее можно поставить наравнѣ съ французской — вотъ почему быстрое пораженіе французской арміи повело къ усиленной дѣятельности нашего военнаго вѣдомства, почему оно произвело такое впечатлѣніе у насъ. Мы заимствовали для нашей арміи порядки одинаково у Франціи, Англіи, Пруссіи, примѣняя ихъ

къ нашимъ потребностямъ, но военныя симпатіи наши все клонились больше на сторону французовъ. Пораженія французовъ пруссаками заключали въ себѣ много случайнаго, во многомъ зависѣли отъ неспособности предводителей, слѣдовательно нельзя еще предполагать, что другая армія, подобная французской, будетъ разбита точно также быстро въ другое время, какъ были разбиты французы. Тѣмъ не менѣе уроки французской войны не прошли для насъ даромъ. Наше военное вѣдомство тотчасъ схватывалось за все что подсказывалъ опытъ другихъ. Ничѣмъ не платясь за этотъ опытъ Россія пользовалась имъ. И предъ франко-прусскою войною солдатъ нашъ былъ уже не то что прежде. Это не былъ дурно кормимый, обкрадываемый и непитой мужичекъ въ военной формѣ, котораго забивали и засѣкали въ соблюденіе дисциплины. Русскій солдатъ слѣдитъ артелью за своимъ прокормленіемъ, его нельзя болѣе обкрадывать безнаказанно, повеселѣло и посвѣжѣло его лице, тѣлеснаго наказанія онъ болѣе не знаетъ. Улучшенія въ вооруженіи также не забывались. Еще задолго до послѣдней войны, выбранные нижніе чины — унтеръ-офицеры и солдаты были разосланы изъ полковъ на главныя телеграфныя станціи имперіи для изученія обязанностей телеграфистовъ для военныхъ нуждъ. Какъ скоро пруссаки, разставляя свои 8 футовые столбы съ проволоками, даже непокрытыми снаружу никакимъ составомъ для легкости, показали какую важность телеграфъ имѣетъ въ военное время — у насъ тотчасъ же было сдѣлано распоряженіе объ устройствѣ походныхъ телеграфовъ, на первый разъ 210 верстъ проволоки, предназначенной на соединительныя линіи между отдѣльными дѣйствующими корпусами. Какъ скоро французскія картечницы доказали, что вредъ приносимый ими не-

пріятелю дѣйствительно громаденъ — у насъ стали поспѣшно обзаводиться картечницами и притомъ такого разрушительнаго свойства по свидѣтельству „Спб. Вѣдомостей," которыхъ нельзя упрекнуть въ русскомъ шовинизмѣ, что намъ нечего бояться картечницъ французскаго образца. На санитарный отдѣлъ у насъ также обратили вниманіе. Заботы о пополненіи комплекта медиковъ идутъ впередъ. Приняты мѣры, чтобы частная служба не лишала правительства инженеровъ. Пороха у насъ теперь 700,000 пудовъ вмѣсто 400,000 пудовъ, какъ было предъ восточной войною. Скорострѣльныя ружья вводятся поспѣшно. Солдатъ сталъ стрѣлять больше прежняго. Даже не упущенъ былъ изъ вида приказъ маршала Базена, упрекающій французскихъ солдатъ за напрасную растрату патроновъ изъ за поспѣшности и суетливости: по нашимъ войскамъ отдали приказъ, чтобы командующіе смотрѣли за экономнымъ и внимательнымъ обращеніемъ солдата съ боевыми запасами.

Словомъ, мы не спимъ и не бездѣйствуемъ. Уроки другимъ выслушиваются и нами. Тамъ, на Рейнѣ, платились за эти уроки кровью, мы только вниманіемъ. Можно надѣяться, что если стойкость нашего солдата была не хуже энтузіазма французскаго, то послѣ уроковъ, данныхъ на Рейнѣ, Мозелѣ и Маасѣ, нашъ солдатъ къ будущимъ кампаніямъ будетъ лучше теперешняго французскаго. У нѣмцевъ есть Мольтке для наступленія, у насъ Тотлебенъ для обороны. Если стянувъ всѣ силы, какими можемъ располагать, по брестской и петербургской желѣзнымъ дорогамъ въ польскія губерніи, мы бросимъ массу ихъ на пруссаковъ почти въ самый центръ Пруссіи и потерпимъ неудачу — мы отступимъ на линію варшавско-брестскую, и если бы непріятель попытался двинуться на сѣверъ къ Ригѣ и Петербургу, армія наша

будетъ у него въ тылу и съ фланга, а осторожные нѣмецкіе предводители не рѣшатся предпринять движеніе на сѣверъ не разбивъ окончательно нашу армію. А разбить ее въ другой разъ наши генералы не дадутъ и предоставятъ нѣмцамъ идти за собою. Затѣмъ начнется выигрышъ времени — что какъ мы видѣли — прямая потеря для нѣмцевъ и выгода для насъ. Предполагая начало борьбы въ пользу нѣмцевъ, исходъ ея по всей вѣроятности будетъ въ пользу Россіи. Нужно только выждать время и роли перемѣнятся. При ограниченности територіальнаго протяженія ни Франція, ни Австрія не могли, ни Пруссія не можетъ въ случаѣ неудачи, предписать непріятелю промедленіе и затянуть войну на сколько угодно. Россія это можетъ сдѣлать — и въ этомъ заключается ея сила и ея гарантія, что прусское преобладаніе въ Европѣ никогда не обратится во вредъ русскимъ интересамъ. Какъ держава посредница въ двухъ частяхъ свѣта, Россія можетъ допустить гегемонію Пруссіи надъ прочими государствами Европы не повредивъ своему міровому вліянію. Франція, отдѣленная отъ Россіи большимъ пространствомъ, и дѣйствовавшая флотомъ, могла безнаказанно предъявлять свое первенство Россіи. Лежащая у Россіи подъ бокомъ Германія будетъ благоразумнѣе, а вожакъ ея — Пруссія — не забудетъ изреченія маленькаго Фрица, что ей надобно ладить съ Россіею, иначе пруссакамъ же будетъ плохо. Германія нѣсколько разъ должна была бы подумать, прежде чѣмъ выступить на войну съ Россіей, если бы даже имѣла на то важныя побудительныя причины, и тѣмъ болѣе не рѣшится на нее, когда этихъ причинъ нѣтъ.

Пусть сильное нѣмецкое государство явилось въ центрѣ Европы — ни Англія, посредница между державами всего свѣта, ни Россія, посредница между Европою и Азіею, ни Со-

единенные Штаты, политическій центръ Новаго Совѣта—не могутъ вступить въ соперничество съ нимъ. Австрія и Франція были на пути Пруссіи—онѣ смяты и отброшены. Прусская гегемонія на европейскомъ континентѣ утвердилась, но населеніе Пруссіи и Германіи на столько развито, что не приметъ Европу за весь міръ и удовольствовавшись тѣмъ мѣстомъ, которое выпало на долю Германіи, не захочетъ вступить въ состязаніе съ тѣми государствами, міровое значеніе которыхъ всегда дастъ имъ силы сдержать порывъ хотя бы первой державы одной части свѣта.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВОЙНЫ ДЛЯ РОССІИ.

Наше военное вѣдомство чутко прислушивалось къ отголоскамъ битвъ во Франціи. Мольтке дѣйствовалъ противъ французовъ съ цѣлью дать намъ убѣдиться какіе порядки въ арміи лучше—по крайней мѣрѣ такъ кажется съ нашей, русской, точки зрѣнія. Професора военныхъ наукъ въ нашихъ спеціальныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ читаютъ лекціи только своимъ слушателямъ; Мольтке преподаетъ лекціи стратегіи, военной экономіи и прочихъ военныхъ наукъ всей русской публикѣ, и всѣмъ русскимъ военнымъ людямъ конечно въ особенности. Лекторъ, который подтверждаетъ свои доводы такими опытами какъ седанская катастрофа и капитуляція Меца, не можетъ не быть популяренъ. Чтобъ уяснить намъ правила военной науки, почтенный професоръ входитъ въ такія издержки, что намъ нельзя не быть весьма признательными ему за вниманіе; онъ такъ обставляетъ свои лекціи, что онѣ выходятъ очень убѣдительными.

И чѣмъ же платимся за эти уроки? Только вниманіемъ! Это даровое обученіе. Германія остается вѣрною себѣ и до-

пускаетъ для Россіи въ этомъ случаѣ даровое обученіе. А еще намъ совѣтуютъ быть неблагодарными къ Германіи! Правда въ Москвѣ сильно опасаются, что это обученіе не даровое, что за лекціи потребуется плата послѣ, и пессимисты даже увѣрены, что мѣстомъ расплаты будетъ назначенъ прибалтійскій край. Но что если въ самомъ дѣлѣ нѣмцы преподадутъ намъ столько благодѣтельныхъ уроковъ, что когда наступитъ время расплаты, то мы въ состояніи будемъ ликвидироваться, да еще можетъ быть произведемъ ликвидацію въ Берлинѣ. Тамъ курсъ нашихъ цѣнностей очень хорошъ, слѣдовательно отчего бы этого и не сдѣлать. Шапками мы пруссаковъ не закидаемъ, уже по той причинѣ, что наше кепи французской моды легче прусской каски, которая ломитъ голову пруссаку и не дай Богъ, чтобы попала въ бокъ русскому. Въ настоящую минуту пруссаки пожалуй скорѣе забросаютъ насъ касками. Но если бросаніе вещей, полезныхъ для покрыванія головы, совершенно устранить изъ вопроса, какъ дѣло непрактическое и даже вредное для здоровья, то еще не рѣшено что будетъ, когда мы навостримся въ военномъ дѣлѣ, благодаря прусскимъ лекціямъ. Прежде всего замѣтимъ, что въ настоящемъ столѣтіи еще ни одна война, въ которой Россія не была замѣшана, не вызывала такого взрыва любопытства и такого интереса у насъ какъ нынѣшняя франко-прусская война. Что причиною этого? Почему въ Петербургѣ газеты раскупались на расхватъ, такъ что разнощики газетъ появились и на тѣхъ закоулкахъ, гдѣ ихъ прежде никогда не было? Отчего въ Варшавѣ военныя извѣстія изъ Франціи вызывали такое оживленіе? Почему спавшее политическимъ сномъ Ковно вдругъ явилось городомъ, населеннымъ политиками. Какъ случилось, что газеты, издающіяся для русскихъ купцовъ, преподавали стратегію?

Кто объяснитъ такой казусъ, что въ Ревелѣ нѣмцы праздновали взятіе Меца какъ національное торжество? Почему въ Кіевѣ больше думали о Сенѣ, чѣмъ о Днѣпрѣ?

Все это рядъ животрепещущихъ вопросовъ и надъ рѣшеніемъ ихъ особенно трудятся въ Москвѣ.

Во первыхъ позволимъ себѣ замѣтить, что причина такой популярности франко-прусской войны отчасти кроется въ нашей финансовой зависимости отъ Пруссіи. Едва открылась война, мы ощутили дѣйствіе ея не въ сердцѣ, не въ головѣ, а въ карманѣ, что для современнаго человѣка хуже, чѣмъ гдѣ либо. Билеты внутреннихъ займовъ вдругъ упали въ цѣнности чуть не на 30%. Какъ тутъ не почувствовать вліянія войны! Допустимъ, что русскому сапожнику рѣшительно все равно идутъ ли прусскіе шумахеры на войну или нѣтъ. Но если у этого сапожника есть билетъ внутренняго займа, то дѣло измѣняется и мѣщанинъ Иванъ Сидоровъ будетъ интересоваться дѣйствіями графа Бисмарка. По той же причинѣ купецъ Китъ Китычъ будетъ съ жаромъ прочитывать въ трактирѣ о Гамбеттѣ и чиновникъ Акакій Акакіевичъ не оставитъ узнать ближе изъ газетъ что это такое Жюль Фавръ? Бисмаркъ, Гамбетта, Жюль Фавръ — въ этомъ случаѣ цѣнности, рѣшительно биржевыя цѣнности съ нашей, русской точки зрѣнія. Мольтке, Трошю, принцъ Фридрихъ-Карлъ — съ нашей точки зрѣнія тоже что фрахтъ, векселя, курсъ. Едва объявлена была война какъ у Ивана Сидорова, Кита Китыча и Акакія Акакіевича вмѣсто 170 рублей явилось въ карманѣ 130. Тутъ только эти личности узнали въ какой зависимости они были отъ Бисмарка, котораго такъ преслѣдуютъ въ Москвѣ. А если война кончится неблагопріятно для пруссаковъ — что тогда? Не упадетъ ли курсъ нашихъ цѣнностей еще болѣе? Неужели мы въ самомъ дѣлѣ

въ зависимости отъ Пруссіи? Неужели нашъ карманъ лишь протокъ большой рѣки, прусскаго кармана? О Россія! Ты уподобилась Голландіи, гдѣ нѣмцы захватили половину банкирскихъ конторъ и торговыхъ оборотовъ. Финансовая гегемонія Пруссіи надъ нашимъ отечествомъ проявилась раньше, чѣмъ военная гегемонія ея надъ Франціею.

Вторая причина интереса, возбужденнаго въ насъ войною та, что мы хотимъ показать Бисмарку, Москвѣ и всему міру, что не боимся Пруссіи. Пруссія нанесла удары Австріи, Франціи—кто на очереди? Англія? Но у Пруссіи нѣтъ сильнаго флота въ океанѣ, а у Англіи сильныхъ опасеній Пруссіи въ будущемъ. Россія? У Россіи есть прибалтійскій край и у Пруссіи Бисмаркъ, что представляется крайне непріятнымъ и опаснымъ сочетаніемъ для Москвы. И вотъ бьется тревога. Раздается кликъ „Вооружимся!“ Противъ Кур-Лиф-и Эстляндіи принимаются сильныя мѣры. Ихъ не только совмѣстили въ одинъ эстолатышскій край, но и заданъ вопросъ: такъ какъ латыши называютъ Лифляндію Видземе (центръ земли), а Курляндію Курземе, то не будетъ ли сообразно съ правдою (т. е. съ военными успѣхами нѣмцевъ во Франціи и съ политическими тенденціями нѣмцевъ въ Россіи) назвать эти губерніи Видземскою и Курземскою? Мѣра эта настоятельная, такъ какъ латыши совсѣмъ не знаютъ „Лифляндіи,“ а русскіе ее очень хорошо знаютъ; названіе же Курской губерніи для Курляндіи неудобно, потому что Курская губернія уже есть и можетъ выйдти такое столпотвореніе, что Мольтке въ случаѣ войны поведетъ чего добраго свои легіоны на Курскъ вмѣсто Митавы, что окажется неудобнымъ для прибалтійскихъ нѣмцевъ и для управленія курско-смоленской желѣзной дороги. Вообще необходимо какъ можно болѣе перепутать названія мѣстностей на западной

окраинѣ Россіи, чтобы эти всесвѣтные географы прусской арміи, фонъ-Рооны и Мольтке, стали окончательно въ тупикъ. Извѣстно что эти предводители берутъ всего больше знаніемъ мѣстностей, на которыя они дѣлаютъ нападенія. Такъ пусть пойдутъ разберутъ что нибудь у насъ! Уже одна эта цѣль можетъ объяснить и образъ дѣйствій относительно Ковно, которое и до сихъ поръ не знаетъ — Ковно оно или Ковна. Конечно изъ-за этого не стоитъ спорить, но на Вислѣ есть цѣлый край, который сначала назвали привислянскимъ и только потомъ уже, когда узнали, что *я* въ этомъ словѣ дѣлаетъ его польскимъ, передѣлали край въ „привислинскій,“ что конечно не могло сразу не быть значительнымъ шагомъ на пути обрусенія... этого слова.

Но въ то время, когда нашъ газетодательный корпусъ ведетъ этимологическую борьбу съ прибалтійскимъ краемъ, нѣмцы сего послѣдняго также дѣйствуютъ. Кажется каждый изъ среброкудрыхъ сыновъ остзейскаго края превратился въ Бисмарка и старается также хитроумно дѣйствовать противъ Москвы какъ сей послѣдній. Недавно одно учено-литературное общество въ остзейскомъ краѣ почтило професора Ширрена званіемъ своего почетнаго члена и конечно сдѣлало это не безъ цѣли подсолить Москвѣ. Далѣе: Во времена не очень давно минувшія двѣ нѣмецкія газеты неожиданно возымѣли на русской землѣ свое существованіе. Петербургская прямо себя заявила нѣмецкою не по одному шрифту, но московская сначала облеклась въ первопрестольномъ русскомъ городѣ въ русскій халатъ и даже въ какую-то коротенькую эстолатышскую хламидку; нѣмецкой каски вовсе не было видно. Но прошло немного времени и московскій нѣмецкій органъ сталъ также нѣмецкимъ не по одному шрифту. А теперь оказывается, что нѣмцы въ Москвѣ даже рус-

скую газету издають. Нужна ли эта газета графу Бисмарку—другой вопросъ, но говорятъ, что такая газета не нужна Россіи. Впрочемъ такъ ужъ ведется, что мы сейчасъ беремъ интересы всей Россіи, когда дѣло идетъ только объ интересахъ г. Риса, лица по нѣмецки издающаго русскую газету, [illegible]

Но положимъ газеты — такъ. Тѣ уже и теперь ведутъ войну съ графомъ Бисмаркомъ, преслѣдуютъ нѣмецкія войска (что очень удобно съ Москвы-рѣки), наносятъ германскимъ войскамъ пораженія, употребляя реторическіе перуны вмѣсто митральезъ. А почему же и иные русскіе кружки не питаютъ особенныхъ симпатій къ Пруссіи? По правду сказать, въ иномъ кружкѣ и соревнованіе съ соперничествомъ также чего нибудь значатъ. Пруссаки одерживаютъ блистательныя побѣды. Экіе эти пруссаки! Ужъ не думаютъ ли они, что и въ самомъ дѣлѣ никакой народъ въ мірѣ состязаться съ ними не можетъ. И такъ далѣе.

Не скажемъ впрочемъ, что въ литературномъ смятеніи противъ Пруссіи и въ несочувствіи иныхъ къ ней не было своей доли пользы для Россіи. Бисмаркъ долженъ знать, что онъ обязанъ дѣйствовать въ отношеніи Россіи искренно, или ему же будетъ хуже. Хитроумность Бисмарка—опасный для насъ симптомъ и, по слухамъ, господинъ этотъ на всѣ руки: и Россію можетъ ласкать въ вопросѣ о парижскомъ трактатѣ и бесѣдовать съ поляками о возстановленіи Польши, и заигрывать съ султаномъ въ Константинополѣ, и улыбаться мадьярамъ, желающимъ жить безъ Австріи, и мирволить Бейсту, не желающему обойтись безъ мадьяръ, и бесѣдовать юмористически-радушно съ Тьеромъ, когда Франція рвется на части. Вотъ почему Бисмаркъ и внушаетъ опасенія. А тутъ перемѣны въ нашемъ военномъ вѣдомствѣ. Ну, плохо!

думали патріоты, придется намъ потягаться съ пруссаками!

Дѣло въ томъ однако, что журналистика въ Россіи можетъ быть только русскою, а это налагаетъ на нее обязанность дѣлать ошибки, свойственныя вообще русскимъ людямъ. Русскій человѣкъ исторіею воспитанъ на сведеніи всего къ личности. Личность у него на первомъ планѣ. Онъ чаще видитъ личность, чѣмъ общіе законы. Бисмаркъ у него предъ глазами, и какъ русскій критикъ привыкъ имѣть дѣло не съ сочиненіемъ, а съ личностью автора, такъ и русскій публицистъ имѣетъ дѣло почти съ однимъ Бисмаркомъ, вовсе устраняя изъ вида общіе интересы Пруссіи и даже самую Пруссію.

Обстоятельство это существенно. Бисмаркъ способенъ на все, но Пруссія можетъ слѣдовать въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ только своимъ опредѣленнымъ интересамъ. Интересы Пруссіи опредѣлены исторіею. Ихъ можно взвѣсить и съ точностью обозначить. Пруссія должна превратиться въ Германію и для этого необходимы нѣмецкія земли Австріи. Другая часть Австріи славянская, и каждый кто не отрицаетъ, что можетъ существовать идея славянскаго единства, какъ существуетъ идея германскаго и итальянскаго единства, легко пойметъ что это значитъ. Словомъ пока, и еще надолго, интересы Германіи и Россіи солидарны. Прибалтійскій край, отдѣляемый отъ Германіи чисто славянскими землями, не можетъ входить въ комбинацію лицъ рѣшающихъ, что войдетъ въ составъ будущей Германской имперіи. Не только прибалтійскій край — нѣмецкій оазисъ въ славянской землѣ, но и сами нѣмцы въ прибалтійскомъ краѣ оазисъ среди латышей, эстовъ и русскихъ. Другое дѣло нѣмецкія области Австріи — онѣ подъ бокомъ у Пруссіи и Германіи, и безъ

нихъ едва ли можетъ устроиться настоящая Германская имперія, построенная не на скорую руку изъ того что готово, какъ былъ построенъ сѣверогерманскій союзъ. Сѣверогерманскій союзъ былъ баракъ, сшитый на живую нитку: Германская имперія, которую хотятъ создать по разгромѣ Франціи, должна быть прочнымъ, постояннымъ зданіемъ и, при закладкѣ его, безъ австрійскихъ нѣмецкихъ провинцій обойдтись нельзя. Но едва на Австрію протянетъ руку германское единство, и славянское скажетъ свое слово. Венгрія не помѣшаетъ этому слову и этой рукѣ. Въ Венгріи много истыхъ мадьяръ, которые не жалуютъ Австро-Венгріи и будутъ даже довольны, если съ нихъ снимутъ это „Австро." Венгрія можетъ быть чѣмъ нибудь въ родѣ самостоятельной Румыніи.

Въ то время когда Москва острила зубы на нѣмцевъ и ихъ козни — явился циркуляръ кн. Горчакова объ отмѣнѣ черноморской конвенціи парижскаго трактата 1856 г. и голосъ исторіи прогремѣлъ въ этомъ искусно написанномъ документѣ для тѣхъ кто запутавшись въ публицистскихъ мелочахъ занялся больше личною враждою къ Бисмарку, чѣмъ историческимъ назначеніемъ Пруссіи и Россіи.

А Эмсъ въ 1871 году? Но о немъ исторія скажетъ позже....

Еще многое не улеглось въ Европѣ. Государства на сторожѣ. На сторожѣ должна быть и Россія, Россія еще дожидается всеобщаго обученія; въ русской арміи оно уже введено, по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Съ этого времени военному начальству вмѣнено въ обязанность заботиться отъ обученіи солдатъ грамотѣ, въ такой же степени, въ какой заботятся о фрунтовыхъ требованіяхъ. Этого достаточно; только и нужно, чтобы на обученіе грамотѣ обращалось столько же вни-

манія, сколько на обученіе фрунту. Съ этого времени преподованіе грамоты въ полкахъ уже не дилетантизмъ, не аматерство нѣсколькихъ гуманно настроенныхъ офицеровъ и не роскошь, допускаемая достаткомъ досуга. Теперь будутъ требовать отчета въ обученіи грамотѣ, какъ требуется онъ по всѣмъ другимъ частямъ службы. Прусская война доказала, что грамотность—одинъ изъ лучшихъ залоговъ успѣха, что грамотность не уступитъ игольчатому ружью и превосходной артилеріи. Вопросъ объ общечеловѣческомъ значеніи грамотности можетъ даже совершенно остаться въ сторонѣ; довольно обратить вниманіе на пользу ея съ военной точки зрѣнія. Не будучи реформаторомъ можно было сдѣлать шагъ впередъ. Чему не научила философія, того достигло военное дѣло. Все равно, результатъ одинъ; крайности сходятся, и изъ прусскаго нашествія для Россіи яснѣе выдвинулся вопросъ о всеобщемъ обученіи, чѣмъ изъ разсужденій русскихъ педагоговъ и изъ доводовъ русскихъ гуманистовъ.

Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ арміи дѣлается, или готовъ сдѣлаться, именно вопросомъ о всеобщемъ обученіи въ странѣ. Дѣло въ томъ, что и Россія начинаетъ стремиться къ тому, чтобы сдѣлать свою армію народною. Долго шли только толки, слухи; но они всегда предшественники дѣла. Г. Столыпинъ взывалъ въ „Моск. Вѣд.“ къ московскому дворянству, чтобы оно, какъ въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ, не ждало призыва, или напоминанія правительства, а само выступило бы съ заявленіемъ, съ просьбою сдѣлать военную службу обязательною для всѣхъ классовъ населенія. Г. Столыпинъ говорилъ, что онъ дѣлалъ заявленіе безъ задней мысли; онъ дворянинъ, ему 23 года—т. е. и онъ пойдетъ въ ряды изъ первыхъ. Хотимъ не сомнѣваться, что такъ думаетъ масса лицъ привилигированныхъ сословій. Пра-

вительствомъ наряжена комиссія, разсматривающая тотъ же вопросъ. Вся Европа по видимому хочетъ сдѣлать армію народною по примѣру Пруссіи. Въ Англіи движеніе уже приняло значительные размѣры. Въ Бельгіи перешли къ правительственнымъ законоположеніямъ. Въ Италіи также приступлено къ обсужденію мѣръ съ этою цѣлью. Останется ли назади Россія?

Вопросъ о всеобщей военной повинности можетъ быть разсматриваемъ съ военной и съ общечеловѣческой точки зрѣнія.

Съ военной — этотъ вопросъ не представляетъ для Россіи особеннаго значенія. Наше положеніе можетъ показаться парадоксальнымъ, но многое кажется парадоксальнымъ, пока не вдумаешься. Если вся причина военнаго преобладанія Пруссіи кроется во всеобщей военной повинности, существующей въ ней, то мы за нею не угонимся и если даже сейчасъ послѣдуетъ зачисленіе у насъ всѣхъ людей извѣстнаго возраста въ армію, безъ различія классовъ, то намъ все ровно угрожаетъ военная прусская гегемонія, потому что въ Пруссіи всеобщая повинность есть уже достояніе поколѣній, тамъ весь бытъ народа сжился съ нею въ теченіи 63 лѣтъ тамъ армія дѣйствительно народная, потому что весь народъ имѣлъ время окунуться въ армію и армія просочиться въ народъ. На это пошло десятки лѣтъ. Въ короткое время этого не дѣлается. Въ шесть, семь лѣтъ нельзя провести всю страну чрезъ ряды арміи. Пока державы, въ которыхъ нѣтъ всеобщей военной повинности, будутъ вводить ее у себя Пруссія утвердитъ въ Европѣ свою гегемонію, и если введеніе этой повинности вызывалось только военными соображеніями, то цѣль не будетъ достигнута.

Другое дѣло если смотрѣть на вопросъ съ общечеловѣче-

ской точки зрѣнія. За что одному низшему классу населенія нести на себѣ военную обязанность и имѣть право защищать отечество? Если это налогъ крови — несправедливо брать его съ нѣкорыхъ только классовъ, пусть платятъ его всѣ остальные. Если это право защищать отечество — странно, что люди богатые и образованные уступаютъ эту честь бѣднякамъ и пролетаріямъ. Тутъ недомолвка, или ошибка; лицемѣріе, или самообманываніе. И безъ прусской войны надобно было бы думать такъ; хорошо что подоспѣла эта война. Если Марсъ напоминаетъ то, о чемъ должна была бы подумать Минерва — все равно; опять-таки повторяемъ важенъ результатъ. Если всеобщее обученіе и общая военная повинность привьются на нашей почвѣ, то отдавъ должное себѣ, какъ тщеславные дѣти міра сего, не забудемъ и Мольтке съ Бисмаркомъ; они тоже потрудились тутъ для нашего гражданскаго преуспѣянія.

ПУШКИ КРУППА ДЛЯ РОССІИ.

Въ Вержболовѣ я разсмотрѣлъ гигантскія пушки назначаемыя для нашихъ крѣпостей и привезенныя изъ Эссена отъ Круппа. Орудія поменьше (девяти-дюймовыя), вѣсомъ 910 пудовъ каждая, назначаются для Керчи и Николаева; большія (11-ти дюймовыя), вѣсомъ по 1590 пудовъ идутъ въ Кронштадтъ. Перевезти эти гигантскія пушки дѣло вовсе нелегкое. Уже три года шли орудія отъ Круппа въ Россію чрезъ Вержболово и особенно перевозка ихъ усилилась въ 1870 г., но никогда не было такого труда, какъ въ послѣднее время, по дальнѣйшей пересылкѣ этихъ орудій въ Россію. Главное Общество желѣзныхъ дорогъ конечно не могло думать о перевозкѣ такихъ громадныхъ орудій на обыкновенныхъ товарныхъ платформахъ. Такая платформа

можетъ поднять только грузъ въ 500 пудовъ, по крайней мѣрѣ для такого груза она была дѣлана, и должна развалиться подъ грузомъ въ 1590 пудовъ. Все, что могло припасти управленіе нашей дороги—это восемь платформъ предназначенныхъ для перевозки локомотивовъ. Эти платформы полужелѣзныя, полудеревянныя, съ 8 колесами вмѣсто 6, оказались годными въ дѣло. Но на Главное Общество желѣзныхъ дорогъ и не расчитывали для перевозки этихъ громадныхъ пушекъ. Заказаны были необходимыя платформы въ Кенигсбергѣ, но дѣлая заказъ не предвидѣли, что Кенигсбергскій заводъ будетъ выписывать колеса для платформы изъ Англіи. Между тѣмъ оказалось, что это обстоятельство повліяло на все. Колеса должны были быть доставлены морскимъ путемъ, съ ними запоздали и море замерзло. Такимъ образомъ изъ за колесъ нѣтъ платформъ. Нѣтъ платформъ, не можетъ происходить и скорой перевозки орудій. Не мало орудій долго лежало у Вержболовской станціи. Я внимательно осмотрѣлъ трехъ такихъ гигантовъ, самыхъ большихъ, лежащихъ на „подушкахъ" — какъ артиллеристы зовутъ деревянныя подставки для орудій. Эти орудія имѣютъ до 9½ шаговъ въ длину (три сажени) и при футовомъ въ діаметрѣ концѣ дула представляютъ боковую часть—ту, которая первая противодѣйствуетъ заряду пороха при вспышкѣ — толщину почти втрое большую въ діаметрѣ той, какую представляетъ окончаніе дула этого одинадцати-дюймоваго орудія. Два пуда 10 фунтовъ пороха идущіе на одинъ зарядъ этого орудія въ 1590 вѣсомъ, выгоняютъ бомбу въ 13 пудовъ вѣсомъ, могущую, по словамъ спеціалиста, бить на разстояніе 10 верстъ. Пока въ Кронштадтѣ еще не было такихъ орудій. Тамъ поставлено нѣсколько меньшихъ, именно по 910 пудовъ каждое. Съ орудіями этого послѣдняго размѣра были, какъ уже из-

вѣстно, произведены опыты на Волковомъ полѣ въ Петербургѣ и доказано было что на двухверстномъ разстояніи такое орудіе своимъ ядромъ имѣющимъ видъ сахарной головы легко пробиваетъ желѣзную броню въ 11 дюймовъ толщиною, т. е. толще какихъ обыкновенно не дѣлаютъ.

При содѣйствіи телеграфа, посредствомъ котораго переговариваются кронштадтскіе форты (на случай порчи электрическаго есть и оптическій телеграфъ) точка прицѣла при стрѣлбѣ изъ орудій опредѣляется почти геометрически точно, такъ что пробное судно — мишень при маневрахъ обыкновенно идетъ ко дну отъ одного выстрѣла въ подводную часть на двухверстномъ разстояніи. Есть надежда, что новыя громадныя орудія будутъ дѣйствовать съ неменьшею точностью. Въ такомъ случаѣ будетъ не только боевой, но и экономическій успѣхъ. Такіе заряды какіе пускаются изъ этихъ орудій стоять очень дорого. Кстати приведу здѣсь изъ „Кенигсбергской газеты“ расчетъ, во что обходятся выстрѣлы прусской артиллеріи изъ такихъ же т. е. нарѣзныхъ орудій заряжающихся съ казенной части. Выстрѣлъ четырехфунтовой гранаты стоитъ на наши деньги, по нынѣшнему курсу, 1 р. 60 коп., шести фунтовой — 2 рубля, двѣнадцати-фунтовой — 3 р. 12 к., двадцати-четырехфунтовой — 5 р. 20 коп. 72 фунтовой (крѣпостной и морской артиллеріи) — 240 рублей, 90 фунтовой — 360 рублей. Тысяче-фунтовое орудіе было употреблено въ дѣло только разъ и выстрѣлъ обошелся въ 960 рублей. Наше орудіе 11 дюймоваго размѣра по этому расчету должны дѣлать выстрѣлъ стоющій 500 — 600 рублей. Слѣдовательно точность выстрѣла тутъ какъ разъ ведетъ къ достиженію военныхъ какъ и экномическихъ цѣлей.

Пушки, которыя я осматривалъ, съ надписью „F. Krupp, Essen, 1870,“ предохранены отъ вліянія погоды и прочаго,

при перевозкѣ, деревянными втулками заграждающими по видимому герметически доступъ воздуха во внутреннія части. О стоимости ихъ можно судить изъ того, что 500 пудовыя стоютъ по 13,000 рублей каждое, 910 пудовыя — по 40,000. Стоимости самыхъ большихъ я не узналъ, но судя по этому и принимая въ расчетъ что цѣна болѣе крупныхъ орудій возвышается вовсе непропорціонально съ вѣсомъ, а въ значительно большей пропорціи, едва ли можно ошибиться предположивъ, что 1590 пудовая пушка стоитъ около 200,000 рублей. „Кенигсбергская газета" расчитываетъ, что стоимость орудія выпускающаго ядра въ 15 пудовъ вѣсомъ превосходитъ сумму въ какую обойдется содержаніе полка въ теченіе цѣлаго года. У насъ если не ошибаюсь еще не было такихъ орудій. На кенигсберскихъ платформахъ предназначено перевозить по одному большому орудію, или по два меньшихъ размѣровъ, такъ какъ платформы устроены такъ, чтобы поднимать тяжесть до 2000 пудовъ.

ИЗЪ БЕРЛИНСКИХЪ ПИСЕМЪ.

I.

Приходится слышать сѣтованія, что въ Россіи далеко не всѣ благосклонно относятся къ нѣмцамъ и не всѣ желаютъ нѣмецкой гегемоніи въ Европѣ. Но какъ смотрятъ въ Германіи на Россію? Вотъ вопросъ, занимавшій меня съ минуты моего пріѣзда въ Германію. Я старался изслѣдовать его

сколько возможно обстоятельнѣе и подѣлюсь своими наблюденіями съ читателями.

Прежде всего, по въѣздѣ въ прусскіе предѣлы, поразило меня объявленіе, вывѣшенное въ вагонахъ желѣзной дороги и предназначенное преимущественно для русскихъ. Объявленіе это предостерегаетъ ѣдущихъ, подъ страхомъ пени въ 10 талеровъ и преслѣдованія судомъ, не играть въ вагонахъ въ карты. Не знаю, кому придетъ охота играть въ карты въ неотопляемыхъ прусскихъ вагонахъ въ нынѣшнюю студеную зиму, да и вообще когда бы то ни было. Но даже еслибъ дѣйствительно былъ случай, что пасажиры играли въ карты, то какъ дѣлать это предметомъ всеобщаго оповѣщенія наравнѣ съ росписаніемъ станцій? Что, напримѣръ, сказали бы нѣмцы, еслибъ въ вагонахъ варшавской дороги вывѣсили объявленіе на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, гласящее, что всѣ нѣмцы, уличонные въ питьѣ пива въ вагонахъ, немедленно подвергнутся штрафу въ 12 рублей, лишатся своихъ бутылокъ и будутъ преслѣдуемы судомъ? А вѣдь совершенно то же нѣмецкое оповѣщеніе, потому что пиво пить въ вагонахъ точно такъ же предосудительно, какъ и играть въ вагонахъ въ карты, а что иные сыны Германіи попиваютъ въ вагонахъ, въ этомъ каждый можетъ убѣдиться въ вагонахъ прусскихъ желѣзныхъ дорогъ. Судя по нѣмецко-французскому оповѣщенію прусскихъ вагоновъ, можно подумать, что всѣ, безъ исключенія, русскіе, записные картежники и садятся въ прусскіе вагоны исключительно для того, чтобъ играть въ карты.

Но, можетъ быть, игра въ карты такая предосудительная вещь въ Пруссіи, что если находились иные наши соотечественники, игравшіе въ прусскихъ вагонахъ, то это поражало нравственное чувство пруссаковъ? Нѣтъ, побывавъ въ мас-

сѣ прусскихъ ресторановъ, я видѣлъ въ нихъ много народа, играющаго по вечерамъ въ домино и въ карты. Карты и въ Пруссіи — одно изъ развлеченій. Это — черта, показывающая, какъ любезно смотритъ на русскихъ прусская администрація желѣзныхъ дорогъ. Теперь, какъ смотритъ на Россію пруская полиція? Это — тоже интересный предметъ. Съ пруско-полицейскимъ взглядомъ на Россію познакомилъ меня случай. Въ Россіи, при полученіи мною заграничнаго паспорта, сказано, что паспортъ понадобится мнѣ только на прусской границѣ при выѣздѣ и возвращеніи, а заграницей никто его не спроситъ. Итакъ, думалъ я, Пруссія Бисмарка превратилась въ Англію, гдѣ паспорты неизвѣстны.

О, разочарованіе! Едва пріютился я въ столицѣ Пруссіи на постоянной квартирѣ, паспортъ мой былъ потребованъ въ полицію. Затѣмъ, заявлено было, что полицейское управленіе желаетъ отъ меня лично получить нѣкоторыя удостовѣренія и проситъ меня пожаловать въ контору.

— Зачѣмъ? замѣтилъ мнѣ одинъ русскій въ Берлинѣ, — полицейскій самъ пришолъ ко мнѣ за нужными для него свѣдѣніями.

Да̀, но этотъ русскій живетъ здѣсь въ правительственной командировкѣ, а я пріѣхалъ по собственнымъ дѣламъ. Пруссаки же тонкіе политики и знаютъ, гдѣ нужно сдѣлать какое различіе.

Итакъ, просятъ въ полицейское управленіе. Время военное,. строго. Надобно отправиться.

Оказалось, что меня вызывали, чтобъ [illegible]ать, какого я вѣроисповѣданія, гдѣ, въ какой провинц[illegible] родился, когда родился — годъ, мѣсяцъ, число... Да̀, [illegible]оложительно — число.

Я былъ ошеломленъ. Такъ какъ мнѣ намекнули о врачѣ,

въ случаѣ, еслибъ со мною что приключилось въ Берлинѣ — это было приведено въ поясненіе, для чего полиціи нужны всѣ эти подробности — то допускаю, что вопросъ объ исповѣданіи объясняется заботою прусской полицій не только о моемъ тѣлѣ, но и о душѣ. Относительно губерніи, гдѣ родился — я уже болѣе недоумѣваю, тѣмъ болѣе, что почтенный мужъ, изъявлявшій желаніе все это знать, былъ положительно не въ состояніи написать мудреное названіе одной русской внутренней губерніи, и я долженъ былъ продиктовать ему по складамъ. Но что касается числа, въ которое я родился, то это — рѣшительно апогей забавнаго. Я замѣтилъ, что въ Россіи посмѣются, когда я буду разсказывать о вопросахъ, предлагаемыхъ тамъ, гдѣ, по убѣжденію иныхъ русскихъ, паспорты отмѣнены. Полицейскій чиновникъ замѣтилъ на это, что для сѣверогерманцовъ у нихъ, дѣйствительно, нѣтъ болѣе паспортовъ и требуется только удостовѣреніе въ личности (а какъ возьмете всѣ эти удостовѣренія въ личности, то выйдетъ хуже паспорта). „Но — прибавилъ онъ вы должны же согласиться, что, по развитію массъ, Пруссія все же стоитъ выше Россіи“. Очевидно, уязвлено было самолюбіе нѣмца тѣмъ, что въ Россіи будутъ смѣяться надъ нѣмецкою процедурою, и онъ перешолъ къ вопросу о цивилизаціи вообще. На этомъ пунктѣ я его не оспаривалъ, но замѣтилъ, что безполезное вездѣ безполезно. И въ самомъ дѣлѣ, въ Россіи будутъ смѣяться. Я вовсе не жалѣю, что былъ въ прусскомъ полицейскомъ управленіи и потомъ добывалъ свой паспортъ обратно по разнымъ инстанціямъ, лѣстницамъ и людямъ, въ главномъ королевскомъ полицейскомъ управленіи. По крайней мѣрѣ, я узналъ, что такое прусская полиція.

Да̀, вы, русскіе люди, сѣтующіе на свои паспорты, по-

смотрѣли бы вы на рубрики, стоящія въ прусскомъ паспортѣ! Умъ содрогается отъ глубины анализа; воображеніе застываетъ при вѣяніи такой неподражаемой пунктуальности. Чего тутъ не перечислено: волоса, лобъ, брови, глаза, носъ, ротъ, борода, подбородокъ, сложеніе, цвѣтъ лица, ростъ до дюймовъ. Только бы еще выраженіе лица. А скверное, я вамъ скажу, должно быть выраженіе лица у человѣка, который ждетъ въ полицейскомъ управленіи своего паспорта полчаса, потому что господинъ въ темносинемъ казакинѣ, съ бѣлыми пуговицами и такою же мишурною папильоткою на плечѣ, ушолъ не во время закусить.

Я ничего не прибавилъ, скорѣе, развѣ что нибудь забылъ изъ любопытныхъ рубрикъ. Я хотѣлъ-было думать, что военное время вызвало экстраординарную пунктуальность — ничуть не бывало: полицейскій объяснилъ, что такъ всегда. Но Пруссія впереди Россіи въ области культуры, какъ замѣтилъ полицейскій чинъ...

Наконецъ я приступаю къ предмету, о которомъ давно хотѣлъ поговорить, но все откладывалъ, разъясняя себѣ являвшіяся сомнѣнія и стараясь провѣрить сложившіеся выводы.

Вопросъ довольно серьезный: какъ Германія и Пруссія, въ лицѣ своей народной массы, смотрятъ на Россію? Я уже говорилъ, что Россію тутъ мало знаютъ, но, всетаки, знаютъ, хотя бы по мѣхамъ, икрѣ и чаю. Нѣмцы старательно освѣдомляются — и мнѣ не разъ самому приходилось отвѣчать на ихъ вопросы — какъ смотрятъ на Германію въ Россіи, куда клонились русскія симпатіи въ эту войну. Такъ, по всей вѣроятности, и для русскихъ не безъинтересно знать, какъ смотрятъ въ Пруссіи на Россію. Вы нерѣдко услышите здѣсь возгласы: „Теперь Пруссія и Россія, въ союзѣ другъ

съ другомъ, могутъ располагать судьбами Европы!“ Но оставимъ судьбы Европы, и посмотримъ, что предвозвѣщаютъ судьбамъ русско-прусскаго союза взгляды нѣмцевъ на Россію.

Общественныя симпатіи и антипатіи отражаются на театральной сценѣ — не такъ ли? Антрепенеръ долженъ угождать вкусу публики. И такъ, начнемъ съ театра.

Сидите вы въ вальнеровомъ театрѣ. На сценѣ идетъ пьеса „Легкая особа“ (Eine leichte Person). Прочитываете вы афишу: одно изъ дѣйствующихъ лицъ русскій — Стариковъ. Хорошо; что же это за русскій? Посмотримъ. Является Стариковъ. Онъ одѣтъ по-русски: плисовые черные штаны засунуты въ высокіе сапоги. Раздаются посылки всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ. Кто что получаетъ, Стариковъ — водку. Конечно, онъ тотчасъ же пропускаетъ въ горло глотокъ за глоткомъ и скоро дѣлается краснымъ, какъ ракъ. Онъ откалываетъ разныя штуки, навязывается всѣмъ со своими объятіями и поцѣлуями, безпрестанно хвалитъ свою „водку.“

— Ахъ, да отвяжись, пожалуйста! говоритъ герой пьесы Старикову, недающему покоя ни ему, ни предмету его страсти. Стариковъ все не унимается.

— Лучше бы ты занимался своимъ Pontusfrage (восточнымъ вопросомъ), зло говоритъ нѣмецъ.

Замѣчаніе это проходитъ не совсѣмъ безслѣдно для публики. Кое-кто смѣется. Но безслѣдно для Старикова.

— Вотъ тебѣ демаркаціонная линія, а дальше ты ступить не смѣешь, замѣчаетъ герой комедіи, проводя черту по полу.

Смѣха нѣтъ. Кажется, политическаго намека никто не замѣтилъ.

Затѣмъ, Стариковъ ловко откалываетъ въ присядку, при-

чомъ не упускаетъ задѣть ногою по носу фермера изъ Данцига. Нѣмецъ, актеръ очень ловко исполнилъ все это.

Вотъ вамъ русскій на берлинской сценѣ и по понятіямъ массы здѣшнихъ нѣмцевъ.

Конечно, это—такой же типъ русскаго для нѣмца, какъ нѣмецкій колбасникъ—типъ нѣмца въ Россіи. Но мы только народные взгляды пока и имѣемъ въ виду.

Захожу я въ одинъ изъ берлинскихъ театровъ-ресторановъ „Bundeshalle." Если вы хотите изучать нѣмецкую жизнь, читатель, вы обязаны посѣщать эти пріюты нѣмецкаго буржуазнаго комфорта и общественной патріархальности. Тутъ, у столика, за кружкою пива, сидитъ мать семейства, окруженная дѣтьми; она работаетъ — шьетъ или вяжетъ, пьетъ пиво, смотритъ на игру актеровъ. За все это она заплатила только 8 коп. (не считая пива) и можетъ проводить здѣсь весь вечеръ. Тутъ нѣмецъ сидитъ за стекляннымъ ведромъ (иного слова не могу подобрать: такъ громаденъ сосудъ) пива и, въ изліяніи сердечныхъ чувствъ (что прямо пропорціонально количеству потребленнаго пива), приглашаетъ выпить изъ своего ведра кельнера, и тотъ, поблагодаривъ, утоляетъ жажду изъ вмѣстительнаго сосуда. Тутъ женихъ (непремѣнно женихъ слово „возлюбленный" слишкомъ жостко и грубо для нѣмецкой терминологіи) беретъ у кельнера, явившагося съ подносомъ сластей, пирожное для своей невѣсты, тѣсно прижавшейся къ нему и очень довольной, что никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на ихъ взоры и рукопожатія, хотя всѣ столики вокругъ заняты народомъ.

Нѣтъ! въ этомъ мірѣ простоты и патріархальности, думалъ я, не знаютъ о Россіи! Но взглянемъ на афишу: что-то представляютъ сегодня намалеванные актеры третьей руки?

А! вотъ и славянская фамилія между дѣйствующими лицами—Рачинскій. Кто же этотъ Рачинскій? разбойникъ... Гм!..

Но, можетъ быть, по крайней мѣрѣ образованные нѣмцы, всетаки, сколько-нибудь изучаютъ Россію, ея исторію, нынѣшній бытъ, ну, хоть бы какъ песчаную степь, въ которой есть золотыя розсыпи и гдѣ можно нажиться, какъ многіе нѣмцы и нажились на теплыхъ мѣстечкахъ этой согрѣваемой солнцемъ степи. Пойдемте въ маленькій, но съ претензіями театръ „Belle Alliance“ (нѣмцы произносятъ „Belle Alliang'ce“), тамъ дается трагедія „Екатерина II, русская императрица.“

Г-жа Высоцкая играетъ довольно сносно Екатерину II, хотя молодой и красивой полькѣ съ сильною страстью и съ ограниченнымъ дарованіемъ трагической актрисы пришлось разыгрывать роль 67-ми-лѣтней старухи. Роль плоха и тупа. Тутъ ничего не сдѣлаетъ и блестящій талантъ. Но какъ же могъ д-ръ Линднеръ написать такую гиль съ исторической точки зрѣнія? Онъ выводитъ на сцену Суворова. Вы думаете, это — поджарый, худой старикъ съ язвительнымъ лицомъ (дѣйствіе происходитъ въ 1796 году)? Ничуть не бывало. Суворовъ тутъ является ражимъ дѣтиною, брюнетомъ колосальныхъ размѣровъ, и разыгрываетъ что-то въ родѣ роли караульнаго у Екатерины. Но содержаніе, содержаніе. Что это за гиль!

А авторъ— *докторъ* Линднеръ! Нѣмецкіе доктора наук могли бы лучше знать исторію Россіи. Массѣ же нѣмецкаго населенія сама судьба уже не велѣла знать Россію.

Отъ театра обратимся къ литературѣ и послушаемъ, что говоритъ о Россіи другой докторъ ученой Германіи.

Докторъ Бета, въ своемъ сочиненіи „Новая Германская Имперія“ (Лейпцигъ и Гейдельбергъ, 1871) задаетъ себѣ

вопросъ: въ чемъ должна заключаться миссія Пруссіи въ Европѣ? и приходитъ къ заключенію, что если Австрія не успѣла въ своихъ прежнихъ стремленіяхъ положить предѣлъ мохамеданству и московитизму, то теперь на долю Пруссіи выпала задача „охранять европейскую цивилизацію отъ нападеній Россіи“ (стр. 60—61). Добрый авторъ, впрочемъ, находитъ, что это будетъ лучше для самой Россіи: она по крайней мѣрѣ, не будетъ отвлекаться отъ своей задачи — цивилизаціи дальняго Востока.

Авторъ того мнѣнія, что много золъ произошло для Пруссіи отъ союза съ Россіею. Франція была спасена въ 1815 году русскою дипломатіею, недавшею раздробить ее въ пользу Германіи, и затѣмъ, Метернихъ, Кампцъ, Шмельцъ, Цшоппе были не болѣе, какъ полицейскіе служители Россіи, приставленные смотрѣть, чтобъ никто не осмѣлился пикнуть о единствѣ Германіи.

До сихъ поръ, мы имѣли дѣло съ нѣмецкою буржуазіею и нѣмецкими докторами. Посмотримъ, какъ относится къ Россіи народная масса въ Пруссіи. Мнѣ пришлось здѣсь встрѣтиться съ однимъ купцомъ-малороссомъ. Онъ закупаетъ разныя вещи для своихъ четырехъ южнорусскихъ фабрикъ и, не будучи въ состояніи пробраться въ осажденный Парижъ, долженъ былъ жить въ Берлинѣ. Очень не понравились ему нѣмцы, когда онъ сравнивалъ ихъ съ французами. Вѣру въ ихъ честность и прямоту дѣйствій онъ окончательно потерялъ, но, по необходимости живя въ Берлинѣ, наблюдалъ, отъ нечего-дѣлать, берлинскую жизнь. Само собою разумѣется, что его призывали въ полицію, чтобъ узнать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, какъ будто русскій положительно не имѣетъ никакого права жить въ Пруссіи, и если прибылъ сюда, то долженъ представить доказательство, что рѣшился

на это только по самымъ уважительнымъ причинамъ. Призывали его въ полицію не менѣе трехъ разъ и задавали все тѣ же вопросы.

Паспортъ былъ на лицо, но русскій, а порусски въ полиціи не знали. Отсюда, можетъ быть, и масса хлопотъ. Живетъ здѣсь купецъ-малоросъ мѣсяцъ-другой; хотя онъ говоритъ понѣмецки, но скука страшная. Изученіе нѣмецкой жизни — единственное развлеченіе.

— Зашолъ я разъ, разсказывалъ онъ: — въ локаль, погребокъ низшей руки. Компанія, сидѣвшая за пивомъ, состояла изъ двухъ рабочихъ и кучера.

— Что вы за человѣкъ? обратился къ нему одинъ рабочій.

— Я русскій.

— Русскій? замѣтилъ нѣмецъ, осматривая новаго гостя.— Всѣ русскіе глупы.

Съ этимъ словомъ нѣмецъ сѣлъ за свое пиво.

Вотъ рѣшеніе нѣмца изъ простого класса.

Когда я соображаю все, о чомъ говорилъ здѣсь, принимая во вниманіе нѣмецкую апатію къ остальному человѣчеству, прусскую политику въ отношеніи Франціи и т. д., мнѣ приходятъ на мысль слова капитана подвижной гвардіи, Бютеля, прусскаго плѣнника, съ которымъ судьба столкнула меня въ Шпандау. Онъ вѣритъ въ будущій тѣсный союзъ Франціи съ Россіей.

Какъ вы думаете, правъ ли капитанъ?

II.

Послѣ шума недавняго торжества по случаю заключенія мира, сажусь продолжать мои замѣтки о томъ, что знаютъ и какъ думаютъ здѣшніе нѣмцы о Россіи.

Вопросъ, надѣюсь, не безъинтересный. Вопервыхъ, Россію здѣсь очень мало знаютъ. Живя въ Россіи, я убѣжденъ былъ, что нѣмцы въ Берлинѣ насъ отлично знаютъ. Они обнаружили такое знаніе Франціи, что Наполеонъ III зналъ ее хуже ихъ и дорого поплатился за то. Но только Францію нѣмцы хорошо и знаютъ, ее только они основательно и изучили. И это естественно. Для каждаго, сдающаго здѣсь офицерскій экзаменъ, знаніе французскаго языка обязательно. Другихъ никакихъ языковъ не требуется, и самый экзаменъ, въ научномъ отношеніи, не требуетъ особенно обширной подготовки. Обязательность французскаго, и только французскаго языка при экзаменахъ военнаго люда, сдѣлала то, что здѣсь дѣйствительно многіе, даже изъ солдатъ, рискуютъ иногда нѣсколькими французскими словами. Въ обществѣ до войны говорили пофранцузски столь же часто, какъ въ Россіи. Французскій языкъ удалился отсюда съ шиньонами и кринолинами лишь на время. Ужь теперь шиньоны и кринолины стали вновь являться, а французскій языкъ совсѣмъ и не могъ быть удаленъ, такъ какъ масса французскихъ словъ окончательно вошла въ берлинскій нѣмецкій говоръ и масса французскихъ вывѣсокъ, конечно, все время въ теченіе войны украшала улицы Берлина, какъ и прежде.

Итакъ Францію Пруссія знаетъ; но да не выведетъ никто изъ этого заключенія, что она точно также хорошо знаетъ другія государства. Полицейскій берлинскій чиновникъ, просматривавшій мой паспортъ, рѣшительно не зналъ, какъ написать названіе одной изъ видныхъ внутреннихъ губерній Россіи, но онъ же вѣроятно, покраснѣлъ бы, еслибъ усомнились, знаетъ ли онъ, что такое Пикардія.

О военныхъ же и говорить нечего: съ французскимъ язы-

комъ они усвоиваютъ себѣ знаніе литературы, исторіи и географіи Франціи.

Но Россія не то. И хотя я, всматриваясь въ здѣшній нѣмецкій людъ и его бытъ, нахожу, что между русскими и пруссаками есть, вообще, много сходнаго, больше даже, чѣмъ между русскими и австрійцами, къ которымъ принадлежатъ венгерцы и румуны, тѣмъ не менѣе, пруссы, по моему убѣжденію, очень мало знаютъ руссовъ. Я готовъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, согласиться съ защитниками жмудско-литовскаго происхожденія Руси, равно какъ съ Иваномъ Грознымъ и историкомъ Грибоѣдовымъ, что варяжскіе князья произошли отъ пруссовъ; но это нисколько не уменьшаетъ моей увѣренности, что Пруссія очень мало знаетъ Россію. Куда! Мы гораздо больше знаемъ Пруссію. Еслибъ отъ знанія страны, зависѣло покореніе ея, то, въ случаѣ войны мы были бы какъ разъ въ Берлинѣ. Я нисколько не сомнѣваюсь, что графъ Бисмаркъ бралъ въ Петербургѣ уроки русскаго языка, но мало ли чему не учатся иные изъ нѣмцевъ! Само собою разумѣется, что въ Германіи есть много знатоковъ русскаго языка, равно какъ много типографій, въ которыхъ дешевле печатать русскія книги, чѣмъ въ Россіи. Но я говорю не о массѣ. Несомнѣнно, что въ прусской народной арміи есть не мало унтеръ-офицеровъ и солдатъ нѣмцевъ изъ Россіи, знающихъ ее.

Но народная масса въ Пруссіи, даже масса, читающая газеты, очень мало знаетъ Россію. Само собою разумѣется, что при подобномъ знакомствѣ съ сосѣднею страною народной массы — извѣстнымъ образомъ настроенныя газеты могутъ писать что угодно о Россіи, и все будетъ приниматься на вѣру.

Такъ, недавно газета „Post“ увѣряла, что Россія вовсе

не прочь промѣнять балтійскія провинціи на Константинополь и перенести столицу въ Москву, такъ чтобъ Петербургъ оставался лишь лѣтнею резиденціею, а въ Константинополѣ можетъ быть зимняя. Недавно же было оповѣщено здѣсь, что два нѣмецкіе пастора въ Петербургѣ служатъ порусски протестантскую службу для непонимающихъ ни слова нѣмцевъ. Только затѣмъ, много времени спустя, явилось заявленіе, что извѣстіе было передано неточно, и что, въ сущности, два нѣмецкіе пастора получили опять разрѣшеніе служить на русскомъ языкѣ для тѣхъ изъ прихожанъ, которые не понимаютъ понемѣцки.

О томъ, что русская литература не занимаетъ и не интересуетъ здѣсь никого, едва ли нужно и говорить. Безпрестанныя театральныя и литературныя заимствованія у французовъ сдѣлали то, что въ иныхъ нѣмецкихъ фразахъ здѣшняго обихода больше французскихъ словъ, чѣмъ нѣмецкихъ, и сравнительная статистика тѣхъ и другихъ, при оцѣнкѣ соціальнаго быта здѣшняго буржуа, доставляетъ мнѣ иногда столько же удовольствія, какъ въ былое время сравненіе числа иностранныхъ фамилій съ русскими въ перечнѣ наградъ и производствъ въ русскихъ газетахъ. Но что касается Россіи, то она обязана заимствовать все у нѣмцевъ; нѣмцамъ же до нея рѣшительно дѣла нѣтъ. Истый берлинецъ не имѣетъ ни малѣйшей возможности узнать, существуетъ ли вообще въ Россіи какая нибудь своя печать, и что это такое русскіе журналы и газеты.

Только двѣ русскія газеты — „Голосъ“ и „Санктпетербургскія Вѣдомости“ — выписываются здѣсь въ одной кандитерской, но въ ней такъ много всякихъ иностранныхъ газетъ, что уже рѣшительно совѣстно было не запастись и двумя русскими, да и тѣ какъ-то быстро исчезаютъ, и если вы про-

пустили день, то газеты уже зачѣмъ-то опять отосланы на почту и больше вы желаннаго нумера не найдете.

— Неужели только въ одной кандитерской во всемъ Берлинѣ и выписываютъ русскія газеты? спросилъ я одного русскаго, живущаго довольно давно въ Берлинѣ.

— Только въ одной и, затѣмъ, вы найдете русскія газеты развѣ только еще въ редакціяхъ журналовъ.

Если легкая побѣда надъ Франціею была слѣдствіемъ близкаго знакомства нѣмцевъ съ этою страною, то насъ съ вами, читатель, пруссаки не завоюютъ.

— Русскіе люди! прежде чѣмъ вы поставите себѣ Пруссію за образецъ во всемъ, пріѣзжайте сюда и поживите здѣсь немножко. Народныя школы, всеобщая грамотность, громкія побѣды — все это внушительно. Но все, знаете, прежде лучше пожить немного здѣсь, чтобъ... ну хоть, чтобъ ближе ознакомится съ этимъ внушительнымъ. Быть можетъ, явится и отрезвленіе...

Я долженъ опять немного вернуться къ предмету прошлаго письма и опять говорить о прусской полиціи. Есть же такія учрежденія въ странѣ, что о чомъ въ ней ни заговори — о нихъ нельзя не упомянуть. Нѣтъ, люди, жаждущіе заимствованій у Пруссіи, скажу вамъ откровенно, никогда вы не заведете ни въ какой другой странѣ полиціи, подобно прусской. Заимствованія будутъ блѣдны, безцвѣтны.

— Кто тамъ?

— Шуцманъ желаетъ васъ видѣть.

Гм! Шуцманъ, буквально въ переводѣ значитъ „защитникъ“ и „охранитель“, то же, что „адвокатъ“; на дѣлѣ — это городовой. Что же нужно городовому отъ меня, когда въ полицейскомъ управленіи уже обо всемъ узнали, что касается меня?

Правда, когда мнѣ дали листокъ для полученія обратно моего паспорта въ „королевскомъ полицейскомъ президентствѣ", то около рубрики, лобъ, брови, глаза и т. д. ничего не стояло; въ моемъ паспортѣ ничего объ этомъ не значилось; принимать же на себя оцѣнку моей наружности прусскіе полицейскіе агенты, очевидно, не хотѣли, равно какъ не пожелали и измѣрять мой ростъ до дюймовъ. И не хотѣли они сдѣлать этого, какъ я думаю, потому, что во всемъ любятъ точность, а подите-ка рѣшите, какой иногда лобъ бываетъ у человѣка. На Руси принята практическая и вполнѣ нейтральная мѣра писать носъ и ротъ „умѣренные". Это практично, нейтрально, но безсодержательно и неопредѣленно, а нѣмцы любятъ точность.

Задавъ себѣ вопросъ: что нужно шуцману? я забылъ припомнить, что въ прусскомъ паспортномъ листкѣ перечисляю-ся: волоса, лобъ, брови, глаза, носъ, ротъ, борода, подбородокъ въ отдѣльности и потомъ вдругъ слѣдуетъ общая рубрика: „лицо". Сначала, видите ли, разбираютъ по частямъ, а потомъ переходятъ къ цѣлому — отъ анализа къ синтезу. Еслибъ я припомнилъ это, то появленіе шуцмана не озадачило бы меня. Однако, что же именно нужно шуцману?

— Королевское полицейское президентство желаетъ знать, сколько времени вы намѣреваетесь пробыть здѣсь и какая цѣль вашего пріѣзда сюда?

Замѣтьте: подданный дружественной державы пріѣзжаетъ въ Берлинъ, предъявляетъ свой паспортъ, какъ полную гарантію личности, отвѣчаетъ на всѣ вопросы, дѣлаемые ему въ полицейскомъ управленіи, и затѣмъ, королевской полиціи нужно знать еще, долго ли вы пробудете въ Берлинѣ и какая цѣль вашего пріѣзда.

Каждому туристу извѣстно, какъ непріятно бываетъ даже, когда отельный хозяинъ, не давъ вамъ перевести духа, спрашиваетъ, сколько времени вы намѣрены пробыть у него, когда путешествіе, въ большинствѣ случаевъ, тѣмъ и отличается, что самъ не знаешь часто, когда, какъ и куда отправишься; но даже и отельный хозяинъ не спрашиваетъ, какая цѣль вашего пріѣзда.

Правда, военное время. Еще недавно, когда въ осажденномъ Парижѣ членъ министерства просвѣщенія восклицалъ, что пусть у парижанъ съ германскимъ императоромъ одинъ Богъ, но они должны разорвать евангеліе и знать съ этого времени лишь одну догму „возненавидь своего ближняго" — здѣсь, въ Берлинѣ, докторъ Мерсье разсчиталъ, что евангеліе рвать не зачѣмъ, можно употребить его — какъ это дѣлалось и прежде во многихъ случаяхъ — для свѣтскихъ цѣлей. Докторъ Мерсье разсылалъ французскимъ плѣннымъ въ евангеліяхъ и библіяхъ манифесты и воззванія заговору, за что и былъ здѣсь арестованъ съ однимъ своимъ пріятелемъ.

И такъ, повторяю, время военное. Но знаю, что жилъ я также въ военное время и въ Вѣнѣ, когда непріятель стоялъ предъ воротами ея, но ничего подобнаго въ родѣ приведенной полицейской процедуры не было. Въ Австріи, сдавленной непріятелемъ, я прожилъ, не получивъ понятія объ австрійской полиціи, а въ Австріи далеко нѣтъ всеобщаго обученія.

Замѣтьте, что, такъ какъ время военное и необходимо принимать въ соображеніе, если не естественную, то понятную временную подозрительность полицейскихъ властей, при самыхъ первыхъ разспросахъ въ полицейскомъ управленіи, я прямо заявилъ — чтобъ все было на чисто — что пріѣхалъ

изучать бытъ Пруссіи и пишу кореспонденціи въ русскіе журналы. Не это ли возбудило большую внимательность берлинскихъ аргусовъ? Не думаю. Въ такомъ случаѣ не былъ бы предложенъ курьезный вопросъ: долго ли я пробуду въ Берлинѣ, такъ какъ гдѣ же кореспонденту знать, скоро ли Бисмаркъ покончитъ съ Франціей и Германія уведетъ свои войска отъ Парижа?

Если мнѣ докажутъ, что во Франціи, даже въ императорской Франціи, когда-нибудь у гражданина дружественной націи и снабжоннаго всѣми доказательствами личности, по пріѣздѣ въ Парижъ спрашивали, въ какой мѣсяцъ и какого числа онъ родился, зачѣмъ онъ пріѣхалъ и сколько времени пробудетъ въ столицѣ Франціи, то каюсь предъ берлинскимъ охранителемъ покоя. Но пока я знаю, что мой покой въ Берлинѣ былъ нарушенъ только этими охранителями. Я не безъ цѣли остановился на привлекательностяхъ прусскаго охраненія гражданъ. Имѣлъ я въ виду даже и не одинъ только теоретическій выводъ для моихъ согражданъ. Тутъ замѣшано нѣчто болѣе практическое. Масса русскихъ ѣдетъ чрезъ Берлинъ: это — единственный желѣзный путь изъ Россіи на западъ Европы. Еслибъ здѣсь не бывало́ столько русскихъ, то Берлинъ — одинъ изъ всѣхъ европейскихъ столицъ — не вывѣсилъ бы на своихъ магазинахъ массы русскихъ надписей. Русскихъ бываетъ здѣсь много, но болѣе проѣздомъ, мимоходомъ, на нѣсколько дней.

Бойтесь же, русскіе люди, влекомые современно историческою ролью Пруссіи, останавливаться въ Берлинѣ на долгій срокъ, если цѣните свой покой. А впрочемъ — нѣтъ! Пріѣзжайте сюда и живите здѣсь подольше: тогда увидите прорѣхи изнанки, издали невидныя изъ-за блеска лицевой стороны.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

ОЧЕРКИ ВОЕННАГО БЫТА ПРУССІИ.

Событія 1866 и 1870—71 годовъ произвели переворотъ во всемірной исторіи. Факторомъ и рычагомъ въ этомъ переворотѣ является прусскій солдатъ.

Этотъ факторъ долженъ былъ подвергнуться изученію. Уже въ 1866 году, послѣ кениггрецкаго разгрома, пишущій эти строки рѣшился обстоятельно ознакомиться съ бытомъ прусскаго солдата.

Онъ видѣлъ прусскаго солдата въ походѣ и на бивакѣ, въ лазаретѣ и на форпостахъ и имѣлъ много случаевъ изъ бесѣдъ и наблюденій ознакомиться съ его бытомъ.

Затѣмъ послѣдовала война 1870—1871 годовъ, окончательно давшая другое направленіе ходу историческихъ событій и перенесшая центръ политической тяжести Европы съ запада въ географическій центръ.

Тутъ уже нельзя было оставаться при изученіи новаго историческаго дѣятеля на отрывочныхъ, хотя и внимательныхъ наблюденіяхъ. Надобно было возможно обстоятельнѣе вникнуть въ дѣло, тѣмъ болѣе, что съ отвлеченно-научнымъ историческимъ значеніемъ вопросъ сталъ получать и прак-

тическое, житейское. Вся Европа заговорила о народной арміи и военная повинность для всѣхъ сдѣлалась темою общественныхъ разсужденій и проектовъ.

На мѣстѣ можно было изучить ближе и обстоятельнѣе прусскій военный бытъ. Книги и газеты могутъ быть принимаемы къ свѣденію при выполненіи задачи. Но всего болѣе я полагался на свѣденія, почерпаемыя изъ прямыхъ наблюденій, тѣмъ болѣе что имѣлъ возможность убѣдиться въ неточности и невѣрности иныхъ печатныхъ свѣденій и при случаѣ буду указывать эти неточности. Ближайшее соприкосновеніе съ военнымъ бытомъ, бесѣды съ военными людьми — вотъ источникъ, который мнѣ всегда казался самымъ существеннымъ при изслѣдованіи занимавшаго меня предмета.

Еще нѣсколько предварительныхъ словъ. Набрасывая эти очерки я долженъ сказать, что авторъ самъ не будучи военнымъ, самъ изучая предметъ болѣе съ исторической точки зрѣнія, пишетъ не для однихъ военныхъ. Въ эпоху введенія всеобщей военной повинности и въ то время, когда прусскій военный бытъ принимается во многихъ странахъ Европы за образецъ — предметъ, о которомъ я буду говорить имѣетъ общее значеніе.

Военные читатели мои не посѣтуютъ, если то или другое въ моихъ письмахъ будетъ для нихъ не ново, но думаю, что многія подробности, вынесенныя изъ прямаго наблюденія, и для нихъ не будутъ лишни. Собственно же повѣствованіе мое расчитано на ознакомленіе съ предметомъ людей не военныхъ, или которые пока не были военными, но которыхъ теперь всеобщая военная повинность зоветъ въ ряды.

I.

ВСЕОБЩАЯ ВОЕННАЯ ПОВИННОСТЬ.

По военному закону 1 января 1867 г. военная повинность прусскаго подданнаго начинается съ 17 лѣтняго возраста. Семнадцатилѣтній юноша годный въ службу, уже входитъ въ составъ ландштурма. Въ Россіи составилось убѣжденіе, что ландштурмъ состоитъ только изъ ландверистовъ, отслужившихъ свои года, но юноши отъ 17 до 20 лѣтняго возраста составляютъ по новому закону именно ту часть ландштурма, которая по призывѣ всего ландвера на службу должна первая идти на замѣщеніе его. Впрочемъ официальное названіе ей Ersatz (замѣстители). Если назовемъ этотъ ландштурмъ молодымъ, то старый ландштурмъ можетъ быть употребленъ въ дѣло только тогда, когда всѣ остальныя средства страны исчерпаны и употребленъ именно въ самой странѣ, а не внѣ ея предѣловъ. Да оно по видимому иначе и невозможно. Если страна лишится большей части своего взрослаго мужскаго населенія до 33 лѣтняго возраста, то она уже истощена и конечно не ей съ остающимися средствами вести войну внѣ своихъ предѣловъ.

Молодыхъ людей съ 17 до 20 лѣтняго возраста служба въ ландштурмѣ призываетъ подъ знамена только когда всѣ силы ландвера уже въ дѣлѣ, но добровольно вступать въ ряды дѣйствительной арміи предоставляется и въ эти годы.

Отъ 20 до 23 лѣтъ обязательная служба въ арміи, отъ 23 до 27 въ резервѣ, до 32 въ ландверѣ, до 42 въ ландштурмѣ.

Служба обязательна для всѣхъ; это правило. Затѣмъ исключенія: не несутъ обязательной службы всѣ члены царствую-

щихъ германскихъ домовъ и равно прежнихъ медіатизированныхъ. Точно также всѣ лица въ странахъ, составившихъ съ Пруссiею сѣверогерманскій союзъ, имѣвшія прежде право не нести военной службы (*Militär-Ersatz Instruction* 1868, стр. VI). Сверхъ того государство оставляетъ за собою право употреблять людей, подлежащихъ военной службѣ и способныхъ нести обязанности по военному вѣдомству, хотя и не прямо военно-служебныя, по своему усмотрѣнію (ibid, 3).

Есть и еще родъ лицъ не подлежащихъ военной службѣ. Я говорю о тѣхъ, которыя до достиженія военно-обязательныхъ лѣтъ совершатъ какое-либо преступленіе, лишающее ихъ гражданскихъ правъ. Такія лица болѣе нейдутъ въ ряды арміи, такъ какъ защитникомъ отечества по закону сѣверо-германскаго союза можетъ быть только лицо, заслуживающее имѣть права гражданина.

Всѣ ли однако пруссаки, подлежащіе военной службѣ, шли въ нее?

Тутъ мы съ вами читатель вступаемъ въ міръ совершенно неофиціальный.

Во первыхъ молва гласитъ, что не мало лицъ высшаго и средняго классовъ находятъ возможность проводить свои дни внѣ обязанностей военной службы, благодаря любезнымъ или эгоистичнымъ медикамъ. Конечно, если произведено бываетъ освидѣтельствованіе другимъ врачемъ, на что военныя власти всегда имѣютъ полное право, и окажется что любезность или деньги были причиною поблажки, то виновный врачъ какъ разъ угодитъ въ крѣпость. Но немощи человѣческія такая спеціальная матерія, и взаимная любезность врачей такое естественное явленіе, что тутъ никакъ всего не пресѣчешь крутыми мѣрами.

Впрочемъ таже молва говоритъ, что число рискующихъ своимъ положеніемъ врачей очень не велико.

И такъ не всѣ здоровыя и красныя лица, которыя вы встрѣчаете на улицахъ Берлина въ статскомъ одѣяніи не несутъ военной службы потому, что природа не надѣлила ихъ нужными физическими качествами.

— Насколько можно было приглядѣться къ кругу здѣшняго нашего знакомства, говорилъ мнѣ одинъ пріѣзжій въ Берлинъ русскій — то и тутъ нѣтъ вполнѣ общей военной повинности.

И это дѣйствительно такъ, насколько я могъ узнать изъ бесѣдъ съ берлинскимъ людомъ. Но, когда же правило было безъ исключеній?

Далѣе. Пріемъ въ армію очень строгъ въ дѣлѣ оцѣнки физическихъ свойствъ. Объемъ груди (34 дюйма въ охватѣ) и 5 футовъ съ дюймами роста составляетъ необходимое условіе вербовки (исключая волонтеровъ, для которыхъ есть послабленія), а затѣмъ сколько другихъ недостатковъ можетъ быть найдено докторомъ? Короче сказать въ мирное время до 60%, т. е. — больше половины подлежащихъ военной повинности не идутъ въ ряды арміи, вслѣдствіе того, что не удовлетворяютъ условіямъ требуемымъ отъ солдата.

Теперь обратимся къ тѣмъ кто имѣя отъ природы всѣ качества, нужныя для солдата, желаетъ избавиться отъ военной службы. Есть и здѣсь такая категорія лицъ. Это больше поселяне. Въ значительной части случаевъ прибѣгаютъ къ отрубленію пальца руки или ноги. Дѣлается это какъ будто нечаянно. Рубится сѣчка изъ соломы для корма скота и малый какъ бы нечаянно отрубаетъ себѣ часть пальца. За нечаянное лишеніе себя требуемой служебной годности конечно наказывать нельзя, но врачи производящіе осмотръ рек-

рутъ замѣтили, что какъ-то необычайно часто, конечно говоря относительно—случаются подобныя нечаянныя отсѣченія части пальца, и потому принято, что такое тѣлесное повреждение намѣренно.

Есть и другіе способы избавляться отъ военной повинности. Чаще другихъ, послѣ упомянутыхъ выше, какъ мнѣ говорили, прибѣгаютъ къ пріемамъ уксуса и къ произведенію на тѣлѣ искуственныхъ язвъ.

Пріемы уксуса въ значительномъ количествѣ производятъ временное тѣлесное разслабленіе, но затѣмъ эта видимая болѣзненность мало по малу проходитъ — когда пившій уксусъ уже избавился отъ рекрутства. Извѣстно однако, что въ иныхъ случаяхъ питье уксуса производитъ перемѣны въ организмѣ и не столь легко излечимыя.

Искуственныя язвы на тѣлѣ производятся прикладываніемъ къ нарочно сдѣланной на тѣлѣ ранѣ мѣдной монеты. Мѣдь окисляясь и производя зеленую ярь сильно разъѣдаетъ рану, или ссадину, и такая язва излечивается лишь съ большимъ трудомъ.

Люди, стремящіеся избѣгнуть службы подобными средствами, обыкновенно не достигаютъ своей цѣли. Ихъ все - таки завербовываютъ, хотя они и не годятся въ линейные полки. Этими-то людьми наполняются такъ называемыя штрафныя роты (Arbeiter Companien). Штрафныя роты по большей части расположены въ крѣпостяхъ и ихъ употребляютъ на возведеніе шанцевыхъ и прочихъ работъ, на очистку казармъ и т. д. Вообще къ людямъ штрафныхъ ротъ относятся болѣе какъ къ арестантамъ. Свои три года службы они должны отслужить, эти три года идутъ имъ въ наказаніе, но затѣмъ они не зачисляются уже ни въ какую часть войска и распускаются совсѣмъ по домамъ.

II.

НАБОРЪ ВОЙСКА.

Я назвалъ прежде прусскій ландштурмъ—молодымъ и старымъ. Ландштурмъ первой категоріи—молодые люди отъ 17 до 20 лѣтъ называются, какъ я замѣтилъ, собственно Ersatz—людьми для замѣщенія. „Но въ Пруссіи, въ военномъ говорѣ, эта категорія слыветъ подъ названіемъ молодаго ландштурма, такъ какъ въ сущности назначеніе ея то же, т. е. замѣщать ландверъ по мѣрѣ того какъ люди его выбываютъ изъ строя. Въ послѣднюю войну были призваны подъ знамена какъ люди первыхъ годовъ ландштурма (въ крѣпостные гарнизоны и для обученія новобранцевъ), такъ и старшихъ годовъ молодаго ландштурма (до 19 лѣтняго возраста). Послѣдніе по мѣрѣ готовности въ строевомъ отношеніи посылались прямо на театръ военныхъ дѣйствій во Францію.

Военная повинность начинается такимъ образомъ съ 17 лѣтняго возраста, но въ дѣйствительную службу берется молодой человѣкъ только по 21 году. Когда въ рекрутскій (слово „рекрутъ“ въ Пруссіи очень употребительно) округъ пріѣзжаетъ комиссія для зачисленія людей въ дѣйствительную службу — въ рукахъ военныхъ властей находятся уже полные списки лицъ, подлежащихъ набору, съ ихъ метрическими свидѣтельствами и проч.

Рекруты входятъ въ комнату, гдѣ находятся врачъ и офицеры комиссіи, писцы и прочія лица—для осмотра и по мѣрѣ того какъ человѣкъ за человѣкомъ подходитъ къ врачу, тотъ и сидящій около него офицеръ уже точно знаютъ возрастъ, ростъ и прочія особенности каждаго,—такъ какъ при

вызовѣ фамиліи подходящаго рекрута тутъ же все это читается писцомъ во всеуслышаніе.

Осмотръ производится затѣмъ весьма обстоятельно. Рубашка, въ которой подходятъ рекруты къ двери присутствія, спадаетъ съ каждаго какъ скоро доходятъ они до ширмъ, отгораживающихъ доктора и офицера отъ прочихъ лицъ присутствія.

Докторъ произноситъ рѣшеніе о каждомъ въ медицинскомъ отношеніи, офицеръ въ военномъ. Тутъ же рѣшается въ какой родъ службы рекрутъ больше годится. При этомъ принимаются во вниманіе какъ тѣлосложеніе, такъ и особенности отдѣльныхъ лицъ. Если нога рекрута плоска подъемомъ (чѣмъ выше подъемъ, тѣмъ предполагается лучшая маршевая выносчивость) значитъ онъ плохой пѣхотинецъ — онъ зачисляется въ кавалерію. Выгнутыя въ стороны ноги также заставляютъ предполагать кавалерійскія способности и меньшую годность въ пѣхоту.

Людей крѣпко сложенныхъ и сильныхъ, широкоплечихъ, берутъ въ артиллерію, гдѣ физической силѣ приходится имѣть дѣло съ орудіями и ихъ манипуляціею.

Такимъ образомъ Померанія снабжаетъ людьми преимущественно артиллерію; Рейнскія провинціи и отчасти Познань — гвардію. Берлинъ и вообще большіе города даютъ болѣе малорослыхъ людей для арміи. Въ кавалерію уставъ предписываетъ брать преимущественно людей, образъ жизни которыхъ прежде отчасти пріучилъ ихъ къ верховой ѣздѣ и обращенію съ лошадью.

Въ пѣхоту поступаютъ рекруты не менѣе 5 футовъ 2 дюймовъ роста. Болѣе низкорослые, но не ниже 5 футовъ, принимаются какъ исключеніе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ тѣлосложеніе говоритъ объ особенной физической силѣ и крѣ-

пости новобранца (Militair Ersatz Instruction, 1868, стр. 30).

При наборѣ принимаются во вниманіе домашнія обстоятельства и т. д. только въ мирное время. Въ военное всѣ зачисленные по подобнымъ обстоятельствамъ въ резервъ поступаютъ въ ряды.

Врачъ, объѣзжающій свой участокъ во время набора, не можетъ по закону осмотрѣть въ теченіе дня болѣе 200 новобранцевъ (M. E, Instruction стр. 68).

Офицеры и врачи осматривающіе новобранцевъ смѣняются ежегодно (ibid. 69). Въ спискѣ врача выставляется объемъ груди новобранца въ охватѣ — при выдыханіи и вдыханіи. Въ случаѣ если новобранецъ заявляетъ что страдаетъ падучею болѣзнію — это должно быть подтверждено предъ комиссіею тремя свидѣтелями. Вопросъ способенъ ли новобранецъ къ перенесенію трудовъ военной службы, или нѣтъ, рѣшается исключительно военно предсѣдательствующимъ въ комиссіи безъ содѣйствія врача (ibid. 74).

Если молодые люди, вступившіе въ военно-обязательный возрастъ, заявляютъ, что они поступаютъ на службу, выпадетъ, ли имъ жребій или нѣтъ—они имѣютъ право выбора рода службы и части армія, къ которой хотятъ принадлежать. Въ этомъ случаѣ въ арміи они не имѣютъ лишь права выбора батальона, а въ гвардіи заявляютъ хотятъ ли поступить въ пѣхоту, кавалерію или артиллерію, ноне имѣютъ права выбора полка (ibid. 80).

Молодые люди, не достигшіе военно-обязательнаго возраста, въ дѣйствующую армію не принимаются, но ландвернымъ командирамъ дозволяется принимать такихъ въ пополненіе егерскихъ батальоновъ.

Желающій поступить въ службу волонтеромъ (Freiwillige)

долженъ представить свидѣтельство родителя или опекуна, что не связанъ никакими частными занятіями для вступленія въ военную службу. Сверхъ того требуется свидѣтельство отъ полиціи о поведеніи, правѣ и нравственности (untadelhafte Führung und Moralität). Пріемъ волонтеровъ въ пѣхотные полки въ мирное время ограниченъ: въ теченіе года можетъ быть записано въ батальонъ не болѣе 40 волонтеровъ. Но это правило относится только къ пѣхотѣ. Въ другія части арміи пріемъ волонтеровъ не ограниченъ. Пріемъ волонтеровъ на одногодную службу въ войскахъ расчитанъ на потребности ландвера въ офицерахъ. При опредѣленіи условій пріема имѣлось въ виду, что въ это званіе должны предназначаться преимущественно люди съ высшимъ университетскимъ образованіемъ и потому въ университетскихъ городахъ военныя власти не ограничены въ пріемъ однолѣтнихъ волонтеровъ извѣстнымъ числомъ, тогда какъ вообще не можетъ быть принято болѣе 4 такихъ волонтеровъ на роту, или эскадронъ (ibid. 143).

Въ мирное время такой однолѣтній волонтеръ, отслуживъ годъ, зачисляется въ ландверъ и при мобилизаціи назначается въ ландверъ офицеромъ. Такимъ волонтерамъ полагается казенная обмундировка только въ исключительныхъ случаяхъ; вообще же они должны нести расходы по службѣ сами, а въ кавалеріи и артиллеріи даже этихъ исключительныхъ случаевъ не полагается, и если средства не позволяютъ однолѣтнему волонтеру принять расходы на себя, то онъ зачисляется въ пѣхоту.

Перечисляя средства и способы какимъ производится въ Пруссіи пополненіе арміи нельзя не остановиться на унтерофицерскихъ школахъ. Прусское военное законодательство какъ извѣстно присвояетъ унтер-офицеру, какъ и офицеру

названіе начальника (Führer) (Verordnungen über die Ausbild. der Truppen 15).

Поступающій въ унтер-офицерскую школу не можетъ быть моложе 17 и старше 20 лѣтъ. Онъ долженъ быть не ниже 5 футовъ и 1 дюйма ростомъ; умѣть вѣрно и разборчиво писать, читать безъ запинки (ohne Anstoss) и знать первыя четыре правила ариѳметики. Унтер-офицерскія школы находятся въ Потсдамѣ, Юлихѣ и Биберихѣ. За каждый годъ обученія въ нихъ учащійся долженъ отслужить два года казнѣ, не считая трехъ лѣтъ службы обязательныхъ для всѣхъ, но время нахожденія его въ школѣ вмѣняется ему въ дѣйствительную службу.

Поступающій въ унтер-офицерскую школу долженъ подобно всѣмъ прочимъ новобранцамъ имѣть свои сапоги и бѣлье. Сверхъ того два талера на первое обзаведеніе вещами.

При распредѣленіи набраннаго контингента въ ряды по роду оружія имѣются постоянно въ виду прежній образъ жизни и способности новобранца. Различныя занятія до поступленія на службу употребляются въ пользу послѣ. Извѣстно, что при Лебурже, офицеръ ландвера, бывшій архитекторъ, именно благодаря своему знанію строительнаго искуства взялъ рядъ домовъ, занятыхъ французами и тѣмъ рѣшилъ участь дня.

III.

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ АРМІИ.

Въ строевой арміи, какъ извѣстно, процентъ неграмотныхъ не великъ — 5%. Особенно великъ этотъ процентъ рекрутъ безъ школьнаго образованія въ Познани и вообще восточной части Пруссіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ число неграмотныхъ рекрутъ достигаетъ 15%. Вестфалія также

какъ и восточная Пруссія не можетъ похвалиться общею грамотностью населенія, но въ ней процентъ неграмотныхъ солдатъ значительно меньше. Изъ берлинскихъ гражданъ, явившихся по послѣднему призыву на 98,000 человѣкъ ни одного неграмотнаго не оказалось.

Замѣчательно, что грамотность въ арміи отчасти обратно пропорціональна физической крѣпости солдатъ изъ разныхъ мѣстностей. Города даютъ болѣе грамотныхъ рекрутъ, но за то по физическимъ свойствамъ жители Берлина, Магдебурга и Лейпцига нейдутъ въ сравненіе съ поселянами.

Болѣе рослые рекруты идутъ изъ прирейнской Пруссіи. Изъ этой мѣстности по преимуществу наполняется гвардія. Берлинскихъ жителей въ гвардіи почти нѣтъ. Померанскіе солдаты не столь высоки, но широки въ плечахъ и крѣпки. Между поляками изъ Познани много крѣпкихъ и рослыхъ людей. Жители этихъ-то провинцій и составляютъ причину того, что сѣверо-германская армія представляетъ болѣе рослыхъ людей, чѣмъ напримѣръ баварская, въ которой ростъ солдатъ вообще ниже, чѣмъ въ виртембергской и гессенъ-дармштатской арміяхъ.

Рослыхъ людей даютъ прусской арміи именно болѣе тѣ провинціи, въ которыхъ грамотность развита наименѣе и поселяне, составляя категорію людей крѣпче развитыхъ, чѣмъ горожане, наоборотъ отстаютъ отъ послѣднихъ въ образованіи.

Неграмотный солдатъ поступилъ въ полкъ. Ротная школа тотчасъ же беретъ его на свое попеченіе. Раза четыре въ недѣлю зимою вечеромъ солдатъ садится на часъ за ученье. Лѣтомъ школьнаго обученія не бываетъ. Грамотные изъ людей роты учатъ неграмотныхъ, распредѣленіе ученія лежитъ

на обязанности капитана, командира роты. Учебныя принадлежности хранятся у фельдфебеля.

Не знаю извѣстно ли въ Россіи что въ прусской арміи капитанъ роты слыветъ подъ именемъ отца ея, а фельдфебеля зовутъ матерью роты. На дѣлѣ дѣйствительно роли распредѣлены такъ, что эти названія какъ бы оправдываются. Капитанъ—хозяинъ роты, но по всѣмъ домашнимъ и квартирнымъ дѣламъ солдатъ обращается къ фельдфебелю и онъ печется о его частныхъ и личныхъ нуждахъ. Лейтенанты и юнкера—такъ сказать помощники капитана и только. Они не имѣютъ вліянія на хозяйственныя дѣла солдата. Объ этихъ дѣлахъ печется фельдфебель. Унтер-офицеры—его помощники въ этомъ отношеніи. И такъ фельдфебель имѣетъ вмѣстѣ съ прочимъ на попеченіи и учебную часть въ ротѣ. У него хранятся книги, чернила и проч. Солдатъ получаетъ тетрадь для письма, перо, карандашъ, грифельную доску. Книги для употребленія въ ротныхъ школахъ представляютъ почти тоже что обыкновенныя школьныя — разсказы, басни для упражненія въ чтеніи, только солдатскій учебникъ составляетъ какъ бы сокращеніе обыкновеннаго школьнаго — въ немъ переходы отъ однихъ правилъ къ другимъ дѣлаются скорѣе. Военнаго въ этихъ солдатскихъ книгахъ ничего нѣтъ. Самыя книги печатались до сихъ поръ на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ.

Если солдатъ не умѣетъ подписать своего имени — онъ садится за письмо и учится по всѣмъ школьнымъ пріемамъ — сначала линіи, потомъ буквы, слова и т. д. Счисленіе преподается не въ большихъ размѣрахъ. Офицеры при случаѣ объясняютъ солдатамъ — что такое земное протяженіе (при стрѣльбѣ). Изученіе мѣстности съ стратегической точки зрѣнія также составляетъ существенную часть ротнаго препода-

ванія. Объясняется, что такое ровная, лѣсистая, пересѣченная, искуственно-устроенная мѣстность и преподаются правила разстановки патрулей въ каждой мѣстности, соотвѣтственная развѣдка непріятеля и проч.

Учебниковъ по этому отдѣлу преподаванія нѣтъ; преподаютъ устно офицеры. Преподаваніе производится также волонтерами изъ образованнаго класса, кому поручитъ это дѣло капитанъ.

Знаніе грамоты необходимо для солдата въ прусской арміи — все подъ нумеромъ и за именами, такъ что не умѣя читать и не зная нумераціи нельзя сдѣлать ни шагу. Каждая вещь солдата обозначена особымъ нумеромъ, отдѣльныя части игольчатаго ружья за нумерами, и не зная ихъ нельзя свинтить ружье, если части развинченныхъ ружей перемѣшались. Отдаетъ ли солдатъ въ починку сапогъ — онъ не можетъ выбрать его изъ массы починенной обуви, если не въ состояніи прочесть своей фамиліи, написанной на голенищѣ.

Изученіе польской грамоты наравнѣ съ нѣмецкою (уроженцами восточныхъ провинцій) дѣлаетъ то, что ассимиляція польскаго элемента въ нѣмецкомъ производится въ рядахъ прусской арміи только отчасти. Польскіе уроженцы въ полку говорятъ между собою попольски, какъ это часто можно слышать на улицахъ Берлина.

IV.

ПОЛКОВОЕ ОБУЧЕНІЕ.

Новобранецъ взятъ въ армію. Сначала положимъ его зачислили въ кавалерію, но при новомъ осмотрѣ въ округѣ (первый осмотръ былъ въ рекрутскомъ участкѣ) рѣшено переве-

сти его въ гвардію, въ пѣхотный полкъ. Производится перемѣщеніе и вотъ наконецъ начинается дѣйствительная служба.

Новобранецъ долженъ имѣть свою рубашку и сапоги, такъ чтобы ему хватило ихъ на первые полгода. Казна даетъ остальное. Случается, что новобранецъ не имѣетъ и этого немногаго. Въ такомъ случаѣ вѣдомство ландвера ссужаетъ необходимыя вещи.

Ученье начинается тотчасъ же и продолжается все время, за исключеніемъ воскресенія, по 6 часовъ въ день. Эти шесть часовъ идутъ только на строевое ученье, но сверхъ того каждый новобранецъ употребляетъ часъ въ день на изученіе словесно преподаваемыхъ правилъ военной службы, полчаса на чистку вещей и столько же времени на занятіе иглою.

Все это дѣлается систематически. Унтер-офицеръ показываетъ новичкамъ какъ шить и штопать, какъ мыть мыломъ съ водой бумажное шитье воротника, какъ чистить мыломъ суконные пагоны и въ особенности первое время посвящается на чистку пуговицъ.

Швеею каждый солдатъ долженъ быть на столько, чтобы умѣть починить подкладку мундира и проч. Чинка мундирнаго сукна оставляется ротному портному. Мытье бѣлья, хотя и къ нему приходится солдатамъ самимъ прибѣгать въ походѣ,—въ мирное время предоставляется прачкамъ, имѣющимся при казармахъ.

Словесное обученіе (Instruction) заключается въ преподаваніи солдату его обязанностей по службѣ. Начинается обыкновенно вопросомъ, предлагаемымъ со стороны обучающаго офицера;

— Кто вы?

— Солдатъ.

— Въ чемъ заключается первая и главная обязанность солдата?

— Защищать отечество и короля; охранять и оборонять ихъ противъ всѣхъ враговъ и опасностей.

Въ этомъ родѣ продолжается катехизическое ученіе далѣе.

Шесть часовъ идутъ на строевое ученіе. Начинается съ гимнастическихъ упражненій, съ движенія отдѣльныхъ частей тѣла для приданія имъ необходимой гибкости. Руки поднимаются вверхъ, разводятся въ стороны, упираются въ бока.

Какъ велика разница между старымъ солдатомъ и новобранцемъ въ гимнастическомъ отношеніи я имѣлъ случай видѣть на плацу Александровскихъ казармъ. Маршировали два резервиста, призванные на службу, люди въ лѣтахъ и съ большими бакенами, и тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ молодой однолѣтній волонтеръ.

Резервисты шли свободнымъ, ровнымъ шагомъ; въ ихъ движеніи участвовала только нога. Молодой волонтеръ шелъ впередъ, такъ сказать всѣмъ тѣломъ. Красивый, статный юноша, упершись руками въ бока (одинъ изъ пріемовъ маршировки) очевидно выполнялъ свое дѣло старательно и точно, такъ что смотрѣвшій офицеръ не находилъ повода къ замѣчаніямъ.

Но достаточно было взглянуть на людей, маршировавшихъ въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга, чтобы убѣдиться въ громадной разницѣ пріемовъ тутъ и тамъ. Тамъ напряженіе, усиліе, краснота всего лица, участіе всего тѣла въ движеніи ноги. Тутъ ровное, спокойное движеніе впередъ безъ всякаго напряженія, безъ малѣйшаго усилія.

Плаваніе входитъ въ программу полковаго обученія и сол-

датъ долженъ сначала учиться плавать безъ одежды, потомъ въ платьѣ, а наконецъ въ полной амуниціи и каскѣ.

Стрѣльба (о ней по важности этого предмета въ прусской арміи я буду говорить особо), затѣмъ чистка ружья—дѣло, какъ увидимъ требующее времени — полковыя ученія и всѣ приведенныя выше занятія въ такой степени наполняютъ цѣлый день прусскаго солдата, что онъ затѣмъ имѣетъ лишь достаточно досуга для отдохновенія и жизнь внѣ казармы остается ему почти чуждою.

— Въ 10 мѣсяцевъ службы —говорилъ мнѣ одинъ гвардейскій унтеръ-офицеръ —я не ознакомился съ Берлиномъ на столько, на сколько послѣ, на свободѣ, въ три дня.

Зато, сколько мнѣ привелось слышать, эти три года непрерывныхъ полковыхъ занятій вполнѣ достаточны для подготовки солдата и даже для закаленія его въ служебномъ быту.

— Что у французовъ! замѣтилъ одинъ здѣшній гвардеецъ—они хотя и числятся на службѣ пять лѣтъ, но какъ я слышалъ отъ эльзасцевъ, съ которыми говорилъ, на ученье употребляется тамъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Гдѣ же имъ быть настоящими солдатами.

Выводъ тотъ: кратковременный срокъ дѣйствительной службы, но за то—это—три года постояннаго труда.

V.

СТРѢЛЬБА.

На стрѣльбу въ прусской арміи обращено такое вниманіе, что объ этой части войсковаго обученія надобно поговорить обстоятельнѣе. Вы нерѣдко услышите здѣсь замѣчаніе, что превосходству въ стрѣльбѣ нѣмецкая армія въ зна-

чительной степени обязана послѣдними успѣхами надъ французами. Нѣмцы убѣждены, что послѣдніе слишкомъ мало были обучаемы стрѣльбѣ въ цѣль.

Смотря по числу вѣрныхъ выстрѣловъ въ цѣль, солдатъ зачисляется въ тотъ или другой классъ ротныхъ стрѣлковъ. Стрѣлки раздѣлены на три класса. За успѣхи въ стрѣльбѣ выдаются преміи — 3. 2 талера и т. д. Очень неуспѣшные стрѣлки наказываются тѣмъ, что ихъ посылаютъ собирать выстрѣленныя пули около цѣли, и такъ какъ прочія обязанности должны быть также исполнены, то это наказаніе довольно тяжело. Обыкновенно особые рабочіе заняты собираніемъ пуль и залѣпливаніемъ прострѣленныхъ въ мишени мѣстъ, и только въ видѣ штрафа это занятіе выпадаетъ на долю плохихъ стрѣлковъ.

Вѣрность глаза, умѣніе опредѣлить возможно точное разстояніе отъ предмета по глазомѣру — конечно вполнѣ необходимы при стрѣльбѣ изъ игольчатаго ружья уже по краткости времени для прицѣла. Тутъ большую роль играетъ навыкъ.

Офицеры при лѣтнемъ обученіи нерѣдко испытываютъ вѣрность глаза солдатъ. Солдатъ говоритъ сколько по его мнѣнію шаговъ до извѣстнаго предмета и затѣмъ разстояніе измѣривается съ точностію шагами, для повѣрки. Но и устройство прицѣловъ служитъ въ помощь стрѣлку при опредѣленіи разстоянія. У французовъ на Шассло цифра на ружьѣ указываетъ разстояніе для прицѣла. Пруссакъ дѣлаетъ выводъ о разстояніи, смотря потому, весь ли предметъ видѣнъ въ круглое отверстіе прицѣла или онъ кажется при прицѣлѣ менѣе или болѣе отверстія. Соотвѣтственно этому заключается о близости и солдатъ мѣтитъ, смотря по разстоянію, въ ноги, грудь, или голову, чтобы попасть однако

все же въ грудь. Мѣта прямо въ грудь называется ротнымъ прицѣломъ. Солдаты съ точностію знаютъ на какомъ разстояніи мѣтить внизъ или вверхъ, такъ чтобы попасть всетаки въ центръ. Манипуляція игольчатаго ружья довольно многосложна и возможна лишь для осторожнаго и осмотрительнаго солдата. Ружье складывается изъ отдѣльныхъ частей. Главныхъ составныхъ частей — семь, и солдатъ долженъ умѣть разбирать и собирать ихъ. Всѣ отдѣльныя части ружья за номерами и если считать всѣ NN—какъ штемпель фабрики выставленные на разныхъ мѣстахъ ружья, то такихъ нумеровъ окажется на одномъ ружьѣ 24. Конечно они всѣ мелки и гдѣ тысячные нумера тамъ довольствуются послѣдними цифрами. Но нумера необходимы, такъ какъ не всѣ ружья вполнѣ одного размѣра и отдѣльныя части одного не годятся для другаго. Чистка игольчатаго ружья также дѣло сложное. Чтобы ружье не ржавѣло оно въ казармахъ никогда не ставится въ солдатскихъ камерахъ, такъ какъ теплый воздухъ и влажность, неразлучные спутники жилой комнаты, очень скоро производятъ ржавчину на металлѣ. Ружья ставятся въ коридорахъ на особыхъ стойкахъ и чистятся немедленно послѣ стрѣльбы. Въ противодѣйствіе ржавчинѣ части ружья натираются жирными веществами:— деревянныя части ружья льнянымъ масломъ, металическія — жиромъ изъ бычачьихъ копытъ. Послѣднее нѣсколько дороже льнаго масла, но того и другаго достаточно на нѣсколько копѣекъ на цѣлый мѣсяцъ и болѣе.

Говоря о стрѣльбѣ не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ, которое заинтересуетъ одинаково военныхъ и ученыхъ. Съ введеніемъ въ прусской арміи игольчатаго ружья стали замѣчать, что на вѣрность выстрѣла имѣли иногда вліяніе особыя причины. Такъ если приходилось стрѣлять

надъ рѣкою, то пулю какъ бы тянуло въ воду и надобно было мѣтить значительно выше. Тоже самое замѣчалось въ туманную погоду. И въ этомъ случаѣ пулю тянуло нѣсколько къ низу.

— Мы нарочно пробовали стрѣлять надъ рѣкою, вообще надъ водою, и не могли не замѣтить, что пуля дѣйствительно подается внизъ въ сравненіи съ выстрѣломъ на совершенно сухой мѣстности,—говорилъ мнѣ собесѣдникъ, самъ искусный стрѣлокъ.—Съ 1868 г. у насъ уже введено это обстоятельство въ инструкціи и если встрѣчается мѣстность, пересѣченная водою, то надобно мѣтить выше.

Скажу при этомъ что навело насъ на разговоры объ этомъ предметѣ. Прочитывая одно англійское спеціальное сочиненіе о ранахъ, производимыхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, я встрѣтилъ замѣтку о повѣріи распространенномъ между военными о томъ, что шелкъ отклоняетъ ударъ пули и съ этою цѣлью иные носятъ шелковыя рубашки, фуфайки и проч. Такъ какъ при выстрѣлѣ очень естественна электромагнетизація пули отъ сильнаго тренія о стѣнки дула, то я рѣшился навести дальнѣйшія справки между военными о повѣріяхъ, существующихъ о полетѣ пуль. Такимъ образомъ узналъ я и о вліяніи воды на направленіе пули.

— Почему не замѣчалось это вліяніе воды прежде, а стало замѣчаться именно со введенія игольчатыхъ ружей? спросилъ я моего собесѣдника.

— Прежде у насъ были пули другаго состава и устройства. Въ прежнія входилъ кусочекъ мѣди. Нынѣшнія вполнѣ свинцовыя. Можетъ быть въ этомъ надобно искать разгадки.

Не ища разгадки, потому что въ дѣлѣ такого рода, главное прямыя наблюденія, а не скорые выводы, я не могъ оставить безъ обслѣдованія другаго важнаго вопроса: какое

вліяніе на направленіе пули оказываютъ металическія вещи. Я узналъ, что многихъ въ рядахъ прусской арміи въ послѣднюю войну поражало то обстоятельство, что пули какъ-то особенно часто били въ металическія части обмундировки и вооруженія.

Одному фельдфебелю пуля ударила три раза въ одну и ту же медаль на груди. Замѣчали, что очень часто страдали металическія части касокъ, когда прочія части ихъ и голова оставались нетронутыми. У одного офицера пуля какъ-то странно достала именно деньги въ портмоне брючнаго кармана. Вообще въ этомъ отношеніи нужно еще много навести справокъ и сдѣлать изслѣдованій и если дѣйствительно окажется, что можно влiять на направленіе пули и ядра, какъ громоотводъ вліяетъ на направленіе молніи, то едва ли нужно говорить какія важныя послѣдствія это можетъ имѣть.

Если шелкъ дѣйствительно отталкиваетъ пулю, а вода и металлъ притягиваютъ, то электромагнетизація пули не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, потому что точно такое же дѣйствіе эти вещества оказываютъ и на направленіе молніи.

VI.

ОБМУНДИРОВКА.

По желѣзнодорожнымъ распорядкамъ прусскій солдатъ вѣситъ съ полною амуниціею 150 фунтовъ. Это его перевозочный вѣсъ, номинальный, при разсадкѣ въ вагонѣ, для опредѣленія груза. Но въ сущности онъ вѣситъ гораздо болѣе.

Вообще прусскій солдатъ — довольно высокъ ростомъ и развитъ тѣломъ. Южный германецъ по видимому уступаетъ

ему въ томъ и другомъ отношеніи. Французы также вообще говоря не столь рослы и дюжи. Конечно есть и въ прусской арміи солдаты очень не высокаго роста, особенно во время войны, когда не слишкомъ много вниманія обращаютъ на физическіе недостатки рекрутъ, но норма роста сѣверо-германскаго солдата все же значительнѣе, чѣмъ южно-германскаго и французскаго. Той изящности типа и тѣхъ красивыхъ формъ лица, какія обыкновенны во французской арміи, здѣсь не ищите. Прусскій солдатъ вообще некрасивъ и лица въ прусскомъ полку какъ-то выкроены природою по одному образцу, но прусскій солдатъ физически масивнѣе и сильнѣе французскаго.

Въ прусскомъ солдатѣ можно круглымъ счетомъ положить столько вѣсу сколько Кетле опредѣляетъ для взрослаго мужчины — 140 фунтовъ. Затѣмъ ранецъ, набитый вещами вѣситъ слишкомъ 30 фунтовъ (пустой около 10 ф.). Далѣе каска $1\frac{1}{2}$ — 2 фунта (кавалергардская 3 фунта), ружье 11 фунтовъ (игольчатое на 3 фунта тяжеле Шасспо). Наконецъ надо же положить что нибудь и на остальную амуницію. Такимъ образомъ окажется, что перевозочный вѣсъ значительно ниже настоящаго.

Вещи прусскаго рядоваго болѣе или менѣе находятся на отвѣтственности его унтеръ-офицера. Каждымъ отдѣльнымъ родомъ амуниціи завѣдуетъ отдѣльный унтеръ-офицеръ. Для починки мундира и вообще верхняго платья, если оно разорвалось снаружи, есть портной. Если разорвалось внутри — солдатъ вынимаетъ нитку и иголку изъ своей жестяной коробки, неизмѣнно находящейся въ ранцѣ, и зашиваетъ самъ.

Фуражка полагается солдату безъ козырька — въ родѣ бывшей кадетской въ Россіи. Многіе изъ солдатъ носятъ на улицѣ собственную фуражку съ козырькомъ, въ силу конеч-

но того права, по какому иныя берлинскія матушки рядятъ своихъ крошечныхъ дѣтей въ полную офицерскую форму. Это мелочи и надобно отдать прусскимъ военнымъ властямъ справедливость, на мелочи онѣ не обращаютъ особеннаго вниманія. Такъ напримѣръ одногоднему волонтеру полагается носить такой же мундиръ, какъ и прочимъ рядовымъ, но такого волонтера — это студенты и вообще кандидаты въ офицеры — всегда можно узнать на улицѣ по франтовской амуниціи, пріобрѣтаемой какъ извѣстно на свой счетъ.

Главная часть одежды солдата безспорно сапоги. Особенно это можно сказать о прусской арміи. Прусскій солдатъ съ его болѣе плоскою въ подъемѣ ногою далеко не такъ выносчивъ на походѣ какъ французъ. Плѣнные французы говорили мнѣ, что иные полки ихъ арміи дѣлали на походѣ на 40 колометровъ (столько же верстъ) въ сутки и отставшихъ не было. Напротивъ по напечатаннымъ даннымъ (Пейтшкеръ) видно что въ прусской арміи на походѣ во Франціи было очень много отставшихъ, истомленныхъ быстрымъ маршемъ.

Такъ какъ маршевая способность прусскаго солдата вообще не высока, то естественно, что на сохраненіе ноги въ прусской арміи обращено особенное вниманіе. Одни сапоги на ногѣ солдата, другіе непремѣнно въ ранцѣ. Разорвались одни (на походѣ новые сапоги носились только двѣ недѣли) они отдаются въ починку и надѣваются вынутые изъ ранца.

Онучи всюду принятые въ арміи считаются самими солдатами значительно болѣе удобною обувью, чѣмъ носки. Если въ походѣ сапогъ разорвался, то прошедшая въ сапогъ пыль тотчасъ же находитъ доступъ къ ногѣ чрезъ петли чулка, а ничего нѣтъ хуже пыли для кожи ноги въ походѣ. Тот-

часъ натираются водяные пузыри на ногѣ и солдатъ спустя немного времени дѣлается неспособнымъ къ дальнѣйшему походу. Напротивъ чрезъ онучу пыль не проходитъ и онуча тѣмъ удобнѣе лежитъ на ногѣ, что складки ея какъ разъ приходятся по углубленіямъ внутри сапога и не натираютъ ноги.

Но у прусскаго солдата есть еще болѣе вѣрное средство не допускать ногу въ походѣ до красноты и волдырей, легко превращающихся при жарѣ въ болячки. Онъ натираетъ онучу смѣсью спирта со свѣчнымъ саломъ.

Эта смѣсь холодитъ ногу, дѣлаетъ ее болѣе безчувственно къ наружной боли и укрѣпляетъ кожу. Отъ натиранія этою смѣсью, кожа какъ бы деревенѣетъ, такъ что подошва ноги пріобрѣтаетъ на ощупь замѣчательную твердость, а при дальнѣйшемъ походѣ и боковыя части ноги пріобрѣтаютъ такую же кожу.

Впослѣдствіи когда нога находится въ покоѣ эта толстота кожи исчезаетъ. Но въ свое время она очень полезна.

Онучу для ноги прусскій солдатъ по большей части приготовляетъ изъ своей старой и болѣе негодной къ употребленію рубашки. Кусокъ сала для натиранія у него всегда въ жестяной коробкѣ въ ранцѣ.

Въ французскомъ походѣ сало со спиртомъ оказало большія услуги пруссакамъ.

VII.

ПИЩА.

Въ Россіи распространено мнѣніе, что прусскій солдатъ ѣстъ очень хорошо, что его паекъ сытенъ и питателенъ. Но для прусскаго солдата существуетъ два раціона — мирный

и походный. Если взять въ расчетъ походный — солдату всего довольно, но дѣло въ томъ, что на походѣ рѣдко соблюдаются какія нибудь опредѣленныя порціи. Есть много — солдатъ получаетъ болѣе, чѣмъ нужно. Мало — надобно довольствоваться, чѣмъ есть. Никакихъ взвѣшиваній продуктовъ, чтобы удѣлить солдату столько-то соли, столько-то кофе, или мяса, какъ это стоитъ въ расписаніяхъ — нѣтъ, въ походѣ, да и въ мирное время порціи дѣлятся на глазомѣръ.

Слѣдовательно о походномъ времени почти нечего говорить. Правда, на походѣ полагается столько же хлѣба на три дня, сколько въ мирное время на четыре. Но часто случается, что на походѣ крошки хлѣба не достать. Такъ было въ послѣднюю войну. 16 — 18 Августа, въ дни рѣшительныхъ битвъ подъ Мецомъ, у нѣмцевъ почти вовсе не было хлѣба, а 18-го числа въ боковыхъ сумкахъ прусскихъ гвардейцевъ, скинувшихъ ранцы еще наканунѣ, не было почти ничего. Участники битвы разсказывали мнѣ, что солдаты подбирали на поляхъ картофель и койгдѣ разбросанные куски французскихъ сухарей. Но случалось и такъ, что пруссакъ, вмѣсто французскаго сухаря (изъ бѣлаго хлѣба отрѣзаннаго толстыми ломтями въ квадратъ), схватывалъ кусокъ извѣстняка, плитками котораго такъ богата мѣстность вокругъ Меца.

Впрочемъ идя въ битву солдатъ обыкновенно не чувствуетъ голода. Такъ говорили всѣ военные, съ которыми мнѣ приходилось говорить о предметѣ. Въ это время, отъ внутренняго волненія забываются даже физическія боли, и солдаты, истомившіеся на походѣ, забываютъ о больныхъ ногахъ. Тутъ обыкновенно мучитъ только жажда. Но зато когда часъ битвы прошелъ — оставшійся невредимымъ и

раненный одинаково скоро начинают ощущать голодъ и жажду.

И такъ, повторяю, хотя походный раціонъ пруссака очень значителенъ по расписанію, но онъ представляетъ нѣчто совершенно случайное, зависящее отъ разныхъ обстоятельствъ. Если ѣстъ солдатъ весь паекъ по расписанію — онъ вполнѣ сытъ, свѣжъ и брыжжетъ здоровьемъ. Но въ томъ то и дѣло, что акуратность порціи по расписанію всего менѣе достижима при случайностяхъ похода.

Такимъ образомъ остановимся собственно на раціонѣ мирнаго времени. Онъ болѣе чѣмъ невзыскателенъ. Утромъ въ 6 часовъ солдатъ получаетъ мучную похлебку (мука развареная въ водѣ съ небольшою примѣсью масла), или кофе. Что кофе этотъ не очень хорошъ видно изъ того, что онъ по расписанію даже вовсе не полагается, а пьется на экономическія деньги отъ стола самихъ солдатъ. Унтер-офицеры, завѣдующіе обѣдомъ, продаютъ кости, обрѣзки картофеля и проч., и на эту-то выручку за остатки отъ стола покупаютъ кофе. Какъ не можетъ быть велика сумма, выручаемая такимъ образомъ, на столько же долженъ быть невзыскателенъ и напитокъ покупаемый на нее.

Обѣдъ солдата состоитъ изъ двухъ перемѣнъ: овощей и мяса. Овощи (горохъ, картофель, капуста, бобы, чечевица, рѣпа и проч.) варятся по берлинскому обычаю въ густой массѣ. Мясная порція солдата — 5 лотовъ вареннаго мяса безъ костей (въ сыромъ видѣ 9 лотовъ).

Обѣдомъ роты завѣдуютъ унтеръ-офицеры — каждый въ теченіе мѣсяца. Дежурнымъ по столу унтеръ-офицерами идетъ прибавочное жалованье.

И такъ мучная похлебка утромъ и скромный обѣдъ собственно изъ одного блюда (потому что по берлинскому обы-

чаю овощи ѣдятся съ мясомъ) — вотъ и все что получаетъ (кромѣ хлѣба) прусскій солдатъ отъ казны. У насъ высказывалось (Хотинскій), что прусскій солдатъ въ мирное время положительно голодаетъ. Это не вполнѣ такъ, потому что у людей народной арміи всегда есть свои талеры на покупку пищи. Но отъ казны идетъ немного.

Прусскимъ солдатамъ выдается черный хлѣбъ, но значительная часть ихъ — по крайней мѣрѣ въ Берлинѣ — не ѣстъ его, а продаетъ въ погреба (мелочныя торговли), и на деньги, вырученныя этимъ образомъ, покупаетъ себѣ пеклеванный, какой ѣстъ все берлинское населеніе.

Весь военный Берлинъ снабжается чернымъ хлѣбомъ изъ одной (королевской военной) пекарни. И затѣмъ кажется чернаго хлѣба больше не пекутъ нигдѣ въ Берлинѣ.

Черный хлѣбъ такъ мало потребляется не военнымъ населеніемъ Берлина, что его какъ рѣдкость продаютъ въ лавкахъ колоніальныхъ товаровъ, если не говорить объ упомянутой продажѣ солдатами хлѣба въ погреба.

Это хлѣбъ очень незавидный и не сравнится не только съ московскимъ, но даже и съ плохимъ петербургскимъ чернымъ хлѣбомъ. Онъ имѣетъ какой-то особенный вкусъ, какъ будто отъ примѣси ячменной или другой какой нибудь муки къ ржаной. И едва ли притомъ такой черный хлѣбъ здоровъ, такъ какъ онъ уже выдается войскамъ черствый — испеченый можетъ быть двѣ недѣли назадъ. Въ Берлинѣ считаютъ, что черный хлѣбъ необходимо ѣсть когда онъ совсѣмъ черствый и какъ бы онъ черствъ ни былъ, его ѣдятъ.

Добывъ не безъ труда ковригу солдатскаго прусскаго хлѣба, я ѣлъ его нѣсколько дней. Мнѣ хотѣлось узнать вкусъ именно солдатскаго хлѣба. Русскіе за границей ѣдятъ

*

черный хлѣбъ по привычкѣ, но ѣсть берлинскій солдатскій хлѣбъ по русской привычкѣ нельзя — такъ мало походитъ онъ вкусомъ на русскій.

Пока я ѣлъ черный хлѣбъ въ Берлинѣ, мнѣ все какъ-то не здоровилось. Я не понималъ нѣкоторое время причины этого нездоровья, пока отрѣзая мнѣ хлѣбъ не дорѣзались до зеленой отъ плѣсени мякоти. А такой черствый до плѣсени хлѣбъ ѣстъ все берлинское солдатство. Впрочемъ привычка тоже играетъ тутъ можетъ быть роль.

Продовольствіе хлѣбомъ арміи въ военное время какъ было, такъ и остается, неудовлетворительнымъ. О свѣжемъ хлѣбѣ для походныхъ войскъ и говорить нечего, когда его нѣтъ въ Берлинѣ, а сухари грызть трудно и здоровымъ солдатамъ; зубы же раненыхъ совсѣмъ отъ нихъ отказываются.

Вообще пища прусскаго солдата въ дѣйствительности неблистательна, да на $3^1/_2$ 4 зильбергроша въ день и трудно продовольствовать человѣка, даже, при прибавкѣ 11 пфениговъ (около 4 копѣекъ) отъ городскаго общества въ день на человѣка (Zuschuss), какъ напр. въ Берлинѣ.

VIII.

КАЗАРМА.

Едва вступилъ я въ Александровскую казарму въ Берлинѣ меня охватилъ табачный запахъ. Это не былъ запахъ махорки; это не была атмосфера иныхъ комнатъ для сторожей въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ. Тутъ къ запаху курительнаго табака примѣшивался букетъ нюхательнаго.

Я не хочу сказать, чтобы солдаты нюхали. Букетъ нюхательнаго былъ въ дымѣ отъ прусскаго курительнаго табака.

Почти всѣ прусскіе солдаты курятъ. Мнѣ говорили, что не курятъ всего можетъ быть — 2%, т. е. изъ 50 человѣкъ только одинъ не курящій.

Прусскіе солдаты убѣждены, что табакъ въ атмосферѣ казармы помогаетъ пищеваренію, и прусскій солдатъ лучше обойдется нѣкоторое время безъ пищи, чѣмъ безъ табаку.

Александровская казарма, которую я теперь осматривалъ — старинное зданіе построенное если не ошибаюсь еще при послѣднемъ курфирстѣ бранденбургскомъ. По этому она не изъ лучшихъ берлинскихъ казармъ, какъ напримѣръ казармы Франца-Іосифа. Тамъ потолки выше, окна большія, больше простора и свѣта.

Длинные коридоры, лабиринты лѣстницъ — какъ во всѣхъ большихъ зданіяхъ. Чистоты особенной нѣтъ да и грязи не видно.

Въ коридорахъ стойки для игольчатыхъ ружей — по числу ружей на лицо можно судить сколько солдатъ въ казармѣ.

Я говорилъ уже, что ружья никогда не ставятся въ жилыхъ комнатахъ казармъ, чтобы не ржавѣли.

Ряды камеръ. Въ каждой камерѣ живетъ капральство съ унтеръ-офицеромъ. Желѣзныя кровати расположены по двѣ, одна надъ другой, такъ что тамъ, гдѣ можно было бы поставить только одну кровать, находится двѣ. У каждаго солдата свой ящикъ для амуниціи. Ранцы развѣшаны по стѣнамъ.

На одной изъ верхнихъ коекъ (во всей Пруссіи желѣзная кровать и соломенный тюфякъ — составляютъ непремѣнную принадлежность казармы) я замѣтилъ больнаго солдата.

— Что съ вами? спросилъ я.

— Да голова что-то болитъ, не здоровится.

Общій видъ лежавшаго говорилъ однако же не о ничтожномъ недугѣ. Атмосфера комнаты не была особенно благопріятна для больнаго.

— Развѣ нѣтъ госпиталя? спросилъ я у одного изъ окружавшихъ.

— У насъ особеннаго лазерета нѣтъ, докторъ ежедневно приходитъ сюда.

Пока мы бесѣдовали съ постояльцами комнаты, въ сосѣднемъ коридорѣ шелъ громкій гулъ. Шла раздача жалованья (три раза въ мѣсяцъ: 1-го, 11-го и 21-го чиселъ). Тутъ замѣтить можно было, особенно послѣ, пробираясь сквозь эту гудѣвшую толпу, что прусскій солдатъ вообще не такъ молчаливъ и смиренъ, какимъ онъ кажется, въ большей части случаевъ, на улицѣ. Впрочемъ надобно сказать и то, что гвардейскій полкъ, въ казармѣ котораго я теперь былъ, составленъ значительною долею изъ познанскихъ поляковъ. Это народъ рослый, но вмѣстѣ и шумливый.

— Ну, а бываютъ подтруниванія надъ товарищами, такъ называемыя „практическія шутки“ — какъ выражаются англичане?“ спросилъ я у разсудительнаго и смѣтливаго унтеръ-офицера, съ которымъ велъ бесѣду.

— Нѣтъ, развѣ рѣдко-рѣдко какой малый расшалится на счетъ товарища, но тогда сейчасъ же всѣ остальные унимаютъ забіяку. У насъ товарищество цѣнится высоко и народъ ведетъ себя по большей части пристойно.

Этого дѣйствительно нельзя не замѣтить даже при бѣгломъ взглядѣ на бытъ прусской казармы. Все чинно, ни грубаго слова, ни шаловливой выходки, ни даже залихватства. И при этомъ свобода дѣйствій и словъ, показывающая, что солдаты вовсе не стѣсняются сторонняго посѣтителя.

Совсѣмъ другое видѣлъ я въ баракахъ плѣнныхъ французовъ. Французы точно дѣти предъ пруссаками. Игривы, шаловливы до рѣзвости, всѣ на распашку. Шутки надъ товарищами, смѣхъ. Ничего этого нѣтъ въ прусской казармѣ.

Но дитя-французъ сердеченъ — съ нимъ какъ дома, какъ со своимъ. Нѣмецъ съ его незамутимымъ поведеніемъ холоденъ и далекъ отъ окружающаго.

Дѣлясь по комнатамъ на капральства, прусскіе солдаты ведутъ обычную казарменную жизнь. Въ каждой комнатѣ дежурятъ по очереди всѣ постояльцы. Обязанность дежурнаго въ теченіе его сутокъ вымести комнату (прусское метеніе комнатамъ — полу-мытье), коридоръ и лѣстницу (остальное метутъ казарменные рабочіе); открыть окна утромъ; открыть другой разъ вечеромъ. — Это вечернее открываніе оконъ (предъ тѣмъ какъ ложится спать) обязательно и зимою.

О бѣльѣ солдатъ не заботится. Это дѣло прачки. Но общая чистка казармъ (по суботамъ) производится солдатами.

Затѣмъ въ воскресенье, къ смотру, солдатъ въ чистой казармѣ, одѣтъ во всемъ чистомъ и даже по предписанію имѣетъ чистый носовой платокъ, хотя большая часть солдатъ въ другое время патріархально сморкается въ руку.

II.

МЕЖДУ ПЛѢННЫМИ ФРАНЦУЗАМИ.

I.

ИЗЪ БЕСѢДЪ СЪ ПЛѢННЫМИ.

Судя по словамъ нѣмцевъ, на свѣденія которыхъ можно было положиться, я полагалъ что французы получали регулярно жалованье во время плѣна. Этого не было. Шпандаускіе плѣнные (больше кажется плѣнные изъ Меца) во все время пребыванія своего въ Германіи получили по три талера, въ три различные срока. Такъ передали мнѣ многіе плѣнники спрошенные въ разное время и не въ присутствіи другъ друга. На этомъ пунктѣ я хотѣлъ придти къ окончательному убѣжденію и полагаю что нѣмецъ, собесѣдникъ мой, не вполнѣ зналъ что сообщалъ, и что плѣннымъ надобно вѣрить въ этомъ отношеніи.

Большинство плѣнныхъ получало деньги со стороны, отъ родныхъ и т. д. Но эти деньги стали приходить лишь только мѣсяцы спустя по прибытіи плѣнниковъ въ Германію. Однимъ изъ первыхъ получилъ деньги съ родины мой собесѣдникъ, сынъ фермера въ сѣверной Франціи, и именно благодаря тому что ферма его родныхъ находится вблизи бельгійской границы. Чтобы послать деньги сыну родители

переходили границу и отправляли денежную посылку изъ перваго бельгійскаго городка, благодаря чему она скоро достигала Шпандау. Такимъ образомъ онъ получилъ въ разное время до 100 франковъ.

— Кто не имѣлъ денегъ со стороны говорилъ онъ—тому не на что было купить мыла на стирку бѣлья и нитку для штопанья.

По замѣчанію плѣнника въ первое время плѣна свои деньги шли также на покупку хлѣба. Спачала плѣннымъ выдавали по хлѣбу (кажется около $3^1/_2$ ф.) на четырехъ человѣкъ. Этого оказывалось недостаточнымъ на суточное пропитаніе. Впослѣдствіи стали выдавать по такому же хлѣбу на трехъ человѣкъ въ день и затѣмъ только уже ѣдоки съ исключительнымъ аппетитомъ продолжали прикупать хлѣбъ, даже черный, на свои деньги, а иные не съѣдали и даваемой порціи.

— А какова ваша порція была во Франціи?

Собесѣдникъ мой былъ изъ 44-го линейнаго полка и до войны стоялъ съ гарнизономъ въ Мецѣ.

— Во Франціи намъ выдавался пшеничный хлѣбъ въ $2^1/_2$ фунта на два дня. Но сверхъ того бѣлый хлѣбъ ѣли мы ежедневно въ супѣ.

— Скажите, но только откровенно и безпристрастно—каково было довольство плѣнныхъ въ сравненіи съ тѣмъ что вы имѣли во французской арміи.

— Какъ же можно, у насъ было лучше! Тутъ утромъ намъ даютъ черный кофе, безъ молока, а чернаго кофе иные изъ нашихъ не могутъ пить. Другіе же покупаютъ молоко на свой счетъ у торговцевъ. Само собою понятно, что черную воду называемую кофе составляетъ не одинъ кофе, но и съ нимъ смѣшиваются другія обугленныя вещества.

Собесѣдникъ назвалъ тѣ обычные ингредіенты дешеваго кофе, которые онъ нашелъ бы и въ кофе частной нѣмецкой кофейни будучи на свободѣ. Что касается молока къ кофе, то замѣчу что Берлинъ и его окрестности вообще очень бѣдны молокомъ и оно очень дорого. Впрочемъ нѣмцы иногда предпочитаютъ „черный“ кофе „бѣлому“ (читатель извинитъ эту терминологію здѣшнихъ и вѣнскихъ кофеень) и вообще пьютъ его охотно, но французы конечно не могутъ пить кофе безъ молока если привыкли дома пить кофе пополамъ съ молокомъ. Тутъ національная разница во вкусѣ.

Таже національная разница во вкусѣ сказалась и въ дѣлѣ завтрака и обѣда. Бѣлаго хлѣба въ бульонѣ не было, а къ этому привыкли французскіе солдаты. Во Франціи каждому солдату клали его хлѣбъ, мясо, овощи и наливали супъ въ особый жестяной сосудъ бывшій у каждаго солдата. Очередной товарищъ бралъ у остальныхъ ихъ котелки, предварительно мылъ ихъ и затѣмъ въ нихъ отпускалась каждому его порція. Здѣсь, въ плѣну, супъ былъ въ русскомъ смыслѣ слова, безъ положеннаго туда хлѣба, и изъ общей мисы наливалось каждому въ тарелку. Налитою порціею нужно было довольствоваться. Овощи необходимая принадлежность обѣда и въ Пруссіи въ казармѣ какъ и въ ресторанахъ не всѣ пришлись по вкусу французамъ. Одними они были очень довольны, но у нихъ были и свои враги въ этомъ отношеніи, какъ рѣдька и т. д.

— Вотъ она!—указывалъ мой спутникъ на широкіе и короткіе корни рѣдьки у продавицы на улицѣ. Еще мы не любили semouille. Это какъ вамъ сказать - родъ чернаго пшена... А! да его можно видѣть въ канавкахъ, около бараковъ куда мы его выливали...

— Но мяса вы имѣли вѣдь достаточно?

— Оно было бы достаточно, но унтеръ-офицеры, которымъ выдавались деньги на обѣдъ въ городѣ, эти прусскіе унтеръ-офицеры приходили изъ экономіи обѣдать къ намъ на кухню и были угощаемы. А это уменьшало порцію.

— Сколько васъ обѣдало въ ротѣ?

— До шести сотъ человѣкъ.

— Если нѣсколько человѣкъ приходило въ кухню гдѣ стряпалось на шесть сотъ человѣкъ, то это едва-ли особенно уменьшало порцію.

— Да, но приходило иногда человѣкъ до 18 унтеръ-офицеровъ и они не ѣли хлѣба, а почти исключительно мясо.

Въ рѣчи француза, малаго вообще любезнаго и дружелюбнаго характера, слышалось на этотъ разъ народное неудовольствіе.

Я замѣтилъ моему собесѣднику что всѣ плѣнники, какихъ я видѣлъ, глядятъ здоровыми и бодрыми, лица полны и свѣжи.

— Да, когда люди ничего не дѣлаютъ, а только спятъ да гуляютъ, то полнота тѣла поддержится и на незавидной пищѣ.

Какъ бы то ни была, но цѣль достигалась: французы-плѣнники были содержимы такъ что оставались здоровыми и веселыми. Кажется ничего больше отъ прусскихъ военныхъ властей требовать было и нельзя.

II.

ОТЪ МЕЦА ДО ШПАНДАУ.

Собесѣдникъ мой былъ рядовой 44-го линейнаго полка французской арміи взятый въ плѣнъ въ Мецѣ, Ледюкъ.

Ледюка попросилъ себѣ въ ординарцы одинъ прусскій лейтенантъ, приготовлявшійся вести отрядъ плѣнниковъ обратно къ французской границѣ и потому желавшій больше набить руку во французскомъ языкѣ. Ледюкъ нуженъ былъ ему для компаніи и бесѣда прусскаго офицера съ его французскимъ ординарцемъ велась при помощи лексикона, къ которому въ трудныхъ случаяхъ прибѣгалъ лейтенантъ оказывавшій большее расположеніе къ французскому языку, чѣмъ французскій языкъ къ нему.

Положеніе плѣннаго чрезъ это улучшилось. Онъ признавался, что радъ радешенекъ былъ поступить ординарцемъ къ прусскому лейтенанту, потому что съ этого времени пользо вался свободой гулять по городу, а для жителя бараковъ, дальше которыхъ не позволялось сдѣлать ни шагу безъ близкаго сосѣдства съ прусскимъ штыкомъ, этого было уже очень много.

Я хотѣлъ узнать отъ моего собесѣдникаа кое-что ближе о мѣцскомъ плѣненіи и о дальнѣйшей участи плѣнныхъ.

— Положеніе наше говорилъ онъ въ послѣдніе дни обложенія было ужасно. Приходилось спать въ болотѣ, такъ какъ лили сильные дожди, а соломы у насъ не было - ея хватало лишь по небольшому пуку въ пищу лошадямъ на два дня.

Ледюкъ показалъ руками такой пукъ (значительно меньше крошечнаго снопа) что если дѣйствительно столько шло лошади на два дня, то тѣ истощавшія, чахлыя, съ обтянутою шеею лошади изъ Меца, которыя можно видѣть въ нѣмецкой илюстраціи не составляли преувеличенія дѣйствительности.

— Ѣли что попало, лошадиное мясо во всѣхъ видахъ — жареное, вареное; хлѣба выдавалось одно время по 100 граммовъ на человѣка (около 1/4 ф.) въ день. И однако

по сдачѣ крѣпости нашли въ ней массу съѣстнаго. Наши бросились брать изъ запасовъ кто что могъ.

— Были эти запасы частныхъ лицъ?

— Нѣтъ казенные, военнаго вѣдомства.

Запасы въ Мецѣ были; но ихъ при сдачѣ крѣпости едва ли оставалось столько, чтобы армія могла долго продержаться.

— Въ самомъ городѣ жителей было гораздо больше обыкновеннаго. Сосѣднее населеніе, съ семействами набралось туда изъ опасенія непріятеля.

По мнѣнію моего собесѣдника, Мецъ могъ бы болѣе продержаться, если бы туда были свезены большіе хлѣбные запасы бывшіе въ Бушѣ и по сосоcѣдству, вблизи прусской границы. Маршалъ Базенъ требовалъ, чтобы эти запасы были доставлены въ Мецъ, но Лебефъ и прочія лица военной администраціи не сочли нужнымъ исполнить это желаніе заблаговременно, а потомъ было уже поздно—пруссаки заняли мѣстность и запасы достались имъ въ руки.

Одно обстоятельство помогло Мецу нѣсколько дольше выдержать блокаду, чѣмъ сколько позволяли его дѣйствительные запасы съѣстнаго. Было время жатвы, и по словамъ Ледюка, отдѣльные отряды арміи собравъ по сосѣдству съ крѣпостью зерно, гдѣ могли мололи его на кофейныхъ мельницахъ.

— Но въ Мецѣ ничего не ѣли такого въ трудное время какъ въ Парижѣ — кошекъ, собакъ, крысъ? спросилъ я.

— Нѣтъ! въ Парижѣ говорятъ ѣли собакъ. Фу, какая гадость! и мой собесѣдникъ съ презрѣніемъ плюнулъ въ сторону.

— И кошекъ.

— Гм! Ну еще кошка туда, сюда! Знаете мясо ея даже очень вкусно. Совершенный кроликъ.

— И такъ вы попробовали кошки?

— Не въ Мецѣ, а дома, когда я еще не былъ на службѣ. Мы молодежь разъ поймали кошку и цѣлою компаніею изжарили и съѣли ее, такъ, ради шутки.

— Если можно кошку съѣсть ради шутки — подумалъ я—то въ странѣ гдѣ для молодежи это не трудно сдѣлать ради шутки не составляетъ сверхъестественнаго самоотверженія и ѣсть кошекъ серьезно.

Зашла у насъ рѣчь о французскихъ орлахъ.

— Многіе не попали въ руки нѣмцевъ замѣтилъ Ледюкъ— солдаты драли знамена въ куски и прятали по карманамъ.

— Ну а древки? Ихъ не такъ легко спрячешь въ карманъ...

— Можно сжечь...

— Когда вы были въ плѣну, то конечно сейчасъ же стали получать съѣстные припасы отъ прусскихъ властей?

— Да намъ стали выдавать черный хлѣбъ, совершенно черный какой ѣдятъ въ Бретани и притомъ дурной и столь жидко испеченой что кажется подавить—изъ него польется вода.

— Но прусскіе солдаты ѣдятъ все время черный хлѣбъ...

— О, хлѣбъ какой намъ выдавали въ первое время несравненно хуже хлѣба какой ѣдятъ прусскіе солдаты.

— Много между вами было больныхъ?

— Нѣтъ! И я удивляюсь этому. Мы по выступленіи изъ Меца должны были спать на голой землѣ среди грязи и воды и однако больныхъ было мало.

Собесѣдникъ продолжалъ свой разсказъ о путешествіи плѣнныхъ въ Германію.

Со слезами простились всѣ солдаты съ своимъ полковникомъ; плѣнныхъ раздѣлили на отряды и повели къ границѣ.

Изъ Трира вышелъ плѣнный отрядъ въ которомъ былъ Ледюкъ, ночью. Лейтенантъ ведшій отрядъ, задержанъ былъ временно въ Трирѣ и отрядъ, пошелъ по ложной дорогѣ. Еще не много и отрядъ долженъ былъ перейти за бельгійскую границу.

Триръ лежитъ у люксамбургской границы слѣдовательно расказчикъ смѣшалъ Люксамбургъ съ Бельгіей, но все равно фактъ остается тотъ, что плѣнники чуть не перешли прусскую границу.

— О если бы мы перешли границу -меня бы не было тутъ...

— Но вѣдь убѣжать было во всякомъ случаѣ большимъ рискомъ.

— Да, если бы догнала пуля! Одного сержантъ—мажора и одного фурьера въ нашемъ отрядѣ пруссаки пристрѣлили за подобную попытку.

— Случаевъ инсубординаціи въ вашемъ отрядѣ не было?

— Нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно. Разъ только одинъ изъ нашихъ далъ тумака прусскому унтеръ-офицеру, но тотчась наши же удержали его и не дали продолжать.

— Что же, ему досталось?

— Мы его тотчасъ въ ряды, а тамъ послѣ дознавайся кто и какъ. Въ такой массѣ узнать трудно. —Восемь дней мы то шли, то ѣхали (въ Германіи) по желѣзнымъ дорогамъ. Шли больше ночью.

— Какъ отнеслось къ вамъ населеніе здѣсь?

— Сначала прохода не было. На желѣзной дорогѣ только и слышались крики: „французъ—сигару“ (Ледюкъ выговаривалъ нѣмецкое Franzose совершенно какъ „французъ“). А, Богъ съ ними и съ сигарой! Когда сдался Парижъ, намъ только и кричали на улицахъ: Парижъ капутъ!

Какъ видите есть слова имѣющія смыслъ для лицъ вовсе непонимающихъ языка другъ друга и нѣмецкое населеніе конечно тотчасъ же схватилось за эти международныя слова.

Впрочемъ пребываніе массы плѣнныхъ въ Шпандау несомнѣнно распространило кругъ знакомства съ французскимъ языкомъ въ юномъ населеніи маленькаго прусскаго городка. Крошечная дѣвочка сидѣвшая на лѣстницѣ дома, куда Ледюкъ ходилъ за нѣмецкими газетами каждый разъ при появленіи его вставала и произносила „Bonjour!“ на что въ отвѣтъ получала также дружеское привѣтствіе по французски.

Менѣе дружелюбно, хотя болѣе торжественно произносили незнакомые взрослые мальчуганы „Bonjour monsieur,“ встрѣчаясь съ французомъ, а одинъ мальчуганъ игравшій на улицѣ услыхавъ звуки французскаго языка, прокричалъ намъ вслѣдъ „ci, ci!“

— Comme ça! проговорила улыбаясь молодая бабенка на мосту чрезъ Шпре, смотря на моего спутника.

— Vache! проворчалъ тотъ полусердито, полуулыбаясь.

— Это еще что! замѣтилъ онъ – теперь къ намъ привыкли. Прежде было несравненно хуже.

III.

НЕ ВОЕННЫЙ ПЛѢННИКЪ.

- Это вольный стрѣлокъ—franc tireur - говорилъ мнѣ прусскій военный, указывая на пожилаго господина въ штатскомъ, грѣвшагося у печки, въ сосѣдней комнатѣ кафе, гдѣ мы были.

Это было болѣе мѣсяца назадъ, въ мою первую поѣздку въ Шпандау. Пожилой господинъ, съ вовсе невоенною на-

ружностію, остался въ моей памяти, тѣмъ болѣе, что онъ былъ плѣнный вольный стрѣлокъ, а пруссаки питаютъ отвращеніе къ вольнымъ стрѣлкамъ и на этого безобиднаго съ виду старика, грѣвшаго свои ослабѣвшія отъ пріобрѣтеннаго въ Пруссіи ревматизма члены—многіе нѣсколько непріязненно косились.

Во вторую поѣздку мою въ Шпандау, судьба снова завела меня въ тотъ же кафе. Все въ немъ по прежнему и чрезъ нѣсколько времени къ обѣденному столу явился тотъ же старичекъ въ штатскомъ, съ одною изъ тѣхъ физіономій, въ которыхъ съ разу узнаешь француза.

За table d' hote велась общая бесѣда. Докторъ изъ нѣмцевъ помогалъ французу объясняться съ прислуживавшей дѣвушкой, такъ какъ плѣнникъ живя два мѣсяца тутъ же въ гостиницѣ ресторана не научился въ теченіе этого времени ни одной нѣмецкой фразѣ.

Услыхавъ французскую рѣчь на нашемъ концѣ стола, вольный стрѣлокъ внимательно посмотрѣлъ на нашу сторону и мы перекинулись нѣсколькими словами, изъ которыхъ онъ узналъ, что я изъ Россіи, а я понялъ, что онъ вовсе не вольный стрѣлокъ, а что за такого его лишь выдаютъ.

Послѣ обѣда изъ сосѣдней комнаты слышалась бесѣда между французомъ и прусскимъ офицеромъ интендантскаго вѣдомства.

Французъ говорилъ живо и быстро. Его собесѣдникъ только пытался изъясняться по французски, но напряженіе стоило столь большаго труда, что послѣ нѣсколькихъ попытокъ офицеръ смолкалъ. Онъ очевидно вовсе не понималъ живой рѣчи француза но посидѣвъ молча нѣсколько времени, подобно отдохнувшей электрической батареи, снова принимался за работу и слышалось снова нѣсколько французскихъ словъ

сказанныхъ по складамъ и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

— Останьтесь здѣсь еще мѣсяца на два, чтобы научить вашего собесѣдника по французски — замѣтилъ докторъ-нѣмецъ мнимому вольному стрѣлку на довольно сносномъ французскомъ языкѣ.

Французъ жалуясь на нездоровье хотѣлъ отправиться пройтись по улицѣ, но сильный дождь удержалъ его въ комнатѣ.

Чрезъ полчаса холодный мартовскій день заставилъ меня подсѣсть къ топившейся печкѣ. Мы вступили съ французомъ въ бесѣду. Оказалось, что прусская зима сильно доканала здоровье француза. Онъ нестолько ходитъ, сколько плетется, потому что съ трудомъ владѣетъ одной ногой и не можетъ поднять руку. Вѣроятно нѣмецкіе пуховики-одѣяла при необыкновенно холодной зимѣ были причиною простуды плѣнника.

— Что же вы не ѣдете во Францію? замѣтилъ я на слова плѣнника, что ему теперь съ наступленіемъ болѣе теплой погоды лучше и что во Франціи онъ можетъ быть скоро совсѣмъ поправится. — Миръ заключенъ — слѣдовательно нѣтъ препятствій къ вашему отправленію.

— Просился, да неотпускаютъ.

— Вы просились уѣхать на свои средства?

Я зналъ, что дозволенія ѣхать на собственныя средства уже стали даваться.

— На свои. У меня какъ разъ есть сколько нужно на переѣздъ, да неотпускаютъ.

— Но вѣдь вы даже — какъ говорите — вовсе и не вольный стрѣлокъ. Тѣмъ скорѣе вамъ вѣроятно дастся позволеніе какъ частному лицу.

— Ну вотъ однако видите. Я просился у генерала.

Тѣмъ интереснѣе было узнать, какимъ образомъ monsieur Біардонъ попалъ въ плѣнъ какъ вольный стрѣлокъ, когда онъ вовсе не былъ вольнымъ стрѣлкомъ. Вотъ разсказъ моего собесѣдника.

— Пруссаки приближались къ намъ, къ Авалону, (въ Бургундіи). Республика была уже объявлена и дѣло защиты пошло иначе. Мы не ждали долго и вооружились. Генерала у насъ не было, да и не нужно было. Показались пруссаки, имъ на встрѣчу выступили вольные стрѣлки. Началась схватка. Въ это время я говорю женѣ, что надобно спрятать лошадь нашу отъ пруссаковъ. Отправляюсь съ нею. Только что я успѣлъ выѣхать, вокругъ стрѣльба. Мимо меня бѣгутъ два вольные стрѣлка. Пруссаки преслѣдуютъ ихъ. Раздается вблизи меня выстрѣлъ, но оба вольные стрѣлка затѣмъ исчезли, а пруссаки вокругъ меня. Меня приняли за вольнаго стрѣлка, и вотъ я плѣнный.

— Наряжено было слѣдствіе когда вы заявили, что вы вовсе не вольный стрѣлокъ?

— Слѣдствіе было наряжено и кончено. Я имѣю всѣ доказательства справедливости моихъ словъ. И я не сомнѣваюсь, что генералъ, которому я объяснилъ во Франціи въ чемъ дѣло убѣжденъ что я не вольный стрѣлокъ. И здѣсь всѣ очень хорошо знаютъ что я не вольный стрѣлокъ.

— Отчего же васъ не отпускаютъ?

— Я думаю —замѣтилъ таинственнымъ тономъ французъ— что боятся жалобы, что я вовсе не военное лицо—былъ взятъ въ плѣнъ и содержался какъ плѣнный, хотя представилъ всѣ доказательства что не былъ вольнымъ стрѣлкомъ.

Вообще я замѣтилъ что собесѣдникъ мой большой пессимистъ и страхъ какъ не любитъ пруссаковъ.

— Меня здѣсь принимаютъ за зажиточнаго человѣка, потому только что у меня хватаетъ денегъ на необходимое— продолжалъ французъ. А повѣрите ли что если бы я нуждался, то ни одна душа здѣсь не дала бы мнѣ талера взаймы. Вотъ какіе это люди! хорошо что я не нуждаюсь. Мнѣ высылаютъ деньги изъ дома, и въ случаѣ нужды у меня есть золотые часы и серебряная табакерка. Но если бы я нуждался, ни одинъ пруссакъ не далъ бы мнѣ взаймы. Мѣсяцъ назадъ я былъ опасно боленъ. Во Франціи всѣ старались бы принять участіе въ плѣнникѣ. Здѣсь никто не шелохнулся.

— Но во Франціи мало плѣнныхъ пруссаковъ, а здѣсь много плѣнныхъ французовъ. При большемъ числѣ труднѣе долженъ быть уходъ.

— Число не дѣлаетъ разницы. Нѣтъ, у насъ, у французовъ по крайней мѣрѣ сердце доброе. А это главное!

Я замѣтилъ собесѣднику, что онъ не долженъ сильно нападать на пруссаковъ за равнодушіе, такъ какъ апатія лежитъ отчасти въ основѣ тевтонскаго характера и вовсе не намѣренна.

— Видѣлъ я плѣнныхъ взятыхъ въ крымскую войну и въ другія войны — всѣмъ было лучше чѣмъ теперь нашимъ у пруссаковъ.

Послѣ похода Наполеона I въ Россію много плѣнныхъ французовъ добровольно осталось въ Россіи —замѣтилъ я.

— Можете быть увѣрены что въ Пруссіи никто изъ нашихъ не останется.

И странно! хотя рѣчь француза дышала пессимизмомъ я готовъ съ нимъ согласиться, что едва ли кто изъ французскихъ плѣнныхъ добровольно останется въ Пруссіи по окончаніи войны. И это не потому чтобы съ ними здѣсь обра-

щались дурно, плохо кормили, обходились грубо. Ничего этого нѣтъ. Порядокъ и пристойность господствуютъ въ отношеніяхъ побѣдителей и плѣнныхъ. Но.... при всемъ томъ страшно какъ не лежитъ сердце французовъ и нѣмцевъ другъ къ другу. Въ темпераментѣ того и другаго ничего нѣтъ общаго. Французъ по натурѣ не много дитя и женщина — говорю это тѣмъ рѣшительнѣе послѣ бесѣды съ массою здѣшнихъ плѣнниковъ. Доброе слово, улыбка — и онъ все готовъ сдѣлать для васъ. Его не кормите, но будьте съ нимъ искренни, на дружеской ногѣ и онъ перенесетъ съ вами постъ, не отнявъ у васъ своего расположенія.

Въ пруссакѣ наоборотъ онъ встрѣчаетъ холоднаго, гордаго стража, несущаго ему все по предписанію дисциплины и службы — кофе, мясо, овощи... Но ни улыбки, ни сочувствія на этомъ лицѣ стража — они не предписываются службою — а напротивъ частое выраженіе презрѣнія, такъ какъ дисциплина не регулируетъ выраженія лица.

И вотъ французъ врагъ пруссака, и готовъ наговорить на него и то и другое, и при случаѣ сдѣлать ему что можно въ пику, непріятное.

— Какихъ только ужасовъ ни наслышался я о содержаніи нашихъ плѣнниковъ...

— Слѣдовательно, вы таки посѣщаете плѣнниковъ? Вы были въ баракахъ?

— Какъ же! Мнѣ здѣсь всюду свободный пропускъ. Какъ мнѣ притомъ не знать бараковъ когда я сначала самъ двѣ недѣли пробылъ въ баракахъ съ солдатами. Посмотрѣли бы вы чѣмъ нашихъ кормили. Я ѣлъ съ унтер-офицерами, лучше чѣмъ прочіе, и то не могъ ѣсть что давалось, а ходилъ въ ресторанъ.

Надобно замѣтить, что мой собесѣдникъ былъ родъ лѣс-

ничаго и управляющаго герцога Ларошфуко въ Авалонѣ, и такимъ образомъ какъ буржуа средней руки, естественно смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на солдатскій паркъ.

— Скука, скука страшная! продолжалъ онъ. Сюда въ ресторанъ рѣдко когда забредетъ кто нибудь, говорящій по-французски.

— Но между нѣмцами многіе говорятъ по-французски...

— Очень немногіе.

— Хлопочите же, чтобы васъ скорѣе отпустили.

— Я просилъ герцога Ларошфуко похлопотать за меня. Вчера получилъ письмо отъ герцога. Прочтите, секретовъ нѣтъ.

Герцогъ увѣдомлялъ своего управляющаго, что радъ бы душею помочь ему, но не имѣетъ возможности и совѣтовалъ ему обратиться къ ходатайству другихъ лицъ.

Какъ скоро отпустятъ — Біарсонъ рѣшился ѣхать чрезъ Швейцарію, гдѣ у него, въ Базелѣ, былъ сынъ — плѣнникъ изъ арміи Бурбаки, до войны студентъ правъ. Письмо отъ сына было въ рукахъ отца. Сынъ жаловался также на скуку и писалъ, что базельцы не знаютъ какъ помочь своимъ гостямъ-плѣнникамъ.

Я оставилъ больнаго старика на диванѣ у печки въ раздумьи какъ выбраться изъ Пруссіи, которую онъ отъ души ненавидѣлъ. Не знаю скоро ли онъ выберется.

IV.

ВЪ ТЕАТРѢ ПЛѢННИКОВЪ.

На этотъ разъ я не хотѣлъ оставить Шпандау не видавъ театра, устроеннаго французскими плѣнными.

Представленіе должно было начаться въ $6^1/_2$ часовъ.

Еще было нѣсколько времени ближе взглянуть на бивакъ плѣнныхъ.

Внутри плаца, на которомъ раскинуты бараки, было масса плѣнныхъ въ разсыпную и группами. У впускной двери мѣрно шагалъ часовой. Штыка уже не было на ружьѣ — признакъ мира.

Извѣстіе о мирѣ шумно и весело было встрѣчено въ баракахъ плѣнниковъ. Мастеровые, дѣлающіе деревянные башмаки въ одномъ изъ бараковъ, объявили, что не будутъ больше работать.

Миръ напечатлѣлъ другой колоритъ на бивакѣ плѣнныхъ. Въ первое мое посѣщеніе во время войны—все было тихо и спокойно, пустынно и безлюдно на плацу около бараковъ. Жизнь скрыта была внутри бараковъ. Правда, тогда было довольно грязно, но и теперь на плацу, благодаря недавнему дождю, было далеко не сухо и холодная погода давала себя чувствовать довольно рѣзко. При всемъ томъ тутъ царствовало теперь оживленіе.

Изъ плѣнниковъ кто ходилъ компаніей, кто бѣгалъ въ запуски перегоняясь другъ съ дружкой. Тутъ и тамъ образовались разныя игры. Вотъ кучка плѣнниковъ играетъ въ лапту. Тамъ вдали собралась большая толпа. Посмотримъ что это такое. Играющіе стоятъ въ кругу: около круга бѣгаютъ нѣкоторые изъ нихъ съ плеткой въ рукѣ и хлещутъ другъ друга такъ, что только раздается гулъ и трескъ.

Спинамъ достается довольно сильно, если кто не мастеръ быстро бѣгать и ловко подбросить опасную плетку товарищу. Это что то въ родѣ русской игры въ жгутъ. Въ числѣ зрителей стоятъ нѣсколько прусскихъ солдатъ и хохочутъ отъ души.

Игры и потѣхи—единственное развлеченіе плѣнныхъ и

мнѣ говорили, что въ хорошую погоду, когда плѣнники разыграются на свободѣ, у ограды, чрезъ которую все видно, потому что это лишь нѣсколько протянутыхъ тонкихъ жердей — собирается толпа нѣмцевъ поглазѣть на французскія игры. И теперь у ограды нѣсколько личностей, больше мальчуганы, перекидывались словами съ плѣнными. Лишь очень немногіе изъ плѣнныхъ стояли у незатѣйливой пивной лавки въ концѣ бараковъ — съ продажею сигаръ — и дѣлали закупки. Чтобы дѣлать закупки нужны деньги, а ихъ было немного у плѣнныхъ.

Сѣровато-синяя шинель-пальто съ эполетами изъ краснаго шнура и безъ эполетъ, и красные брюки плѣнниковъ бросались въ глаза во всѣхъ направленіяхъ, но между красными брюками, давшими поводъ нѣмцамъ къ общей характеристикѣ ихъ непріятелей:

Franzosen
Die rothe Hosen

виднѣлись тутъ и тамъ также бѣлыя. Эти послѣднія пошиты изъ несчастныхъ палатокъ, взятыхъ съ собою плѣнниками изъ Франціи. Едва ли хоть одна палатка вернется во Францію,—если только не въ видѣ брюкъ.

Но стемнѣло. Пора въ театръ. Моимъ провожатымъ въ театръ любезно взялся быть одинъ сержантъ-мажоръ, развитый молодой человѣкъ, сочинившій одну пьесу для своего театра (недавно разыгранную) за что комендантъ крѣпости благодарилъ его.

Въ театрѣ мѣста продаются по $2^1/_2$ зильбергроша (10 копѣекъ); передніе — по 4 зильбергроша. Такъ случилось, что я попалъ на послѣднее представленіе въ театрѣ. Недѣли чрезъ двѣ плѣнные должны были отправиться во Францію. До театра ли теперь было.

Послѣднее же представленіе вмѣстѣ съ отправленіемъ на родину, предстоявшимъ въ скоромъ будущемъ, вѣроятно было причиною того, что примадонна театра хлѣбнула лишнее. Но мы, публика, узнали объ этомъ только послѣ и ожидали начала представленія съ любопытствомъ.

Власти крѣпости были тутъ же. Кое-кто прибылъ изъ Берлина. Были нѣкоторые изъ горожанъ Шпандау. Весь театръ, устроенный въ баракѣ, нелишенномъ общаго сходства съ обыкновеннымъ сараемъ, былъ густо набитъ зрителями французами и представлялъ сносное цѣлое, не смотря на печальное освѣщеніе нѣсколькими тусклыми огнями. Занавѣсъ—работы плѣнниковъ—былъ разрисованъ довольно сносно. Въ рукахъ у зрителей были афиши—образцы каллиграфіи плѣнниковъ—украшенные рисунками. Письмо и рисунки—на разныхъ афишахъ разные — были довольно изящны. Видно было, что скука съ терпѣніемъ не торопясь выводила эти черты и штрихи.

— Я слышалъ, что у насъ во Франціи, писали противъ этого театра плѣнниковъ въ Шпандау, замѣтилъ сержантъ-мажоръ. Писали, что до театра ли плѣнникамъ. Но я не вижу, почему намъ не доставить себѣ невиннаго удовольствія, хотя Франція и въ траурѣ.

Въ послѣднее время давалось четыре театральныхъ представленія въ недѣлю — два въ баракѣ и два въ городѣ — въ танцовальной залѣ (гдѣ впрочемъ танцуютъ, только одни прусскіе солдаты). Кромѣ Шпандау, былъ открытъ только еще одинъ театръ, въ средѣ плѣнниковъ въ Пруссіи — по примѣру шпандаускаго.

Оркестръ состоялъ изъ восьми музыкантовъ (въ томъ числѣ 6 — изъ 7 линейнаго французскаго полка) и игралъ довольно

сносно. Ему пришлось играть довольно долго, потому что на сценѣ было не все ладно.

Пьесы были легкаго содержанія, во французском водевильномъ духѣ. Молодой и красивый солдатъ, игравшій первую женскую роль былъ, какъ я уже говорилъ, на веселѣ. Это выдавали сиплый голосъ, плохая игра съ остановками, среди которыхъ слышались слова суфлера; нѣмецкое *so!* нечаянно вырвавшееся во французской пьесѣ и „bonjour, madame!“ — вмѣсто monsieur — сказанное актеромъ забывшимъ, что онъ играетъ женскую роль.

Словомъ игра была печальна, хотя нѣкоторыя роли исполнялись сносно. Говорятъ обыкновенно актеры-плѣнные играли очень не дурно.

— Хотѣли было дать предъ отъѣздомъ, нѣсколько представленій въ городѣ, для жителей, и разрѣшеніе генерала было дано, но французскіе офицеры, запретили плѣннымъ играть—говорилъ мнѣ прусскій военный на дебаркадерѣ желѣзной дороги, при отправленіи обратно въ Берлинъ.

— Странные господа, эти французскіе офицеры! — продолжалъ онъ. Гордость и надменность непомѣрныя! А чѣмъ имъ гордиться? У насъ въ войскахъ образованіе развито въ десять разъ больше, чѣмъ у нихъ, и у насъ, несравненно болѣе развито чувство собственнаго достоинства.

Я оставилъ собесѣдника при его мнѣніи, но мнѣ кажется, что чувство собственнаго достоинства, именно и подсказало французскимъ офицерамъ, что если французскіе плѣнные могли развлекать свою скуку театрами, то имъ не слѣдъ явиться труппою актеровъ предъ нѣмцами.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Историческіе очерки войны.

II. Берлинскія письма.

2007059626